
БИБЛИОТЕКА
ПРИ
КЛЮ
ЧЕ
НИЙ

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ „СЕЛЬСКАЯ МОЛОДЕЖЬ"

3

МОСКВА 1966

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ

З. НЕНАЦКИЙ

Ф. ДЮРРЕНМАТТ

А. КРИСТИ

П. ГАМАРРА

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"

З. НЕНАШКИЙ

ОПЕРАЦИЯ „ХРУСТАЛЬНОЕ ЗЕРКАЛО"

С разрешения руководителей Управления безопасности я ознакомился с делами, обозначенными шифрами: «Хрустальное зеркало» и «Дунай», после чего и появилась эта повесть, которая, я надеюсь, заинтересует читателей. Персонажи повести не выдуманы, я только изменил их имена. Некоторые страницы книги — это подлинные документы и донесения, взятые мною из дел. Я не касался только тех событий, которые могли бы показаться читателям слишком уж неправдоподобными. Обстоятельства захвата главарей банды в 1946—1947 годах были в действительности гораздо более сенсационными, нежели те, что я описал в повести. Я ограничился здесь рассказом лишь об одном событии..

Збигнев НЕНАЦКИЙ

«26 АПРЕЛЯ 1946 ГОДА БЛИЗ МОНАСТЫРЯ В ДОМБРОВО Р-СКОГО УЕЗДА ОБНАРУЖЕН ПАРАШЮТ АНГЛИЙСКОГО ПРОИЗВОДСТВА. НЕСМОТРЯ НА СОХРАНЕНИЕ НАМИ СТРОЖАЙШЕЙ ТАЙНЫ, ИЗВЕСТИЕ О НАЙДЕННОМ ПАРАШЮТЕ БЫСТРО РАСПРОСТРАНИЛОСЬ СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ...»

(Из донесения уездного Управления безопасности в Р.)

Ранним утром Альберт сел в купе, в котором ехала красивая женщина в каракулевой шубке. Сначала он не обратил на нее внимания. За окнами поезда вставал дождливый апрельский день, в купе было душно от запаха махорки, с потолка свешивалась маленькая лампочка, бросая розоватый свет на измученные дорогой лица пассажиров.

У окна, склонив голову на яркую обложку детективного романа, дремал упитанный ксендз, по-видимому, сельский священник, едущий навестить родственников; из большой плетеной корзины, стоявшей у его ног, высовывалась окровавленная индюшечья шея. Напротив ксендза, положив локти на стол, сидел худой мужчина в роговых очках. Он все время что-нибудь жевал: сначала колол орехи, потом вынул из портфеля яйца вкрутую, колбасу, хлеб, теперь принялся громко сосать конфеты. Это страшно злило голодного Альберта.

В углу, у двери, расположились две бабы-спекулянтки, закутанные в платки; их корзины и огромные узлы занимали почти все места на полках. Русский солдат, другой сосед Альберта, дымил едкой махоркой.

Молодая женщина в каракулевой шубке сидела против Альберта, рядом с бабами-спекулянтками. Она подняла воротник и задремала. В какой-то момент, продолжая дремать, женщина закинула ногу на ногу, полы шубки распахнулись, юбка задралась, открыв колени, обтянутые тонкими шелковыми чулками. Гладкие, круглые и обнаженные, несмотря на чулки, они невольно бросались в глаза.

Очкастый, сидевший у окна, перестал жевать и, косясь на ноги женщины, с неожиданным изящест-

вом вытер платком мокрые губы. Ксендз вздрогнул, осоловело оглядел купе; в сером полумраке невозможно было оторвать взгляда от белизны обнаженных коленей, подчеркнутой краем черной юбки. Священник вытащил из корзины толстый требник, сердито дернул красную ленточку закладки и бесцеремонно уставился на женщину.

На вокзале в С. молодая женщина вздрогнула и пробудилась, как после дурного сна. Нервным движением поправила волосы, платье, взглянула на часы, вскочила и протиснулась к окну.

— Здесь душно, — произнесла она громко.

Ксендз услужливо распахнул окно. Женщина поблагодарила его слабой улыбкой. Вынув из карманчика шубы красный в белый горошек шелковый платочек, она высунулась из окна, вдыхая холодный прозрачный воздух. При дневном освещении ее пушистые волосы оказались медно-красного цвета, а на бледном лице кое-где выступали веснушки. Она была очень красива — с орлиным носом, маленьким ртом и таким белым лицом, словно его никогда не касались лучи солнца.

Поезд тронулся. Ветер подхватил конец ее красного платка.

— Холодно, — пискнула одна из баб-спекулянток.

— Зато здоро́во, — буркнул солдат.

Женщина, наконец, отошла от окна. Солдат поспешно захлопнул его и широко заулыбался, обнажая крупные зубы.

И снова женщина закуталась в свою шубку, но больше уже не спала. Альберт чувствовал это по осторожному подрагиванию ее век. Она сидела на лавке боком, в неудобном положении. Альберт догадался, что женщина наблюдает за худощавым мужчиной в очках. Тот вел себя довольно странно. Это уже не был беззаботный любитель поесть. Он то и дело прижимался лицом к стеклу, беспокойно вглядывался в пробегавший мимо поезда густой сосновый лес. Очки как будто мешали ему, он снял их.

Однако его быстрые зоркие глаза не могли принадлежать близорукому человеку.

Поезд набирал скорость. Пронзительно дребезжал старый вагон. Скрежет рессор, дверей, сцеплений заглушал все остальные звуки. Казалось, поезд стремительно несется в ревущую бездну — и через мгновение она поглотит его... «Мчусь навстречу смерти», — Альберт вздрогнул. Он постарался отвлечь свое внимание от этой мысли. В голове вертелись обрывки английских фраз, оборотов, слов. Наконец он вспомнил свой любимый фрагмент байроновского «Манфреда» и начал повторять его по памяти. «Люблю пафос, как провинциальный актер. Впрочем, именно такое дрянное актерство и нужно, чтобы сыграть роль Альберта», — подумал он.

Неожиданно заскрежетали тормоза, вагон сильно тряхнуло, с полки на колени Альберту попадали узлы спекулянток. За окнами полоснула короткая автоматная очередь; где-то совсем близко, может быть в соседнем купе, посыпались разбитые стекла. Послышались одиночные, очень гулкие винтовочные выстрелы. Поезд резко сбавлял ход...

Молодая женщина в каракулевой шубке бросилась к двери. Обжора приоткрыл окно и осторожно выглянул наружу. Никто не заметил, как и когда в его руке оказался пистолет. Он выстрелил три раза, почти не целясь.

— Под скамьи! Под скамьи! — громко призывал ксендз, ползая среди мешков на полу.

Русский солдат молниеносно схватил с полки винтовку, стукнул затвором и тоже пристроился у окна. «Отче наш, иже еси на небеси...» — молились бабы, не в силах втиснуть свои обильные телеса в узкую щель под скамьями. Альберт скорчился в углу около двери, забаррикадировавшись от окна мешками.

Разорвалась граната. Потом еще одна. Захлебывались огнем автоматы. Внезапно стрельба оборвалась, стало тихо.

Поезд стоял в лесу, на низкой насыпи. В открытом окне лежало тело очкастого. Голова, грудь и руки свешивались наружу. Альберт видел только его

ноги, дергающиеся в конвульсиях. Рядом, на лавке, валялись роговые очки.

— Не подходить к окнам! — кричал кто-то.

По гравию насыпи скрипели подкованные сапоги, доносились громкие слова команды.

В купе вбежала женщина в шубке. На голове ее была повязана красная косынка.

— Что? Что случилось? — хрипло по-русски спросил ее солдат.

— Не знаю. Не знаю. Мертвый? — проговорила она, с ужасом глядя на тело в окне.

— Рокита, Рокита напал! Это его места... — донесся с пола глуховатый голос ксендза.

Коридор наполнился грохотом сапог. В дверях купе остановились трое мужчин с автоматами, в польских мундирах и конфедератках. Один из них — молодой, с тщательно ухоженными черными усиками, — осторожно отстранив даму и легонько ударяя кончиком сапога по выгнутым задам баб, проложил себе дорогу к окну.

— Готов, убек *, — констатировал он, склонившись над телом.

Потом схватил мертвого за ноги и легко сбросил его на насыпь.

При виде польских мундиров и орлов на конфедератках солдат обрадовался. Лицо его расплылось в широкой улыбке.

— Эй ты, русский, идем, — поманил его пальцем усатый, выходя из купе.

Солдат поспешил вслед за ним, довольный, что понадобился. В коридоре у него вырвали винтовку.

— Ну чего, чего? — занервничал он.

Но его повели к выходу, подталкивая дулами автоматов.

Шаги затихли, хлопнули двери вагона. Через минуту сухо ударил пистолетный выстрел.

Молодая женщина опустилась на скамейку в полубессознательном состоянии. Щеки ее дергались от нервного тика.

---

* Работник Управления безопасности.

Альберт отбросил узлы, коснулся руки женщины.

— Вам плохо?

Она отрицательно покачала головой. Прислушалась. По коридору снова шли люди. Они приближались медленно, скрипели двери — по-видимому, осматривалось каждое купе. Альберт сидел неподвижно, всеми силами пытаясь успокоиться, взять себя в руки.

Он услышал, как в соседнем купе потребовали предъявить документы. «Документы? Что им скажут мои документы? В них я — Альберт, — думал он. — Если начнут обыскивать, найдут пистолет и прикончат меня, прежде чем я успею потребовать, чтобы они провели меня к своему командиру. А командир? Поверит ли он Альберту?..»

Громко сопя, с пола поднялся ксендз. Черная ряса его была в пыли. Вслед за ним встали бабы. Они смотрели на него умоляюще, словно отдавались на его милость. Священник отряхнул рясу, но вдруг вскрикнул и с ужасом замахал рукой. Рука его была окровавлена: кровь капала со столика у окна.

В купе заглянул уже знакомый юнец с черными усиками.

— Вы ранены? — обеспокоился он.

— Нет, нет. Это со стола капает.

— Тот убек «услужил». Ну, ничего. Сдох. А вы кто такой? Встаньте! — приказал он Альберту.

Альберт не спеша поднялся. И в какую-то долю секунды успел заметить, что молодая женщина носком туфли касается высокого голенища сапога усатого. Кровь бросилась Альберту в лицо. Он все понял... Неожиданное пробуждение, красная косынка, развевающаяся на ветру, — это условный знак, сигнал кому-то.

Усатый рявкнул на Альберта:

— Чьи чемоданы? Вон те, кожаные?

— Мои.

Презрительным взглядом оценил новенький плащ Альберта, серую фетровую шляпу.

— Что везете? Торговлишка, да?

— Немного книг. Белье. Костюм.

Альберт снял с полки чемодан. Не спеша открыл замки.

Юнец с явным разочарованием пошарил между рубашками, галстуками, небрежно ощупал рукава и штанины черного костюма. Его внимание привлекли книги, некоторые он даже взял в руки, с нескрываемым удовольствием прочитал вслух их английские названия, демонстрируя довольно хорошее произношение.

Потом вышел в коридор и, насвистывая сквозь зубы, заглянул в следующее купе. За окном раздалась протяжная команда. Загрохотали сапоги по коридору.

— Ой, едем! — радостно воскликнул ксендз.

Прогремело еще несколько выстрелов.

На лице молодой женщины появилось выражение страшной усталости. Она несколько раз провела рукой по лбу, потерла виски, как бы борясь с головной болью, потом закрыла глаза, положила руки на колени и застыла в таком положении. Но Альберт чувствовал, что женщина не спит.

Поезд уже набрал скорость, ритмично стучали колеса: опасность миновала, и теперь даже дребезжание старого вагона казалось приятным, убаюкивающим.

Бабы-спекулянтки о чем-то тихо переговаривались. Потом одна из них вынула из белого узелочка деньги, другая схватила ксендза за руку, поцеловала ее.

— Это на мессу. Отслужите, ксендз, за чудесное избавление наше.

— Да нет же, — рассердился ксендз. — Никакого чуда здесь нет, а вы рады во всем божью милость видеть. У Рокиты хорошему человеку нечего бояться. Верно ведь? — призвал он в свидетели Альберта.

Тот указал на зеленый вещмешок солдата, оставшийся на полке.

— Не знаю, был ли он плохим человеком...

Ксендз испугался.

— Да, да. Конечно. Кто может знать. Война не разбирает.

— Война кончилась почти год назад, девятого мая 1945 года, — иронически заметил Альберт.

Ксендз беспомощно развел руками.

— Те молодые люди, что входили сюда, мечтали о другой Польше. Я ненавижу кровопролитие, но я духовный пастырь и должен понимать человеческие слабости...

Молодая женщина поднялась, должно быть возмущенная этим разговором, и вышла из купе, оставив на скамейке свои перчатки.

Вскоре поезд стал тормозить. Альберт схватил с полки свои чемоданы и выскочил в коридор.

«Обманула. Снова провела. Она решила ускользнуть с поезда, а я, как дурак, поверил оставленным перчаткам».

Станция была невелика: дощатый барак да две покрытые гравием платформы. С поезда сошло довольно много пассажиров, и Альберт долго кружил среди них, высматривая свою соседку.

Поезд тронулся. «Ускользнула», — разозлился Альберт.

Мимо него прошел начальник поезда, заглядывая в каждое купе и считая выбитые стекла.

— Что это было? Кто на нас напал? — спросил Альберт.

Тот пожал плечами. Подобные вопросы задавались всеми пассажирами.

— Не знаю. Наверное, Рокита. В почтовом вагоне везли миллион злотых. Они узнали об этом, разворотили гранатами двери вагона, перебили охрану. Рассчитались, с кем хотели...

— Сколько убитых?

— Человек пять. Русских и несколько наших. Поляков, — быстро поправился он.

В купе на лавке по-прежнему лежали оставленные женщиной перчатки. Альберт взглянул на них с ненавистью. Ксендз кивнул ему со своего места и показал очки убитого.

— Взгляните. Это же обычные стекла. Он маскировался. О-о, вряд ли этот человек был праведником.

Альберт усмехнулся.

— Праведникам, отец мой, чаще других приходится маскироваться. Впрочем, может быть, это был Иуда?

Накрапывал дождь. Альберт медлениo шел по залитой грязью улице. Городок с первой же минуты внушил ему отвращение. Он шел мимо порыжевших от времени заборов, за которыми виднелись сараи, склады, фабричонки. Оттуда несло гарью...

Швейцар местиой гостиницы, получив от Альберта хорошие чаевые, быстро вернул ему уже заполненный бланк.

— Нет, иет. В иомерах клопы. Внизу ночной ресторан, шумио. Я дам вам адрес. Роскошные, со вкусом обставленные комнаты, ванна, горячая вода. Но дорого, — добавил он уже вполголоса.

Альберт поднял свои чемоданы.

— Мальчик вас проводит. Вы будете жить в пансионате вдовы Рачинской. Муж ее, майор, погиб в лагере для военнопленных и оставил ей шикарную виллу. Она устроила там частный пансионат. Чудо, доложу я вам.

«Откуда я знаю этот бесцветный и одновременно такой услужливый голос? Эту длинную лошадиную физиономию и зеленоватые, с сумасшедшинкой глаза? Где я видел этого человека? В тюрьме, на следствии?»

Вспомнил. Этот швейцар — агент органов безопасиости. Тот самый агент, который помог прикончить штаб Перкуна.

«Пропаду я в этом проклятом городишке, погибну, как Куртман. Не успею и шагу ступить». Альберт понимал, что должеи уйти отсюда, пока швейцар ие узнал его. Но он не в силах был шевельиуться.

А тот продолжал рассказывать, то и дело облизывая губы.

— Вдова майора иеобычайио красивая жеищина. Уже не первой молодости, правда, ио красоту свою сохранила. Годы только делают еще более привлекательной ее красоту и... тело, — хихикиул ои.

«Играет! Узнал меня, мерзавец!» — понял Аль-

берт. Теперь он вспомнил и кличку агента: «Ночной Лелек».

Хлюпая носом и кашляя, появился паренек в пальтишке не по росту. «Лелек» прервал свою болтовню...

Альберт побрел за пареньком. Он чувствовал себя совершенно беззащитным. Его мучил голод, страшно хотелось спать.

Измученный вид Альберта возбудил в хозяйке живейшее сочувствие. Она встретила его тепло, даже нежно. Не беда, что ботинки и брюки вновь прибывшего покрывал толстый слой грязи, воротничок измялся, а щеки поросли щетиной. Оценивающий взгляд Рачинской исследовал каждую складку его одежды, ощупал два кожаных чемодана, и, казалось, проник в содержимое бумажника.

Помогая Альберту снять плащ, она говорила с искренней заботливостью:

— У вас, наверное, было нелегкое путешествие. Сейчас я приготовлю ванну. У меня в доме можно отдохнуть. Здесь покой и тишина. У вас ужасно усталый вид.

— Я голоден, — стесняясь, пробормотал Альберт.

— Так что же сначала: ванну или обед? — спросила она ласково.

— Ванну, — еле выдавил из себя Альберт.

Хозяйка провела его в гостиную. Рядом с двумя глубокими кожаными креслами стоял высокий торшер, напоминавший нежный цветок с опущенной чашечкой. В мягких розоватых тонах была выдержана и остальная часть обстановки: диван, стены, платье Рачинской, плотно облегавшее ее внушительные формы.

— Мы пока что будем почти одни в доме, — ворковала Рачинская, кокетливо склонив голову набок. — Правда, со вчерашнего дня у меня поселился один молодой архитектор. Неожиданно оказалось, что кое-кто располагает крупными суммами денег. Хотят строить дома, виллы. Вот и понадобился им способный архитектор.

Альберту отвели большую комнату с балконом

в бельэтаже. Плата за пребывание в пансионате пани Рачинской оказалась такой высокой, что Альберт чуть не расхохотался. Ему удалось, однако, сохранить полное безразличие, словно он вовсе не ориентировался в ценах.

Он попросил, чтобы после ванны ему принесли еду в комнату.

Горячая вода лишила его последних сил. Едва держась на ногах, он вернулся в свою комнату. Обед уже ждал его на столе. Он ел жадно, быстро, почти теряя сознание от страшной усталости. Усилием воли заставил себя подняться, повернуть ключ в замке и поставить пистолет на боевой взвод.

Альберт проснулся в одиннадцать вечера. В доме царила полная тишина. Он оделся и тихо спустился вниз.

В гостиной горел свет, но было пусто. Альберт прошел в переднюю, накинул плащ и, крадучись, вышел на улицу, стараясь как можно тише прикрыть за собой дверь.

У ближайшего уличного фонаря он остановился и взглянул на часы. Времени оставалось еще довольно много, и Альберт, борясь с налетавшими порывами холодного ветра, не спеша направился в город.

Он остановился на мосту. Моросил дождь. Свет редких фонарей, казалось, еще сильнее подчеркивал ночную тьму. Уныло гудели над мостом телеграфные провода. Альберт ждал минут десять. Внезапно улица осветилась яркими огнями фар. Большая легковая машина медленно ехала по мосту, полосы света тщательно ощупывали мостовую. Альберт неподвижно стоял у самого края тротуара. Машина бесшумно остановилась. Дверца приоткрылась, и через секунду Альберт полулежал в теплой полутемной кабине.

У лесной опушки машина повернула обратно. Альберт почувствовал в своей руке два конверта. Один плоский, легонький, другой тяжелый, плотный.

— Здесь рекомендательное письмо от прелата, а в другом — доллары, — обратился к нему Миколай. — Денег не слишком много. И на большее не

рассчитывай. Пересчитай, чтобы потом не было никаких претензий, и расписку подпиши.

Машина остановилась у обочины дороги. Миколай зажег свет в кабине, и Альберт внимательно, то и дело слюнявя указательный палец, пересчитал банкноты.

— Ну вот... — вздохнул он, ставя свою подпись на клочке бумаги.

Потом осмотрел со всех сторон тонкий конверт с письмом от прелата. Прочитал адрес. Свистнул.

— Ты знаешь, кто такие эти камедулы?

— Не знаю, терпеть не могу церковников.

— Это самый суровый монашеский орден. Они дают обет молчания. Ни слова за всю жизнь, представляешь себе!

— Ты приехал сюда из Англии, чтобы найти «хрустальное зеркало». Кажется, в монастыре есть несколько книг шестнадцатого века, какие-то дневники того времени. Впрочем, я в этом не разбираюсь. Хочу тебя только предупредить. В этом монастыре, должно быть, не все чисто: прелат с большой неохотой приготовил для тебя это рекомендательное письмо.

Миколай погасил лампочку в кабине, выключил фары.

— Ты помнишь, кто прикончил штаб Перкуна? — тихо спросил Альберт.

— «Ночной Лелек».

— Теперь он работает швейцаром в здешней гостинице.

— Ну и что?

— Он меня узнал.

— Боишься?

— Не валяй дурака! — разозлился Альберт. — Я не хочу, чтобы меня нашли, как Куртмана. Конечно, боюсь. Он узнал меня, понимаешь? Достаточно ему сболтнуть об этом хотя бы в уездном УБ — и конец!

— Преувеличиваешь, — зевнул Миколай.

— Ты хотел бы влезть в мою шкуру? Преувеличиваю! И все-таки «Лелек» должен исчезнуть. Еще

сегодня ночью. Сделаешь так, чтобы его здесь не было. Это приказ, понимаешь?

— Ну, если приказ...

Помолчали. Миколай положил руку на плечо Альберту. Тот ответил ему улыбкой, которую Миколай вряд ли мог заметить. Но, несмотря на темноту, Альберту казалось, что он очень ясно видит лицо Миколая. Такое близкое, симпатичное лицо с девичьим нежным румянцем на щеках. Он был на пятнадцать лет старше Миколая и относился к нему, как к младшему брату.

— Боюсь, — неожиданно произнес Альберт.

— Смерть не страшна. Это такая узкая полоска тени, я читал где-то. Переступаешь через полоску — и оказываешься в совершенно ином мире. И тебе абсолютно все равно, что с тобой было прежде.

— Не думал, что ты верующий.

— Я не верующий, просто так легче.

— Я видел убитого Куртмана. Он лежал в лесу на узенькой тропинке. Когда мы подошли, кто-то крикнул: «Он еще жив!» Но это шевелилась черная плотная масса муравьев. Оии выедали глаза, язык, губы... Вот чего я боюсь, Миколай!

Автомобиль троиулся, направляясь к городу. Ехали медлеиио. Альберт и Миколай все никак ие могли иаговориться.

— Как мы и условились, я буду проезжать через мост каждый нечетный день, — говорил Миколай. — Если ты дважды не явишься, начну тебя искать. Где?

— Я поселился в пансионате вдовы Рачинской. Через несколько дней поеду в Домброво, в монастырь. До этого ианесу визит учителю Рамузу. Он должен многое зиать об истории «хрустального зеркала». В свое время он написал иаучиое исследование о Джоне Ди и Эдварде Келли.

Миколай резко крутанул бараику, иажал тормоз. Машина свернула к самой обочине.

— Черт возьми, — разозлился он не на шутку. — Теперь ты от меия не отвертишься. Раз уж я должен с тобой работать, расскажи мие хотя бы об этих английских магах. Развяжи, накоиец, язык, старина.

— На польском троне сидел тогда Стефан Баторий, — усталым голосом начал Альберт. — Это был период, когда, как пишут историки, блеск его военной славы постепенно начинал меркнуть. Во все возрастающей мощи короля магнаты и шляхта видели угрозу для своих свобод и привилегий. Опасались, как бы Баторий не положил конец «драгоценным свободам» и не стал королем-самодержцем. Изменой, заговорами, обманом старались ослабить власть короля. Был раскрыт заговор Самуэля Зборовского. Батория пытались убить во время пира на свадьбе Гризельды с Замойским, заговорщики поджидали короля в Неполомицкой чащобе, охотились за ним, когда он ездил в Гродно. Гнев охватывал Батория.

— Ты хотел рассказать о магах и ангелах, — заметил Миколай.

— Страна кишела турецкими и московскими шпионами. Заговоры, смуты внутри страны, а вокруг — несколько сильных государств, готовых в любой момент броситься на Польшу и растащить ее на части. Таково было политическое положение, когда в один из зимних дней прибыли в Польшу два величайших по тому времени астролога и алхимика, два магистра черной магии, англичане Джон Ди и Эдвард Келли. Что привело их в Польшу? Уже сам факт их прибытия настораживает. И я, пожалуй, недалеко отойду от истины, если скажу, что их путешествие связано с той невеселой ситуацией, в какой оказался король, и сведениями о готовящемся покушении на него. Это предположение подтверждается еще одним фактом. Вместе с магами вернулся в Польшу Ольбрахт Ласский, воевода Серадский.

Ловкий придворный, искушенный в интригах политик, авантюрист, гуляка, военачальник. Великолепный оратор, ловелас, алхимик. Таков был Ольбрахт Ласский, самый серьезный противник короля, претендовавший на польский трон. Примирившись с Баторием, он возвращался из Англии в обществе двух специалистов по черной магии. С какой целью он взял их с собой? Против кого намеревался использовать их таинственные познания и страшных духов,

появлявшихся по первому требованию Ди на хрустальном зеркале, оправленном в золотую раму? Магистр Ди никогда не расставался с этим зеркалом и со специальным «священным» столом, который был сделан по желанию архангела Гавриила.

— Наконец будет что-то и об ангелах! — вздохнул Миколай.

— Нет, не будет. На сегодня хватит, — буркнул Альберт.

Он вдруг показался самому себе ужасно смешным с этой удивительной историей, рассказываемой, может быть, за час до смерти. Его охватило странное, неведомое прежде чувство. Он был, как Эдвард Келли, чьим-то медиумом. И, как в кошмарном сне, будущее приоткрыло перед ним свои тайны: он увидел горы трупов, и он, именно он, был виновником гибели этих людей.

— Отвези меня в город, Миколай. Я устал, — тихо попросил Альберт.

Ему открыла хозяйка. Несмотря на поздний час, она еще была одета. В гостиной горел свет, на столике стояли две недопитые чашки кофе.

— Вы ходили на свидание, правда? А ведь вы приехали такой усталый, измученный...

— Я спал несколько часов, проснулся с ужасной головной болью. Самое лучшее в таких случаях — пройтись по воздуху. Свидание? Боже мой, я, пожалуй, староват для этого...

— Вы шутите? Такой интересный мужчина! — шумно запротестовала Рачинская и после короткой паузы добавила: — Садитесь. В кухне осталось еще немного горячего кофе. Вы меня разочаровали. Я вынуждена была занимать архитектора беседой.

— Это тяжелая обязанность?

Она прижала пальцы к вискам.

— Я боюсь его.

И, прежде чем Альберт успел удивиться, Рачинская выбежала из комнаты. Вернулась она с молочником и чистой чашкой. Уже от самой двери загово-

рила громко и быстро, давая ему понять, что следует забыть неосторожно вырвавшееся у нее признание.

— Наш архитектор рассказал мне интересную новость. Говорят, что вчера утром в лесу, близ монастыря в Домброво, органы безопасности нашли парашют английского производства.

— Диверсант?

— Откуда я знаю?! Возможно, какой-нибудь связной к Роките. Или агент. Кажется, неподалеку от города хотели стронуть большую фабрику. Вы слышали о Роките?

— Немного.

— Командир лесного отряда. Три четверти нашего уезда занимают леса. Когда командиром был Перкун, там, говорят, скрывалось тысяч десять. Вы, наверное, читали в газетах о процессе штаба Перкуна?

— Читал.

— Ну вот! Ох, как я ненавижу политику! От нее все зло на земле. Война кончилась, а покоя все нет и нет! Снова льется кровь, снова гибнут люди. Вчера напали на поезд, нескольких убили, забрали миллион злотых. Теперь этот шпион. Зачем его сбросили? В городе только об этом и говорят. Каждый новый человек вызывает подозрение...

Она вдруг прервала свои излияния. Пристально вглядывалась в лицо Альберта. Он молчал. Не спеша, маленькими глоточками пил черный кофе. Рачинская беспокойно заерзала в кресле.

Альберт отодвинул пустую чашку, сунул руку в карман пиджака.

— Вы, вероятно, захотите отметить меня в милиции. Вот мой паспорт. Старая немецкая кеннкарта *. В ней есть также отметка о прописке и мой варшавский адрес.

...Альберт спал до полудня. Потом принял ванну, съел обед, принесенный ему в комнату. Надел черный костюм, вынул из чемодана небольшую кожаную

* Удостоверение личности, выдававшееся немецкой администрацией жителям оккупированных стран.

папку, положил в нее две книги и тетрадь с записями.

В гостиной стояли два чемодана, в прихожей раздевался высокий худой мужчина с красным носом и седыми висками. Под пальто у него был военный мундир.

— ...Такое ощущение, будто меня били. Ни рук, ни ног не чувствую, — стонал он, ощупывая суставы. — Всю ночь нагруженный, как верблюд, пробирался лесом. Мы ехали на легковой машине. Нас задержали. Шофера убили, моего товарища забрали с собой. Что с ним стало, не знаю. Только под утро мне показали дорогу в город.

— У вас не забрали чемоданы? — удивилась хозяйка.

— Э-э-э, в них нет ничего ценного. Белье да измерительные инструменты, вот и все. Крестьяне пишут прошения в министерство, чтобы им заново обмерили земельные участки, так как налоги высчитываются неправильно. Но в таких условиях невозможно работать.

Мужчина отрекомендовался: землемер Рычалтовский. Хозяйка почти с ужасом назвала сногсшибательную сумму, за которую соглашалась сдать комнату. Рычалтовский кивнул головой.

Из заднего кармана брюк он вытащил толстую пачку денег.

— Ненавижу гостиницы. Предпочитаю заплатить дороже, только бы иметь покой и удобства. Мне еще в Варшаве дали ваш адрес.

— Не может быть! — не на шутку перепугалась Рачинская. — Кто вам сказал обо мне?

— Это неважно. Во всяком случае, человек, достойный доверия. Можете не беспокоиться.

Альберт откланялся и сообщил хозяйке, что вернется только к ужину.

Он решил заглянуть в гостиницу и спросить о «Ночном Лелеке». Уже в самых дверях он отказался от этого плана и вошел в гостиничный ресторан — единственный в этом городе.

Миколай выполнит приказ, Альберт был в этом

увереи. Спрашивать же о швейцаре, внезапное исчезновение которого, наверное, уже возбудило подозреиие уездного УБ, значило обратить на себя внимание.

Альберт заказал кофе и содовую. Вынул из папки тетрадь в истрепанной обложке и начал листать исписанные страницы.

Рачинская сказала правду: каждый новый человек возбуждал подозрение. Официантка четыре раза без всякой видимой причины прошлась мимо столика Альберта.

Альберт заказал еще чашку кофе. Официантка прииесла, потом исчезла в боковой двери. Через мииуту оттуда появился мужчина в белом халате и спросил Альберта, не журналист ли он из Лодзи. Альберт отрицательно покачал головой, сердито сжав зубы. «Сегодня же иадо убираться отсюда», — решил он.

Осторожно переворачивал страиицы тетради. В ией были выписки из английской книги, опубликованной в 1659 году Марио Казабоиой. Уже первые слова звучали поразительно:

«Правдивое и верное изображение того, что произошло между доктором Джоном Ди и некоторыми духами и что повлекло бы за собой в случае удачи перемены в большиистве стран и царств мира».

Название состояло из иескольких длинных фраз, одна другой таииственнее:

,,His private conference with Rodolphe Emperor of Germany. Stephen, King of Poland, and diver other Princes about it. The Particulars of bis Cause, as it was agitated in the Emperos Court by the Popes Intervention: His Banishement in part, as also the letters of Sundry Great Men and Prince some where of were present at some of these conferences and Apparitions of Spirits to the said Dr. Dee...*"

---

* «Его частые совещаиия с императором Германии Рудольфом, королем Польши Стефаиом и другими царствующими особами по этому поводу. Различные подробиости его дела, которое пересматривалось в Королевском суде в результате вмешательства папы Римского: частичное отлучеиие его от церкви, а также письма миогих великих людей и приицев, которые присутствовали иа иекоторых из этих совещаиий, а кроме того, явлеиия духов упомяиутому выше доктору Ди...»

Неделю назад из старинной книги Казабоны Альберт перевел и переписал в тетрадь три «диалога» доктора Ди с являвшимися ему духами. Это было описание визита архангела Гавриила, подарившего Джону Ди «хрустальное зеркало».

В некоторых «диалогах», или «действиях», как их называл Джон Ди, Альберт так и не сумел разобраться. Непередаваемым стал язык потусторонних сил, апокалиптических пророчеств. Староанглийский язык книги, перемешавшись с испорченной латынью, был полон недомолвок.

«Может быть, когда-нибудь мне удастся выкроить время, чтобы как следует заняться работой Казабоны», — подумал Альберт. И тут же поймал себя на мысли, что он уже десятки раз давал подобные обещания: «Вот кончится война, займусь историческими исследованиями».

А между тем войне, казалось, и конца не было видно.

Он расплатился и вышел на улицу. За углом он спросил, где находится дом учителя Рамуза.

Рамуз жил в низеньком деревянном домике, спрятавшемся в узкой грязной улочке. Здесь росли старые каштаны, весело поблескивали на солнце свежевымазанная смолой крыша, зеленые двери и ставни.

— Его еще нет дома. Он в школе, — объяснила ему молодая девушка в белом переднике.

— В школе?

— Отец — директор гимназии. Он бывает там до четырех часов.

— Я приехал из Варшавы...

Девушка пригласила гостя в комнату. Длинный темный коридор, разделявший дом пополам, благоухал чистотой и мастикой для полов. Альберту пришлось надеть поверх своих туфель войлочные тапочки, как в музеях. В таком виде он проследовал в кабинет учителя.

«Дочка преследует отца манией чистоты», — иро-

низировал Альберт. В огромных тапочках он чувствовал себя, как заключенный, к ногам которого привешены тяжелые ядра.

Он уселся на широком старомодном диване, не спуская глаз со своих заарканенных ног.

— Имя вашего отца известно мне по одной научной публикации. Я пишу работу, близкую по теме этой публикации, и хотел бы получить кое-какие советы и информацию.

— Вы, вероятно, имеете в виду историю Ольбрахта Ласского?

— Да-а-а... — удивился Альбрехт.

Девушка расхохоталась.

— Догадаться вовсе не трудно: отец написал только одну работу — о Ласском. Это было очень давно. Потом он стал преподавать и отказался от научной карьеры. Знаете: дом, жена, ребенок...

— Его «заковали» вот в такие мягкие тапочки? — Альберт не удержался, чтобы не уколоть хозяйку дома.

Он представлял, как смешно он выглядит. Девчонка просто издевается над ним. Она вызывала в нем враждебное чувство, желание отомстить.

— К сожалению, мы не можем держать прислугу. После смерти матери я сама веду хозяйство. Сделала эти шлепанцы, чтобы не натирать каждый день полы.

Альберта раздражал и кабинет Рамуза. Стол с резной решеткой и зеленым сукном, забрызганным чернилами, полки с книгами, закрытые желтенькой занавесочкой, большая свадебная фотография, репродукции картин Коссака, Гроттгера, натертый до блеска пол, старенький диванчик.

— Вы надолго к нам в город? — Она считала своей обязанностью развлекать гостя до прихода отца.

— Это зависит от пана Рамуза.

— Ох, вы возлагаете такие надежды на отца?

— Нет, но любой его совет или информация могут пригодиться.

— Вы историк, да?

— Да...

Она поднялась со стула, одернула передник.

— Вы пообедаете с нами, правда? Вы приехали дневным поездом? Это очень хороший поезд.

— Я приехал вчера.

Девушка удивилась.

— Почему же вы не пришли к нам сразу? У нас есть специальная комната для гостей.

— Я живу на частной квартире. У Рачинской.

Губы девушки задрожали. Глаза стали черными от ненависти. Она почти крикнула:

— Кто вам дал ее адрес? Это страшная женщина! Ведь именно в ее доме арестовали штаб Перкуна!

Она закусила губу.

— Извините. Это вас совсем не интересует, — и, не ожидая ответа, вышла из комнаты.

От скуки Альберт принялся рассматривать репродукции, развешанные по стенам, и обстановку кабинета. Постепенно он осознал, что с того момента, как он снял эти матерчатые лапти, его здесь уже ничто не раздражало. Диван оказался очень мягким, сделанным как будто специально для того, чтобы удобно устроиться с газетой в руках. Он подумал, что этот сверкающий чистотой кабинет, ряды книг за желтой занавеской дают гарантию покоя и безопасности. Ужас и смерть, нависшие над городом, проходили где-то рядом, за зелеными ставнями этого домика.

В коридоре послышался басовитый мужской голос. Глядя на дверь, Альберт ожидал увидеть рослого цветущего мужчину. Вошел маленький сухой старичок с копной совершенно седых волос. Дочь, вероятно, сообщила ему цель визита гостя; он поздоровался с Альбертом очень приветливо. Принялся выдвигать ящики и выкладывать на стол связки блокнотов и тетрадей.

— Я пишу работу о Ди и Келли и об их пребывании в Польше. Ольбрахт Ласский интересует меня постольку, поскольку он был связан с этими двумя английскими магами. Прежде всего мне необходимо узнать, зачем Ласский привез их в Польшу. В вашей

монографии об этом сказано вскользь. Поэтому я и отыскал вас.

Рамуз перестал рыться в ящиках стола, подошел к Альберту с пачкой сигарет. Щуря близорукие глаза, старик внимательно, изучающе, чуточку иронически разглядывал своего собеседника.

— Это очень странно, — произнес он наконец.

— Вы имеете в виду причину приезда английских магов?

Старик рассмеялся.

— Нет. Причину вашего приезда сюда... Просто удивительно, что есть еще в наше время люди, которых интересуют подобные проблемы. Смотрю я на вас и не могу надивиться: неужели вас не интересует страшная кровавая борьба, которая ведется в нас самих и вокруг нас?

— Нет, — твердо ответил Альберт.

— А проблема выбора? На чью сторону встать?

— Я уже выбрал.

Рамуз смешался. Неуверенно потер лоб, щеки, пригладил волосы.

Альберт попробовал загладить резкость предыдущих слов.

— Три года я был на фронте. Разве я не имею права считать, что война уже закончилась?

— Не для всех.

— О да. Вчера на тот поезд, в котором я сюда приехал, было совершено нападение. Несколько человек погибли. На моих глазах из вагона вытащили русского солдата и пристрелили там же, на насыпи... Рокита. Кто это, черт побери?

Рамуз молчал, шаркая тапочками, ходил по кабинету взад и вперед. Монографию о Ласском он написал, по-видимому, в период недолгого увлечения научной деятельностью. Это был прирожденный педагог, а не научный работник, его влекло живое, сегодняшнее, а не то, что умерло. Вот почему в разговоре история Ласского все время отходила на второй план. Его интересовали вопросы, которыми страна жила сегодня.

— Сразу же после освобождения, в 1945 году,

коммунисты назначили меня директором гимназии. Я всегда был либералом, рационалистом. Вспомнили, что в свое время я боролся с влиянием церкви на школу, симпатизировал левым. Меня поставили воспитывать молодежь. Но должен вам сказать, что молодежь нельзя воспитывать под стеклянным колпаком, в вакууме. Перкун тоже был учителем, воспитателем. Во время войны он провел в нашем уезде несколько удачных военных операций против немцев, сразу сделавшись чуть ли не национальным героем. После освобождения ушел в подполье. Организовал свою армию, рассредоточил ее в нескольких уездах — по деревням и городам. Создал несколько тайных диверсионных групп и держал в страхе весь наш городок. Я попытался играть роль посредника между ним и здешними коммунистами. Но они не смогли найти общий язык.

Тем временем подполье ликвидировало первого начальника уездного Управления органов безопасности. На его место прислали Яругу, человека честного, всецело преданного новому строю, очень стойкого, но, пожалуй, немного ограниченного. В отряде Перкуна нашелся предатель. Арестовали главаря и его штаб, схватили несколько сот членов организации. Перкун предстал перед военно-полевым судом. Его обвинили в том, что он подписал десятки смертных приговоров, из которых свыше шестидесяти было приведено в исполнение. Лично Перкун не убил никого. Но, как говорится, «наказывай руку, а не слепой меч». Перкуна расстреляли. Во главе подполья встал единственный уцелевший член штаба Перкуна — Рокита. Началась резня. Рокита создал три летучие диверсионные группы, которые держат в страхе весь уезд.

Власти буквально висят на волоске. И конечно, и те и другие мною недовольны. Рокита ненавидит меня за то, что я уговаривал Перкуна сложить оружие, начальник УБ Яруга считает, что я недостаточно активно убеждал Перкуна. Обе стороны считают меня человеком, стоящим по другую сторону баррикады. — Рамуз махнул рукой. — А вы приехали сюда,

чтобы узнать причину, которая заставила Ласского пригласить в Польшу Ди и Келли...

Стол был накрыт в маленькой неуютной комнатке, почти целиком занятой огромным буфетом орехового дерева; у окон стояли высокие фикусы в кадках. Присутствие дочери совершенно преобразило старого учителя. Он избегал теперь говорить о бандах, о борьбе за власть. Рассказывал о Ласском, о магах. Альберт напомнил ему историю исчезнувшего «хрустального зеркала» — ведь его украли в Домброво, в монастыре, где магистр Ди обосновался на ночь, возвращаясь в Англию. Ему пришлось заказать новое зеркало, тоже из хрусталя. Но, кажется, оно не было столь же хорошим, как первое, подаренное ему архангелом Гавриилом.

— Джон Ди считался лучшим специалистом в построении разных аппаратов для мистификаций, — продолжал говорить Рамуз. — Во времена короля Генриха Восьмого, когда в Кембридже создали академию, Ди был назначен на кафедру греческой филологии. На этой должности он проявил себя не только знатоком филологии, но превосходным механиком. С помощью своих студентов он поставил комедию Аристофана и соорудил для нее жука, поднимающегося в воздух; причем устроил все так здорово, что зрители были уверены в его таинственной власти над мертвыми предметами. По тем временам Ди был разносторонне образованным человеком. В его лаборатории имелось множество приборов для физических исследований, причем все они делались по чертежам самого Ди. Он знал астрономию, алхимию, физику, математику...

Помолчав немного, Рамуз добавил:

— Если вы интересуетесь тайной «хрустального зеркала», то, быть может, при следующей встрече я смогу больше рассказать об этом. Думаю, что я один распутал эту тайну....

Только во время десерта Альберт рискнул задать Рамузу свой главный вопрос:

— Вы говорили, что были знакомы с Перкуном. А Рокиту... вы тоже знали?

Учитель перестал есть. Его дочь побледнела.

— Мне казалось...

— ...Что меня интересует только Джон Ди?

— Нет, я в этом ни минуты не сомневался.... — Старик сгорбился, руки его бессильно упали на колени.

Альберт отодвинул тарелку. Закурили. Молчание становилось невыносимым.

— Просто меня интересует, что он представляет собой. На моих глазах его люди убили нескольких человек. Это ли не достаточный повод, чтобы заинтересоваться им? Я вам скажу сейчас прописную истину, но в ней много правды: как понять прошлое, если не можешь разобраться в настоящем? Как можно представить себе хотя бы того же Ольбрахта Ласского, великого авантюриста, даже преступника и одновременно горячего патриота, готового к любым жертвам на благо родины? Может быть, таков был и Перкун, о котором вы мне рассказывали? Со всеми его противоречиями. Когда читаешь монографию о Ласском, трудно поверить в существование такого сложного человеческого характера. А ведь такие же люди могут жить и в наше время, среди нас?

— Перкун, Рокита? — Рамуз пожал плечами. — Даже само сравнение кажется мне несерьезным. На суде Перкун подтвердил правильность предъявленных ему обвинений, но не признал своей вины. «Нельзя обвинять человека за то, что он любит свою родину», — сказал тогда Перкун. Он был сельским учителем. Так же как и Рокита. И... Яруга, новый начальник уездного УБ. Я их очень хорошо знаю. До войны мы вместе занимались внешкольным воспитанием детей. По правде говоря, они все трое должны сидеть в классах и учить. У нас говорят, что подпольем руководят сынки помещиков и капиталистов. Неправда! Те забавляются в ночных ресторанах, пропивая то, что уцелело у них после конфискации имущества. Каштаны из огня таскают для них вот такие сельские учителя.

Перкун преподавал польский, — продолжал Рамуз после паузы. — Его приказы и обращения

к населению написаны хорошим литературным языком. Рокита — математик. Холодный, точный ум. Изощренный убийца, властолюбивый, с садистскими наклонностями.

— А Яруга?

— Преподаватель географии в нашей гимназии. Но не слишком ли вы любопытны?

Альберт погасил сигарету в пепельнице. Встал из-за стола.

— Я приехал, чтобы узнать о Ди и Келли. Если вы можете показать мне свои записи, я буду вам очень признателен.

— Я должен сначала разобрать бумаги... — заколебался Рамуз.

— Это займет много времени?

— Дня три по крайней мере.

— Отлично. Я зайду к вам через четыре дня.

Вернувшись к себе, Альберт принял ванну, уложил вещи в чемоданы. Один из них, большой, задвинул под кровать. Другой решил взять с собой. Уже в пальто и шляпе он спустился вниз и заглянул на кухню, где суетилась хозяйка.

— Мне необходимо на несколько дней выехать из Р., — заявил он. — Комнату я оставляю за собой и хочу заплатить за две недели.

В кухне находилась прислуга. Осторожным кивком головы он дал понять Рачинской, что хочет поговорить с ней наедине. Они прошли в гостиную.

Альберт как-то неуверенно улыбался, лицо его выражало смущение и неловкость.

— Я в этом городе никого не знаю, — начал он просительным тоном. — К сожалению, так получилось... у меня имеются только доллары. Я боюсь менять их на злотые. Знаете, в чужом городе... Не согласитесь ли вы взять плату в иностранной валюте?

— Да, да. Пожалуйста...

Она сообщила ему курс бумажных долларов. Альберт вынул бумажник из заднего кармана брюк. Когда он отсчитывал деньги, Рачинская осторожно заглянула через плечо. Ей казалось, что бумажник того и

гляди лопнет от наполнявших его толстых пачек денег.

«Прежде чем сообщить обо мне в УБ, она постарается освободить мой бумажник от долларов. Так что у меня есть еще немного времени», — думал Альберт, целуя надушенную руку хозяйки.

— Возвращайтесь как можно скорее, — шепнула она, прощаясь.

...Шел дождь. Альберт укрылся под балконом двухэтажного дома на рыночной площади, освещавшейся одиноким грязным фонарем.

В узкой полосе света то и дело мелькали съежившиеся, спешащие куда-то фигуры людей с мокрыми, словно заплаканными лицами. Отсюда, как сообщили Альберту, каждый вечер отъезжал в Домброво автобус — вернее, обыкновенная грузовая машина, переделанная под автобус.

Альберт ждал уже около часа, так же как и еще несколько человек, прижавшихся к стенам домов.

Неожиданно в полосе света появилась высокая женская фигура. Альберт заметил ее слишком поздно, чтобы успеть отвернуться. Дочь Рамуза остановилась рядом с ним, кокетливо заглянула ему в глаза.

— Вы решили вернуться в Варшаву? Если не возражаете, могу проводить вас до вокзала.

— Я еду в Домброво, — не было смысла врать: автобус мог подойти в любую минуту.

Ее кокетство мгновенно исчезло. Она хмуро молчала.

Альберт попробовал пошутить:

— Еду за «хрустальным зеркалом».

— Вы едете на верную смерть, — сказала она спокойно, без всякого пафоса. И добавила: — За Домброво начинаются леса, царство Рокиты. Вы третий, кого я провожаю туда. Те двое не вернулись. Боже мой, как теперь все это просто! Не понимаю только, зачем вам нужен был разговор с моим отцом?

Она повернулась и пошла быстрым шагом, на ходу закутывая голову шерстяным платком...

Настоятельница монастыря камедулок в Домброво открывала письмо прелата кончиками пальцев, как бы боясь испачкаться чернилами. Кисти ее рук, высовывающиеся из широких рукавов одеяния, казались особенно маленькими, хрупкими, почти прозрачными.

Она долго читала письмо, обдумывала каждую фразу. Иногда, прервав чтение, бросала взгляд на Альберта.

Настоятельница спрятала письмо.

— Вы можете оставаться у нас столько, сколько захотите, — говорила она тихо, почти шепотом. Ее голос показался Альберту мелодичным и теплым. — Вас поместят в монастырской келье на втором этаже северного крыла. В другом крыле живут монахини, я попрошу вас ни в коем случае не беспокоить их...

Она кивнула ему на прощание и не спеша прошла в глубь трапезной.

В трапезной было холодно. Альберт промерз до костей. Наконец появилась сестра-экономка — молодая некрасивая женщина в грязной заштопанной одежде. Она провела Альберта в келью, сказала, что библиотека, где он будет работать, находится внизу. Лестница во двор и сад — рядом. Три раза в день ему будут приносить еду. Пища скудная, так как монахини постятся — питаются исключительно хлебом и водой, предупредила она. Из кельи, отведенной Альберту, вынесли черный гроб — в таких гробах спали обитательницы этого монастыря; вместо гроба в келью поставили деревянную лавку.

Монастырь в Домброво представлял собой высокий и ровный прямоугольник строений. В северо-западном углу прямоугольника находился небольшой костел. Над крышами поднималась башенка колокольни. С наружной стороны, на фоне гладких, беленых с рыжими потеками стен, виднелись зарешеченные окна. Изнутри, на высоте второго этажа, монастырь окружала галерея, на которую выходили двери монашеских келий. Внизу располагались службы: кухня, прачечная, а также библиотека и трапез-

ная. Монастырский двор, похожий на тюремный, был вымощен крупным булыжником.

В шесть утра сестра-экономка постучала в келью Альберта. Внесли медный таз и кувшин с водой, кружку горячего молока и два кусочка хлеба, намазанные тонким слоем мармелада.

— В семь часов утренняя месса, — коротко сообщила она, и слова ее прозвучали, как приказ.

Невыспавшийся, голодный, до костей промерзший, Альберт забился в угол между исповедальней и железной решеткой, разделяющей надвое монастырский костел. По одну сторону решетки могли находиться верующие из близлежащих деревень, по другую — монахини, которым устав святого Ромуальда запрещал разговаривать с людьми.

Богослужение отправлял молоденький викарий. Близ алтаря стояло на коленях несколько деревенских женщин. Сквозь узкие просветы решетки Альберт насчитал шестнадцать монахинь, склонившихся над молитвенниками.

Зазвонили к причастию. Монахини подходили к алтарю, потом на коленях отползали на прежнее место. Неожиданно в полосе желтоватого света Альберт увидел лицо той женщины, с которой он ехал в поезде. Тот же орлиный профиль, бледное лицо, покрытое веснушками. Сходство было столь очевидно и неожиданно, что Альберт чуть не вскрикнул. Он прижался к решетке, стараясь как можно лучше рассмотреть это лицо, но монахиня миновала полосу света и скрылась в полумраке. Когда месса кончилась, монахини вышли из костела в боковую дверь, ведущую прямо к их кельям. Альберт вернулся к себе, а потом отправился в библиотеку.

На лестнице он встретил сестру-экономку, которая несла ему завтрак.

Неожиданно громко ударил колокол. Сестра-экономка перекрестилась, произнесла только два слова: «Memento mori» *, — и, громко стуча деревянными сандалиями, побежала по галерее.

* Помни о смерти *(латин.)*.

Едва он приступил к изучению библиотечного каталога, как явилась настоятельница монастыря. В ее быстрой походке не было и следа прежней благочестивой сдержанности. По-видимому, она бежала сюда, так как долго не могла отдышаться, прижимая руки к груди. На пепельно-серых щеках выступили красные пятна.

— Когда вы последний раз видели прелата?

Альберт на мгновение задумался. Беспокойным движением руки пригладил волосы. Он вообще не видел прелата. Это Миколай устроил рекомендательное письмо.

— Последний раз я встретился с ним недели три назад. — Альберт нарочно говорил медленно, пытаясь справиться с охватившим его волнением...

— Прелат арестован!.. Его арестовали на прошлой неделе!

Почти бессонная ночь, завывание монахинь за стеной расстроили его нервы. Он побледнел, не смог скрыть волнения.

Рука настоятельницы легла на его плечо.

— Не бойтесь. В случае какой-либо опасности к вам придет сестра Анастазия. Можете ей доверять...

Альберт услышал тихий шелест. А когда поднял глаза, настоятельница уже исчезла за дверью.

Он пытался углубиться в изучение каталогов, но не смог сосредоточиться.

...Щелкнул замок. В дверях библиотеки стояла сестра-экономка.

— Вас ждет сестра Анастазия. *Они* уже пришли.

Он выбежал из библиотеки... На галерее, прислонившись к одной из колонн, стояла монашка. Теперь у него не было сомнений. Это та самая женщина с поезда. Альберт увидел свой чемодан, а на нем плащ, шляпу, все вещи, оставленные в келье. Сестра Анастазия молча протянула ему кобуру с пистолетом и узкий ремень. Уходя в библиотеку, он спрятал пистолет под тюфяк.

— Кто пришел? Что случилось?

Теперь, когда в руках у него было оружие, он чувствовал себя более уверенно.

— Сестре нельзя разговаривать, — вмешалась экономка. — Они в трапезной.

— Они?

— Ловят того, кто бросил парашют около леса. Подозревают, что этот человек скрывается у нас... Идите за сестрой.

Сестра Анастазия провела его в ту часть костела, куда монахиням входить не разрешалось. Здесь находилась погруженная во мрак часовня. Анастазия указала ему на вход в подземелье. Зажгла свечу.

Подземелье оказалось очень обширным, но было почти целиком занято гробами, сложенными штабелями, как поленницы дров. Некоторые находились здесь, по-видимому, уже сотню лет: нижние — длинные, черные, полуистлевшие — осели под тяжестью верхних. Воздух был так сух, что от запаха гнили и праха неприятно запершило в горле.

Анастазия, по-видимому, великолепно ориентировалась; она знала, где следует наклонить голову, чтобы не задеть потолок, где остановиться и осторожно переступить через свалившуюся на пол крышку гроба. Наконец они пришли в левый угол подземелья. Анастазия опустила свечу, показывая ему большой металлический гроб. Он сразу понял. Опустил чемодан на пол. Гроб оказался пустым и сдвинулся очень легко. Под ним зияло узкое прямоугольное отверстие, вниз сбегали ступени.

Всего Альберт насчитал десять ступеней. Женщина погасила свечу. Альберт почувствовал прикосновение ее руки. Она нашла его руку и потянула за собой. Так они прошли в глубь помещения.

Сюда не проникал ни один луч света, ни один, даже самый слабый, звук.

Анастазия подтолкнула его к какому-то длинному ящику. Они уселись рядом, прислонясь к шероховатой каменной стене.

Женщина была рядом с Альбертом. Он не видел ни ее глаз, ни очертаний тела. Слышал лишь учащенное дыхание и чувствовал на своем лице тепло ее дыхания. Он мог прикоснуться к ней, обнять.

Ему хотелось курить. Но едва он успел вытащить спички, как услышал ее голос:

— Курить нельзя. Здесь порох...

Значит, они сидели на ящике с порохом. Как велико это помещение? Сколько здесь спрятано оружия? И только ли порох?..

Альберт проговорил вполголоса:

— Мы ехали в одном купе, в том поезде, на который был совершен налет.

Она молчала.

— На вас была каракулевая шубка. Вы очень красивы. Вы из тех женщин, что обращают на себя внимание. Вы не должны участвовать в налетах. У вас слишком вызывающая внешность.

— Тише, ради бога, молчите, — шикнула на него Анастазия.

Альберт умолк. Время шло. Ожидание становилось невыносимым.

Несколько раз Альберт порывался обнять Анастазию, но так и не решился. А ведь максимум, что она могла сделать, это оттолкнуть его, влепить пощечину.

— Сегодня же уеду обратно. Напрасно я вообще явился сюда... Неужели мы никогда больше не встретимся?

Как сломить ее молчание? Может быть, рассказать ей какую-нибудь необыкновенную историю, чтобы поразить ее воображение?

Альберт все больше и больше ощущал свое бессилие.

— Я ищу в монастыре книгу Казабоны, написанную им в 1659 году. К сожалению, каталог в беспорядке, и невозможно установить, есть ли в вашей библиотеке эта книга. Я уезжаю сегодня вечером. Как мне обращаться к вам? Сестра Анастазия или пани Анастазия? Кто вы на самом деле? Монахиня или подпольщица? Вам не идет монашеское одеяние. Чего вы ищете здесь, где все умерло?

Альберт издевался над ней, злил ее, оскорблял. Все впустую! Он слышал только свой собственный глухой голос.

Сестра Анастазия встала. Прошла мимо Альберта. Он услышал удаляющийся стук ее сандалий. Чуть слышно звякнул гроб, закрывающий вход в подземелье. Затем наступила тишина. Он остался один.

Альберт выругался вполголоса. Потом еще раз, погромче. Звук собственного голоса немного успокаивал его. Наконец он устал, замолчал. Прислушался.

«Не западня ли это?» — думал Альберт. Он поднялся с ящика, дрожащими пальцами нащупал в кармане спички. Вспыхнул огонек. Он увидел огарок свечи, зажег его. Осторожно неся свечу, чтобы не уронить искру, он сделал несколько шагов.

Он вошел в широкий, с низкими сводами подвал. Впереди замаячили какие-то белые пятна. Альберт вскрикнул от неожиданности.

...На длинных дощатых помостах стояли ряды белых гробов. Их белизна, в которой отражались блики света, поражала удивительной свежестью.

«Здесь белые, а там черные, для контраста», — подумал Альберт с иронией. Страх проходил, он чувствовал себя зрителем на каком-то странном спектакле. Чтобы окончательно победить страх, он сделал еще шага три. Заметил, что некоторые гробы были открыты. В них лежали мумии монахинь. Тела сохранились, одежда прилипла к коже, высохла, как подметка. Он видел их лица, веки, запавшие глазницы, ввалившиеся щеки, прозрачные носы, руки, сложенные на груди. Они не пугали, как не пугают восковые фигуры.

Альберт догадался, что здесь покоятся останки норбертинок. Это они некогда были хозяевами монастыря, который лишь полтора века назад перешел в руки к сестрам-камедулкам. Норбертинок хоронили в белых гробах. Смерть являлась для них как бы свадебным пиршеством.

Огарок свечи догорал. Пламя начинало обжигать пальцы. Вместе с болью возвращалось сознание собственной обреченности.

Альберт вернулся к ящику. Аккуратно притушил огарок. Сел на прежнее место, не в силах больше ни о чем думать.

...А потом все произошло быстро и просто. Послышался шум отодвигаемого гроба и голос сестры-экономки:

— *Они* ушли. Можете выходить...

Уже идя по галерее к своей келье, он спросил о сестре Анастазии.

— Она молится за вас, — ответила экономка.

На обед ему принесли водянистую тюрю с кусочками черного хлеба, а на второе немного разваренных овощей. От деревянной ложки пахло прогорклым маслом. Он ел с отвращением. Потом закурил, лег на лавку. Было холодно, но Альберт не накрылся одеялом: с минуты на минуту он ожидал прихода Анастазии. Ведь она должна была объяснить ему все!

Анастазия не пришла. В келье по-прежнему было мрачно, грязные стекла почти не пропускали свет.

Он встал, пригладил волосы. Нехотя поплелся в библиотеку, уложил книги. Вышел на внутренний монастырский дворик.

— Я уезжаю. Вернусь через несколько дней, чтобы закончить работу, — сообщил он настоятельнице.

Они снова стояли друг против друга в трапезной, рядом с длинной, плохо обструганной лавкой.

— Могу я молиться за вас? — спросила настоятельница.

— Молитесь за прелата.

Она склонила голову.

— Мы и так молимся за него... Он сделал много добра для нас. Большинство обитательниц нашего монастыря прибыли из Франции сразу же после войны. Он помог нам устроиться здесь. У нас еще не все хорошо, но мы радуемся покою. Вы этого не понимаете, правда?

— Понимаю, сестра. Даже больше. Я знаю, что вы делаете, когда сюда являются такие, как я.

Монахиня улыбнулась.

— Сестры не знают, кто вы. Это мое дело и сест-

ры Аиастазии. Дорога к спасению ведет через католическую церковь. А церковь наша — это великая организация. Вы-то уж зиаете, что зиачит работать в оргаиизации? Это зиачит выполнять приказы, которых никто ие давал. Нельзя думать только о сегодияшием дне. Мы умрем, нас погребут в подземелье, ио иаши кельи займут другие сестры. Нужно помнить о иих, о будущем.

Альберт поклонился и вышел из трапезиой.

Ночью иа шоссе ои остаиовил грузовик. Шофер довез его до города.

— Я так рада, что вы вериулись! — воскликиула Рачииская.

Радость ее была, по-видимому, искреиией.

— Вы, иавериое, голодны? У меня сегодня собрались знакомые, иесколько человек. Бридж, немного музыки, иемиого вина... Поужииайте, а потом я представлю вас гостям. О, среди них есть очень интересная девушка.

Ои поел в кухие, потом подиялся к себе, надел черный костюм, чистую рубашку. Сиисходительио покачал головой, увидев, что тоиенькая ииточка, которой он перевязал чемодаи, была разорваиа.

В гостииой играл патефои. Одиа пара танцевала, за столиком под торшером трое мужчин и одна жеищииа играли в бридж. Землемер и красивая чериоволосая дама в вечерием туалете сидели за столом и ели пирожиые. Хозяйка и девушка в зелеиом платье с большим вырезом устроились в глубоких креслах. Около девушки, иа ручке кресла, примостился лысый толстяк. Кресло было высокое, толстяк — иизенький. Его коротенькие иожки смешно болтались в воздухе, как бы ища точку опоры.

«Дочь учителя Рамуза», — узнал Альберт девушку в зеленом платье. Ои молча поздоровался с ией. Ему доставило искреииее удовольствие замешательство, даже страх, отразившиеся на ее лице. Игроки в бридж рассеяино приветствовали его. Зато землемер встретил Альберта как старого знакомого. Наполнил для него рюмку и долил свою. Должно быть, ои уже изрядно выпил. Говорил почти ие пере-

ставая и заставил Альберта выпить три рюмки подряд.

Обнаженные плечи женщины, сидевшей рядом с землемером, были красивы, красиво было и ее лицо — прямой нос, полные губы и длинные черные волосы. Ухаживание землемера она принимала как должное. И только когда он уж слишком нахально прильнул к ней, она взорвалась:

— Вы что, с ума сошли?

Землемер принялся извиняться, целовать каждый палец ее рук. При этом он косил глазом на толстяка.

— Умоляю вас, не жалуйтесь мужу. Он велит меня арестовать. Вы такая несчастная женщина, — говорил он, целуя ее запястья.

— Несчастная? О чем это вы? — Женщина отшатнулась от него, вырвала руки.

— Ваша красота требует постоянного восхищения, обожания. А поклонников у вас нет. Я знаю: все боятся вашего мужа:

— А он боится меня.

— Не может быть...

— Нет? Вы меня не знаете. Если будете паинькой, я вам кое-что покажу.

— Что?

Не смущаясь присутствием молчавшего Альберта, женщина довольно высоко приподняла край платья. Альберт встретил ее взгляд и понял, что она пьяна.

— Придется наказать его за эту девчонку, учительскую дочку. Я выйду, как будто на кухню, а вы отправляйтесь за мной. Только не сразу, не сразу... Мне надо подумать... — Она игриво погрозила землемеру пальцем.

Альберт подошел к Рачинской и пригласил ее на танец. Она танцевала легко, хотя и невнимательно. Он прижал ее немного сильнее. Казалось, она не заметила этого.

— Кто это? — спросил Альберт.

— Кто? — вопрос вывел ее из задумчивости.

— Тот лысый толстяк, что сидит на ручке кресла.

— Заместитель начальника уездного Управления

безопасности. Мой старый знакомый. Крыхняк. Я пригласила его для этой девушки.

Рачинская тяжело вздохнула.

— Ее жених был адъютантом Рокиты или что-то в этом роде. Кто-то сообщил ей, что он арестован и сидит в варшавской тюрьме. Вот я и свела ее с Крыхняком. Девушка красивая...

Крыхняк наклонился и губами коснулся пушистых волос девушки. Альберт спросил, едва скрывая раздражение:

— А если ее жених погиб?

— Вы думаете, что...

— Не знаю. Я просто так сказал...

Крыхняк продолжал целовать волосы девушки. Большая лысая голова его розово поблескивала. Девушка сидела неподвижно, как парализованная. Исчезла жена Крыхняка, землемер оглядывался по сторонам, уходя из гостиной.

Патефон умолк. Альберт отвел хозяйку к креслу. Девушка покраснела и вырвалась из объятий толстяка.

— Кто знает, деточка, может быть, он уже на свободе... — таинственно улыбался Крыхняк.

— Не верю, — пробормотала она. — Из ваших рук никто не выходит живым.

Крыхняк хлопнул по своим толстым коленям.

— Вы нас переоцениваете. Случались ведь побеги.

Она пожала плечами. Рачинская принесла на подносе четыре рюмки.

— Выпьем за освобождение Куртмана, — сказала она, чокаясь с Крыхняком.

— Куртмана? — повторил Альберт, как бы размышляя вслух. — Неделю назад молодой человек по фамилии Куртман был убит близ лесничества Грабы. Я узнал об этом совершенно случайно. В Варшаве ко мне зашел один знакомый, который живет как раз неподалеку от этих мест. Куртман ваш родственник?

— Жених, — хмуро ответила хозяйка. — Это был жених панны Рамуз.

Девушка смотрела на Альберта сухими глазами. Толстяк сполз с кресла. Остановился перед Альбертом, крепко взял его за пиджачную пуговицу.

— У вас интересные знакомые, дружище...

Он хотел еще что-то добавить, но в этот момент на него набросилась Рачинская:

— Ведь сторожка Грабы находится в вашем районе! Как же можно говорить девушке, что Куртман в тюрьме, если его убили в лесу?!

Крыхняк, наконец, отпустил пуговицу Альберта. Засунул толстые руки в карманы брюк. Он был взбешен.

Лоб Крыхняка покрылся потом. Он поминутно вытирал его платком. Одним глотком осушил рюмку. Огляделся вокруг, ища взглядом жену. Ее в комнате не было. Отсутствовал и землемер. Толстяк заметил это, лицо его покраснело, он прижал руки к сердцу.

Рачинская рысцой побежала в кухню. Альберт подскочил к столу, схватил бутылку. Наливая вино Крыхняку, подумал: «Ах ты, скотина, хотел переспать с девушкой, а потом дать ей понять, что именно ты помог бежать Куртману!»

— Вы себя плохо чувствуете? — спросил он мягко.

— Да. Сердце, — прохрипел Крыхняк.

Девушка, закрыв лицо руками, тихо плакала. Мужчины не обращали на нее никакого внимания.

Призрак смерти сделал толстяка более терпимым. Взяв рюмку из рук Альберта, он снисходительно сказал:

— У вас любопытные знакомые, дружище... Будьте спокойны. Они меня не интересуют.

Панна Рамуз встала. Она еле держалась на ногах, волосы были в беспорядке.

— Не понимаю... Вчера убежал, а он говорит, неделю назад убили...

Крыхняк пожал плечами.

— Вчера я получил сообщение. А сбежал он действительно неделю назад. Этот человек сказал правду.

— Сбежал? Так, может, он жив? — Она смотрела умоляюще.

— Больше я ничего не знаю, — ответил Альберт. — Может быть, он погиб во время побега?

— Нет, — авторитетно отрезал Крыхияк. — Если погиб, так это случилось позднее. У бандитов на этот счет есть твердое правило. Боятся провокаций с нашей стороны. Недавно дезертировали два милиционера, их расстреляли, думая, что они наши агенты. Так же поступили с пятью дезертировавшими солдатами. Тот, кто побывал в наших руках, считается «порченым», потенциальным агентом. Такая же участь постигла, видимо, и Куртмана.

Хозяйка привела жену Крыхияка, которая поправляла измятое платье, растрепавшиеся волосы. Губы ее были накрашены наспех, неровно.

Альберт взглянул на часы. Половина двенадцатого, через тридцать минут — встреча с Миколаем.

— Я могу проводить вас домой... — предложил он девушке.

Она кивнула и пошла вымыть заплаканное лицо. Партия бриджа закончилась, игроки направились к столу подкрепиться.

Рачинская взяла Альберта под руку и шепнула:

— Он ненормальный. Я боюсь его.

— Кого?

— Архитектора. Он антифеминист, понимаете? Вы не заметили, как он подает мужчинам руку, как на них смотрит?

Архитектор, молодой невысокий блондин с круглым пухлым лицом, как раз в эту минуту целовал руку своей партнерше по бриджу. Его движения отличались удивительным изяществом, мягкостью, какой-то неестественной живостью.

— Он привел сюда эту женщину. Говорит всем, что она его невеста. Маскируется.

Архитектор обернулся, взглянул на Альберта. Женщина говорила ему что-то быстро-быстро, все время кивая головой. «Они говорят обо мне», — подумал Альберт.

Но вот женщина отпустила архитектора и чего-то

ждала. Архитектор направился к Крыхняку, держа раскрытый портсигар.

— Могу ли я задать вам нескромный вопрос?

— Слушаю вас, — толстяк перестал пререкаться со своей женой.

— Скажите, поймали ли тот английский парашютист? Весь город только и говорит о нем.

— Нет... Пока еще нет.

— Интересно. Ведь это живой человек, а не иголка в сене?

Ногти Рачинской неожиданно впились в руку Альберта. Крыхняк сгорбился, втянул голову в плечи. Слева от него стояла разгневанная жена, справа — наступал любопытный архитектор.

— Найдем...

— Парашютист прошел, наверное, специальное обучение. У него, конечно, есть гражданская одежда, оружие, деньги и липовые документы. Может быть, как раз теперь он веселится в варшавской «Полонии»? Или... — захихикал архитектор, — явится к вам под видом офицера госбезопасности? Ищи ветра в поле!

Ногти хозяйки все глубже впивались в руку Альберта, рука начала гореть. Партнерша архитектора между тем уселась в кресло, закинула ногу на ногу и бесцеремонно уставилась на Альберта. На него смотрели также архитектор, Крыхняк и два других бриджиста. Крыхняк мямлил что-то, вытирая потный затылок. Казалось, он один не понимает смысла этих взглядов.

Хозяйка, наконец, отпустила руку Альберта. Поставила новую пластинку.

— Потанцуем, — предложила она Крыхняку.

Толстяк танцевал, смешно подпрыгивая ногами и крутя задом. Низенький, он то и дело задевал носом массивный бюст хозяйки. Это возбуждало Крыхняка.

Альберт подошел к «невесте» архитектора. Ее некрасивая, увядшая кожа, кое-где покрытая пятнами экземы, показалась ему отвратительной.

— Вы любите опасные игры? — спросил он беспечным тоном, целуя ее руку.

Альберт решил, что такое начало разговора соответствует стилю местных донжуанов.

— Вы говорите по-английски? — спросила женщина. К ее английскому произношению нельзя было придраться.

— Да... — ответил Альберт после некоторого колебания. А про себя подумал: «Следует считаться с примитивным воображением этих людей и напускать как можно больше таинственности».

— Я провела в Англии всю войну. Вернулась с небольшим капиталом и открыла здесь швейную мастерскую. А вы?

— Я историк.

— Учитель?

Он кивнул.

— Да. Ищу работу. Могу давать уроки английского языка.

— Преимущественно красивым женщинам, не правда ли?

В дверях гостиной Альберт увидел уже одетую панну Рамуз. Он извинился и поспешил к выходу. Через минуту они уже шли по улице. Он взял девушку под руку и повел ее довольно быстро, боясь опоздать на встречу с Миколаем.

У него не было ничего важного для передачи, просто хотелось увидеть лицо Миколая, услышать его голос, дружеский и сердечный, голос человека, которому он мог доверять.

— Как видите, я все-таки вернулся оттуда. И послезавтра зайду к вашему отцу.

— Куртман не вернулся. Я предчувствовала это. Предчувствовала уже в ту минуту, когда провожала его к автобусу.

— Вы любили его?

— Нет... Да, да, — быстро поправилась она. — Я с ним целый год, как у нас тут принято говорить, «ходила». Его считали моим женихом. В сущности, он был мне безразличен до того момента, пока не решил уйти в лес. Я возражала, но именно это решение сделало его героем в моих глазах. Я немного сентиментальна. Тосковала о нем, боялась. А это

привязывает женщину к мужчине. Ваш знакомый не рассказывал подробностей о смерти Куртмана?

— Вы еще кого-то провожали в Домброво?

— Школьного товарища. Он был немного влюблен в меня, я не знала об этом. Когда он уходил в лес, неожиданно объяснился мне в любви. Я удивилась, никогда о нем не думала. Он погиб. Я часто поддразнивала Куртмана рассказами о том человеке, о его признании в любви. Может быть, потому Куртман и решил уйти к Роките? Если так, то именно я виновата в его гибели.

Девушка начала всхлипывать, как ребенок.

— Вы проявили большую жестокость, — буркнул Альберт.

Он был зол на нее. Может быть, за ее глупость.

— У вашего отца в кабинете висит картина Гроттгера, на книжной полке стоит «Верная река» Жеромского. Мужчина, который не хочет быть убитым, кажется вам неромантичным. Вы заставили его уйти в лес. Не стоило дразнить его тем сумасшедшим. Куртман погиб, но не по вашей вине. Ему устроили побег, он согласился стать осведомителем. Кто-то сообщил Роките. Куртмана застрелили, как только он явился в свой отряд. Я видел его через три дня. Он лежал на лесной тропинке, подогнув ноги, весь облепленный муравьями.

— Вы врете, врете! — истерически крикнула девушка. — Ложь... Ложь... Все неправда.

Они стояли друг против друга на узкой улочке, застроенной полуразвалившимися домишками. Ставни на окнах были плотно закрыты, дома казались вымершими.

— Не понимаю вас. Вы хотели стать любовницей Крыхняка, чтобы спасти Куртмана. Теперь же вас пугает мысль о том, что он хотел спасти свою жизнь, предав товарищей.

— Я хотела «продать» только себя. А он... других. Это разница. — Теперь уже не жалость, а ненависть к Куртману звучала в ее голосе.

Девушка повернулась и бросилась бежать, громко стуча каблуками по неровным плиткам мостовой.

— Я уже третий раз приезжаю сюда, — сказал Миколай. — Ты был в монастыре?

— Да.

— Есть что-нибудь интересное?

— Нет.

— Как дела с «хрустальным зеркалом»?

— Отстань! Ведь ты все равно не веришь в эту чепуху...

Миколай замолчал, обиженный резкостью Альберта. Курили, молча глядя на светящийся спидометр.

— Я побывал у Рамуза, облазил монастырь сверху донизу, до потайных подвалов, — заговорил, наконец, Альберт. — Я знаю все, но не продвинулся ни на шаг вперед. «Хрустальное зеркало» по-прежнему остается загадкой. Ума не приложу, как начать это дело. Топчусь на одном месте.

— Зачем же ты явился на встречу со мной?

— Просто хотел взглянуть на твою физиономию. Я здесь так одинок, кругом враги. Ты понимаешь это?

Недоразумение было улажено, они снова стали друзьями. Миколай похвастался:

— Напал на след любопытной истории. Завтра днем все узнаю. Нащупал контакты, разузнал шифры, псевдонимы. А что будет, если не ты, а именно я раскрою тайну «хрустального зеркала»? Сегодня утром я был в УБ у начальника Яруги.

— Ты с ума сошел! — воскликнул Альберт.

— Яругу я не застал. Меня провели к заместителю.

— Такой толстый? Крыхняк?

— Ты его знаешь?

— Немного.

— Так вот. Я его предостерег. И тебе советую соблюдать осторожность. На завтрашний вечер что-то готовится. Не знаю еще, что именно, завтра днем буду иметь точную информацию.

— Будь осторожен. Влипнешь сам, подведешь меня. Сорвешь всю операцию.

— Тебе кажется, что ты умнее всех. Три раза

в день принимаешь ванну, за комнату платишь долларами. Вот новый стиль твоей работы.

— Откуда ты знаешь?

— Здешние дамочки нашептывают друг другу. Жена доктора — жене адвоката, жена адвоката — жене аптекаря и так далее: «Ах, какой он интересный, этот англичанин, какой элегантный!» Ты и в монастыре так себя вел? — иронизировал Миколай.

— Так уж сразу и англичанин? Доллары? Да теперь любой спекулянт платит долларами.

— Ты забыл о ванне. «Это не поляк, раз такой чистюля», — говорят.

— Кто тебе все это рассказывал?

— Подруга твоей хозяйки. Портниха. У нее мастерская на площади.

— Кто она в действительности?

— Портниха. Дама полусвета. Обожает все, что пахнет опасностью. Подыгрывает Роките, подыгрывает Яруге. Например, хочет узнать, куда пропал его сотрудник. Она наводит сведения и сообщает, где и когда кого стукнули. И одни и другие о ней знают. И тем и другим она нужна.

— Понятно, — Альберт кашлянул.

— Ты страшно утомлен, даже позеленел весь, — посочувствовал Миколай.

Он остановил машину у въезда в город.

...Было уже часа три ночи. Старомодная лампа на цепочке давала возможность без труда разобрать надпись на небольшой медной дощечке:

ФРАНСУАЗА ЛИГЕНЗА
Портниха

Двери и окна мастерской были закрыты рифлеными шторами. Сквозь щели одного из окон пробивался свет: пани Лигенза, по-видимому, уже вернулась от Рачинской. «Интересно, одна она у себя или вдвоем с архитектором? — размышлял Альберт. — А может, это не ее окна?»

К дому примыкал небольшой садик. Альберт вошел в открытую калитку, ощупью пробрался к двери дома. Постучал. Тишина.

Постучал еще раз, сильнее. Послышался стук дамских туфель. Загремела цепочка. Дверь открылась.

— Чего-чего, а такого я от вас не ожидала...— Лигенза нисколько не смутилась, хотя была полураздета. Закрыла дверь, провела его в комнату. Только после этого повернулась к нему спиной и набросила на плечи халатик.

— Вы меня поставили в очень затруднительное положение. Теперь я не могу ночевать у Рачинской.

— Не понимаю... — кокетливо прищурилась женщина.

Альберт зевнул, вынул из кармана сигареты. Пачку сигарет и спички положил на стол, предварительно отодвинув куски материала. Под ними блеснул шприц с остатками какой-то жидкости.

— Вы явились, чтобы переспать со мной, или вас интересует что-нибудь другое?

— Другое.

— Ах, так!.. Это хорошо, потому что в соседней комнате спит мой жених. Разбудить его?

— Как хотите.

Лигенза села на стул, сняла туфли на высоких каблуках, надела домашние тапочки. Тихо, на пальцах, прошла в соседнюю комнату. Вернулась с бутылкой коньяка и двумя рюмками.

— Выпьем? Может, это развяжет вам язык.

Она поровну разлила коньяк по рюмкам, как опытный потребитель спиртного.

— Последнее время мне трудно заснуть без алкоголя. Видимо, придется лечиться, — призналась она, нимало не смущаясь.

— А я думал, что вы...

— Это насчет шприца? Мой жених делает уколы морфия. Он был ранен, рана не заживает, ужасные боли... Вы смотрите на мое лицо? О, когда-то я была красива! Так мне говорили по крайней мере. Ожог. Банальная и неинтересная история. Вспыхнул бензин, когда я заливала его в машину. Давно уже, шесть лет назад.

Теперь, когда она сказала, что была красива, он и в самом деле увидел следы былой красоты, несмот-

ря на безобразные красные пятна на щеках, на лбу и на руках. Ей было лет тридцать, а возможно, и меньше.

— Архитектор... — пробормотал Альберт. От первой же рюмки коньяка голова пошла кругом.

— Это Рачинская рассказала ему о вас. Он передал мне. Я пошла к Рачинской в качестве консультанта... по вашему делу, — засмеялась Лигенза.

— Я думал, он ваш жених.

— Вопреки видимости меня не так-то легко заставить согрешить. — Она выпила свой коньяк с явным отвращением, как горькое лекарство.

— Архитектор наболтал глупостей. Кто его просил? Теперь все пропало. И это ваша вина. Да... Вам это даром не пройдет... — Он начал заговариваться, но по-прежнему контролировал свои действия.

— Будь спокоен! Ни один волос не упадет с твоей головы.

— Чепуха...

— Ты в надежных руках.

— Чепуха какая-то, — повторял он с пьяным упорством.

— Клянусь тебе, — Лигенза схватила его за руку. Сжала ее сильно, по-мужски.

Альберт тупо уставился на пустую рюмку. Женщина потянула его в другую комнату.

Он послушно двинулся за ней.

— Я обманула тебя насчет жениха. Здесь никого нет. Я боялась, вот и сказала о нем...

Она подтолкнула Альберта к дивану. Помогла ему раздеться. Сняла плащ, пиджак, осторожно отцепила пояс с револьвером. Ей казалось, что он совершенно пьян. Ее волосы, пахнущие ромашкой, щекотали его лицо...

Разбудил Альберта стук швейной машинки, доносящийся из-за стены. В комнате царил полумрак. Он приподнял тяжелую от алкоголя голову и оглянулся. С радостью убедился, что в комнате, кроме него, никого нет.

Рядом с диваном, на стуле, лежала его аккуратно сложенная одежда, шляпа прикрывала револьвер. Он

взглянул на часы и вскочил: первый час дня! Никем не замеченный, Альберт выскользнул на улицу и на мгновенне ослеп от яркого солнца.

Был первый по-настоящему весенний день. Пахло свежим воздухом. Солнечные блики играли на неровных плитах мостовой.

На площади Альберт увидел три грузовика, а рядом с ними — группу пожилых мужчин в грязных комбинезонах. По-видимому, это были рабочие единственной в городе, довольно большой кожевенной фабрики. Красно-белые повязки на рукавах, длинноствольные винтовки довоенного образца. Рабочие пытались построиться в две ровные шеренги, но им это плохо удавалось. Высокий худой поручик командовал смешным дискантом, громко смеялась стайка девушек, наблюдавших за сборами.

Альберт подумал о людях Рокиты, которых он видел в поезде, — великолепно вымуштрованных, вооруженных современным оружием. Достаточно им узнать о маршруте этих трех машин, и в город не вернется живым никто: ни поручик, ни остальные.

Среди зевак, собравшихся на площади, Альберт заметил человека в белом халате. Здесь же, неподалеку, на низком деревянном домике висела вывеска: «Парикмахер».

— Побрейте меня, — обратился Альберт к человеку в халате.

Тот нехотя отправился к себе в парикмахерскую. Пока он разводил мыло в оловянной мисочке и точил бритву, Альберт просмотрел местную газету, валявшуюся на столе. Взгляд его остановился на двух больших портретах в черных рамках, помещенных на первой странице.

— Что это за люди?

— Эти? Инженеры. Позавчера Рокита пустил их в расход в лесу около Домброво.

— Инженеры? Из органов? — притворился непонимающим Альберт.

— Нет. Говорят, что близ монастыря собираются строить большой завод шарикоподшипников. А может, что другое, не знаю. Говорят, что эти двое по-

ехали выбирать площадку под строительство. Ну, их и отправили на тот свет.

На площади раздались громкие гудки, потом мимо парикмахерской проехали три грузовика, набитые вооруженными рабочими.

Парикмахер посерьезнел, стал излагать свои мысли:

— Этот городишко — нищая, вонючая дыра. Как и весь уезд. Здесь не один, а десять заводов надо выстроить, чтобы все получили работу. Убили этих инженеров, а люди ругаются: боятся, что правительство откажется от строительства и больше не пришлет сюда инженеров. Как вы думаете, пришлют других?

— Не знаю. Может, и пришлют...

Альберт вышел из парикмахерской. Настроение было отличное. Вокруг шумела детвора, слышался смех, свист. И все это радовало Альберта. «Весна», — думал он.

И вдруг раздались четыре выстрела. Где-то совсем близко, будто над самым его ухом.

На бешеной скорости промчался мимо мотоцикл с двумя седоками. Люди бежали к маленькому скверику в конце площади.

— Стреляла какая-то женщина!

— Нет. Тот, с мотоцикла!

— Убит?

Миколай умирал. Он лежал навзничь поперек мостовой, а голова его покоилась на зеленой траве газона. Он широко раскинул руки, как монахини на мессе, в монастыре норбертинок. Из открытого рта стекала струйка алой крови. По лицу пробегали судороги, пальцы рук то сжимались, то разжимались. Толпа вокруг него росла с каждой минутой. А он умирал в центре этого круга — одинокий, беспомощный.

Несколько мгновений Альберт боролся с острым желанием броситься к нему, осмотреть рану.

— Врача! — закричал он.

Кто-то помчался за врачом. Толпа зевак молча смотрела на умирающего. Альберт обвел взглядом

сосредоточенные, возбужденные лица людей. На мгновение замер. Ведь среди них мог быть и убийца Миколая.

Никто не должен знать, что в эту самую минуту умирал самый близкий ему человек. Миколай открыл глаза, невидящим взглядом посмотрел на склонившихся над ним людей. Вдруг его взгляд прояснился, стал более осмысленным. Он как будто узнал друга. Губы его шевельнулись, но не издали ни малейшего звука.

— Готов... — услышал Альберт за спиной чей-то голос.

Альберт упаковывал чемоданы. Поспешно бросал в них белье — чистое и грязное, рубашки, одежду. Его подгонял страх, такой сильный, какого он еще никогда не испытывал и который он ощутил, узнав о гибели Миколая.

Смерть Миколая произошла слишком внезапно, потрясла его, поразила, как предательский удар из-за угла. Он не раз был свидетелем гибели близких ему людей, еще вчера задорно смеявшихся и строивших планы на будущее. От их улыбок не осталось даже тени, от их тел только клочья, но тогда шла война, и такая смерть — трагическая, но привычная — не вызывала ужаса; ведь кругом рушились дома, горели города, даже испаханная снарядами земля обнажала свое чрево.

«...Смерть не страшна. Это узкая полоска тени, я читал где-то. Переступаешь эту черту и оказываешься в совершенно ином мире. И тебе абсолютно все равно, что с тобой было прежде», — говорил Миколай и сам переступил черту так неожиданно.

Здесь все было против Альберта, все предвещало беду.

— Пан Альберт, дать вам кофе? — услышал он приветливый голос Рачинской.

— Да, пожалуйста...

Он приоткрыл дверь и протянул руку.

— Мне нездоровится.

— Ничего удивительного. Всю ночь вас не было.

Альберт запер дверь на ключ. Несколькими большими глотками, обжигая губы, выпил горячий кофе. Закурил. Осмотрел пистолет, вынул патроны, протер, снова вложил в магазин, один загнал в дуло. Тяжесть пистолета в руке всегда действовала на него успокоительно.

Он уже не был Альбертом. Маскарад кончился. Он снова стал самим собой, влез в свою шкуру, сбросил одежду другого человека. Теперь конец.

Уехать отсюда! Немедленно! Миколай и его смерть — достаточный повод для такого решения. Миколай впутался в историю, от которой надо было держаться подальше, и погиб. Теперь Альберт имеет право отказаться от выполнения задания, и никто не сможет упрекнуть его в этом; никто не имеет права требовать, чтобы после всего, что случилось, он, Альберт, по своей собственной воле шел на верную смерть.

Раздался тихий стук в дверь. Альберт левой рукой повернул ключ, в правой он держал пистолет.

— Какой-то молодой человек хочет поговорить с вами, — сообщила хозяйка.

«Слишком поздно, — подумал Альберт. — Неужели мое решение пришло слишком поздно?»

— Скажите ему, что меня нет дома.

— Я так и сказала. А он заявил, что будет ждать вас хоть до утра. И уселся в гостиной.

— Тогда пусть зайдет.

Он отошел от двери. Положил пистолет на стол, прикрыв его томом Байрона. Сел к столу, опершись руками на книгу, как будто читал ее.

Стуча высокими сапогами, в комнату ввалился здоровый парень лет двадцати, в расстегнутой зеленой куртке и мятой рубахе. Двигался он с развязной бесцеремонностью. Не вынимая рук из карманов куртки, парень подошел к столу.

— Вы говорите по-английски? — спросил он с довольно хорошим школьным произношением.

— Да, — буркнул Альберт, не поднимаясь со стула.

— Я пришел к вам по приказу Рокиты.

— Слушаю вас. — Альберт развалился на стуле. Щелчком подтолкнул к парню пачку сигарет. И чуть не застонал от облегчения, когда тот вынул руки из карманов, чтобы взять сигарету. Закурив, парень осмотрел комнату в поисках свободного стула, нашел его, пододвинул к столу и сел верхом.

— Я пришел от Рокиты... — повторил он, вероятно ища английские слова для более точного выражения своей мысли. Глубоко затянувшись, он закашлялся, выплевывая крошки табака. — Вы английский парашютист, правда?..

— Не знаю, от кого вы пришли, — Альберт заговорил медленно по-польски. Он сунул руку под книгу. Сжал рукоятку пистолета. — Я знаю только, что вы пришли по неверному адресу. Я работник органов безопасности.

Глаза парня округлились, щеки ввалились, губы раскрылись, как у удивленного ребенка.

— Спокойно! — скомандовал Альберт. — Руки на стол!

Направив на парня дуло пистолета, Альберт вытащил у него из кармана большой ковбойский «кольт» и осколочную гранату.

— Вперед, марш! — скомандовал Альберт.

Подталкивая парня дулом пистолета, провел его вниз по лестнице, в гостиную, потом в переднюю. Приказал открыть дверь. Когда они вышли в сад, Альберт размахнулся и швырнул в сторону тяжелый «кольт».

— Убирайся отсюда, щенок!

Он вернулся в дом, хлопнув дверью. Потом открыл глазок и увидел, что парень несколько секунд стоял на том месте, где его оставили, а потом, словно очнувшись, тремя огромными прыжками подскочил к своему «кольту», жадно схватил его и, поглядывая на дверь дома, медленно пятясь, выскользнул на улицу.

Вечером того же дня Альберт оказался перед большим зданием уездного Управления государствен-

ной безопасности в городе Р. Вечериий воздух был прохладным, сгущались сумерки. Здаиие стояло на отшибе, в узком тихом переулке. Редкие прохожие, которым случалось проходить здесь, пробирались по улочке крадучись, словно на цыпочках. Со смешаиным чувством страха и любопытства онн поглядывали на окна, забранные плотной решеткой, на палисадник, где среди тополей видиелась полосатая красно-белая будка.

В пропахшей табачным дымом канцелярии дремала, уронив голову на клавиши «Ремингтона», белесая девица. Оиа подняла иа Альберта заспаииые глаза, иа ее щеках отпечатались маленькие кружочки — следы от клавишей машинки.

— Доложите начальнику, что из Варшавы прибыл майор В., из Управления госбезопасности, — тихо проговорил ои, протягивая свое удостоверение.

Она тотчас же возвратилась.

— Можете пройти к иачальиику.

Его приветствовал мужчииа лет сорока. Очеиь высокий, сутулый, с запавшей грудной клеткой и иепомерно длинными руками. Его щеки горели нездоровым румянцем, губы были сухими, кожа — словио выцветшая папиросная бумага. Массивная, выдающаяся вперед челюсть придавала ему вид благодушного добряка, голос шел откуда-то из глубины, как у чревовещателя. «Жила, — мысленно охарактеризовал его Альберт.— Сухая, дубленая жила. Ремень».

Начальник уездного Управления безопасности Яруга был в форме капитана Войска Польского. Из-под расстегнутого мундира выглядывала помятая, не первой свежести зеленая рубашка. Громадный письмеииый стол был завален грудой каких-то бумаг и книг, к которым он относнлся с явной враждебностью, время от времени отодвигая их, чтобы освободить место для своих длинных рук, заканчивавшнхся увеснстыми кулаками, покрытыми рыжей растительностью.

Возле стола сидел Крыхияк, тоже в мундире, с погонами поручика. Воинский ремень сползал с его

бочкообразиого живота, толстая шея выпирала из тесного воротника.

— Я зиаю вас, майор, — забасил Яруга. — Мие прислали телефонограмму об этом. Уже трое суток вы живете иа вилле у Рачииской. Навестили учителя Рамуза, потом куда-то пропали иа целый деиь. Впрочем, какое мне до этого дело? Вы прибыли сюда по какому-то специальиому заданию? Хорошо. Но все-таки могли бы, кажется, заглянуть ко мие чуть пораньше.

— Не было необходимости, — пожал плечами Альберт. Ои подал Крыхняку руку. Хотел добавить: «Мы уже знакомы, ие правда ли», но сдержался.

Яруга стукиул кулаком по столу.

— Вы иам не доверяете, поиимаю. Эх, вы...

— Я прибыл сюда по делу о дезертирах.

— Их уже иет в живых, — расхохотался Крыхняк. — Они подались в банду, и Рокита приказал расстрелять их. Я сам осматривал трупы. Стоило ради этого приезжать!

— Да ведь ои не за этим приехал. Я не верю майору, у иего что-то свое иа уме. — Яруга усмехиулся мягко, поиимающе. — Закуривайте, — предложил он.

Яруга курил, сильио и глубоко затягиваясь. В легких у него хрипело.

— Вас губит преувеличеииое иедоверие, — проговорил ои с притвориым сожалеиием.

— Не поиимаю, — пожал плечами Альберт.

— Прибыл в иаш район еще один офицер из управлеиия, — рассказывал Яруга. — Иикогиито. Не договорился с нами. Я не зиаю, что он здесь искал. С кем-то установил коитакт, его опозиали, а он, наверное, проиюхал что-то важиое, потому что сегодия в полдень его шлепнули. Прямо иа улице. Около канцелярии старосты. Как его звали? — Ои прииялся шарить в своих бумагах и, иакоиец, с триумфом извлек какую-то измятую записку. — Поручик Миколай Л. Вы его знали?

— Знал.

— Вот имеиио. Совсем молодой парень. Жаль его. Мы отправили тело в Варшаву. Он одииокий?

— Кажется, нет. Точно не знаю.

— Вот именно, — ворчал Яруга. — Не явился к нам, как свой к своему. Мы бы его остерегли, дали бы охрану, оказали бы помощь — все, что необходимо. По-хозяйски, это же наш район.

— Он действительно не был у вас? Ни с кем не беседовал? — усомнился Альберт.

— Боже мой, майор! Я ведь уже говорил вам: ни с кем! — загремел Яруга.

— Ни с единым человеком. В том-то и дело! — подтвердил Крыхняк. — Никто из нас его в глаза не видел. Только когда шлепнули его... Остальное — тайна, покрытая мраком, как говаривал наш старый школьный учитель.

— Я тоже был учителем, — похвастался Яруга.

— Географии... — захохотал Крыхняк.

Яруга пригрозил ему своим волосатым кулаком.

— Ах ты, скотина!..

Альберт поглядывал на Крыхняка. Его лицо казалось одеревенело. Альберт снова ощутил холодок в кончиках пальцев. «Ах ты, скотина!» — повторил он мысленно слова Яруги.

— Убили его, — проговорил Альберт. Он заново осознал в полной мере факт гибели Миколая. Если тогда, в первый раз, его охватил страх, то теперь — только ярость.

— Одни говорят, будто стреляла какая-то женщина, другие — что выстрелил мужчина, мчавшийся на мотоцикле. Разумеется, задержать никого не удалось. Он пал на поле боя, — с наигранным пафосом проговорил Крыхняк.

— У нас длинные руки. — Яруга вытянул на столе свои внушительные пятерни, рассматривая их с явным одобрением. — Женщина?.. В игру входит только одна женщина. Любовница Перкуна. Она любила его, а теперь мстит. Такие бабы способны свихнуться от любви. Трагическая любовь делает их жестокими. Если прежде ей становилось дурно при виде капли крови, то теперь она может быть хладнокровнее самого палача.

— Красивая, великолепная женщина, — вздохнул Крыхняк.

— Ведь ты же никогда ее не видел, — заметил Яруга.

— Я говорю с чужих слов. В отрядах Рокиты ходят легенды о богатстве, которое оставил ей Перкун. Рассказывают, что он буквально осыпал ее золотом, драгоценностями. А ведь у него была жена и двое детей.

— Высокая, с орлиным профилем, лицо бледное, покрыто золотистыми веснушками, — продекламировал Альберт.

Крыхняк зевнул.

— Описание ее примет мы позавчера направили к вам. Однако я утверждаю: ее уже нет в Польше. Удрала. Убийство вашего поручика не ее рук дело.

Альберт закурил. Гася зажигалку, он бросил негромко:

— Нынешней ночью случится нечто неприятное.

— Занимаетесь предсказаниями? Гадаете на кофейной гуще, майор? — громко расхохотался Яруга. — А ведь мы еще не успели вас и кофе попотчевать. И, собственно говоря, откуда вам знать, что нынче ночью что-то случится?

— Я ничего не знаю. Знал этот поручик, оттого-то он и погиб.

— Почему же вы не сказали об этом сразу? Как раз сегодня дислоцирующаяся у нас часть Корпуса внутренней безопасности выехала на ночную облаву в самый отдаленный конец уезда.

— Милиция тоже отправилась вслед за ними, — вздохнул Крыхняк.

— Кто разрешил? — заорал Яруга.

— О разрешении они не спрашивали.

Яруга схватился за телефонную трубку, принялся вертеть ручку. Никто не отвечал.

— Алло! Алло! — надрывался Яруга.

Крыхняк принялся нервно постукивать пальцами по столу. Он вел себя беспокойно, ерзал на стуле широким задом. Альберт сидел неподвижно, без удо-

вольствия затягнваясь сигаретой. Его переполняло чувство отвращения.

В большой, словно тарелка, пепельннце высилась гора окурков. Пепел сыпался на стол, на разбросанные по нему бумагн.

Яруга надрывался от крика. Наконец он раскашлялся и, казалось, собирался выплюнуть собственные легкие. Измученный, с каплями пота, он отбросил телефонную трубку. Потом встал и, приоткрыв дверь к секретарше, велел соеднннить его с уездным комнтетом партнн.

— Черт возьми! — тихо пробормотал он. — У меня тоже предчувствие: что-то должно случиться. Ломота в костях, как у старого ревматика.

Яруга снова уселся за письменным столом. Дышал он с трудом: у него все еще хрипело в груди.

— Вам необходимо лечнться, — заметил Альберт.

— Э, где там! — махнул Яруга рукой. — Я подыхаю эдак уже около пяти лет.

Альберту приходилось слышать о нем немало хорошего. Во время оккупации Яруга командовал AL *-овским партизанским отрядом, спас несколько десятков евреев из горящего гетто в Р. Выданный кем-то из NSZ ** в руки гестапо, он, несмотря на пытки, не назвал никого. Яруге перебилн там пальцы, вспомнил Альберт и смущенно взглянул на его руки.

На пальцах Яруги он заметил длинные синие шрамы и наросты.

---

* Отряды AL (Армия Людова) — партизанской армии, создаииой по иннцнативе Польской рабочей партии в январе 1944 года, — объедииялн тех польских патриотов, которые ставнли своей задачей, помнмо вооруженой борьбы с гнтлеровскими оккупаитамн, осуществлеине широких социальио-демократнческнх реформ в послевоениой Польше.

** NSZ (Народове Силы Збройне) — подпольная националнстнческая организация террористического характера, действовавшая во время оккупацнн Польшн н в первые годы после ее освобождення. Среди миогочнслеиных подпольных организаций польского Сопротивлеиия NSZ придерживалась крайие правой орнентацни, сотрудннчала с гитлеровцами, снабжавшимн ее оружнем, с гестапо, которому NSZ выдала ряд коммуннстов н другнх активных борцов против фашизма.

— Почта не отвечает, — доложила секретарша.

— Что значит «не отвечает»?

— Линия молчит. Наверное, авария...

Воцарилось долгое молчание. Яруга вышел, чтобы выяснить причину аварии. Альберт сонным взглядом наблюдал за Крыхняком.

— Вчера вечером вы были другим, поручик, — бросил Альберт. Молчание тяготило его.

— Другим? Я был в штатском. А у вас всегда такой таинственный вид?

Альберт усмехнулся, но ничего не ответил.

— Майор, — вежливо произнес Крыхняк. — Я приглашаю вас к себе сегодня вечером. Моя жена очень вами интересуется...

Возвратился Яруга в сопровождении двух мужчин. Один был в форме капитана милиции.

— Я их разыскиваю, а они сами нашлись... Секретарь уездного комитета партии, — Яруга представил Альберту мужчину в гражданском платье. — А этот товарищ — начальник нашей милиции Ключинский, псевдоним «Сова». Вы слышали о нем? Наш вожак и гроза бандитов, моя гордость и забота. Партизан.

Первый раз Альберт почувствовал в голосе Яруги нотки сердечности.

Сова с рассеянным видом потер рукой свой крупный мясистый нос. Он был высок, широк в плечах, с грубыми чертами лица.

— Рассказывайте, как это произошло. Я вас слушаю, — обратился Яруга к секретарю комитета партии.

Они сели: Яруга — за своим столом, те двое — возле, как скромные просители. Секретарь, молодой, пожалуй тридцати с небольшим лет, мужчина, прямо-таки кипел от злости.

— Я снова задержал Сову, когда он убегал в лес. Сначала он позвонил, наговорил мне с три короба, смешал с землей всю нашу партию и бросил трубку. Я понял: здесь что-то не так, и быстрей в машину. Догнал его уже за городом. Он вел в лес своих архаровцев. Я задержал их, провел с ними беседу, забрал

Сову и доставил сюда... До каких пор, начальник, вы намерены потакать выходкам Совы?

— Тише на поворотах, товарищ Садовский. С Совою все будет в порядке. — Повернувшись к нему, Яруга рявкнул: — Ты арестован! Ремень с пистолетом — на стол!

Сова расстегнул ремень и положил его вместе с кобурой на стол Яруги.

— Товарищ Садовский обещал мне, что, если я возвращусь, он не сделает никаких оргвыводов, — тихо сказал Сова. — Теперь он поступает иначе... Вы всегда так крутите: говорите одно, а делаете другое.

Садовский схватился за голову.

— Да какие же еще я могу сделать оргвыводы? У вас уже есть строгий выговор с предупреждением. Самое большое, что мы можем сделать,— это выгнать вас из партии, что и постараемся осуществить при первой возможности. А тем временем я внесу предложение, чтобы вас освободили от обязанностей начальника уездного отделения милиции. Боже, в каком болоте я оказался! Вокруг банды, а тут, в самом сердце города, начальник милиции в любую минуту готов переметнуться на сторону Рокиты. Ни на кого нельзя надеяться, никому нельзя доверять.

— Я отстаиваю линию партии. Настоящую партийную линию, — буркнул себе под нос Сова. — У меня черное — это черное. Белое —белое. А у вас? Раз так, а раз этак. Рокитой же меня не пугайте. Я к Роките не ходил и не пойду. С меня достаточно своего отряда. Коммунистического. Зачем вы арестовали Мрочковского и Пщулковского? Потому что они были в АК *? Ну были, и что с того? Они же сами признались, партия простила их. Мы не собирались припоминать им их вину. У кого скрывались трое советских партизан? У Пщулковского! А наши раненые парни у кого нашли приют? У Мрочковского. Та-

* АК (Армия Крайова) — польская конспиративная военная организация, существовавшая на территории оккупированной Польши и подчинявшаяся польскому эмигрантскому правительству в Лондоне.

кие вещи не забываются. Почему же вы их арестовали?

Садовский пожал плечами.

— Все претензии по этому поводу адресуйте к Яруге.

— Сова, чего ты добиваешься?

— Я хотел уйти в лес. Может, тогда вы бы одумались?

— Он спятил! — покатился со смеху Садовский.

Яруга тоже засмеялся и тотчас опять раскашлялся. Задыхаясь, он лишь молча погрозил Сове кулаком.

Изнемогший от приступов кашля, он произнес уже мягче, спокойнее:

— Если подашься в лес, пристрелю тебя как паршивого пса. На посту начальника милиции тебе, разумеется, больше нельзя оставаться. Слишком ты глуп для этого. Ты беспокоишься за судьбы этих аковцев? Ну что ж! По этому поводу у меня нет к тебе никаких претензий. Коммунист должен беспокоиться за судьбу каждого человека. Однако оба они начали вести какую-то подрывную работу. Можешь мне поверить. Забери свою «пушку», — бросил Яруга ремень с кобурой Сове на колени.

— Я так и знал, что все этим кончится, — возмутился Садовский. — Начальник, я поставлю этот вопрос на бюро. Придется вам давать объяснения.

Яруга сжал челюсти так, что на щеках у него заходили желваки. Он уставился на свои длинные руки, которыми опирался на край стола.

— Секретарь, я Сову знаю! Он воевал в нашем уезде. За партию. Жену потерял, двух братьев, его

Враждебное отношеине верхушки АК к СССР н новой народной власти в восточных районах страны, уже освобожденых Советской Армией, выразнлось в широкой террорнстнческо-подрывной деятельностн отрядов АК. После войны миогие активные аковцы, боровшнеся против новой власти, былн осуждены. Былн и перегибы, когда необоснованио репрессировались и рядовые бойцы АК, мужественно сражавшнеся с гнтлеровскими оккупантамн, в частности в Варшавском восстанни.

сыиа бандиты распяли. Ои иаш человек душою и телом, вместе со всей своей иеразумиостью. А вы, секретарь, человек из Варшавы. Вы Сове не доверяете, потому что ои грозится уйти в лес. А я вас ие зиаю...

Садовский подиялся.

— Благодарю за откровенность. Ничего ие поделаешь. Придется рассматривать этот вопрос на бюро. И ваше поведение тоже. Или мы договоримся, или вынуждеиы будем расстаться. Без сожалеиия.

Садовский был уже в дверях, когда дом встряхиуло от взрыва. С потолка посыпалась штукатурка, сорвался со стеиы портрет. Со стороиы сада взрывиой волной выбило стекло, и в кабииет ворвались алые языки пламеии.

— Немедлеиио в иаш арсенал! Быстро в арсеиал за пулеметом! — бросил Яруга Крыхияку и Альберту.

Однако с улицы уже отозвался пулемет. Его, кажется, установили где-то иа крыше дома, стоявшего иапротив. Ои ударил прямо по окиам первого этажа, поливая комиаты свиицовой струей. Пули буравили стеиы, брызгая штукатуркой. Из сада доиосились разрывы граиат, а время от времеии — пулеметиые серии.

Самый остервеиелый огонь сосредоточеи был у главиого входа. В коридоре иесколько сотрудииков управлеиия, забаррикадировавшись перевериутыми столами и громадным шкафом, вели огоиь прямо через входиую дверь, развороченную граиатами. Атакующие пытались прорваться виутрь, но их удерживали защитиики баррикады.

Накоиец из арсенала доставили два ручиых пулемета. Одии устаиовили прямо у входа, второй Крыхняк с Альбертом поиесли на второй этаж.

— На террасу! Выдвииуть пулемет иа террасу! — распорядился Яруга.

С автоматом в руках он перебегал из комиаты в комнату. Наиболее опасно было там, где окиа выходили иа улицу, так как иападающие баидиты поливали их пулеметиым огием. Яруга подбирался к самому окну, высовывал голову, выпускал короткую очередь и полз дальше.

Терраса прилегала к его кабинету. Альберт осторожно приоткрыл дверь на балкон. Тотчас же полоснула пулеметная очередь. Щепа от раздробленного дверного косяка больно хлестнула его по лицу.

— Заметили нас, черт подери! — выругался Крыхняк. Он лежал рядом с Альбертом около подоконника. Через минуту около них появился Сова.

— На террасу. Давай! Боитесь? — задышал он над ухом Альберта.

— Их пулемет установлен прямо напротив террасы, — объяснил Крыхняк.

Сова вырвал у Крыхняка ручной пулемет и, выставив его перед собой, медленно пополз к двери. На улице уже совсем стемнело. Слышались только одиночные выстрелы да иногда отдельные пулеметные очереди.

— Перегруппировываются, — шепнул Крыхняк Альберту. — Перебьют нас, как уток. Сова с ума спятил.

Сова между тем начал строчить из пулемета. Укрытый за каменной балюстрадой, он поливал огнем стены домов, бил вдоль улицы. Отозвался пулемет с крыши дома напротив. Град свинца полоснул по балкону. Крыша, откуда стреляли, ненамного возвышалась над уровнем террасы. Балюстрада защищала Сову. Пули достигали только его вытянутых ног. Он подобрал их, согнув в коленях, и продолжал, почти не переставая, вести огонь. Терраса находилась почти на глазах у противника. Пулеметчик не мог «выкурить» Сову из-за каменного укрытия, но отрезал ему путь в комнату. Пули одна за другой врезались в порог, выдалбливая в цементном полу глубокие лунки.

— Ну давай! На террасу! — приказал Альберт Крыхняку.

— Да вы что, майор! Это верная смерть!

— Давай! — шикнул Альберт. Он вырвал из рук Крыхняка пистолет и приставил дуло к его виску. — Давай, трус!

— Отправляйтесь сами, майор. Там смерть!

Альберт навалился на Крыхняка. Уперся локтями

ему в спину и, не отводя от него дула пистолета, склонился к самому его уху.

— Этот поручик Миколай... Он ведь был у тебя вчера вечером... Ты говорил с ним. Он предупредил тебя о том, что сегодня нападут. Что ты сделал с Миколаем, иуда? Слышишь меня?

С улицы снова донеслись разрывы гранат. От деревянного порога на террасу веером летели щепки. Пулемет на крыше настойчиво пытался накрыть Сову.

— Ну давай! — напирал Альберт, тыча дулом в голову Крыхняка.

Крыхняк застонал и пополз к дверям на балкон. Он тащил на спине Альберта. Около порога Альберт сполз с него.

— Быстрее, быстрее, подлюга! — прокричал ему в самое ухо Альберт, словно на прощание.

Крыхняк выбрался за порог. Пулемет на крыше неожиданно смолк. Крыхняк быстро пересек опасное пространство. Только ничтожное расстояние отделяло его от Совы. В саду взметнулась вверх зеленая ракета. Она поднялась высоко над крышей уездного управления. В ее зеленоватом свете Альберт увидел скорчившуюся фигуру Совы и зеленовато поблескивающую лысину Крыхняка.

Одновременно со вспышкой ракеты с обеих сторон с новой силой полыхнул огонь. Молчал только пулемет на крыше противоположного дома. Зато Сова, которому удалось лучше, чем прежде, разглядеть цель, поливал свинцом пространство в саду между тополями.

«Повезло ему», — в бешенстве подумал Альберт о Крыхняке.

Зеленая ракета внезапно рассыпалась на тысячи искр. Лысина Крыхняка светилась в темноте, словно натертая фосфором. Альберта трясло. Он выдвинул вперед руку с пистолетом и, опершись на локоть, выстрелил, почти не целясь. Голова Крыхняка стукнулась о цементный пол. Казалось, он приник, приклеился всем телом к террасе.

Не спеша Альберт перескочил через порог и

швырнул пистолет Крыхняка под ноги убитому. Еще бросок — и он возле Совы.

— Заело у него, что ли? — бросил Сова. Он имел в виду пулемет на крыше. — А Крыхняк? Что с ним? — обернулся и констатировал без сожаления: — Мертвый, холера!

Молчание пулемета, видимо, явилось сигналом для прекращения атаки. Окончилась она столь же внезапно, как и началась. С минуту еще огрызались выстрелами только окна уездного управления, но и здесь огонь вскоре прекратился. На улице, погруженной в абсолютный мрак, и в саду воцарилась тишина, полная тревожного ожидания.

Нарушил ее резкий, неожиданный телефонный звонок. Телефон звонил в кабинете Яруги. Через дверь, распахнутую на террасу, звонок этот проникал в сад и был слышен даже на улице.

— Алло! Это уездное управление. Кто говорит? — спросил Яруга. — Отделение милиции? Кто у аппарата? Кужавка? Капрал Кужавка?

С террасы примчался Сова.

— Кужавка — один из моих ребят. Ну, как там у них? Удерживают оборону?

В кабинете Яруги было совершенно темно. Втроем они стояли около стола с телефоном, не видя друг друга.

— Кужавка докладывает, что атака Рокиты ими отбита, — вполголоса сообщил Яруга, по-видимому заслонив трубку ладонью. — Рокита отошел через рынок в сторону старого кладбища. Кужавка предлагает, чтобы мы вышли Роките наперерез, перекрыв ему дорогу для отступления... Алло, алло! Кужавка! — крикнул Яруга. — А как там здание партийного комитета? Они удержали оборону?

Альберт стоял рядом с Яругой. Он слышал в трубке хриплый голос Кужавки, но не мог разобрать слов. Трубка хрипела довольно долго. Яруга сопел, бурчал что-то себе под нос, поддакивал. Потом положил ее на рычаг.

— Ну и как, начальник? Рванем на улицу? Надо сделать это молниеносно. Кужавка дело советует.

Перекроем им дорогу, — заговорил с энтузиазмом Сова.

Яруга закурил сигарету, пряча в ладонях огонек зажигалки.

Он снова снял трубку. Скрипнула телефонная ручка.

— Алло-о-о, почта-а-а? — спросил Яруга.

Трубка пробормотала что-то неразборчивое.

— Говорит начальник уездного Управления безопасности Яруга. Будьте любезны, попросите к телефону пана Рокиту.

Альберт закусил губу. Придвинул голову к самому лицу Яруги.

— У телефона Рокита. — Теперь он отчетливо слышал каждое слово. — Чего ты хочешь от меня?

— Рокита? Слушай, Рокита... Поцелуй меня в зад.

С этими словами Яруга бросил трубку. Сова ударил кулаком по столу.

— Люди добрые, дайте мне Кужавку! Я растерзаю, распну его, изрежу на мелкие куски!

Яруга скомандовал:

— Сова, займи свою позицию! Майор, почему вы не у пулемета?

Сейчас все начнется сначала...

Сражение продолжалось до двух часов ночи. Обстановка усложнялась ночной темнотой и удобными огневыми позициями обеих сторон. В четырехчасовой перестрелке из банды Рокиты был убит только один человек, количество раненых осталось неизвестным. Потери другой стороны составляли трое убитых: часовой у ворот, один сотрудник в звании хорунжего и Крыхняк.

На рассвете, когда Альберт отправился на виллу Рачинской, Рокита по выходе из города натолкнулся на воинскую часть Корпуса внутренней безопасности, возвращавшуюся с ночной облавы. В завязавшейся перестрелке погибло десятка полтора бандитов, десятеро были захвачены в плен. Но сам Рокита с основными своими силами ушел в леса. Три грузовые машины с вооруженными рабочими кожевенной

фабрики напоролись на засаду. Живым никто из них не вернулся.

— Когда я услыхала первые выстрелы, вспомнила: ведь пан Альберт в городе, — говорила Рачинская.— Стреляли всю ночь напролет. Я ни на минуту не сомкнула глаз. Все о вас думала...

— А я вернулся живым и здоровым.

Они обедали в комнате рядом с гостиной. Было уже четыре часа дня. Альберт успел выспаться, принять ванну. Несмотря на это, он чувствовал себя усталым. Со дня приезда в Р. ни одна ночь не прошла спокойно. Подняв рюмку с красным вином, он заметил, что его рука дрожит, как у алкоголика.

— Говорят, будто Лондон присвоил Роките звание генерала. Это награда за налет на наш город. Вы только подумайте: из поручиков сразу в генералы. Я расхохоталась, услышав об этом. Мой муж был до войны майором. Окончил военную академию. А этот Рокита? Ведь он всего-навсего учитель. И вдруг — генерал. За что? Не штука захватить город. Важно удержать его, не правда ли?

Он кивнул.

— В конце концов, насколько я знаю, кроме здания почты и тюрьмы, Рокита ничего не сумел захватить. Ему оказали сопротивление уездный комитет, Управление безопасности и милиция. А вы где пережидали ночную перестрелку?

— В Управлении безопасности.

— Вы?..— Она не сумела скрыть свой страх.— Вы из УБ?

— Да нет же! Я оказался там совершенно случайно. Я проходил мимо по улице, когда началась стрельба. Где же мне было укрыться, как не в здании УБ? Ведь я бывший военный в звании майора, так же как ваш покойный муж. Я подумал, что могу оказаться полезным в этой схватке

— Вам пришлось стрелять?

— Очень мало. Было слишком темно, чтобы увидеть цель. Темнота — хоть глаз выколи! Больше шуму, чем дела.

— Однако в Крыхняка попали-таки.

— Да.
— Бедная дочка Рамуза!
— Бедная? Вы думаете, что она будет горевать о гибели этой скотины?
— О ком вы говорите?
— О Крыхняке.
— Ах, так вы ничего не знаете? Сегодня ночью убит учитель Рамуз.

Альберт резко отодвинул от себя тарелку. Эта новость потрясла его. Он ничего не понимал и, удивленный, тупо уставился на Рачинскую.

— Бедная девушка! Позавчера узнала о смерти своего жениха, а сегодня ночью убили ее отца. Осталась одна-одинешенька. Это ужасно! — проговорила Рачинская не совсем искренним тоном.

— Рамуза убили прямо в его кабинете. К нему в квартиру ворвались трое людей Рокиты. Может быть, кто-то из них был даже его учеником. Один вывел дочь в соседнюю комнату, а те двое прикончили учителя. Это ужасно, не правда ли?

Альберт не ответил. Он вспомнил, что еще недавно кабинет Рамуза представлялся ему мирной и безопасной обителью.

Раздался звонок у входной двери, и через минуту горничная провела к ним пани Лигензу. Рачинская поздоровалась с ней как со старой знакомой, хотя во время визита Крыхняка она делала вид, будто впервые видит у себя подругу архитектора. Хозяйка тотчас же подошла к буфету, достала оттуда графин с водкой и рюмки. Слабость портнихи, стало быть, не являлась для нее тайной.

— А где наш архитектор и землемер пан Рычалтовский? — спросила портниха.

— Они отправились в город, чтобы разузнать все подробности нападения. Это была Варфоломеевская ночь.

Лигенза не слушала. Она выпила водки и вдруг обратилась к Альберту:

— А вы что думаете об этом?

— Глупец! Глупец! — раздраженно отозвался тот. — Своим идиотским налетом он добился того,

что сюда перебрасывают крупные воинские части. Они начнут прочесывать леса и накроют его. Таким будет конец Рокиты, и, насколько я...

Альберт не закончил фразу, — закурил, поблагодарил за обед. У себя в комнате он разделся и влез под одеяло.

В два часа ночи его вызвал Яруга. Он прислал за ним «виллис», и вскоре Альберт уже сидел в уездном Управлении безопасности.

— Среди десяти захваченных в плен бандитов оказался один, который, вероятно, участвовал в убийстве вашего поручика. Сейчас мы вторично собираемся допрашивать этого типа, по кличке «Медведь». Я хотел бы, чтоб вы тоже присутствовали. Ведь это и вас касается, не правда ли?

Альберт молча кивнул. Он рассматривал серое от усталости и бессонных ночей лицо Яруги с покрасневшими, воспаленными глазами. Яруга охрип, дышал тяжело, с присвистом:

— Самое позднее через неделю мы должны начать показательный процесс. К нам в Р. прибудет военный трибунал. Мы хотим закончить следствие в течение трех дней. Потом приговор, пуля в лоб — и в землю. Это, разумеется, не перевоспитает Рокиту, но по крайней мере нагонит страху на тех, кто на него работает. Око за око, зуб за зуб, майор. Застрелили Рамуза. Убили Ленору. Распяли на дверях нашего курьера Яцковяка. Ему было всего четырнадцать лет. Старый Боровик отсидел пять лет в гитлеровском концлагере. А спустя полтора года пал от руки поляков. За что? Потому что вступил в ряды ППР *, а его сын работает у нас... Ночью через город шла грузовая машина с пятью советскими солдатами. Бандиты всех пятерых увели с собой и расстреляли в лесу.

* ППР (Польска Партия Работнича) — Польская рабочая партия была создана в январе 1942 года. Она объединила в своих рядах кадры старых польских коммунистов, провозгласив активную борьбу с гитлеровскими оккупантами в тесном союзе с СССР. Политическая программа ППР предусматривала также проведение широких социальных реформ в послевоенной Польше.

Сегодия доставлеиы их трупы... Около Домброво на телеге ехали трое евреев с жеиами и детьми. Уиичтожили всех, в том числе и детишек...

Яруга иенавидел. Неиавидел каждой клеточкой своего сильного тела. Выглядел ои страшно, и страшна была его неиависть.

Неожидаиио он закрыл лицо руками, оперся локтями иа стол и сидел так иеподвижио.

— Кто-то нас «сыпет», майор... — произиес ои тихо и подавлеиио. — Рокита знает о каждом нашем шаге. У него в руках список наших людей. Я чувствую себя так, словио мне иа шею иакииули петлю. Оиа затягивается, душит меия.

Рука его сжала запястье Альберта.

— Ты должен мие помочь. Ты здесь человек посторонний. Никто тебя ие зиает.

— Выпусти для примаики кого-иибудь из этих десяти бандитов, — подсказал Альберт.

— Ты думаешь? — крепко сжал губы Яруга. — Ох, если б я зиал, где сейчас один тип. Но его иет. Ои исчез: иет его ии мертвого, ии живого. Қаиул как камень в воду.

— Выпусти «примаику», — повторил Альберт.

— Кого?

— Ну хотя бы этого Медведя.

— Медведя? — Яруга с недоверием взгляиул иа Альберта.

— Мелкую рыбешку выпускать иет смысла. Это должиа быть щука.

— А если щука уйдет под воду — и дело с концом? Тогда меия расстреляют. На это иеобходима санкция воеводского УБ.

— Получишь саикцию — упустишь случай. Доверяй только себе. Мы выпустили Куртмана. Не многие знали об этом. И все-таки кто-то предупредил Рокиту, что Куртмаи станет «сыпать».

— Простая случайиость. А может, подозрительиость Рокиты? Ои уже иикому ие доверяет. Слишком уж дерзко взяли Перкуиа. Даже ребенок мог догадаться, что иа Перкуна доиесли и что предал его кто-то из ближайшего окружеиия. С Рокитой этот номер

не пройдет. Рыбу, которая однажды сорвалась с крючка, второй раз бывает трудно поймать на наживку. Медведя я не выпущу.

Альберт пожал плечами.

Яруга распахнул дверь к секретарше и распорядился привести к нему арестованного. Секретарша водрузила на стол Яруги графин с водой и старательно, как реквизит на сцене, расставила стулья. Два стула, на которые сели Яруга с Альбертом, — по одну сторону стола, а по другую, метрах в трех от него, — стул для Медведя.

Вошел Медведь в мундире без всяких знаков различия. Ему было года двадцать два. Широкое крестьянское лицо, редкие светлые волосы. Родом он был из какой-то захудалой деревеньки под Пилицей, окончил четыре класса гимназии. В банду Перкуна вступил в конце 1945 года под кличкой «Медведь». В его облике действительно чувствовалось что-то медвежье.

Во время первого допроса Медведь признался в убийстве шести милиционеров и членов ППР, а также в том, что он участвовал в налете на город.

На вопросы, которые ему задавал Яруга, Медведь отвечал не спеша, обдумывая каждую фразу.

Яруга:

— Кто приказал ликвидировать Миколая Л. из УБ?

Медведь:

— Я ничего не знаю об этом деле.

Яруга:

— Ты ничего не знаешь?

Медведь:

— Прошу не «тыкать»! Мы с вами вместе свиней не пасли.

Яруга поднялся, потом опять сел.

— Хорошо. Будем разговаривать на «вы».

— Благодарю, — иронически отозвался Медведь.

Яруга:

— Двадцать седьмого апреля на улице около канцелярии старосты был убит некий мужчина лет двадцати трех. Кто его убил? Кто отдал приказ о его убийстве?

Медведь:
— Не знаю.
Яруга:
— Слушайте, Медведь. Вы хотите, чтобы с вами не говорили на «ты» и тому подобное. Требуете вежливости. Я не против этого. Я предпочитаю вести с вами дружескую беседу. Однако это и вас обязывает. При таких отношениях лгать не полагается. Двадцать седьмого апреля в момент убийства этого человека вы мчались на мотоцикле как раз по той дороге. У нас имеются свидетели, что вели мотоцикл вы. Ваш спутник на заднем сиденье открыл огонь и убил поручика Миколая Л. Кто этот человек, ехавший с вами?
Медведь:
— Его кличка «Куропатка»...
Яруга:
— Почему вы убили поручика Л.? Разве ему был вынесен приговор?
Медведь:
— Не знаю... не знаю. Нет. Приговора не существовало. Но он должен был погибнуть. У нас не было времени...
Яруга:
— Черт возьми! Будете вы, наконец, отвечать или нет?!
Медведь:
— Пить...
Яруга:
— Здесь УБ, а не киоск с прохладительными напитками!.. Расскажите, по чьему приказу вы убили поручика Л.
Медведь:
— Мы ночевали в лесничестве Грабы. Рано утром прибыла к нам на велосипеде связная Зэнка. Ее настоящей фамилии я не знаю, где она живет, мне тоже неизвестно. У нее контакт с кем-то в...
Яруга (рычит):
— С кем? С кем, черт возьми!
Медведь:
— С кем-то у вас в УБ.

Яруга крикнул секретарше:

— Дай ему стакан чаю, да покрепче!

Секретарша принесла почти черный чай. Яруга сам поддерживал стакан, пока арестованный пил.

Яруга:

— С кем в уездном УБ был у Зэнки контакт? Какие инструкции получили вы там от нее?

Медведь:

— Она сказала, что в городе появился какой-то убек из Варшавы, по имени Миколай. Он завязывал здесь знакомства, подкупил кое-кого из наших. Во всяком случае, кажется, выведал дату и час нашего налета на город. Он явился в УБ и предостерег. Но предупредил он как раз того, кто имел контакт с Зэнкой. Тот, в свою очередь, сообщил Зэнке, а она примчалась к нам с тем, чтобы Миколая убрать... Я решил сам устранить этого типа и выехал с Куропаткой в город. Зэнка дала «наводку», а Куропатка его кокнул.

Медведь замолчал. В комнате воцарилась полная тишина, раздражающе поскрипывало только перо Яруги, который вел протокол.

Яруга:

— Кто в уездном УБ был членом вашей организации или сотрудничал с нею?

Медведь:

— Не знаю. Контакт с этими людьми поддерживала Зэнка.

Яруга:

— Опишите ее или назовите адрес либо место, где ее можно встретить.

Медведь:

— Мне ее адрес неизвестен. Я не знаю, где можно с ней встретиться. Зэнка — сотрудник нашей разведки, а деятельность разведки полностью законспирирована.

Яруга:

— Опишите ее внешность.

Медведь:

— Зэнка высокого роста, рыжеватая. Голубые глаза, широкая в бедрах. Возраст, пожалуй, около два-

дцати лет. Последний раз я видел ее в черном костюме. Кто из УБ с нами сотрудничал, не знаю; я знаю только, что их было два или три человека. Один работает у вас охранником, второй занимает какое-то весьма высокое положение. Именно к нему и обратился этот ваш поручик, которого пришлось потом ликвидировать. Вероятно, он обладал немалой властью, если... смог освободить из тюрьмы Романа, прежнего адъютанта Рокиты. Роман влип по собственной глупости. У него нашли сургуч и какую-то печать нашей организации. Освободили его почти сразу же.

Яруга:

— Когда это было?

Медведь:

— Когда? В январе... Больше я ничего не знаю.

Яруга вызвал часового и приказал увести арестованного.

На следующий день состоялись торжественные похороны двенадцати жертв ночного налета Рокиты. Убитых везли через весь город на трех армейских грузовиках с опущенными бортами, в гробах, обтянутых кумачом. Похоронную процессию, которую составляли школьники, несколько тысяч жителей городка, возглавлял почетный воинский эскорт в составе роты. На похороны прибыли представители воеводского комитета партии.

Вначале открытые гробы установили для гражданской панихиды в зале заседаний при канцелярии старосты. Оттуда колонна двинулась к загородному кладбищу. Альберт почти всю дорогу шел в абсолютном одиночестве, оказавшись среди родных и близких погибших. Около кладбищенских ворот он заметил возле себя Лигензу. Она была в элегантном черном костюме, который плотно облегал ее стройную фигуру. В ярком свете полуденного солнца еще более отчетливо бросались в глаза фиолетовые следы ожога на ее лице.

— Я боюсь за вас, майор, — сказала она.

— Майор? Вам и об этом уже известно. Меня поражает ваше всеведение.

— В этом маленьком городке обо всех все знают.

— Неужели?

— Люди утверждают, что у Яруги длинные руки. Вам лучше не становиться ему поперек пути. Тем парням, которых он схватил, уже ничем не поможешь. Мне жаль их. Ни одному из них уже не суждено изведать прелесть свободы.

Альберт не ответил. Он шел рядом с нею по длинной кладбищенской аллее, обсаженной печальными туями. Лигенза задевала его плечом, так как в узкой аллее было тесно. Он взял ее под руку и склонился к самому уху:

— Бывает и так, что молодой человек, которому вроде бы больше не суждено почувствовать прелесть свободы, вдруг оказывается на воле. Случаются же побеги даже из-под перекладины. Но подчас неизвестно, что же все-таки было лучше: могила или свобода. Одно несомненно — молчат только мертвые. У Иуды, как вам известно, был мешок. Рассказывают, что мешок этот был сшит не только из ягнячьей, но также из львиной и... лисьей шкур. Из шкуры ласки-лисицы, которая высасывает кровь через крошечную, почти неразличимую ранку. О, поверьте, в этом городе тоже есть Иудин мешок... Между прочим, можно сшить мешок из... медвежьей шкуры, — громко рассмеялся он, так что люди, шедшие рядом, с негодованием посмотрели на него.

— Медведь? — забеспокоилась она.

У открытых могил было много народу. Солдаты снимали гробы с машин и несли их на плечах через кладбище.

Альберт заметил дочь Рамуза, попробовал протолкаться к ней, но потом передумал. Начались речи.

Представитель воеводского комитета партии, маленький, рыжий, с бородкой, остановился прежде всего на особе покойного учителя:

— Рамуз не был коммунистом. Он принадлежал к нашей либеральной интеллигенции, с которой коммунистам не всегда легко найти общий язык. Он был,

однако, настоящим педагогом, историком и, хотя не являлся марксистом, воспитывал своих учеников в атеистическом духе, прививал им умение объективно осмысливать историю и современные деяния нашего народа. Он учил разумно мыслить, внушал терпимость и непредвзятость. Некогда друг Перкуна, он развенчивал в представлении молодежи все распространяемые о нем легенды. Рамуза возненавидели клерикалы, он — еще одна жертва польского фашизма. Оружие, которое его поразило, было нацелено не только в дело социализма, оно ударило и в либеральную интеллигенцию. Наша интеллигенция лишний раз убедилась, что ее настоящий враг не коммунисты, а деятели подполья, которые неотвратимо скатываются на путь фашистского террора, стремясь задушить любую смелую мысль!

Потом выступающий сказал о Крыхняке:

— Он пал на поле боя, сраженный предательской пулей, пал, защищая народную власть и социализм.

Когда к красному полотнищу, покрывавшему гроб Крыхняка, прикалывали Крест Отваги, кто-то легко тронул Альберта за плечо.

— Это тоже надо уметь, майор, — сказал ему Яруга.

— Что именно?

— Погибнуть вовремя. Я вот думаю: проживи он хоть на день дольше, не пришлось ли бы хоронить его, как пса под забором? Хуже всего, однако, то, что час назад бежал Медведь. Я приказал снова доставить его на следствие, но по дороге он «ушел»... Никто не понимает, как это могло случиться.

— Да-а-а? — не очень искренне удивился Альберт.

Над открытыми гробами продолжались речи. От могил тянуло свежей землей. Вдова Крыхняка рыдала.

На улице, возле кладбища, Альберта остановил какой-то мужчина.

— Пойдемте, вас вызывает начальник.

— Вы меня вызывали? — спросил Альберт, присаживаясь возле стола и закуривая.

Яруга движением руки попросил своих сотрудников покинуть кабинет.

— Я не вызывал вас, майор, а лишь приказал одному из моих людей, чтобы он пригласил вас ко мне.

— Вы предупредительны.

— Вежливость — прежде всего, — подчеркнул Яруга и внимательно поглядел на Альберта. — Сами знаете, как бывает. Человек хотел бы поступать согласно инструкциям. Но подчас это невозможно. Именно поэтому я и пригласил вас. Хотелось бы выслушать совет старшего по рангу товарища. Потому что, когда я стоял рядом с вами на кладбище, то вдруг подумал: а не следует ли произвести эксгумацию трупа Крыхняка? Извлечь пулю из его черепа и послать на экспертизу. Стоит также проверить некоторые пистолеты. Потому что, знаете, майор, когда я стоял на кладбище, а Крыхняку на гроб пришпиливали орден, мне показалось, что все это выглядит чертовски странно. Я видел на террасе мертвого Крыхняка. Похоже, что пуля, которая его сразила, пущена не с крыши напротив, а из моего кабинета. И, пораскинув умом, я решил: вот у меня здесь майор из Варшавы, который, пожалуй, тоже обратил внимание на это. Он скажет, что Яруга слеп, как крот. Я и подумал: приглашу-ка я майора к себе, и мы вместе посоветуемся. А то вроде бы странно погиб этот Крыхняк.

— Странно, говорите? — удивился Альберт.

Их взгляды встретились. Они поглядывали друг на друга с интересом, словно впервые увиделись.

— Откуда вы знаете, что Крыхняк был предателем? — спросил Альберт.

— Вас прислали ко мне, майор, проверить, действительно ли Яруга так глуп, как о нем кое-где болтают. Но, клянусь вам, Яруга не такой уж дурак. Как только я услышал, что Крыхняк отправил народ на облаву, а вслед за этим на город налетела вся эта сволочь, поведение Крыхняка сразу показалось мне подозрительным. Вчера на третьем допросе Медведь почти точно описал приметы Крыхняка, когда говорил о человеке, который «засыпал» поручика Миколая.

Может быть, я покажусь глупцом, однако я рассуждал следующим образом: Крыхняк оказался предателем, кто-то воспользовался замешательством и прикончил его. Кому была на руку смерть Крыхняка, уже почти бывшего в наших руках и потому способного дать нам подробнейшую информацию? Разумеется, Роките. Он и прикончил человека, который представлял опасность.

Альберт улыбнулся.

— Ничего не скажешь, Яруга, рассуждаете вы правильно.

— Раз Крыхняк мог оказаться предателем, то где гарантия, что и на более высоком посту не сидит подобная же сволочь? Не так ли, майор?

Оба замолчали.

— Я не спорю: вы рассуждаете правильно,— отозвался Альберт. — Но вместе с тем ваше суждение наивно и шаблонно. Простите, что я так говорю.

— Я не обижаюсь, — бросил Яруга. Теперь он уже смотрел только туда, где у Альберта находился пистолет.

— Вам не мешало бы сообразить, Яруга, что в тот момент, когда разгорелся бой, ни Рокита, ни кто-либо из его людей, ни даже сам майор госбезопасности не могли предполагать, что вы уже начинаете подозревать Крыхняка. И уж тем более никто не ожидал, что на следующий день вы схватите Медведя, который как бы опишет вам самого Крыхняка. Если бы Крыхняка в самом деле захотели убрать, то это могло случиться вчера, сегодня, но только не в момент перестрелки. Вы просите моего совета: производить или нет обследование трупа Крыхняка? А я не знаю. Клянусь богом, не знаю. Я не уверен, что это как-то прояснит дело. Мне кажется, что тот, кто прикончил Крыхняка, тоже не был дураком. А если выяснится, например, что пуля, сразившая Крыхняка, из его же пистолета?

— Фью-фью! — громко присвистнул Яруга. — Этот человек действительно не так уж глуп.

— А поскольку, Яруга, вы привыкли мыслить по шаблону, почему вы не предусмотрели еще одной

возможности? Ведь могло случиться и так, что Некто получает от партии задание государственной важности. Он должен действовать в абсолютной тайне именно в том районе, где ведет свою работу матерый предатель. Но его интересует не сам подлец, на карту поставлено нечто большее... В какой-то момент этот человек опознает предателя. Но события развиваются так, что одновременно и сам предатель догадывается, кем является Некто. В обычных условиях тот взял бы подлеца за шиворот и препроводил в Варшаву к своим коллегам. Но, как я уже заметил, все происходит не в обычных условиях. Начинается бой, и этот Некто не знает, чем бой закончится. Может быть, он сам погибнет от вражеской пули, а вместе с его гибелью будет погребена тайна предателя, который вновь и вновь станет посылать на смерть наших товарищей, как он уже не раз делал это. А возможно, воспользовавшись общим замешательством, подлец и вовсе ускользнет или успеет предупредить своих о том, кто этот человек и какую роль он выполняет? Ответственное задание, ради успеха которого пожертвовали собой столько наших людей, будет сорвано. Ответьте же Яруга, ответьте, положа руку на сердце, что бы вы предприняли, окажись вы на его месте? Может, и вы бы вырвали пистолет из лап предателя и пристрелили его во время сражения, потому что, как говаривал один мудрый польский король, которого звали Стефан Баторий, «только мертвый пес не кусает». Это и моя вина, Яруга, что, сидя в Варшаве и разрабатывая эти самые инструкции для наших органов на местах, мы не всегда умеем все предусмотреть и учесть. И потом наши добросовестные, верные и далеко не глупые товарищи в уезде, стоя на кладбище, ломают голову над тем, по инструкции или нет пристрелили предателя.

Яруга так уставился на Альберта, будто хотел заглянуть к нему под черепную коробку. А может быть, он лишь внимательно изучал черты его лица?

— Так что же вы посоветуете, майор? — тихо спросил он.

— Я ничего не могу вам посоветовать. Я и сам не знаю, как разрешить подобную проблему. Мне, однако, кажется, Яруга, что вам стоит еще раз взглянуть на телефонограмму, которую прислали по поводу меня из Варшавы. Вдруг вы сумеете прочесть в ней еще кое-что между строк, и тогда легче будет принять решение. Но я думаю, что вы не найдете ее в том балагане, который царит на вашем столе. Подобного балагана на столе начальника уездного управления мне еще ни разу не приходилось видеть.

— Итак, это ревизия? — поморщился Яруга, потирая рукой свои ввалившиеся щеки.

— Вы прекрасно знаете, что не ревизия. Потому что, если бы была ревизия, то вы бы уже давно побеспокоились о том, насколько надежное пристанище у товарища майора в пансионате Рачинской. Вы бы уже давно заинтересовались, не на голодной ли диете сидит товарищ майор, и сгоняли бы кого-нибудь в ресторан за бутербродами. А так как вы знаете, что это не ревизия, то вам и дела нет. Что, разве не так?

Яруга усмехнулся.

— Вы голодны?

— Успокойтесь. У Рачинской меня ждет обед, какого вы не получите. Позвольте же мне поэтому пойти пообедать как следует, да и сами перехватите что-нибудь, а то на вас смотреть страшно.

Альберт поднялся. Яруга встал тоже. Он продолжал улыбаться.

— Вы славный парень, вы очень интересный парень, майор. Если бы мы были с вами на партийном собрании, я бы настоял на том, чтобы вы рассказали свою биографию. Я сделал бы это не потому, что не доверяю вам, боже упаси, а просто из любопытства.

— А я, Яруга, на партийном собрании спросил бы вас о другом. Я бы поинтересовался, как это так получается: в район направляют двух инженеров, чтобы найти площадку для строительства фабрики, и никому даже в голову не придет подумать об их безопасности. Вы думаете, Яруга, что у нас в Польше переизбыток инженеров, таких инженеров, которым мож-

но довернть строительство фабрикн? И вы, вероятно, счнтаете, что так и будут без конца направлять сюда ннженеров, здесь убнвать их, а вы будете сидеть сложа руки? И я спросил бы вас еще об одном: почему на облаву отправляют трн грузовые автомашины с рабочими н ин один нз этих людей не возвращается живым и здоровым? Ведь это былн, видимо, самые лучшие, самоотверженные люди города. Илн вы думаете, что социализм строится только для тех, кто сиднт сейчас за закрытымн ставнями н наблюдает, как мы берем врага за горло? Нет, брат. Надо, чтобы в этой войне уцелелн и нашн лучшне люди. Вы ответите перед партней за каждую каплю кровн, пролнтую в этом уезде. Поннмаете?

— Рокнту словами не убедишь...

— А я и не говорю, чтобы вы агитнровали Рокиту за народную власть. Однако на то и дан разум, чтобы сказать: довольно пролито кровн как с одной, так и с другой стороны. Ведь и по ту сторону баррикады может оказаться честный человек, который попал туда случайно и не знает теперь, как ему выбраться нз этого болота. И я думаю, Яруга: если бы удалось воспрепятствовать дальнейшему кровопролитию, еслн можно было бы как-то поблнже приглядеться к людям с той стороны, отделить здоровое от больного! Больное пусть сгннет, а все здоровое должио продолжать жить. И думается мне, что для этого не жалко пожертвовать жнзиью одного или двух майоров госбезопасностн.

Яруга ироннческн усмехнулся:

— Я верю вам, майор. Верю, потому что это вы так говорите. Но если бы то же самое стал заправлять тот человек, что, не моргиув глазом, прнкончил Крыхняка, то я бы ему не повернл: он мие вовсе не напоминает Христа.

Альберт снова уселся на стуле.

— Вы удивитесь, Яруга, ио я зиаю этого человека. Вы удивитесь, если я скажу, что он и мухи бы ие обндел. Его пугала сама мысль о том, что в жизии бывают случаи, когда один должен убивать другого. Одиако именно ои в двадцать три года убил провока-

тора на пустыре за фабрикой Бюле, если вам что-нибудь говорит это имя. У него не дрогнула рука, так как этот провокатор, Яруга, обрек на долгие годы тюремного заключения самых прекрасных и благородных людей, каких когда-либо приходилось встречать нашему общему знакомому. Если бы вы спросили тех, наверху, почему они направили его в аппарат госбезопасности, вам, возможно, ответили бы, что он знает языки, пользуется доверием, что человек он верный, надежный. Однако ему самому кажется, что на подобную работу его определили по совсем другим причинам. Может быть, вы вообще не поймете, потому что я не смогу как следует объяснить всего: этот человек, как и пятнадцать лет назад, до сих пор содрогается при мысли, что бывают в жизни случаи, когда один способен убить другого... И хотя этот Некто может показаться кое-кому страшным чудовищем, потому что он, не моргнув глазом, как вы говорите, убил Крыхняка, я скажу: тот, кто так о нём думает, глубоко ошибается... А теперь я пойду, — Альберт поднялся,— потому что я чертовски голоден, а вы так ничего и не дадите мне поесть, догадываясь, что я вовсе не собираюсь проводить здесь ревизию.

В тот же день Альберту стало известно о гибели Медведя. Его убили через пять часов после того, как он бежал. Труп обнаружили утром следующего дня около монастыря в Домброво. К его рубахе был приколот листок с надписью: «Так погибают предатели!»

Двумя днями позже почтальон доставил Альберту небольшой сверток, отправленный по почте на адрес Рачинской, с пометкой: «Для майора». Внутри находилась красивая коробка с золотыми часами и записка. На машинке было напечатано: «С благодарностью за «медвежью» услугу. Р.».

В уездном суде начался процесс девяти членов тайной организации Рокиты. Все обвиняемые были схвачены с оружием в руках через несколько часов после налета на город. Они также несли ответствен-

ность за убийство более десяти мирных жителей городка. Судебное разбирательство шло в быстром темпе, его исход ни для кого не являлся секретом.

Альберт не интересовался ходом процесса. Медведь, виновник гибели Миколая, был мертв. Смертный приговор ожидал и остальных девятерых, оказавшихся на скамье подсудимых.

Городок, однако, волновало то, что происходило в зале суда. Каждый день после судебного разбирательства на виллу к Рачинской являлось расстроенная, потрясенная Лигенза. Она приносила новости не только из зала суда, но и из лесу.

Управление госбезопасности начало проводить в жизнь свой план ликвидации отрядов Рокиты. Во многих центрах Р-овского уезда разместились значительные воинские подразделения Корпуса внутренней безопасности; по шоссе и проселочным дорогам двигались автоколонны, солдаты, развернувшись цепью, прочесывали окрестные леса. Однажды ночью через Р. прошла даже танковая часть.

Конец Рокиты становился очевидным. Он еще огрызался, еще приходили вести о каких-то его кровавых расправах по деревням, о налетах на местные управы и отделения милиции. Он пытался выработать новую тактику. На день Рокита распускал свое воинство, и оно растекалось по селам, чтобы ночью снова ожить, снова совершать нападения.

Но и этот метод борьбы не мог спасти Рокиту. Захваченные в плен бандиты выдавали явки, фамилии. Автомашины Яруги ездили от села к селу, от дома к дому, извлекая из постелей тех, кто отсыпался после кровавой ночи.

Заботы Рокиты, казалось, мало волновали обитавшего у Рачинской Альберта. Новости, приносимые Лигензой, он выслушивал молча, с равнодушной миной. Только однажды спросил с иронией:

— А тот английский парашютист? Он разве не помогает своему спасителю?

— Именно это и удивительно. Будто он не понимает всей безвыходности создавшегося положения.

— Вы считаете, что он был сброшен сюда только

для того, чтобы помогать Роките? Наверняка у него есть дела и поважнее. А может, он попросту не хочет связываться с дураками? — небрежно бросил он.

В тот же день на улицах городка появились сообщения о смертных приговорах, вынесенных по делу девяти человек из отрядов Рокиты. Назавтра на виллу Рачинской примчалась пани Лигенза.

— Сегодня на рассвете приговор приведен в исполнение. Их расстреляли на тюремном дворе, — выстукивала она зубами о край рюмки, которую поднесла ей Рачинская. — Тела расстрелянных не выдали родным, ссылаясь на какое-то особое распоряжение. Трупы свалили на грузовую машину и увезли в неизвестном направлении.

Лигенза залпом выпила еще рюмку.

— Наш архитектор удалился в монастырь, — засвидетельствовала она.

— Боже мой! — воскликнула перепуганная хозяйка.

— Во время процесса он не покидал зала суда. В конце концов его сломил страх: может быть, у него совесть не чиста? Он удалился в монастырь молиться за нас и за себя.

Пани Лигенза выпила семь рюмок водки. Она удалилась почти совершенно пьяная, едва держась на ногах, но все же успев сообщить Альберту, что Рокита разбил атаковавшую его стрелковую роту. Он захватил три автомашины с обмундированием и оружием, уничтожив в схватке тридцать человек. Но и сам при этом потерял около двадцати солдат. Автомашины были сожжены, оружие бандиты забрали с собой, а обмундирование Рокита роздал крестьянам, которые поспешили вернуть его в ближайшее же отделение милиции. Это явилось лучшим свидетельством того, что никто уже не верил в победу Рокиты.

В сумерки на виллу Рачинской постучался подросток. Он вручил ей записку для Альберта, вскочил на велосипед и скрылся во тьме.

Альберт прочел записку и вздрогнул. Это был сигнал, которого он ждал много дней. «Вы мне нужны. Жду в монастыре. Анастазия».

Только на следующий день под вечер сестра-привратница провела Альберта в уже знакомую ему келью. Альберт, который успел проштудировать заметки учителя Рамуза, полученные от его дочери, как бы другими глазами осматривал грязные стены. Ведь именно здесь, в монастыре норбертинок в Домброво, 12 мая 1583 года по пути в неполомицкий замок заночевали Ласский, Ди и Келли. Где-то здесь, может быть, возле одной из этих массивных стен, стояло, загадочно поблескивая, «хрустальное зеркало» и языком видений говорило о коварном злодеянии. Это здесь в середине июня, когда Ди и Келли возвращались в Прагу после магнетического сеанса с Баторием, безвозвратно исчезло их чудодейственное «хрустальное зеркало». Магистр Ди велел изготовить ему в Англии новое, которое и ныне можно видеть в Британском музее.

И снова май. По-летнему жаркие дни. Такие же знойные майские дни четыреста лет назад описывает в своем дневнике магистр Ди.

Во дворе, где растут старые грабы, поздние сумерки охлаждают землю, истомленную зноем. В монастырском саду благоухает сирень. Ее аромат пьянит и одурманивает. Из распахнутых дверей костела доносится запах ладана.

А в келье по-прежнему чертовски холодно. Пахнет затхлостью, словно в склепе. Громадное деревянное распятье покрыто сырой плесенью. Все та же кровать у стены с охапкой слежавшейся соломы в матраце, тишина, нарушаемая стуком сандалий по каменному полу галереи.

— Сообщите сестре Анастазии, что прибыл Альберт, — сказал он сестре-привратнице.

— Ей уже известно о вашем прибытии. Она просила минутку подождать.

Снова предстояло ждать. Он с омерзением вытянулся на матраце, подложив руки под голову, и уставился на запыленную лампочку под потолком.

Какими словами встретит его Анастазия? Что он ответит ей? Будет ли она просить или тоже начнет приказывать? А что случится потом? Это «потом»

представлялось неведомым и пугающим, так что Альберт предпочел перенестись мыслями в безмятежную область похождений Джона Ди.

«...Во время остановки в монастыре норбертинок в Домброво, — записал в своем дневнике магистр Ди, — мы втроем сидели после обеденной трапезы — Ласский, Келли и я, рассуждая о некоторых проблемах. Внезапно над головой Ласского, подле Келли явился ангел, держа белую корону. Я услышал глас:

— Auditive victores estis *.

После этого, когда мы принялись всматриваться в хрустальный диск, Келли голосом духа произнес:

— Я призвал тебя к особе Стефана и вверяю его твоей опеке. Потребуешь ли ты, чтобы в твоем присутствии я уничтожил Стефана за его гордыню, или же хочешь, чтобы я поразил его неизлечимой проказой, либо, напротив, исцелил, позволив ему сделаться твоим благотворителем?

Ласский просит духа только об одном: в присутствии Стефана Батория говорить по-венгерски. Тщетно! По утверждению Келли, дух святой ненавидит венгерский язык и обратится к королю по-латыни...»

Альберт усмехнулся, припомнив эту сцену. У него неожиданно появилось веселое, безмятежное настроение, заботы и опасности, которые его ждут, показались Альберту не такими уж страшными. Но тотчас же настроение снова изменилось от неожиданного удара колокола.

«Звонят, как на похоронах», — вздрогнул он.

Он успокоил себя мыслью, что на его похоронах никто не станет звонить в колокола.

Через минуту, словно из-под земли, донесся мрачный, монотонный голос, однообразное гнусавое бормотание, в котором время от времени отчетливо слышалась какая-либо строка из псалмов Давида.

На галерее раздался звук кованых сапог. В дверь его кельи постучали. Альберт вскочил с постели.

— Анастазия!..

Он глядел на нее с удивлением. Анастазия, кото-

* Повинуясь, одержишь победу *(латин.)*.

рая вошла в келью, казалось, не имела ничего общего с той прежней Анастазией в белом одеянии монашки. Теперь она напоминала скорее женщину с поезда. В офицерских, с высокими голенищами сапогах, в свободной юбке, открывавшей колени, в кожаной летной куртке, из-под которой виден шерстяной свитер, и пистолет в кобуре на широком поясном ремне. Волосы, в беспорядке спадавшие на плечи, оттеняли ее лицо с белой кожей монашки, орлиный нос и небольшие, чуть тронутые помадой губы.

— Я вызвала вас по просьбе Рокиты. Он хотел бы выяснить, собираются ли наши английские друзья хоть немного помочь ему. Момент сейчас исключительный, вам, видимо, это отлично известно. Думаю, что поездка не доставила вам особенных затруднений.

Альберт нахмурился.

— Вы, вероятно, забыли, что я прибыл сюда, если так можно выразиться, инкогнито.

— О, не беспокойтесь. Все будет сохранено в абсолютной тайне, — ответила она с иронией.

— А кроме того...

— Кроме того? — подхватила она.

— Почему вы говорите: ему, Роките. Мне кажется, что помощь необходима прежде всего вам. Вы должны выехать за границу.

Она пожала плечами.

— Почему именно я, а не Рокита или кто-то из его людей?

— Потому что вы красивая женщина,— сказал он.

— Моя песенка спета!

— Его тоже.

Она вскочила разъяренная, со сжатыми кулаками. Заговорила быстро, почти истерично:

— До тех пор, пока он был сильный, одерживал победы, вы расхваливали его в своих радиопередачах и газетах. Потому что вам это было выгодно. Теперь же, когда он потерпел поражение, вы бросаете его на произвол судьбы. Теперь он для вас сделался обузой, так как утратил былую силу и нуждается в вашей помощи.

Альберт полез в кармаи за сигаретами. Его забавлял этот разговор.

— Вы, разумеется, правы, — произиес ои, пуская дым колечками. — Но не следует забывать, что мы ие чувствуем себя в долгу перед людьми, которые по отношеиию к иам ие всегда сохраияли абсолютную лояльиость. Я имею в виду особу Перкуиа. Мне хорошо известиы его приказы, в которых он проклииал эмиграитскую «клику», якобы торгующую кровью его солдат. Ои стремился к иезависимости. Ту же политику проводил сперва и Рокита. Только теперь, когда ему грозит окоичательная гибель, он оглядывается на своих друзей. Впрочем, это ие мое дело. Я прибыл сюда с иными целями. Разумеется, в Польше есть человек, который может помочь Роките. Я мог бы их связать.

— Вы сегодия же будете говорить с Рокитой.

— Здесь?

— Нет.

Оиа присела рядом с Альбертом, попросила сигарету.

Альберту хотелось поймать ее взгляд.

— Вы были жеиой Перкуиа?

Оиа вздрогиула.

— Нет. У иего была жеиа и двое детей. Я же — только любовиицей. И горжусь этим. Ои был большим человеком, — оиа посмотрела прямо в глаза Альберту.

Ои кивиул.

— Поиимаю.

— Что вы понимаете?

— Так как вы ие верите, что иа вашем пути может встретиться человек, достойиый Перкуиа, вы удалились в моиастырь.

Оиа презрительно передериула плечами.

— Вовсе иет. За миой охотятся, как за бешеной собакой, поэтому я и укрываюсь в моиастыре.

— У них есть подробное описаиие ваших примет. Заместитель иачальиика уездиого УБ Крыхияк цитировал мие его на память.

Оиа засмеялась.

— Крыхняк? Это же был один из самых преданных друзей Перкуна. Какая нелепая случайность, что он пал от рук своих товарищей. Рокита не мог простить себе того, что кто-то из его хлопцев нечаянно застрелил Крыхняка.

Альберта все больше и больше забавляла эта беседа. Он взял в ладони ее руку и коснулся губами кончиков ее пальцев.

— У меня такое чувство, словно я совершаю святотатство.

Она вырвала руку.

— Почему?

— Потому что я по-прежнему представляю вас в монашеском одеянии.

Она улыбнулась и подала ему обе руки.

Внезапно Анастазия вскочила.

— Уже пора! Пошли!

Была теплая лунная ночь. Они остановились около монастырского костела. Благоухала черемуха. В лунном свете волосы Анастазии казались черными, такими же черными были поля, убегавшие к самой опушке расположенного неподалеку леса, поблескивала только песчаная дорога...

— Смотрите, — стиснула она его руку.

На опушке словно засветились немеркнущие искры. Их становилось все больше — неверных, блуждающих огней. Они выплывали из лесу, выстраивались длинной цепочкой и растекались по песчаной дороге среди полей, двигаясь в абсолютной тишине. Когда они оказались уже совсем рядом, до Альберта донесся скрип телег, он различил очертания лошадей и человеческие фигуры с факелами в руках.

— Идем! — потянула его за собой Анастазия.

Они вышли на дорогу, навстречу приближавшейся цепочке огней. Около них с тяжелым стуком копыт пронеслось несколько вооруженных всадников в польской военной форме. Одному из них Анастазия махнула рукой. Он козырнул.

На башне ударил большой монастырский колокол. Его гулкий, заунывный звон прокатился над полями

и, отразившись от стены леса, вернулся назад еще более мрачным.

Они опять разминулись с тремя вооруженными всадниками. Показалась вереница телег, впереди которой шла небольшая группа мужчин в военных мундирах. Они шли небрежной походкой, с автоматами на груди. Встречаясь с Анастазией, заглядывали ей в лицо. Офицер с двумя звездочками на погонах козырнул. На головах у них были конфедератки и почти у каждого — большая серебристая бляха рынграфа *.

Проследовали и сами подводы — обычные крестьянские фурманки, на досках которых поверх соломы лежали мертвые тела. Зыбкое, колеблющееся пламя перебегало по их вздувшимся, почти черным лицам. От телег тянуло тошнотворным трупным запахом.

За подводами в полном боевом порядке, с обнаженными головами медленно шли две роты солдат Рокиты. Мерцали факелы, разбрызгивая искры, выл колокол на башне костела. Бледный свет странно преобразил человеческие лица: они напоминали посмертные маски — черный провал носа, пустые ямы глазниц.

— Вы еще ничего не понимаете? — услышал он шепот Анастазии.

Да. Он пока ничего не мог понять.

— Это везут на кладбище тех девятерых, которых расстреляли. Чтобы похоронить как полагается. Их расстреляли на тюремном дворе. Трупы свалили в старый бункер в лесу, только немного присыпав землей. Пастух, который рано утром выгнал коров на лесную опушку, заметил это... Рокита направил туда своих людей, и тела откопали.

Похоронная процессия уже миновала их. Постепенно осела пыль на дороге, поднятая копытами лошадей. Колокол продолжал стонать.

---

* **Рынграф**—выпуклая бляха в внде диска или полумесяца с нзображеннем святого. Нечто вроде старннного воннского талисмана, который иоснлн иа груди у ворота.

— Идем, идем иа кладбище, — Анастазия потянула Альберта за руку.

Ои вырвался.

— Вы что, с ума сошли? — грубо крикиул ои. — Вы забываете, что я выступаю в роли сотрудника оргаиов госбезопасности. Мие только ие хватало, чтобы кто-иибудь из ваших парией, попав в лапы Яруги, выложил ему: «Я видел майора УБ на кладбище в компаиии Рокиты и паии Перкуи. У иих очень трогательиая дружба».

— Смелостью вы ие отличаетесь.

— Просто я ие хочу быть дураком.

Цепь огней уже сворачивала к моиастырю. Там, иа иевысоком пригорке, иаходилось иебольшое сельское кладбище. Луиа скрылась за тучами. Налетел порывистый ветер, лес мрачно зашумел, вторя голосу приближавшейся грозы.

...Альберт и Рокита сидели в двух шагах друг от друга иа стволе повалеиной сосиы у самой опушки.

Их разделяли полиая темиота, осторожиость, а может быть, и взаимиое иедоверие. Когда над лесом вспыхивали молиии, оии различали только силуэты друг друга: иа муидире Рокиты поблескивали металлические пуговицы, орел на околыше и окаитоваииый жестью козырек воинской фуражки. Голос Рокиты звучал иизко, приглушеииый шумом ветра и далекими громовыми раскатами. С мииуты иа миичуту мог хлыиуть дождь. Рокита говорил торопливо:

— Благодарю вас, пан майор, за предостережение отиосительио Медведя. Призиаюсь с сожалеиием, что виачале я сдержаиио отиесся к вашему предупреждеиию. Впрочем, вы выражались очеиь иеясно или же мие иеточно передали. Медведь? Боже, это же мой лучший друг, приятель. И вдруг — изменник. Продался Яруге... Мы его подвергли допросу. Ои призиался. Я пристрелил его из своего пистолета. Собствеиоручио. Сделал я это для острастки. Я слышал, паи майор, будто вы сетовали по поводу того, что я подсылал к вам своих хлопцев. Правда ли это? Пар-

нишка, который был у вас, вернулся ко мне и говорит: «Этот тип никакой не англичанин, а убек». Я спрашиваю его: «Почему ты так думаешь?» — «Сам мне так сказал». — «Он тебе об этом сказал?» — «Ну да...» Чувствую, что парень чего-то недоговаривает. Прижал я его как следует и узнал, что вы отобрали у него пистолет и швырнули на газон. Это окончательно убедило меня в том, кто вы на самом деле.

«Эх ты, глупец, — говорю я парню. — Если бы это был настоящий убек, ты бы уже давно сидел за решеткой. А он тебе пистолет возвратил. Откуда ему было знать, что ты от Рокиты, а не подослан из УБ?» И тогда я решил, что лучше всего поручить Анастазии связаться с вами. Но потом мы снова перепугались. Нам показалось, что вы действительно из УБ, а между тем Анастазия уже успела показать вам подземелья в монастыре...

— А потом вы попали в безвыходное положение, — сухо прервал его Альберт.

— Вы осуждаете меня за этот налет на город?

— Зачем вы убили учителя Рамуза? Вам хочется настроить против себя интеллигенцию?

— Что делать! Интеллигенты должны помнить, что всегда найдутся люди, которые будут вести счет каждому проступку любого из них. Впрочем, Рамуз погиб по другим причинам. В моих отрядах его считали другом Перкуна. Но какой это, с позволения сказать, друг, если на него нельзя положиться, если он может всадить нож в спину? Я не нуждаюсь в вероломных друзьях. Он, видите ли, собирался помирить меня с коммунистами!

— Что вы думаете предпринять?

— Не знаю. Это решит штаб. Мое мнение: ситуация сейчас такова, что пора расформировать группу. Некоторые пусть постараются нелегально перебраться через границу, остальные подадутся на западные земли. Главное, переждать самый тяжелый момент. Потом я снова всех созову.

— В распоряжении УБ имеются подробные описания примет почти любого из вас. Под землю вам

спрятаться не удастся. А иа земле, да к тому же в Польше, доберутся до каждого...

— Ну, а что вы иам советуете, пан майор?

— Вы не спрашивали совета, когда еще имели силу.

Рокита не отвечал. Альберт тоже храиил молчаиие. Гроза приближалась, тьма густела с каждой мииутой.

— Мой совет таков, — медлеиио произиес Альберт. — В Польше находится офицер английской разведки, полковник Джонсои, который, разумеется, под другой фамилией работает в Миинистерстве национальиой обороиы. Необходимо, чтобы вы с ним побеседовали. Он сможет вам помочь, у меня же, увы, иные задачи. Я знаю, что в столь же тяжелом положении отряд Железного иа Люблиинщине. Может быть, вам стоит объедиииться?

— А как туда перебраться?

— С этим будет иемиого трудиовато. Однако я постараюсь вам помочь. Как офицер органов госбезопасиости, я смогу раздобыть грузовую автомашину с эмблемой Красного Креста. Вы сядете в нее вместе со своими лучшими людьми, и мы двинемся в путь прямо средь бела дня. Я сам поведу грузовик. По дороге, где-нибудь под Варшавой, вас будет поджидать полковиик Джонсои. Вы перейдете в его машииу. Я же с вашими париями отправлюсь дальше. Вы иагоните иас в лесу под Гарволииом. Железного известят, и ои будет в условленном месте. Разумеется, вам со своими людьми придется пойти под его комаиду.

— Не согласен! — закричал Рокита.

— Это иеизбежно. Там его район. Вы приезжаете к нему, а не ои к вам. Впрочем, поступайте, как зиаете. Не я разрабатывал этот плаи, а полковиик Джонсои

— Не согласеи!

Молиии перечеркивали чериое иебо. Их резкий блеск слепил глаза. Ветер уиосил слова Рокиты кудато в стороиу. Альберта забавлял подрагивавший

силуэт Рокиты — приземистая, словно тумба, фигура с выпиравшим животом.

— До послезавтрашнего вечера я должен получить от вас ответ, — Альберт постарался перекричать шум разбушевавшейся стихии.

Ливень забарабанил по листьям. Альберт поднялся, подал руку Роките.

— Итак, послезавтра вечером, — повторил он.

Крупные холодные капли попали ему на волосы, проникли за ворот. Альберт припустил через поля к монастырю. Но ливень настиг его через десять-пятнадцать шагов, хлестал по голове и спине, сплошной поток воды заливал лицо. Альберт ворвался в свою келью запыхавшийся, промокший до нитки. Анастазия принесла горячий чайник. Не обращая на нее внимания, он сбросил с себя мокрую одежду и, завернувшись в тонкое одеяло, стуча зубами, улегся на постель. Анастазия придвинула к нему скамейку с горячим чаем. Альберт пил, обжигая губы. Его бил озноб, и чай проливался на пол. За толстыми монастырскими стенами неистовствовала буря, потоки дождя скатывались по стеклам узкого оконца. Неожиданно погас свет — вероятно, где-то молния угодила в провода. Альберт отставил стакан, лег навзничь на постели и прикрыл глаза. Он вздрагивал от внезапного и резкого блеска молний, которые полыхали прямо над крышей монастыря.

Анастазия принесла бутылку с остатками спирта.

— Тебе когда-нибудь случалось убить человека? — спросил он.

— Нет.

— В УБ рассказывают, что после гибели Перкуна ты сама приводила приговоры в исполнение.

— Это ложь, — ответила Анастазия небрежно, разливая спирт по рюмкам. Она произнесла это с таким безразличием, словно речь шла о каком-то пустяке.

— Если тебя схватят, то дадут не больше пятнадцати лет.

— Все равно мне этого не вынести. Я всегда ношу с собой пистолет. Лучше застрелиться.

Гроза ушла дальше, на юг. Дождь затих, и тотчас же в келье Альберта посерело, разъяснилось.

— А тебе приходилось убивать?

— Да. Сначала на фронте. Ну и теперь...

— Ты же не палач.

— Иногда я бываю жертвой, которая случайно сорвалась с виселицы, и тогда сам убиваю палачей...

Он опрокинул рюмку. Поперхнулся. Слезы застлали ему глаза. Анастазия пила медленно, втягивая спирт тонкой струйкой прямо в горло и следя за тем, чтобы не обжечь губы. Вероятно, этому искусству она научилась в отрядах Перкуна.

— Я не боюсь смерти, — проговорила она. — Я видела их на кладбище. Они распухли, посинели. А я знала каждого из них, когда они с Перкуном ходили в его отрядах. Я должна прикончить Яругу. Уже дважды я выследила его. В первый раз струсила. Во второй — помешали.

— Ты страшная женщина.

— Тебе про меня говорили правду. Я действительно ликвидировала трех агентов УБ. Но меня пугает сам вид трупа.

— Почему тогда в поезде ты не позволила меня тронуть?

— Я думала не о тебе, а о том ксендзе. Я чувствовала себя отвратительно: на меня подействовал труп в окне.

— А потом, в монастыре? Я говорил тебе, говорил, а ты как онемела.

— Меня разбирало любопытство: как ты поведешь себя? Я догадывалась, что нравлюсь тебе. Признайся, ты ведь не был уверен — вдруг да я действительно монахиня?

Он пошевелился, жестом руки приглашая ее присесть.

— Слушай, Анастазия, кто в уездном УБ, помимо Крыхняка, работал для Рокиты? Может, наступит такой момент, когда мне надо будет знать, кому я могу довериться.

— Не знаю.

— Не доверяешь мне?
— Да. Я не доверяю тебе.
Он приподнялся на локте и с интересом наблюдал за нею.
— Не доверяешь мне? Тогда скажи, зачем вы морочите мне голову?
Анастазия села на постель возле Альберта и испытующе посмотрела на него, прямо ему в глаза. Она изучала его лоб, нос, губы, словно они могли помочь ей выведать его тайну.
— Я не доверяю тебе. Но вместе с тем ты единственный человек, который может нас спасти, дать нам возможность продолжать борьбу. Рокита прочел несколько книжонок о приключениях шпионов. Он воображает, что «Интеллидженс Сервис» — это сила, что у нее повсюду свои люди и стоит ей захотеть — она поможет нам. Это правда?
— Ты не любишь Рокиту, — констатировал он.
— Презираю. Он дурак. Перкун боролся ради какой-то идеи, а Рокита — обыкновенный одержимый. Допрыгался до того, что пришлось нам просить вашей помощи.
— А это настолько унизительно?
— Да. Вы шпион. За английские деньги получаете информацию о нашей стране.
— Вы тоже воюете на английские деньги.
— Неправда!
— На английские деньги приобретено ваше оружие и патроны. Люди, которые вами командуют, пребывают в Лондоне на английском жалованье, хотя вам они и не платят денег.
— Это свинство так о нас думать.
Анастазия встала и принялась ходить взад и вперед по келье. Она была зла, однако в этом приступе гнева казалась еще более красивой. Альберт следил за ней и, как тогда, в подземелье, готов был дорого заплатить за то, чтобы узнать, о чем она сейчас думает. Для него не подлежало теперь сомнению, что в ее лице он имеет врага гораздо более сообразительного и опасного, нежели Рокита. «Не хватало еще, чтобы она начала мне действительно нравить-

ся. Тогда это будет история, совсем как в бульварном шпионском романе», — подумал он.

Неожиданно Анастазия снова присела около него.

— Как тебя зовут?

— Альберт.

— Меня интересует твое настоящее имя.

— А тебе не все равно?

— Нет.

— Почему?

— Объясню позже.

— Меня так долго приучали к тому, чтобы я позабыл о том, кто я на самом деле и как меня зовут, что я успел забыть. Забыл на самом деле.

— Ты мне не доверяешь?

Альберт сел, не обращая внимания на то, что одеяло почти совсем соскользнуло с него. Он был в бешенстве, говорил, стиснув зубы:

— Слушай, ты... Я не знаю, как тебя зовут. Но в этом деле вы только приобретаете, я же рискую потерять все. Меня сбросили сюда не ради твоих прекрасных глаз. Я тут вовсе не для того, чтобы спать с тобой да спасать твоего Рокиту. Схватят тебя — и на следствии ты прежде всего «сыпанешь» меня и порученное мне дело. Нет! От меня ты ничего не услышишь. Я тоже ни о чем не хочу у тебя спрашивать.

— И все-таки ты спрашивал? Хотел узнать, кто в УБ работает на Рокиту. Именно это и насторожило меня.

Он пожал плечами. Она коснулась пальцами его обнаженного плеча, осторожно погладила шею. Его раздражали эти нежности. Альберт знал, что он красивый мужчина и нравится женщинам. Но ему казалось, что она считает его простаком, который может, поддавшись ее ласкам, начать болтать о своих делах. Такие вещи, кажется, происходят в кино.

— Не изображай из себя Мату Хари, — сказал он.

Анастазия отдернула руку.

— Я не предполагала, что ты хам...

— У моих наставников не было времени заниматься моим воспитанием.

— Тебе налить еще?

— Разумеется, — кивнул он.

Они еще выпили. Алкоголь согрел Альберта, монастырская келья стала казаться ему почти уютной.

— Ты прибыл оттуда. Скажи мне, что они собираются предпринимать дальше. С нами.

— Не знаю. Это меня не касается. Я только выполняю приказы.

— Не знаешь? — вспыхнула она. — Так кто же, наконец, знает об этом? Кто может сказать мне, что с нами будет?

— Я считал, что ты знаешь об этом лучше...

— Раньше я знала. Во всяком случае, мне казалось, что я знаю. Тогда был жив Перкун, он говорил, что необходимо бороться. Теперь я уже ничего не знаю. Одно мне ясно: мы не прекратим борьбу до тех пор, пока здесь будут хозяйничать люди, состоящие у Москвы на жалованье.

Альберт зевнул.

— Я не собираюсь агитировать тебя за коммунистов, как ты, наверно, догадываешься. Но ты их не знаешь. Совершенно не знаешь. Если бы они состояли на жалованье у Москвы, то можешь быть уверена: Роките не пришлось бы отсюда бежать. Впрочем, — зевнул он громко, — может быть, ты переменишь пластинку?

— Хорошо, — согласилась она. — В таком случае скажи, действительно ли «Интеллидженс Сервис» так сильна. Рокита утверждает, будто вы целыми годами способны терпеливо добиваться того, чтобы устроить своего человека на какую-нибудь ответственную должность, что вы копаетесь в прошлом разных людей и потом, шантажируя их, принуждаете работать на вас.

— Рокита начитался дурацких книжонок. Но это ему не повредит.

— Ах, — вздохнула она. — Даже не верится, что есть такие страны, как Англия, где война уже действительно закончилась. Там можно отправиться гулять в лес, не боясь, что тебя пристрелят...

— Тут тоже будет спокойно. Через год-два... —

пробормотал он, едва борясь с одолевавшей его сонливостью. — Ты уже уходишь? — встрепенулся он.

— Ухожу, — броснла она от самой двери. — Я подумала, что не смогла бы лечь с тобою в постель.

— Почему?

— Потому что не знаю твоего настоящего имени.

— У тебя странные понятия о морали. Довольно забавные.

Он услышал, как хлопнула дверь. И сразу уснул как убнтый.

Назавтра в двенадцать часов дня Альберт сошел с поезда на главном вокзале в Варшаве и отправился на свиданне с человеком, которого он называл полковником Джонсоном. Четыре часа спустя он, уже в форме майора Войска Польского, мчался по шоссе в сторону города Р., сидя за рулем массивного грузовика ГАЗ с эмблемамн Красного Креста.

В Р. он прибыл ровно через суткн. Альберт поставил машину на территории военскнх казарм, а потом навестил портниху Франсуазу Лигензу н передал ей записку для Рокиты. Затем, как свидетельствует дело, носящее шифрованное название «Хрустальное зеркало», майор С-25 зашел в кафе-кондитерскую, заказал две чашечкн черного кофе и съел несколько пирожных.

По пути на виллу Рачинской, где Альберт собнрался в последннй раз переночевать, он заглянул к Яруге. Они обменялнсь всего лишь несколькимн фразами. Уже прощаясь, Альберт вдруг спохватился, вспомнив о каком-то важном деле:

— Вы как-то говорили мне, начальник, о таинственном исчезновении одного нз ваших агентов. Может быть, речь шла о швейцаре местного отеля?

— Более илн менее, — нехотя подтвердил Яруга.

— Я ннтересовался этим делом. Ваш швейцар сидит у нас в Варшаве. Его арестовал поручик Миколай Л., ну, знаете, тот, который убнт. Как только я закончу свон дела, постараюсь добнться его освобождения.

— Он оказал нам неоценимые услуги. А что, были

какие-то серьезные основания для того, чтобы арестовать его?

— Нет. Мне кажется, что нет. Пожалуй, это была ошибка, — с сожалением констатировал Альберт.

Потом он возвратился на виллу Рачинской, заперся в своей комнате, окно которой выходило в сад, на белые березки со свежей зеленой листвой. В ожидании сигнала от Рокиты он принялся снова перелистывать заметки учителя Рамуза.

Рамуз записал несколько суждений людей из ближайшего окружения Стефана Батория о состоянии его здоровья, вплоть до последних минут его жизни. Смерть Батория всех поразила. Мнения на этот счет были противоречивыми. Утверждали, что до самой смерти король отличался превосходным здоровьем, или наоборот: будто его терзала какая-то неизлечимая болезнь — гнойник на голени. Смерть короля оставалась загадкой. Не было, однако, оснований связывать ее с визитом Ди и Келли. Историки не очень-то спешили разгадать эту тайну, хотя им гораздо легче бывает распутать то, что некогда для самих очевидцев представлялось неразрешимой загадкой.

«Так, вероятно, случится и с нами, — подумал Альберт. — Только появится ли у кого-нибудь желание заниматься расследованием обстоятельств гибели Крыхняка или Рокиты?»

В архивах Управления госбезопасности в твердых папках объемистых скоросшивателей, среди сотен телефонограмм об убийствах и налетах отрядов Перкуна и Рокиты, хранятся небольшие пожелтевшие листки донесений майора С-25, который разработал план с подброшенным парашютом и предложил, чтобы сам он был направлен в город Р. под видом агента-парашютиста. Кроме написанных на машинке агентурных донесений, на двойном, выдранном из тетрадки листке набросан план с изображением нескольких улочек. На нем крошечными квадратиками нанесены здания уездного УБ и уездного комитета

партии, цветные стрелки показывают, как наступал Рокита в ту памятную ночь, когда погиб Крыхняк. В большом конверте находится несколько фотографий. Вот любительский снимок заупокойной мессы, которую отслужили тут же подле рва, из которого извлекли останки девятерых бандитов, расстреляниых по приговору военного трибунала. На первом плане ксендз, а дальше коленопреклоненный Рокита в мундире, с вониской фуражкой в руке. Рядом с ним длинная шеренга солдат его отряда: они застыли сосредоточенные, серьезные, взволнованные торжественностью минуты. А вот фотография Перкуна с поэтичным посвящением: «Люблю тебя, потому что ты, как сама мелодия польской земли, как ее стихия, как её страдания, ее зов, ее боль и надежда». Со снимками соседствует агентурное донесение, подписанное: «Ночной Лелек», где сообщается о месте ночлега Перкуна с его штабом. А потом уже только копия судебного приговора, протоколы допросов. И снова сообщения об убийствах, совершенных Рокитой, сводки об операциях уездного УБ, длинные списки коммунистов и сочувствующих им, павших от рук Перкуна и Рокиты...

На небольшой карте Польши красным карандашом обозначена трасса маршрута грузовой машины с Рокитой и его людьми, машины, которую вел Альберт. Около вьющейся по карте красной линии несколькими крестиками нанесены контрольно-пропускные пункты с надежными сотрудниками УБ. Им поручено беспрепятственно пропускать грузовую машину марки «ГАЗ» с майором Войска Польского за рулем. Приказано ни в коем случае не допускать, чтобы ГАЗ был кем-нибудь остановлен. Однако вслед за ГАЗом следовала специальная машина с людьми на тот случай, если грузовик майора С-25 будет кем-нибудь задержан в пути.

Альберт прикрыл окно и еще раз взглянул на часы: около двух часов пополуночи. Он был уже в мундире и готовился уходить, но все еще медлил. Альберт чувствовал, что его одолевают сон и усталость, а ведь ему вскоре предстояло начать поединок со

смертью, в котором все решают минуты, секунды, сосредоточенность и быстрота.

Записку от Рокиты он получил в десять часов вечера. Рокита и его штаб принимали план полковника Джонсона. В шесть утра группа в составе тридцати лучших людей Рокиты вместе с ним будет ждать Альберта в лесничестве Грабы.

«Именно там был убит Куртман», — вспомнил Альберт. Абсолютная тишина, царившая на вилле Рачинской, действовала ему на нервы, раздражали и собственная неуверенность, беспокойство.

Он закурил и подошел к окну. В этот момент ему послышался отдаленный звук шагов. Потом в дверь постучали.

— Войдите! — Он стремительно повернулся от окна, забыв на мгновение об угрожающей ему опасности: пояс с пистолетом валялся на постели в другом конце комнаты.

Вошла Анастазия. Она была в светлом весеннем плаще, голова повязана белым платком.

— Рокита принял план Джонсона? — спросила она, едва кивнув головой.

— Да. Я не понимаю, однако... — начал Альберт, но она прервала его:

— Когда вы перебросите штаб Рокиты?

«Она пришла меня убить. Никогда мне не доверяла. А теперь она знает, кто я», — подумал Альберт, не сводя глаз с ее рук, глубоко засунутых в карманы плаща. Он вспомнил об оружии, оставшемся на кровати, перевел взгляд на ее лицо, более бледное, чем обычно, и похожее на гипсовый слепок. «Итак, это случится здесь? Здесь должно произойти все это? — с удивлением подумал он. — Я буду еще одним из тех, кому не повезло».

Он сказал:

— Я думал, что Рокита в первую очередь уведомит вас о своем решении.

— Вы переоцениваете мою роль. А кроме того, я категорически отказалась ехать к Желязному. В монастыре я в безопасности, думаю, что здесь буду более полезной, чем в лесу.

— В таком случае зачем вы явились сюда? У меня вам угрожает самая большая опасность. Каждую минуту может явиться кто-нибудь из Управления безопасности и вызвать меня к Яруге.

— Когда выезд? — спросила она, как будто его слова не дошли до ее сознания.

— Завтра в шесть утра мы выезжаем из лесничества Грабы, — ответил он.

И подумал: «Теперь она пристрелит меня, так как поймет, что я ее обманываю. Хотя если перед этим она скажет: «Врешь», — то я, может быть, сумею ей объяснить, что имел в виду сегодняшнее утро, поскольку мы разговариваем в два часа ночи».

— Я еще сегодня днем постараюсь увидеться с Рокитой. Этот выезд — безумие! — вскрикнула она. — Почему ты молчишь? — опять крикнула она.

— Что я должен говорить? Хочешь услышать: жалею, что связался со щенками? По вашей просьбе я был у полковника Джонсона, мне удалось достать грузовую машину и убовские бумаги, дающие право перебросить отряд на Люблинщину. Машину и бумаги люди раздобыли с риском для жизни, а теперь вы не одобряете этого. Прекрасно! Может, оно и к лучшему. Особенно для меня, потому что мне не придется вести машину и рисковать своей головой ради дураков. Знай, однако, что на этом конец. Забудь, что когда-то существовали Альберт и некий полковник Джонсон. И не вспоминай даже тогда, когда Яруга будет глядеть в твои хорошенькие глазки.

— Меня живьем не возьмешь.

— Это не мое дело. Но только не скулите потом, что союзники оставили вас с носом, не оказали помощи вашему глупому, смешному, опереточному воинству.

— Заткнись!

— Ты же хотела, чтобы я сказал что-нибудь.

Она вынула руки из карманов. Уселась на постели и по-женски красивым, плавным движением поправила прическу.

— Тебе идет мундир, — пробормотала она.
— Да-а-а-а?
— Рассуждай, как военный: что за смысл нам перебираться на Люблинщину? Тут мы сильны, потому что нам известна каждая нора. У нас здесь свои базы, свои люди. А там?
— Там все эти контакты существуют у Железного. Район Люблинщины гораздо удобнее для борьбы. Объединив свои силы, вы сможете еще многое сделать. Впрочем, вопрос о переброске решит штаб Рокиты. Там есть вояки, знающие толк в этом деле. Ты же, прости меня, всего лишь отважная и красивая женщина. Если ты пришла ко мне, чтобы поиграть со мной в Адама и Еву...
— Я пришла вовсе не для того, чтобы позабавиться. Ты мне подозрителен, понимаешь? С самого начала я чувствую в тебе что-то такое, что меня раздражает и беспокоит. Я очень жалею, что тогда в поезде не велела прикончить тебя.
Альберт негромко расхохотался.
— Послушай, малютка, — сказал он, едва сдерживая смех. — Завтра мы заедем за тобой на машине. В монастырь. Сначала я погружу весь отряд, а потом сверну с дороги и прихвачу тебя. Сделаю я это только потому, что ты мне чертовски нравишься.
— Не трудись. Можешь забрать Рокиту и отправляться вместе с ним хоть в самое пекло. А парни останутся здесь. Останутся, — произнесла она тихо. Однако то, что она говорила, было очень важным. — Этих ребят поднял на борьбу Перкун. Если нет Перкуна, я за них в ответе. И они знают об этом. Они послушают меня, а не Рокиту. Мне же вся эта игра представляется подозрительной. Уж слишком легко все получается. Слишком легко и просто!
Он подумал:
«Я должен пристрелить ее так же, как Крыхняка. Но я знаю, что не сумею этого сделать. Я мог бы связать ее, однако мне кажется, что она слишком хорошо владеет оружием и не позволит мне отобрать его. А если даже я и свяжу ее, как это бывает

в кино, то, прежде чем я окажусь у Яруги, кто-нибудь освободит ее. Не могла же она явиться сюда в одиночестве!»

И еще Альберт подумал:

«Через час мне надо выехать к Роките...»

— Я провожу тебя, — бросил он.

Анастазия поднялась с постели. Одернула на себе платье и плащ.

— А ты, оказывается, умеешь быть джентльменом, — с иронией произнесла она.

Внизу, в гостиной, темнота, хоть глаз выколи. Они пробирались ощупью, касаясь друг друга локтями, как тогда в монастырском подземелье.

«Может быть, пристрелить ее здесь?» — подумалось ему.

Улица была пустынной. Только когда они проходили через сад, Альберту на короткий миг почудились среди кустов очертания нескольких фигур.

— Где твои ребята? — спросил он.

— Стерегут мой велосипед на старом кладбище. Знаешь, где это?

Он спросил:

— Поедешь прямо к Роките?

— Почему ты спрашиваешь об этом?

— Я хочу, чтобы ты передала Роките: пусть он захватит с собой съестных припасов по крайней мере дня на три. Так приказал Железный.

— Хорошо. Я скажу ему. Однако в этом нет никакого смысла, потому что ни один из наших ребят туда не поедет.

Около белого забора, опоясывающего какой-то старый дом с пристройкой, Анастазия сказала:

— Дальше меня провожать не следует.

— Я пройду еще немного, — проговорил он неуверенно.

Они продолжали идти в полном молчании и поэтому услышали шум машины задолго до того, как она выехала из боковой улочки. Машина миновала их не особенно быстро — маленький пузатый «газик» с надстроенным верхом.

Когда красные огоньки скрылись за поворотом,

Альберт замедлил шаг. Теперь наступила самая удобная минута для того, чтобы обезвредить Анастазию: пустынная, мрачная улица, разрушенные ограды и руины домов — остатки бывшего гетто.

— Подожди меня, — остановила его Анастазия. — Здесь рядом старое кладбище. Там в кустах у меня припрятан велосипед.

Не дожидаясь ответа, она юркнула в дыру, видневшуюся в ограде, и пропала во мраке. Возвратилась уже по улочке, ведя рядом дамский велосипед.

— Сначала мне надо съездить в монастырь, закопать оружие, — сообщила она. — Завтра днем я отправлюсь в лесничество Грабы. Передам Роките приказ Желязного. Но знай, что я буду отговаривать его от этой поездки. Я честна по отношению к тебе и откровенно предупреждаю тебя.

— Поступай как хочешь, — отозвался Альберт.

— Ты приедешь в Грабы? — спросила она.

— Да.

— Увидишь, какая там красота. Густой лес, и вдруг перед тобою открывается прекрасная поляна, а на поляне белый, напоминающий усадьбу дом лесника. Ты хам, и подобные вещи на тебя, вероятно, не производят впечатления. Однако я тебе признаюсь, что если и есть на свете такое место, где ты можешь от меня чего-то добиться, так это именно там. Только сначала тебе придется назвать свое настоящее имя.

— Хорошо, — кивнул он. Он знал, что им уже не суждено встретиться в доме лесника. Знал и то, что они вообще больше никогда не увидятся.

— Держись, — сказала Анастазия, протягивая ему руку.

По улице навстречу им шли двое. «Это наверняка ее охрана», — подумал Альберт.

Анастазия вскочила на седло, ногой оттолкнулась от земли и помчалась прямо на идущих. Они расступились, пропуская ее, так как она ехала прямо по тротуару, как принято в небольших городах.

Альберт повернулся и пошел обратно к дому Ра-

чинской. Когда он переходил через улицу, его чуть было не сбил тот самый «газик», который минуту назад обогнал их.

Из кабины выскочил Яруга.

— Уехала? — спросил он. — Я уж думал, что ты от нее не отвяжешься.

— Вы ее не догоните, — сказал Альберт.

— Э-э, чепуха. Мои парни тоже на велосипедах. Они не пустят ее дальше того креста, что за городом.

— У нее охрана. Я заметил каких-то двух типов...

— Двух? Пешком? Это мои ребята, — успокоился Яруга.

— Живьем вам ее не взять.

— Увидишь. А ты? — спросил Яруга.

— Я? — удивился Альберт. — Ведь ты же знаешь...

— К вечеру все будет кончено. Держись! — воскликнул тот и, взобравшись в машину, умчался.

Альберт взглянул на часы и направился прямо к казармам. Вдруг ему показалось, что откуда-то из ночной глубины, из тишины и мрака до него донесся отзвук далеких выстрелов.

...В четыре часа утра Альберт вывел машину из ворот казармы. Громадный ГАЗ с брезентовым верхом покатил по неровным улицам городка, миновал мост на реке и оказался на асфальтированном шоссе. Альберт ехал медленно, с наслаждением вдыхая воздух, наполнявший кабину, — запах кожаной спинки, бензина и машинного масла. Рассвет занимался в молочном тумане, блестящая полоса шоссе казалась металлической лентой, которая навертывается на колеса автомашины. Потом Альберт свернул на дорогу, покрытую гравием. По сторонам потянулись леса. Он еще сбавил скорость и, опустив бортовые стекла, подставил лицо и волосы порывам свежего ветра.

Альберт даже самому себе не смел признаться в том, что с каждым новым километром в нем нарастает странное чувство. Словно петля, накинутая на шею, все сильнее сдавливает ему горло. Это был страх. Чем меньшее расстояние отделяло его от дома

лесника, тем драгоценнее казалась ему каждая прожитая секунда. Может быть, это последние минуты в его жизни?..

Из-за леса показался огромный диск солнца. По краям красный, в центре раскаленный добела. Все предвещало жаркий, безоблачный день. Суждено ли ему дожить до полудня, увидеть солнце, склоняющееся к горизонту?

В большой деревне с костелом о двух башнях в неороманском стиле он свернул с широкого тракта на песчаную проселочную дорогу. Миновал неглубокий ручей, обогнул дюны, заросли вереска и оказался в маленьком, прилепившемся к лесу селении. Высокие массивные сосны здесь вплотную подступали к самым амбарам и сеновалам. Село насчитывало всего лишь несколько дворов, дальше дорога потянулась по высокой насыпи, проложенной через топи, которые поросли ольхой. Неожиданно рельеф местности резко изменился — начался подъем. Альберта остановил пост Рокиты. Двое солдат, вооруженных автоматами, проводили его под навес с кормушками для косуль, где был полевой телефон, связанный с домом лесника, находившимся в полукилометре отсюда.

«К вечеру все будет кончено», — мысленно повторил Альберт.

Рокита отдал по телефону приказ — пропустить машину. Часовой с поста вскочил на подножку ГАЗа и сопровождал Альберта вплоть до небольшой поляны, где виднелся длинный белый дом, напоминавший старопольские усадьбы. На крыльце его ожидал Рокита.

Рокита напоминал деревенского лавочника, напялившего военный мундир. Он говорил о себе, что у него фигура Наполеона. Ходил Рокита прямо, выпятив живот и по-бонапартовски заложив руку за борт. У него было плотное, налитое кровью лицо. Офицерскую фуражку довоенного образца он низко надвигал на глаза. Туго застегнутый ворот мундира врезался в затылок. Голову Рокита держал высоко, узкие губы всегда были поджаты.

— Прошу поторопиться. Самое позднее к десяти

утра мы должны быть под Варшавой, — напомнил Альберт.

— Эй, вы там! Пошевеливайтесь! — окриком подхлестнул он своих людей, которые выносили из дома ящики с патронами, оружие и укладывали все это в просторном кузове ГАЗа. Оружие содержалось в безукоризненном состоянии и оказалось самых последних выпусков. Рокита пытался поймать в глазах Альберта хотя бы тень восхищения. Люди Рокиты были в новом польском обмундировании: как раз недавно бандитам удалось разграбить состав с продовольствием и одеждой, предназначавшимися для армейских частей. Лишь очень немногие были в английских френчах.

— Этих мы спрячем поглубже, — пояснил Рокита. — Ближе к выходу сядут люди исключительно в польских мундирах. Мы будем выглядеть как обычное воинское подразделение, которое направляется навстречу врагу. Если нас кто-нибудь и зацепит, мы ответим таким огнем, что останется только мокрое место. Я беру два миномета, десять пулеметов с тремя зарядными ящиками, запас гранат, ящик с винтовками. Кроме того, все мои люди вооружены автоматическим оружием: «стены», которые нам сбросили в 1944 году. Стоило бы вернуться еще разок, здесь остается почти целый склад оружия и обмундирования. Этот груз сброшен на парашютах три года назад.

— Этот вопрос надо будет согласовать с Джонсоном. Я готов еще раз совершить подобную поездку,— проговорил Альберт, равнодушно оглядываясь по сторонам и стремясь сосчитать суетившихся около машины бандитов. По его подсчетам, их было около шестидесяти.

— Сколько же, черт возьми, вы собираетесь втиснуть в эту машину?

— Тридцать человек, как мы и договорились... Тридцать самых лучших моих вояк...

Альберт отвернулся от машины, чтобы люди Рокиты не могли увидеть его лица.

— Почему вы так осторожничаете, майор? — спросил Рокита.

Альберт сделал вид, что не уловил ехидства в его голосе.

— Я не хочу дрожать от страха, если кто-нибудь из ваших парней «подожмет лапки» и выдаст меня так же, как уже выдали многих других. Я присутствовал на допросах. Они «засыпают» друг друга. А я из-за какого-то слизняка могу провалить задание, ради которого меня и забросили сюда из Англии.

— А вы, оказывается, осторожны!..

— Осторожность — главное, чему нас обучали в школах британской разведки.

— Есть ли какая-нибудь возможность перебраться на ту сторону?

— Да. Но это может решить только полковник Джонсон.

— Джонсон да Джонсон. Черт возьми! В конце концов мы воюем в Польше, а не в Англии. Что это за птица такая? Английский гаулейтер Польши?

Альберт не ответил. Рокита пригласил его на завтрак. По желанию Альберта они завтракали только вдвоем в отдельной комнате. Рокита принес бутылку водки, но Альберт ограничился только рюмкой. Ему предстояло вести машину.

Водка подействовала на Рокиту почти сейчас же. Он покраснел, глаза заблестели.

— Быстрее, быстрее ныряйте в этот мешок, — начал он шутливо подгонять своих подчиненных.

Они вскакивали в кузов поодиночке. Смеялись, шутили. Альберт стоял подле кабины, ожидая, когда его «мешок» наполнится до краев и можно будет, наконец, «завязать» его. Он распознал щенка с холеными усиками, который перетряхивал его чемодан на пути к Р. Потом он заметил архитектора в английском френче с одной звездочкой на погонах.

— А этот что тут делает?

— Это Прокоп. Начальник нашей разведки. Вы ведь знакомы?

— Конечно. Потому-то я и радуюсь, что он тоже поедет вместе с нами.

Ему хотелось смеяться. Этот лес и машина, дом лесника, люди в военном обмундировании, Рокита и он сам, Альберт, — все это напоминало гротеск.

Он положил руку на плечо Рокиты:

— Этот грузовик — ваш ноев ковчег. В стране потоп, я провезу вас на штормовой волне над бездонной пучиной. Мы высадимся на горе Арарат.

Взгляд Рокиты повлажнел. Водка оказала свое действие.

— Здорово вы это сказали, майор...

Рокита потерял нить своих рассуждений. Замолчал. Молчание Рокиты доставило Альберту большое облегчение. Он подошел к радиатору, поднял верх и проверил свечи. Заглядывая в мотор, он почувствовал, как солнце пригревает ему спину. Запах машинного масла смешивался с животворным ароматом соснового леса. «К вечеру все будет кончено», — подумал он снова.

Они мчались со скоростью 90 километров в час. Ровная лента шоссе блестела как стекло. Над накаленным асфальтом поднимался легкий пар, стало жарко и в кабине. Альберт сбросил мундир, оставшись в одной рубахе, на лбу у него дрожали капельки пота. Он смахивал их левой рукой, каждый раз поглядывая при этом на часы. Стрелки передвигались нехотя, словно истомленные зноем.

Альберт краем глаза видел, что происходит за стеклом, отделявшим кабину от кузова. Там бодрствовал Рокита со «стеном» на коленях, нацеленным прямо ему в спину. Из-под брезента с эмблемой Красного Креста ощетинивались дула автоматов и минометов, тридцать пар рук в любой момент готовы были нажать на спуск, метнуть гранаты. Альберт вез груз, столь же ненадежный и опасный, как динамит. Взрыв мог быть вызван самой пустячной случайностью — встречей с обыкновенным патрулем, контролирующим какой-нибудь участок шоссе. Опасность подстерегала ежеминутно, отовсюду.

На узкой улочке какого-то городка ГАЗ чуть было не врезался в доверху набитую ящиками грузовую машину. А у самого края небольшой березовой

рощи на шоссе внезапно появилось десятка полтора советских солдат. Они стали цепью поперек дороги. Солдаты были утомлены переходом и, как видно, хотели, чтобы водитель подбросил их к ближайшему местечку, расположенному в десяти километрах отсюда. Альберт затормозил, а когда они подбежали сзади, чтобы взобраться в кузов, он вдруг рванул вперед, едва не задев одного из солдат.

— Послушайте, майор, — обратился к нему через оконце Рокита. — Мне говорили, что в нашем городке вы пытались выдавать себя за историка. Вы как будто даже вели ученые разговоры с учителем Рамузом. Все это удивительно смешно выглядит. Сразу чувствуется, что вы ни малейшего понятия не имеете о конспиративной работе в наших условиях. Слишком тонко и слишком изощренно для Польши. Настолько искусно, что кажется подозрительным. Это, вероятно, хорошо в странах, где конспиративная работа не велась, как у нас, в масштабах всего государства. У нас не надо до такой степени маскироваться.

Альберт пожал плечами.

— Возможно, вы правы, — сказал он. — Однако мы в «Интеллидженс Сервис» любим тонкую работу.

— И поэтому вы рассчитывались с Рачинской долларами? — с издевкой бросил Рокита.

— Это была ошибка. Признаю, — согласился Альберт. — Хотя вместе с тем я сделал это сознательно. Меня интересовала ее реакция. Она могла оказаться полезной помощницей.

— Или же могла передать вас в руки УБ.

— Ну, всегда приходится идти на известный риск. Мы постоянно рискуем. Однако прежде чем меня направили в ваш район, я довольно долго изучал одного человека из города Р., который оказался в наших руках. Он рассказывал нам о некоторых известных обитателях городка. Вот, например, об учителе Рамузе. Поверите ли вы, что я узнал даже такую подробность, как тема научной работы Рамуза? Больше того, я самым подробнейшим образом проштудировал его работу. Это было для меня тем более легко, что некогда я очень интересовался историей. Но самое любопытное

то, что меня по-настоящему увлекла тема исследования Рамуза. Очень любопытна история этих двух английских шпионов королевы Елизаветы. Они прибыли в вашу страну в качестве астрологов, имея при себе «хрустальное зеркало». Под воздействием определенных магических манипуляций на хрустальном диске возникали видения. Но однажды, когда астрологи находились в монастыре в Домброво, кто-то похитил у них это магическое зеркало...

— А знаете, это действительно великолепная история, — поддакнул Рокита. — Ну, а кто же украл у них это чудо?

— Не знаю. Рамуз кое-что слышал об этом. Он обещал мне помочь разгадать эту загадку. Но вы убили его. Очень жаль.

— I am sorry *, — сказал Рокита. Этой фразой исчерпывались его познания в английском языке.

Несколько километров проехали в полном молчании. Потом опять заговорил Рокита:

— Прежде чем вас сюда прислали, обо мне тоже затребовали какую-то информацию?

— Разумеется. О вас прежде всего.

— Ну и как? Что думают обо мне в «Интеллидженс Сервис»?

— Вы учитель математики. Ум холодный, точный, логический, хотя и склонный по временам к рискованной и шальной браваде. Ваш интеллект весьма несложен. Кроме того, вы подозрительны, недоверчивы, но при всем том не особенно сообразительны...

— Вы вещаете, как гадалка, — гневно прервал его Рокита.

— Как астролог.

А про себя подумал: «Я восемь раз допрашивал Куртмана. Он считался женихом дочери Рамуза и об ее отце говорил с восторгом. Однако на каждом допросе твердил, что Рокита — это дурак».

— А знаете, майор, — вызывающе продолжал Рокита. — Там, в Англии, думают, что у меня «не-

* Простите (*англ.*).

сложный интеллект». А между тем только мне и удалось вас раскусить. Эта ваша роль историка подсказала мне, кем вы являетесь на самом деле. Я тотчас же подумал о вашем английском образе мышления, о вашем представлении о конспирации...

Первый контрольно-пропускной пункт они миновали беспрепятственно. На втором — через 50 километров — солдат, стоящий на посту, подал знак, чтобы они остановились. Альберт грубо выругался и нажал на тормоза. Бегство не имело смысла, подле контрольно-пропускной будки стояли три военных «виллиса». Останавливаясь, Альберт мысленно отчитался перед своей совестью. Проездные документы были в порядке, но не вызвал ли подозрения факт, что машину, набитую солдатами, ведет офицер, и к тому же в звании майора? Достаточно, если они захотят поглубже заглянуть в кузов: тотчас же заметят некоторую разницу в обмундировании, английские френчи, американское оружие — «стены» вместо ППШ. Если тотчас же они и не поднимут тревогу, то через минуту в погоню рванутся три «виллиса», зазвонят телефоны, и где-то под Варшавой Альберту перекроют дорогу автомашины с войсками. Дальше будут побоище, взрывы, искалеченные тела в развороченном гранатами кузове...

Он остановился. Из караульного помещения выскочил офицер.

— Откуда и куда? Документы! — хриплым голосом крикнул он.

«Ох, глупец, глупец, ты что, совсем потерял голову?» — проклинал себя в душе Альберт. Он протянул руку к висевшему на крючке мундиру, не торопясь натянул его на плечи.

— Документы! — нервничал офицер.

Взглянул на погоны Альберта. Козырнул.

— Путь свободен, майор! Простите, что задержал вас, но вы были в сорочке...

Рокита опустил стекло, отделявшее его от кабины.

— Я думал, что будет жарко... Мои ребята были наготове.

Альберт отер пот со лба.

— Не стоило связываться. Мы все равно не смогли бы потом уйти...

— О, у нас железные нервы. Вот только кое с чем другим не все в порядке...

Альберт усмехнулся и понимающе кивнул Роките. В ближайшем лесочке он свернул на первую же боковую дорогу и остановился.

Хлопцы Рокиты вываливались из кузова машины сонные, покрытые пылью. Со смехом они исчезали за деревьями. Рокита сел в кабину рядом с Альбертом.

— А Джонсон наверняка будет меня ждать?

— Нас догонит специальная автомашина — черный «паккард». Некоторое время она будет следовать за нами, потом обгонит нас и остановится. Я сбавлю ход, вы выскочите и перейдете в «паккард». Сядете в него и поедете. Ваш разговор будет происходить в автомашине, едущей по шоссе, — так наиболее безопасно. Полковник довезет вас до рощи неподалеку от Гарволина за Варшавой. За это время я проведу ГАЗ через Варшаву, и под Гарволином повторится та же процедура. Заметив «паккард», я резко сбавлю ход, вы сядете ко мне в кабину, и мы рванем прямо к Желязному, который поджидает нас под Замостьем.

— Ювелирная работа.

— Мы, разведчики, обожаем ювелирную работу...

Сильный шум поглотил его последние слова. Низко над деревьями пролетел самолет.

Альберт выскочил из кабины. Самолет, казалось, провалился между деревьями, только мотор свистел, выл, а потом внезапно замолк: за лесом находился аэродром.

— Черт возьми! — выругался Альберт.

Стоило пройти всего лишь пятнадцать-двадцать шагов, как роща обрывалась и сразу же начинались бетонные взлетные дорожки. Сбоку, немного поодаль, виднелись ангары, сновали вооруженные военные. Люди Рокиты, привлеченные ревом мотора, высыпали на опушку леса и пялили глаза на серебристые корпуса самолетов.

— Возвращайтесь в машину! Немедленно! — закричал Альберт.

Однако часовые возле ангаров уже заметили их. Двое из них кинулись к лесу.

— Глядите, майор. Баки с бензином, — сопел Рокита. — Достаточно двух-трех гранат, и получился бы такой фейерверк, что самому господу богу стало бы жарко.

— С ума вы сошли? Этот аэродром охраняет по крайней мере целая рота...

— Ну и что? Мне не раз уже приходилось с меньшим количеством людей разбивать роты. Нагоним страху на них — и этого достаточно!

Альберт схватил его за рукав.

— Немедленно соберите своих людей! Едем! Вы снова хотите наделать глупостей?

Часовые приближались, сорвали с плеча автоматы, держа оружие на боевом взводе. Рокита с неохотой отдал приказ возвращаться к машине. Альберт включил мотор, ГАЗ медленно тронулся, хлопцы Рокиты на ходу вскакивали в кузов.

— Стой! Стой! — услышал Альберт предостерегающие крики охранников.

Мотор ГАЗа взвыл, колеса забуксовали в песке. Часовые устремились к машине. «ГАЗ» съехал с дороги на траву, колеса попали на твердую землю, машину рвануло вперед. Поверху громко полоснула очередь... Вероятно, стреляли часовые с аэродрома. Вскоре они остались далеко позади. Альберт выехал на шоссе...

Все произошло, как и было задумано. В условленное время черный элегантный «паккард» нагнал машину, которую вел Альберт. В этом месте шоссе круто шло в гору. Остановились в котловине, где оно взбегало на небольшой мост. С грузовика соскочил Рокита. Одновременно открылась дверца «паккарда», из него вышел мужчина в мундире поручика. Рокита влез в машину, дверца захлопнулась, и «паккард» стремительно рванулся вперед. Альберт успел

заметить только руки, задернувшие белые занавески.

Поручик подошел к ГАЗу и козырнул.

— Пан майор, полковник приказал мне вести машину дальше вместо вас, — доложил он.

Альберт молча вылез из кабины. Поручик занял место за рулем. Машина тронулась. Альберт поплелся вверх по дороге. Черный «паккард» легко одолел подъем и быстро исчез за склоном горы. Грузовой ГАЗ, казалось, с трудом взбирался на гору, и, остановившись на шоссе, Альберт еще довольно долго видел высокий кузов, в котором сидели тридцать людей Рокиты. На мгновение ГАЗ как бы застыл на ясном фоне неба. Потом и он скрылся, перевалив на другую сторону.

Над блестящим шоссе чуть дрожали струйки нагретого воздуха. Рубашка липла к спине, по лицу и вискам Альберта катились струйки пота. Асфальт, казалось, источал зной. Альберт свернул в сторону и присел над заросшим травой кюветом, положив подле себя китель и фуражку. Он не оглянулся, услышав за своей спиной скрип тормозов подъезжавшей автомашины. Он знал, что это был грузовик, набитый вооруженными солдатами. Позже мимо него проехали две крестьянские фурманки, а он все сидел над канавой — в расстегнутой рубашке, сгорбившись, безвольно уронив руки на колени, с измученным и покрытым пылью лицом, напоминая утомленного путника, каких немало в те дни встречалось на дорогах Польши.

Перевели с польского
В. Головской и С. Ларин

Ф. ДЮРРЕНМАТТ

СУДЬЯ И ПАЛАЧ

Альфонс Кленин, полицейский из Тванна, утром третьего ноября тысяча девятьсот сорок восьмого года обнаружил на обочине дороги из Ламбуэне (деревенька в Тессенберге), в том месте, где она выходит из лесистого ущелья Тваннбах, синий «мерседес». Стоял густой туман, как часто бывало той поздней осенью, и, собственно говоря, Кленин уже прошел мимо машины, но почему-то вернулся. Дело в том, что, когда он проходил мимо и мельком глянул сквозь мутные стекла машины, ему показалось, что водитель навалился на руль. Он подумал, что тот пьян, ибо, будучи человеком рассудительным, остановился на самом простом объяснении. Поэтому он решил поговорить с незнакомцем не официально, а по-человечески. Он подошел к автомобилю с намерением разбудить спящего, отвезти его в Тванн и в гостинице «Медведь» с помощью черного кофе и мучного супа привести его в чувство; хоть и запрещено вести машину в нетрезвом состоянии, но не запрещено ведь спать нетрезвому в машине, стоящей у обочины. Кленин открыл дверцу машины и поотечески положил незнакомцу руку на плечо. Но в то же мгновение он понял, что человек мертв. Виски его были прострелены. Теперь Кленин заметил также, что правая дверца машины распахнута. Крови в машине было немного, и темно-серое пальто, надетое на трупе, казалось совсем незапачканным. Из кармана пальто поблескивал край желтого бумажника. Кленин вытащил его и без труда установил, что покойник — Ульрих Шмид, лейтенант полиции города Берн.

Кленин не знал, что предпринять. Ему, деревенскому полицейскому, еще не приходилось сталкиваться с «мокрым» делом. Он стал шагать взад-вперед по обочине дороги. Когда же восходящее

солнце пробило туман и осветило мертвеца, ему стало не по себе. Он вернулся к машине, поднял серую фетровую шляпу, лежащую у ног убитого, надел ему на голову и натянул ее так глубоко, что она закрыла рану на висках; после этого он немного успокоился.

Полицейский перешел на другую сторону дороги, ведущей в Тванн, и вытер пот со лба. Затем он принял решение. Он подвинул убитого на место рядом с водителем, заботливо усадил его, закрепил безжизненное тело кожаным ремнем, который он нашел в багажнике, и сел за руль.

Мотор не заводился, но Кленин без особых усилий привел машину по круто спускающейся к Твану дороге к гостинице «Медведь». Там он заправился, и никто не заподозрил в благопристойной и неподвижной фигуре мертвеца. Это вполне устраивало Кленина, не любившего скандалов, и он молчал.

Когда он ехал вдоль озера в сторону Биля, туман снова сгустился и солнца совсем не стало видно. Утро стало мрачное, как последний день страшного суда. Кленин угодил в длинную вереницу машин, по непонятной причине двигающуюся еще медленнее, чем требовалось туманом; это напоминает похоронную процессию, — невольно подумалось Кленину. Мертвец сидел неподвижно рядом с ним и только изредка, при неровности дороги, качал головой, как старый мудрый китаец, и Кленин все реже отваживался на попытку обогнать идущие впереди машины. Они достигли Биля с большим опозданием.

Когда в Биле началось расследование дела, в Берне передали о печальной находке комиссару Берлаху, который был к тому же непосредственным начальником убитого.

Берлах долгое время жил за границей и прославился как криминалист в Константинополе, а затем в Германии. Напоследок он возглавлял уголовную полицию во Франкфурте-на-Майне, но уже в тысяча девятьсот тридцать третьем году вернулся в свой родной город. Причиной его возвращения была не столько горячая любовь к Берну, который он частень-

ко называл своей золотой могилой, а пощечина, которую он дал одному высокому чиновнику тогдашнего нового немецкого правительства. В свое время во Франкфурте было много разговоров об этом инциденте, а в Берне его оценивали в зависимости от политической конъюнктуры в Европе — сначала как возмутительный акт, потом как заслуживающий осуждения, хотя и вполне понятный, и в конце концов как единственно возможный для швейцарца поступок; но так говорили лишь в сорок пятом. Первое, что сделал Берлах по делу Шмида,— это отдал распоряжение, выполнения которого он добился, лишь пустив в ход весь свой авторитет. «Известно слишком мало, а газеты — самое ненужное из всех изобретений, сделанных за последние две тысячи лет», — сказал он.

Берлах, по-видимому, многого ожидал от таких негласных действий, в противоположность своему «шефу», доктору Луциусу Лутцу, который читал лекции по криминалистике в университете. Этот чиновник, на бернский род которого благотворно повлиял богатый дядюшка из Базеля, только что вернулся в Берн после посещения нью-йоркской и чикагской полиции и был потрясен «доисторическим состоянием борьбы с преступностью в столице Швейцарской федерации», — как он открыто заявил директору полиции Фрейбергеру, когда однажды они вместе возвращались домой в трамвае.

В то же утро Берлах, еще раз переговорив по телефону с Билем, отправился на Бантингерштрассе к семье Шенлер, где квартировал Шмид. Старый город и мост Нюдекбрюке Берлах по своему обыкновению прошел пешком, ибо Берн был, по его мнению, слишком маленьким городом для «трамвая и тому подобного».

Крутую лестницу он одолел с некоторым трудом — ему было уже за шестьдесят, и в такие моменты они давали о себе знать. Но вскоре он оказался уже перед домом Шенлеров и позвонил.

Госпожа Шенлер сама отворила ему дверь. Это была маленькая толстенькая, не лишенная достоинства дама, которая сразу же впустила Берлаха, которого знала.

— Шмид должен был ночью уехать в командировку, — сказал Берлах. — Он должен был уехать неожиданно и попросил меня кое-что послать ему вслед. Проводите меня, пожалуйста, в его комнату, фрау Шенлер.

Госпожа Шенлер кивнула, и они пошли по коридору мимо большой картины в тяжелой золоченой раме. Берлах взглянул на картину — это был Остров мертвых.

— А куда поехал господин Шмид? — спросила толстая дама, открывая дверь в комнату.

— За границу, — ответил Берлах, разглядывая потолок.

Комната была расположена на уровне земли, и через садовую калитку был виден маленький парк со старыми коричневыми елями, по всей видимости больными — почва под ними была густо усыпана хвоей. Комната эта была, наверное, лучшей в доме.

Берлах подошел к письменному столу и снова огляделся. На диване лежал галстук убитого.

— Господин Шмид, конечно, в тропиках, не так ли, господин Берлах? — с любопытством спросила фрау Шенлер. Берлах немножко испугался.

— Нет, он не в тропиках. Он скорее в горах.

Фрау Шенлер вытаращила глаза и всплеснула руками.

— Господи, на Гималаях?

— Нечто в этом роде, — сказал Берлах. — Вы почти угадали.

Он раскрыл папку, лежавшую на письменном столе, и сразу же сунул ее под мышку.

— Вы нашли то, что должны послать господину Шмиду?

— Да, нашел.

Он еще раз огляделся, стараясь не смотреть на галстук.

— Это лучший жилец, которого мы когда-либо

имели. И никогда никаких историй с женщинами, — заверила его фрау Шенлер.

Берлах направился к двери.

— Время от времени я буду присылать служащего или заходить сам. У Шмида здесь есть еще важные документы, и они могут нам понадобиться.

— А я получу от господина Шмида открытку из-за границы? — поинтересовалась фрау Шенлер. — Мой сын собирает марки.

Берлах наморщил лоб, задумчиво посмотрел на фрау Шенлер и с сожалением ответил:

— Вряд ли. Из таких служебных командировок обычно не посылают открыток. Это запрещено.

Тут фрау Шенлер снова всплеснула руками и разочарованно воскликнула:

— И чего только полиция не запрещает!

Берлах повернулся и вышел. Он был рад выбраться из этого дома.

* * *

Погруженный в глубокое раздумье, он против своего обыкновения обедал не в Шмидштубе, а в ресторане «Дю Театр». При этом он листал и внимательно просматривал бумаги в папке, взятой в комнате Шмида, и после короткой прогулки по Бундесштрассе к двум часам вернулся в свою контору, где его ожидало известие, что мертвый Шмид прибыл из Биля. Но от визита к своему бывшему подчиненному он отказался, ибо не любил покойников и потому чаще всего не тревожил их. Он охотно отказался бы и от визита к Лутцу, но тут уж поделать ничего не мог. Он тщательно запер папку Шмида в своем письменном столе, не пролистав ее вторично, закурил сигару и пошел в кабинет Лутца, отлично зная, что того всякий раз раздражает вольность, которую позволяет себе старик, куря сигару. Только один раз, много лет назад, Лутц позволил себе сделать замечание, но Берлах лишь презрительно отмахнулся и сказал, что, кроме всего прочего, он десять лет состоял на турецкой службе и всегда курил в кабинетах своих начальников

в Константинополе, — эта ссылка была тем более весомой, что проверить ее было невозможно.

Доктор Луциус Лутц встретил его раздраженно, так как, по его мнению, еще ничего не было предпринято, и указал на мягкое кресло около письменного стола.

— Еще ничего не слышно из Биля? — осведомился Берлах.

— Пока ничего, — ответил Лутц.

— Странно, — сказал Берлах, — они ведь работают как одержимые.

Берлах сел и мельком взглянул на развешанные по стенам картины Траффелета, цветные рисунки пером, на которых солдаты, то с генералом во главе, то без генерала, маршировали под большим развевающимся знаменем справа налево или слева направо.

— Опять мы с новой, все возрастающей тревогой убеждаемся, — начал Лутц, — что в нашей стране криминалистика еще не вылезла из пеленок. Видит бог, я ко многому привык в кантоне, но те действия, которые предпринимаются по отношению к убитому лейтенанту полиции и, по-видимому, считаются вполне естественными, бросают такой страшный свет на профессиональные способности нашей сельской полиции, что я просто потрясен.

— Успокойтесь, доктор Лутц, — сказал Берлах,— наша сельская полиция столь же искусна, как и полиция в Чикаго, и мы уж найдем, кто убил Шмида.

— Вы кого-нибудь подозреваете, комиссар Берлах?

Берлах долго смотрел на Лутца и, наконец, ответил:

— Да, я кое-кого подозреваю, доктор Лутц.

— Кого же?

— Этого я пока не могу сказать.

— Ну-ну, это интересно, — сказал Лутц. — Я знаю, вы, комиссар Берлах, всегда готовы оправдать ошибки в применении великих открытий современной научной криминалистики. Но все же не следует забывать, что время движется вперед и не оста-

навливается даже перед самыми знаменитыми криминалистами. В Нью-Йорке и Чикаго я знакомился с такими преступлениями, о которых вы в нашем милом Берне не имеете, пожалуй, и отдаленного представления. Но вот убит лейтенант полиции, а это верный признак того, что и здесь, в самом здании общественной безопасности, дело неблагополучно и, значит, надо действовать решительно.

Разумеется, он это и делает, заметил Берлах.

— Тогда все в порядке, — ответил Лутц и закашлялся.

На стене тикали часы.

Берлах осторожно приложил левую руку к желудку, а правой погасил сигару в пепельнице, пододвинутой ему Лутцем. Он уже некоторое время не совсем здоров, сказал он, врач, во всяком случае, им недоволен. Он часто страдает болями в желудке и просит поэтому доктора Лутца дать ему заместителя по делу об убийстве Шмида, который мог бы заняться главным. А он, Берлах, хотел бы заниматься этим делом больше за письменным столом. Лутц дал свое согласие.

— Кого бы вы взяли заместителем? — спросил он.

— Чанца, — ответил Берлах.— Он, правда, еще в отпуске в Бернском нагорье, но его можно отозвать.

— Я не возражаю. Чанц, по-моему, человек, всегда старающийся быть на высоте поставленных перед ним задач, — закончил Лутц.

Он повернулся спиной к Берлаху и стал глядеть в окно на площадь перед сиротским домом, полную детей.

Вдруг его обуяло неудержимое желание поспорить с Берлахом о значении современной научной криминалистики. Он повернулся, но Берлаха уже не было в комнате.

Хотя было уже около пяти часов, Берлах решил еще сегодня побывать в Тванне на месте преступления. Он взял с собой Блаттера, высокого грузного

полицейского, очень молчаливого, за что Берлах его и любил; он вел машину. В Тванне их встретил Кленин, у которого было упрямое выражение лица, так как он ожидал нагоняя. Комиссар же был с ним приветлив, пожал ему руку и заявил, что рад познакомиться с человеком, умеющим самостоятельно думать. В Кленине слова комиссара вызвали чувство гордости, хотя он не совсем понял, что старик имел в виду. Он повел Берлаха по дороге на Тессенберг к месту преступления. Блаттер плелся следом, недовольный тем, что приходится идти пешком.

Берлаха удивило название Ламбуэн.

— По-немецки это называется Ламлинген, — пояснил Кленин.

— Так-так, — пробормотал Берлах, — это уже лучше.

Они подошли к месту преступления. Справа дорога вела в сторону Тванна и была обнесена каменной оградой.

— Где стояла машина, Кленин?

— Здесь, — ответил полицейский и указал на дорогу, — почти на середине. — И так как Берлах почти не взглянул в ту сторону, добавил: — Может быть, было бы лучше, если бы я оставил машину с убитым здесь?

— Почему? — спросил Берлах и посмотрел вверх на Юрские горы. — Мертвых нужно как можно скорей убирать, им нечего делать среди нас. Вы были совершенно правы, отправив Шмида в Биль.

Берлах подошел к краю дороги и посмотрел вниз на Тванн. Между ним и старым поселком раскинулись сплошные виноградники. Солнце уже зашло. Улица извивалась, как змея, между домами, у вокзала стоял длинный товарный состав.

— Разве там внизу ничего не было слышно, Кленин? — спросил он. — Городок ведь совсем близко, всякий выстрел там должен быть слышен.

— Там ничего не слышали, кроме шума мотора, работавшего всю ночь, но никто не заподозрил в этом ничего плохого.

— Разумеется, как тут было заподозрить что-нибудь?

Он снова посмотрел на виноградники.

— Как удалось вино в этом году, Кленин?

— Отлично. Мы можем его потом попробовать.

— Верно, я не отказался бы сейчас от стакана молодого вина.

И он наступил правой ногой на что-то твердое. Он нагнулся, и в его худых пальцах оказался маленький, продолговатый и сплющенный спереди кусочек металла.

Кленин и Блаттер с любопытством уставились на него.

— Пуля от револьвера, — сказал Блаттер.

— Как это вы опять сделали, господин комиссар! — удивился Кленин.

— Это только случайность, — сказал Берлах, и они спустились в Тванн.

* * *

Молодое тваннское вино, видимо, не пошло Берлаху на пользу — на следующее утро он заявил, что его всю ночь рвало.

Лутц, встретивший комиссара на лестнице, серьезно забеспокоился по поводу его здоровья и посоветовал ему обратиться к врачу.

— Ладно, ладно, — проворчал Берлах и сказал, что врачей он любит еще меньше, чем современную научную криминалистику.

В кабинете ему стало лучше. Он уселся за письменный стол и вынул папку покойного.

Берлах все еще был погружен в чтение бумаг, когда в десять часов к нему явился Чанц, который накануне поздно ночью возвратился из отпуска.

Берлах вздрогнул — в первый момент ему показалось, что к нему пришел мертвый Шмид. На Чанце было такое же пальто, какое носил Шмид, и такая же фетровая шляпа. Только лицо было иное — добродушное и полное.

— Хорошо, что вы здесь, Чанц, — сказал Бер-

лах. — Нам нужно обсудить дело Шмида. Вы должны в основном взять его на себя, я не совсем здоров.

— Да, — ответил Чанц, — я уже знаю об этом.

Чанц сел, придвинув стул к письменному столу Берлаха, на который положил левую руку. На письменном столе лежала раскрытая папка Шмида.

Берлах откинулся в кресле.

— Вам я могу признаться, — начал он. — От Константинополя до Берна я повидал тысячи полицейских, хороших и плохих. Многие из них были не лучше того бедного сброда, которым мы заселяем всякие тюрьмы, лишь случайно они оказывались по другую сторону закона. Но к Шмиду это не относится, он был самым одаренным. Он мог всех нас заткнуть за пояс. У него была ясная голова, он знал, чего хотел, и молчал о том, что знал, чтобы говорить лишь тогда, когда нужно. Нам надо брать пример с него, Чанц, он был выше нас.

Чанц медленно повернул голову к Берлаху — он все время смотрел в окно — и сказал:

— Возможно.

Берлах видел, что тот не убежден в этом.

— Мы мало знаем о его смерти, — продолжал комиссар. — Вот пуля, и это все. — С этими словами он положил на стол пулю, найденную им в Тванне.

Чанц взял ее и стал разглядывать.

— Она от армейского пистолета, — сказал он, вернув пулю.

Берлах захлопнул папку на своем столе.

— Прежде всего нам неизвестно, что нужно было Шмиду в Тванне или Ламлингене. У Бильского озера он находился не по служебным делам, иначе я знал бы о поездке. Мы не знаем ни одного мотива, хоть сколько-нибудь объясняющего его поездку.

Чанц слушал слова Берлаха невнимательно, он положил ногу на ногу и сказал:

— Нам только известно, как Шмид был убит.

— Откуда вам это известно? — не без удивления спросил комиссар после паузы.

— В машине Шмида руль слева, и вы нашли пулю с левой стороны дороги, если смотреть из ма-

шины; кроме того, в Тванне всю ночь слышали работу мотора. Убийца остановил Шмида, когда он из Ламбуэна ехал в Тванн. По-видимому, он знал убийцу, иначе он не остановил бы машину. Шмид открыл правую дверцу, чтобы впустить убийцу, и снова сел за руль. В этот момент он был убит. Шмид понятия не имел о намерениях человека, который его убил.

Берлах продумал все это и сказал:

— Теперь я хочу закурить еще одну сигару. — Закурив, он продолжал: — Вы правы, Чанц, очень возможно, так и происходило дело между Шмидом и его убийцей, хочу вам верить. Но это все еще не объясняет, что Шмид делал на дороге из Тванна в Ламлинген.

Чанц напомнил комиссару, что под пальто на Шмиде был фрак.

— Этого я даже не знал, — сказал Берлах.

— А разве вы не видели убитого?

— Нет, я не люблю покойников.

— Но это было указано и в протоколе.

— Протоколы я люблю еще меньше.

Чанц молчал.

Берлах же констатировал:

— Это еще больше осложняет дело. Что делал Шмид во фраке в Тваннбахском ущелье?

— Может быть, это как раз упрощает дело, — ответил Чанц, — в районе Ламбуэна наверняка живет немного людей, устраивающих приемы, на которые нужно являться во фраке.

Он вытащил маленький карманный календарь и пояснил, что это календарь Шмида.

— Я знаю его, — кивнул Берлах, — там нет ничего важного.

Чанц возразил:

— Шмид отметил среду, второго ноября, буквой «Г». В этот день около полуночи он был убит, — так считает судебный врач. Еще одним «Г» помечена среда двадцать шестого, затем вторник, восемнадцатого октября.

— «Г» может обозначать все, что угодно, — сказал Берлах, — женское имя или еще что-нибудь.

— Вряд ли это женское имя, — возразил Чанц. — Девушку Шмида звали Анной, а Шмид отличался постоянством.

— О ней мне тоже ничего не известно, — признался Берлах; когда же он увидел, что Чанц удивлен его незнанием, он добавил: — Меня интересует только, кто убийца Шмида, Чанц.

Чанц вежливо ответил:

— Конечно, — потом покачал головой и засмеялся. — Какой вы все же странный человек, комиссар Берлах.

Берлах совершенно серьезно сказал:

— Я большой старый черный кот, который охотно жрет мышей.

Чанц не знал толком, что на это ответить, и, наконец, заявил:

— В дни, помеченные буквой «Г», Шмид каждый раз надевал фрак и уезжал на своем «мерседесе».

— Откуда вам все это известно?

— От госпожи Шенлер.

— Так-так, — пробормотал Берлах и замолчал. Потом он сказал: — Да, это факты.

Чанц внимательно посмотрел в лицо Берлаха, закурил сигарету и робко произнес:

— Господин доктор Лутц сказал мне, что у вас есть определенное подозрение.

— Да, оно у меня есть, Чанц.

— Так как я стал вашим заместителем по делу об убийстве Шмида, не лучше ли было бы, чтобы вы сказали мне, на кого падает ваше подозрение, комиссар Берлах?

— Видите ли, — ответил Берлах медленно, так же тщательно взвешивая каждое слово, как это делал Чанц. — Мое подозрение не является криминалистически научным подозрением. У меня нет никаких данных, подтверждающих его. Вы видели сейчас, как мало я знаю. У меня есть только мысль, кого можно было бы заподозрить как убийцу; но тот, кого

это касается, должен еще представить доказательства, что это был именно он.

— Как вас понять, комиссар? — спросил Чанц.

Берлах улыбнулся:

— Что ж, мне придется подождать, пока обнаружатся косвенные улики, оправдывающие его арест.

— Поскольку я должен работать с вами, мне необходимо знать, против кого направить следствие, — вежливо пояснил Чанц.

— Прежде всего мы должны оставаться объективными. Это касается меня, имеющего подозрение, касается и вас, который в основном поведет следствие. Не знаю, подтвердится ли мое подозрение. Я подожду результатов вашего расследования. Вам надлежит найти убийцу Шмида, невзирая на мои подозрения. Если тот, кого я подозреваю, и есть убийца, вы сами к этому придете, — но, в противоположность мне, безупречным научным путем; если же он не тот, вы найдете настоящего убийцу и не к чему знать имя человека, которого я неправильно подозревал.

Они помолчали некоторое время, потом старик спросил:

— Вы согласны с таким методом работы?

Чанц помедлил, прежде чем ответить:

— Хорошо, я согласен.

— Что вы намерены предпринять, Чанц?

Чанц подошел к окну:

— Сегодняшний день помечен в календаре Шмида буквой «Г». Я хочу поехать в Ламбуэн и посмотреть, что там можно выяснить. Поеду в семь, в то самое время, в какое всегда ездил и Шмид, когда собирался в Тессенберг.

Он снова повернулся и спросил вежливо, но словно шутя:

— Поедете со мной, комиссар?

— Да, Чанц, я поеду с вами, — ответил тот неожиданно.

— Хорошо, — сказал Чанц в замешательстве, ибо никак не рассчитывал на такой ответ. — В семь.

В дверях он еще раз обернулся:

— Вы ведь тоже были у фрау Шенлер, комиссар Берлах. Вы ничего не нашли там?

Старик ответил не сразу, сперва он запер папку в письменном столе и спрятал ключ.

— Нет, Чанц, — произнес он наконец, — я ничего не нашел. Вы можете идти.

* * *

В семь часов вечера Чанц поехал к Берлаху в Альтенберг, где с тысяча девятьсот тридцать третьего года комиссар жил в доме на берегу Аары. Шел дождь, и быстроходную полицейскую машину занесло при повороте на Нюдекбрюке. Но Чанц ловко управился с ней. По Альбертштрассе он поехал медленно, так как никогда еще не бывал у Берлаха; сквозь мокрые стекла он с трудом рассмотрел нужный номер дома. На его неоднократные гудки никто в доме не откликнулся. Чанц вышел из машины и побежал под дождем к дому. В темноте он не нашел звонка н после недолгих колебаний нажал дверную ручку. Дверь была не заперта, и Чанц вошел в прихожую. Он увидел полуоткрытую дверь, из-за которой падал луч света. Он шагнул к двери и постучал, но, не получив ответа, распахнул ее. Перед ним был холл. Стены были заставлены книгами, на диване лежал Берлах. Комиссар спал, но он был уже готов к поездке к Бильскому озеру — он лежал в зимнем пальто. В руке он держал книгу. Чанц слышал его ровное дыхание и не знал, что делать. Сон старика и это множество книг показались ему жуткими. Он внимательно огляделся. В помещении не было окон, но в каждой стене — дверь, ведущая в другие комнаты. Посередине стоял большой письменный стол. Чанц испугался, когда взглянул на него: на нем лежала большая бронзовая змея.

— Я привез ее из Константинополя, — донесся спокойной голос с дивана. Берлах поднялся. — Вы видите, Чанц, я уже в пальто. Мы можем идти.

— Простите меня, — ответил ошеломленный Чанц, — вы спали и не слышали, как я вошел. Я не нашел звонка у двери.

— У меня нет звонка. Он мне не нужен, дверь никогда не запирается.

— Даже когда вас нет дома?

— Даже когда меня нет дома. Всегда очень интересно вернуться домой и посмотреть, украдено у тебя что-нибудь или нет.

Чанц засмеялся и взял привезенную из Константинополя змею в руки.

— Этой штукой меня однажды чуть не убили, — заметил комиссар слегка иронически, и только теперь Чанц разглядел, что голову змеи можно было использовать как ручку, а тело ее остро, как кинжал. Озадаченно рассматривал он причудливый орнамент, поблескивавший на страшном оружии. Берлах стоял рядом с ним.

— Будьте мудрыми, как змеи, — сказал он, долго и внимательно разглядывая Чанца. Потом он улыбнулся: — И нежными, как голуби. — Он слегка похлопал его по плечу. — Я спал. Впервые за много дней. Проклятый желудок.

— Так худо? — спросил Чанц.

— Да, так худо, — ответил комиссар хладнокровно.

— Оставайтесь дома, господин Берлах, погода холодная, идет дождь.

Берлах снова посмотрел на Чанца и засмеялся.

— Ерунда, речь идет о том, чтобы найти убийцу. Вам, может быть, было бы на руку, чтобы я остался дома?

Когда они уже сидели в машине и проезжали по Нюдекбрюке, Берлах сказал:

— Почему вы не поехали через Ааргауэрштальден в Цолликофен, Чанц, это ведь гораздо ближе, чем через весь город?

— Потому что я хочу попасть в Тванн не через Цолликофен — Биль, а через Керцерс — Эрлах.

— Это необычный маршрут, Чанц.

— Совсем не такой необычный, комиссар.

Они замолчали. Огни города проносились мимо них.

Когда они проезжали Вефлеем, Чанц спросил:

— Ездили вы когда-нибудь со Шмидом?

— Да, частенько. Он был осторожным водителем. — Берлах неодобрительно посмотрел на спидометр, который показывал почти сто десять.

Чанц немного убавил скорость.

— Однажды я ехал со Шмидом черт знает как медленно, и я помню, что он дал странное имя своей машине. Он назвал его, когда мы заправлялись. Вы не помните, как он называл свою машину? Я забыл.

— Он называл свою машину синим Хароном, — ответил Берлах.

— Харон — это персонаж из греческой мифологии, не так ли?

— Харон перевозил умерших в царство теней, Чанц.

— У Шмида были богатые родители, и он имел возможность посещать гимназию. А такой, как я, не мог себе этого позволить. Вот он и знал, кто такой был Харон, а мы этого не знаем.

Берлах засунул руки в карманы пальто и снова глянул на спидометр.

— Да, Чанц, — сказал он. — Шмид был образованным человеком, знал греческий и латынь, перед ним открывалось большое будущее, как перед человеком образованным, но тем не менее я не ездил бы быстрее ста километров в час.

Миновав Гюммене, машина вдруг остановилась у бензоколонки. К ним подошел человек с намерением обслужить их.

— Полиция, — сказал Чанц, — нам нужны кое-какие сведения.

Они увидели любопытное и немного испуганное лицо, склонившееся к машине.

— Останавливался у вас два дня тому назад автомобилист, называвший свою машину синим Хароном?

Человек удивленно покачал головой, и Чанц поехал дальше.

— Спросим у следующего.

В заправочной под Керцерсом тоже ничего не знали.

Берлах проворчал:

— То, что вы делаете, не имеет смысла.

Под Эрлахом Чанцу повезло. В понедельник вечером здесь был такой, ответили ему.

— Вот видите, — сказал Чанц, когда они у Ландерона свернули на дорогу Нойенштадт — Биль, — теперь нам известно, что в понедельник вечером Шмид ехал по дороге Керцерс — Инс.

— Вы уверены? — спросил комиссар.

— Я представил вам бесспорное доказательство.

— Да, доказательство бесспорное. Но для чего оно вам, Чанц? — поинтересовался Берлах.

— Просто так. Все, что мы знаем, нам поможет в дальнейшем, — ответил он.

— Вот вы и снова правы, — сказал старик и стал смотреть на Бильское озеро. Дождь перестал. После Нёвиля озеро выглянуло сквозь разрывы тумана. Они въехали в Лигерц. Чанц ехал медленно, ища поворот на Ламбуэн.

Теперь машина поднималась по склонам виноградников. Берлах опустил стекло и смотрел вниз, на озеро. Над островом Петерс видны были звезды. В воде отражались огни, по озеру неслась моторная лодка. Поздновато для этого времени года, подумал Берлах. Перед ними в долине лежал Тванн, за ними — Лигерц.

Они сделали поворот и поехали к лесу, который угадывался в темноте. Чанц заколебался и сказал, что дорога, может быть, ведет только в Шернельц. Когда они поравнялись с пешеходом, Чанц остановил машину.

— Это дорога на Ламбуэн?

— Прямо вперед, а у ряда белых домов на опушке леса — направо в лес, — ответил человек в кожаной куртке и свистнул своей собачонке — белой с черной мордой, — крутившейся в свете фар.

— Пошли, Пинг-понг!

Они миновали виноградники и вскоре оказались в лесу. Ели надвигались на них — бесконечная вереница освещенных колонн. Дорога была узкой и плохой, то и дело ветки ударялись о стекло. Справа дорога круто обрывалась. Чанц ехал так медленно, что они слышали, как шумит вода в ущелье.

— Это ущелье Тваннбах, — пояснил Чанц. — По ту сторону дорога в Твани.

Слева скалы скрывались в темноте и затем снова вспыхивали белым светом. Кругом был мрак, как раз наступило новолуние. Дорога больше не подымалась, и ручей шумел теперь рядом с ними. Они свернули налево и проехали через мост. Перед ними лежала дорога. Дорога от Тванна на Ламбуэн. Чанц остановил машину.

Он выключил фары, и они очутились в полной темноте.

— Что теперь? — спросил Берлах.

— Теперь будем ждать. Без двадцати восемь.

* * *

Они стали ждать. Часы показывали уже восемь, но ничего не происходило. Тогда Берлах сказал, что пора уже Чанцу объяснить, что он задумал.

— Определенного плана у меня нет, комиссар. Я пока недостаточно проник в дело Шмида, да и вы еще блуждаете в потемках, хотя у вас и есть подозрение. Я решил сегодня построить все в расчете на то, что там, где Шмид был в среду, вечером снова соберется общество, на которое кое-кто приедет на машине, — ведь общество, в котором в нынешнее время носят фрак, должно быть многочисленным. Это, конечно, лишь предположение, комиссар Берлах, но предположения в нашем деле и существуют для того, чтобы исходить из них.

— Расследования по поводу пребывания Шмида на Тессенберге, проведенные полицией Биля, Нойенштадта, Тванна и Ламбуэна, не дали никаких ре-

зультатов, — заметил довольно скептически комиссар в ответ на рассуждения своего подчиненного.

— Шмид стал жертвой человека более ловкого, нежели полиция Биля и Нойенштадта, — возразил Чанц.

— Откуда это вам известно? — проворчал Берлах.

— Я никого не подозреваю, — сказал Чанц. — Но я уважаю человека, убившего Шмида, если только можно при этом употребить слово «уважение».

Берлах слушал его неподвижно, немного приподняв плечи.

— И вы хотите поймать человека, Чанц, к которому питаете уважение?

— Я надеюсь, комиссар.

Они снова умолкли и продолжали ждать. Вдруг Тваннский лес осветился. Фары залили его ярким светом. Лимузин проехал мимо них по направлению к Ламбуэну и скрылся в темноте.

Чанц включил мотор. Проехало еще два автомобиля, большие, темные машины, полные людей. Чанц поехал вслед за ними.

Лес остался позади. Они проехали мимо ресторана, вывеска которого освещалась сквозь открытую дверь, мимо деревенских домов; перед ними маячили задние огни последней машины.

Они достигли широкой долины Тессенберга. Небо очистилось, ярким светом горели заходящая Вега, восходящая Капелла, Альдебаран и огненное пламя Юпитера на небосводе.

Дорога повернула на север, и перед ними выступили темные контуры Шпитцберга и Хассераля, у подножья которых мерцало несколько огней — деревни Ламбуэн, Диссе и Нодс.

Тут идущие перед ними машины свернули налево на проселочную дорогу, Чанц остановился. Он опустил стекла, чтобы можно было выглянуть. Далеко в поле угадывался дом, окруженный тополями, перед освещенным входом останавливались машины. Оттуда доносились голоса, потом все влилось в дом и наступила тишина. Свет над входом погас.

— Больше они никого не ждут, — сказал Чанц.

Берлах вылез из машины и вдохнул холодный ночной воздух. Ему было хорошо, и он смотрел, как Чанц ставил машину на луг, так как дорога на Ламбуэн была узкой. Наконец Чанц вылез из машины и подошел к комиссару.

Они зашагали по тропинке в сторону видневшегося вдали дома. Почва была глинистой, стояли лужи — здесь тоже был дождь.

Они подошли к низкой ограде, но ворота были заперты. Ржавые прутья возвышались над оградой, через которую они рассматривали дом.

Сад был голым, между тополями, словно огромные звери, стояли лимузины; огней нигде не было видно. Все производило унылое впечатление.

В темноте они с трудом разглядели, что на воротах висела табличка. Один угол сорвался, и она висела косо. Чанц осветил ее фонариком, прихваченным из машины: на табличке была выгравирована большая буква «Г».

Они снова оказались в полной темноте.

— Видите, — сказал Чанц, — мое предположение было верным. Я ткнул пальцем в небо, а попал в цель. — И, довольный собой, он попросил: — Угостите меня теперь сигарой, комиссар, я ее заслужил.

Берлах протянул ему сигару.

— А теперь нам необходимо узнать, что означает буква «Г».

— Это не проблема: Гастман.

— То есть?

— Я справлялся по телефонной книге. В Ламбуэне есть только два абонента на букву «Г».

Берлах озадаченно засмеялся, но потом сказал:

— А не может это относиться к другому Г.?

— Нет, не может. Второе Г. означает жандармерию *. Или вы считаете, что жандарм может быть причастен к этому убийству?

— Все может быть, Чанц, — ответил старик.

Чанц зажег спичку, но прикурить при ветре, яростно сотрясавшем тополя, ему удалось с трудом.

* По-немецки пишется: Gendarmerie.

* * *

Не понимаю, удивлялся Берлах, почему полиция Ламбуэна, Диссе и Линьера не обратила внимания на этого Гастмана, ведь его дом стоит в открытом поле, свободно виден из Ламбуэна, и если здесь собирается общество, то это невозможно скрыть, более того — это прямо-таки должно бросаться в глаза, в особенности в таком захолустье.

Чанц ответил, что пока он этому не находит объяснения.

Они решили обойти вокруг дома. Они разделились и направились каждый в свою сторону. Чанца поглотила ночь, Берлах остался один. Он снова почувствовал тяжесть в желудке, резкую боль, на лбу выступил холодный пот. Он пошел вдоль стены и, следуя ей, свернул направо. Дом все еще был погружен в полнейшую темноту.

Берлах снова остановился и прислонился к ограде. Он увидел на опушке леса огни Ламбуэна и зашагал дальше. И снова ограда изменила направление, теперь она повернула на запад. Задний фасад дома был освещен, из окон нижнего этажа лился яркий свет. Берлах услышал звуки рояля, а когда прислушался, то понял, что играют Баха.

Берлах зашагал дальше. Теперь, по его расчетам, он должен был встретиться с Чанцем; Берлах стал внимательно вглядываться в залитое светом поле и поэтому слишком поздно заметил, что в нескольких шагах от него стоял зверь.

Берлах был хорошим знатоком животных; но такого огромного животного он еще никогда не видел. Хотя он и не мог различить деталей, а видел только очертания на фоне более светлой земли, чудовище вызывало такой ужас, что Берлах замер на месте. Он видел, что животное медленно, как будто случайно повернуло голову и уставилось на него. Глаза были, как два светлых, но пустых круга.

Неожиданность встречи, огромные размеры животного и его необычайность парализовали его. Хотя здравый рассудок не покидал его, он забыл, что не-

обходимо действовать. Он смотрел на зверя бесстрашно, но скованно. Вот так всегда зло захватывало его, всегда влекло разрешить великую загадку.

И когда собака вдруг прыгнула на него, когда огромная тень, обезумевшее чудовище, полное силы и жажды убийства, обрушилось на него и он свалился под тяжестью бессмысленно беснующейся твари, еле успев защитить горло левой рукой, старик не издал ни звука, не вскрикнул от страха, настолько все это показалось ему естественным, согласным законам мира сего.

Но прежде чем животное успело перемолоть своими челюстями его руку, лежащую у его пасти, он услышал звук выстрела; тело над ним содрогнулось и теплая кровь полилась по его руке. Собака была мертва.

Она давила его своей тяжестью, и Берлах провел рукой по ее гладкой, влажной шерсти. Он поднялся с трудом и, весь дрожа, вытер руку о редкую траву. Чанц подошел, пряча револьвер в карман пальто.

— Вы не ранены, комиссар? — спросил он и недоверчиво посмотрел на его разорванный левый рукав.

— Нет. Твари не удалось прокусить руку.

Чанц наклонился и повернул морду животного к свету, упавшему на его уже мертвые глаза.

— Зубы у него как у хищника, — сказал он, содрогнувшись. — Эта тварь могла вас растерзать, комиссар.

— Вы спасли мне жизнь, Чанц.

Тот полюбопытствовал:

— Разве вы не носите оружия?

Берлах тронул ногой неподвижную массу, лежащую перед ним:

— Редко, Чанц, — ответил он.

Они помолчали.

Мертвая собака лежала на голой и грязной земле, и они смотрели на нее. У их ног разлилась большая черная лужа. Это была кровь, которая, как темный поток лавы, вытекала из разинутой пасти зверя.

Когда они снова посмотрели на дом, картина совершенно изменилась. Музыка смолкла, освещенные окна были распахнуты, и люди в вечерних туалетах высовывались наружу. Берлах и Чанц взглянули друг на друга, им было неловко стоять, словно перед трибуналом, да еще посреди этих богом забытых Юрских гор, где, как с раздражением подумал комиссар, лишь заяц с лисицей общаются.

В среднем из пяти окон одиноко стоял человек, отдельно от других, который странным, но ясным голосом громко спросил, что они там делают.

— Полиция, — ответил Берлах спокойно и добавил, что им необходимо поговорить с господином Гастманом.

Человек выразил удивление, что, для того чтобы поговорить с господином Гастманом, нужно было прежде убить собаку; кроме того, у него сейчас есть желание и возможность слушать Баха, — сказав это, он закрыл окно, закрыл спокойно и не спеша, так же как он и говорил, — без возмущения, скорее с глубоким безразличием.

Из окон слышался шум голосов. Можно было разобрать отдельные слова, например: «Неслыханно!», «Что вы на это скажете, господин директор?», «Безобразие!», «Невероятно — полиция, господин тайный советник!» Потом люди отошли от окон, закрывая их одно за другим, и все стихло.

Обоим полицейским не оставалось ничего другого, как вернуться. У передней калитки садовой ограды их поджидали. Одинокая фигура человека возбужденно бегала взад и вперед.

— Быстро дайте свет! — шепнул Берлах Чанцу; в блеснувшем луче карманного фонаря они увидели толстое, одутловатое, хотя и не стертое, но несколько плоское лицо над элегантным вечерним костюмом. На одной руке блестело тяжелое кольцо. Берлах тихо шепнул что-то, и свет погас.

— Кто вы такие, черт возьми? — возмутился толстяк.

— Комиссар Берлах. А вы господин Гастман?

— Я национальный советник фон Швенди, пол-

ковник фон Швенди, провались вы в преисподнюю, какого черта вы здесь стреляете?

— Мы ведем следствие, и нам нужно поговорить с господином Гастманом, господин национальный советник, — ответил Берлах спокойно.

Но национального советника никак нельзя было утихомирить. Он грохотал:

— Вы небось сепаратист, а?

Берлах решил называть его другим титулом и осторожно заметил, что господин полковник ошибается, он не причастен к проблемам локального патриотизма.

Но прежде чем Берлах успел произнести еще хоть слово, полковник рассвирепел еще больше, чем национальный советник. Значит, коммунист, определил он. Он, полковник, не позволит здесь стрелять, когда музицируют. Он категорически запрещает какие бы то ни было демонстрации, направленные против западной цивилизации. Швейцарская армия уж наведет порядок!

Поскольку национальный советник явно заблуждался, Берлах решил действовать по-другому.

— Чанц, то, что сейчас говорит национальный советник, в протокол не включать, — деловито приказал он.

Национальный советник мгновенно отрезвел.

— Что еще за протокол?

Как комиссар бернской уголовной полиции, пояснил Берлах, он должен провести расследование по делу убийства лейтенанта полиции Шмида. И в его обязанность входит включать в протокол ответы разных лиц на заданные им вопросы, но так как господин — он запнулся, не зная, какой титул сейчас избрать, — господин полковник неверно оценивает ситуацию, то он готов не включать в протокол ответ господина национального советника.

Полковник был озадачен.

— Так вы из полиции, — произнес он наконец, — это, конечно, меняет дело.

Он просит извинить его, продолжал полковник, сегодня он обедал в турецком посольстве, после обе-

да был избран председателем союза полковников, потом был вынужден выпить «почетный кубок» в клубе гельветов, кроме того, перед обедом еще состоялось специальное заседание партийной фракции, к которой он принадлежит, а теперь этот прием у Гастмана, на котором выступает пианист как-никак с мировым именем. Он смертельно устал.

— Можно ли все-таки поговорить с господином Гастманом? — еще раз осведомился Берлах.

— А что вам, собственно, нужно от Гастмана? — поинтересовался Швенди. — Какое он имеет отношение к убитому лейтенанту полиции?

— В прошлую среду Шмид был его гостем, и на обратном пути его убили около Тванна.

— Вот мы и попали в лужу, — сказал национальный советник. — Гастман приглашает кого попало, вот и получаются такие истории.

Он замолчал и как будто задумался.

— Я адвокат Гастмана, — сказал он наконец. — А почему вы приехали именно сегодня ночью? Вы могли хотя бы позвонить.

Берлах ответил, что они только сейчас выяснили, какую роль в этом деле играет Гастман.

Но полковник все еще не сдавался:

— А что у вас произошло с собакой?

— Она напала на меня, и Чанцу пришлось застрелить ее.

— Тогда все в порядке, — сказал Швенди довольно дружелюбно. — Но поговорить с Гастманом сейчас никак нельзя. Даже полиции иной раз приходится считаться с общественными обычаями. Завтра я приеду к вам и постараюсь еще сегодня поговорить с Гастманом. Нет ли у вас фотографии Шмида?

Берлах вынул из бумажника фотографию и протянул ее.

— Благодарю, — сказал национальный советник. Кивнув на прощание, он направился к дому.

И снова Берлах и Чанц остались в одиночестве перед ржавыми прутьями садовой решетки; дом принял свой прежний вид.

— С таким национальным советником не совла-

даешь, — сказал Берлах, — а раз он к тому же еще и полковник и адвокат, значит в нем живут сразу три черта. Вот мы и сидим с нашим распрекрасным убийством и ничего не можем поделать.

Чанц задумался и молчал. Наконец он произнес:

— Девять часов, комиссар. Я считаю, что лучше всего нам поехать к полицейскому в Ламбуэн и поговорить с ним об этом Гастмане.

— Хорошо, — ответил Берлах. — Можете этим заняться. Попробуйте выяснить, почему в Ламбуэне ничего не знают о визите Шмида к Гастману. Я же спущусь в маленький ресторан у ущелья. Мне надо что-нибудь сделать для своего желудка. Буду ожидать вас там.

Они зашагали по тропинке к машине. Чанц уехал и через несколько минут был уже в Ламбуэне.

Полицейского он застал в харчевне. Он сидел за одним столиком с Кленином, который пришел сюда из Тванна, в стороне от крестьян, о чем-то, видимо, совещаясь. Полицейский из Ламбуэна был маленьким, толстым и рыжим. Звали его Жан Пьер Шарнель.

Чанц подсел к ним и вскоре развеял недоверие, которое те питали к своему коллеге из Берна. Шарнель был лишь недоволен тем, что вместо французского ему приходилось пользоваться немецким языком, с которым он был не в ладах. Они пили белое вино, Чанц, закусывал его хлебом с сыром; он умолчал, что только что побывал у дома Гастмана, расспрашивая, не напали ли они на след.

— Non, — ответил Шарнель, — никакого следа assassin *. On a rien trouvé, ничего не нашли.

Он сказал, что в этой местности речь может идти только об одном человеке, а именно о некоем Гастмане, живущем в доме Ролье, который он купил. К нему всегда съезжается много гостей, в среду у него опять было большое празднество. Но Шмида там не было, Гастман ничего не знает, он даже имени

* Убийца *(франц.)*.

его не слышал, Шмид n'etait pas chez Гастман *, impossible! ** Совершенно исключено.

Чанц выслушал эту тарабарщину и возразил, что следует расспросить других, тех, кто в тот день был в гостях у Гастмана.

Это он сделал, заметил Кленин; в Шернельце, что за Лигерцем, живет писатель, который хорошо знаком с Гастманом и часто бывает у него, в среду он тоже был там. Он тоже ничего не знал о Шмиде, тоже никогда не слышал его имени и вообще не думает, чтобы гостем Гастмана мог быть полицейский.

— Так, значит, писатель? — спросил Чанц и наморщил лоб. — Придется мне заняться этим экземпляром. Писатели всегда подозрительны, но я уж как-нибудь доберусь до этого умника. А что собой представляет этот Гастман, Шарнель? — спросил он полицейского.

— Un monsieur trés riche ***, — восторженно ответил полицейский из Ламбуэна. — Денег у него как сена и tris noble ****. Он дает чаевые моей fiancée *****, — он с гордостью указал на официантку, — comme un roi ******, но не с целью получить ее. Jamais *******.

— А чем он занимается?

— Философ.

— Что вы понимаете под этим словом, Шарнель?

— Человек, который много думает и ничего не делает.

— Но он ведь должен зарабатывать деньги?

Шарнель покачал головой.

— Он не зарабатывать деньги, он иметь деньги. Он платить налоги за весь деревня Ламбуэн. А этого для нас достаточно, чтобы Гастман считать самий симпатичны шеловек во вес кантон.

* Не был у Гастмана *(франц.)*.
** Невозможно *(франц.)*.
*** Очень богатый господин *(франц.)*.
**** Очень благородный *(франц.)*.
***** Невеста *(франц.)*.
****** Как король *(франц.)*.
******* Никогда *(франц.)*.

— Все же необходимо основательно заняться этим Гастманом, — решительно заявил Чанц. — Я завтра поеду к нему.

— Будьте осторожны с его собакой, — предупредил Шарнель. — Un chien très dangereux *.

Чанц встал и похлопал полицейского из Ламбуэна по плечу.

— О, с ней я уж как-нибудь справлюсь.

* * *

Было десять часов, когда Чанц покинул Кленина и Шарнеля, чтобы поехать в ресторан у ущелья, где его ожидал Берлах. Но там, где проселочная дорога сворачивала к дому Гастмана, он еще раз остановил машину, вышел из нее и медленно пошел к железной калитке, затем вдоль ограды. Дом имел прежний вид, он стоял темный и одинокий, окруженный огромными тополями, гнущимися под ветром. Лимузины все еще стояли в парке. Чанц не пошел вокруг всего дома, а лишь до угла, откуда мог наблюдать за задними освещенными окнами. Время от времени на желтых стеклах возникали тени людей, и тогда Чанц плотней прижимался к ограде, чтобы не быть замеченным. Он посмотрел на поле. Но собака больше не лежала на голой земле, кто-то ее убрал, лишь в падающем из окон свете блестела черная кровавая лужа. Чанц вернулся к машине.

В ресторане у ущелья Берлаха уже не было. Хозяйка сообщила, что, выпив рюмку водки, он полчаса назад покинул ресторан, чтобы пойти в Твани; в ресторане он пробыл не более пяти минут.

Чанц начал думать, что же делал старик, но долго раздумывать ему не пришлось: не очень широкая дорога требовала всего его внимания. Он миновал мост, у которого они ждали, и поехал через лес.

Тут с ним приключилось нечто странное и зловещее, что заставило его призадуматься. Он ехал быстро и вдруг увидел блеснувшее внизу озеро, ночное

* Очень опасная собака.

зеркало между белыми скалами. По-видимому, он достиг места преступления. Вдруг от скалы отделилась темная фигура и явно подала знак, чтобы машина остановилась.

Чанц невольно остановился и открыл правую дверцу машины, хотя сразу же пожалел об этом, так как его осенило, что то, что происходит сейчас с ним, случилось и со Шмидом за несколько секунд до того, как тот был застрелен. Он быстро сунул руку в карман и схватил револьвер, холод металла успокоил его. Фигура приближалась. И тут он узнал Берлаха, но напряжение его не спало, он побелел от охватившего его ужаса, не осознавая причины. Берлах склонился к нему, и они уставились друг на друга; казалось, это длилось часами, хотя прошло лишь несколько секунд. Никто не произнес ни слова, и глаза их словно остановились. Затем Берлах сел в машину, и Чанц снял руку с револьвера.

— Поезжай дальше, Чанц, — сказал Берлах; голос его прозвучал равнодушно.

Чанц вздрогнул, услышав, что комиссар обратился к нему на «ты»; отныне это обращение утвердилось.

Только миновав Биль, Берлах прервал молчание и спросил, что Чанц узнал в Ламбуэне. «Теперь нам, пожалуй, все-таки следует называть эту дыру по-французски», — добавил он.

На сообщение о том, что ни Кленин, ни Шарнель не считают возможным визит убитого Шмида к Гастману, он ничего не ответил, а по поводу упомянутого Клениным писателя, живущего в Шернельце, сказал, что сам поговорит с ним.

Чанц отвечал оживленней, чем обычно, радуясь, что они снова разговаривают, и желая заглушить свое страшное возбуждение, но, не доезжая Шюпфена, оба опять замолчали.

В начале двенадцатого машина остановилась перед домом Берлаха в Альтенберге, и комиссар вышел.

— Еще раз спасибо тебе, Чанц, — сказал он и по-

жал ему руку, — хотя и неловко об этом говорить, но ты спас мне жизнь.

Он еще постоял, глядя вслед исчезающим задним огням быстро отъехавшей машины.

— Теперь он может ехать, как хочет!

Он вошел в свой незапертый дом; в холле, заставленном книгами, он сунул руку в карман пальто и извлек оттуда оружие, которое осторожно положил на письменный стол рядом со змеей. Это был большой тяжелый револьвер.

Затем он медленно снял зимнее пальто. Левая рука была замотана толстыми тряпками, как это принято у людей, тренирующих своих собак для нападения.

* * *

На следующее утро старый комиссар уже по опыту ожидал неприятностей, как он называл свои трения с Лутцем. «Нам знакомы эти субботы, — думал он про себя, шагая через мост Альтенбургбрюке, — в такие дни чиновники огрызаются из-за нечистой совести, потому что за всю неделю не сделали ничего толкового». Одет он был торжественно, во все черное: на десять часов были назначены похороны Шмида. Он не мог не пойти на них, и это и было причиной его скверного настроения.

В начале девятого появился фон Швенди, но не у Берлаха, а у Лутца, которому Чанц только что доложил о событиях минувшей ночи.

Фон Швенди принадлежал к той же партии, что и Лутц, к консервативному либерально-социалистическому объединению независимых, усердно продвигал последнего по службе и после банкета, устроенного по окончании закрытого совещания правления, был с ним на «ты», хотя Лутц и не был избран в Большой совет; ибо в Берне, заявил фон Швенди, совершенно немыслим народный представитель, которого звали бы Луциусом.

— Это в самом деле возмутительно, — начал он, едва его толстая фигура появилась в дверях. — Что тут творят твои люди из бернской полиции, уважае-

мый Лутц?! Убивают у моего клиента Гастмана собаку редкой породы, из Южной Америки, и мешают культуре, Анатолю Краусхаар-Рафаэли, пианисту с мировым именем. Швейцарец невоспитан, лишен светскости, у него ни капли европейского мышления. Три года рекрутской школы — вот единственное средство против этого!

Лутц, которому было неприятно появление его товарища по партии и который боялся его нескончаемых тирад, предложил фон Швенди кресло.

— Мы запутаны в весьма сложном деле, — заметил он нерешительно. — Ты ведь сам знаешь это, а молодой полицейский, которому оно поручено, по швейцарским масштабам может считаться довольно способным человеком. Старый комиссар, участвовавший в этом, отслужил уже свое, это верно. Я сожалею о гибели такой редкой южноамериканской собаки, у меня у самого собака, и я люблю животных и произведу особое, строгое расследование этого инцидента. Беда в том, что люди совершенно невежественны в области криминалистики. Когда я думаю о Чикаго, наше положение рисуется мне прямо-таки безнадежным.

Он запнулся, смущенный тем, что фон Швенди молча уставился на него, потом начал снова, но уже совсем неуверенно, что хотел бы узнать, был ли покойный Шмид в среду гостем его клиента Гастмана, как на некотором основании считает полиция.

— Дорогой Лутц, — возразил полковник, — не будем морочить друг другу голову. Вы в полиции отлично обо всем информированы, я ведь знаю вашего брата.

— Я вас не понимаю, господин национальный советник, — смущенно воскликнул Лутц, невольно возвращаясь к обращению на «вы»; говоря фон Швенди «ты», он всегда испытывал неловкость.

Фон Швенди откинулся в кресле, сложил руки на груди и оскалил зубы — этой позе он, собственно говоря, был обязан и как полковник и как национальный советник.

— Любезный мой доктор, — произнес он, — я дей-

ствительно хотел бы, наконец, узнать, почему вы так упорно навязываете этого Шмида моему славному Гастману. То, что происходит там, в Юрских горах, полиции совсем не касается, у нас ведь еще не гестапо.

Лутц был огорошен.

— Почему это мы навязываем твоему совершенно неизвестному нам клиенту убитого Шмида? — спросил он растерянно. — И почему это нас не должно касаться убийство?

— Если вы не имеете никакого представления о том, что Шмид под фамилией доктора Прантля, мюнхенского приват-доцента по истории американской культуры, присутствовал на приемах, которые Гастман давал в своем доме в Ламбуэне, то вся полиция обязана по причине своей полной криминалистической непригодности подать в отставку, — заявил фон Швенди и возбужденно забарабанил пальцами правой руки по столу Лутца.

— Об этом мы ничего не знаем, дорогой Оскар, — сказал Лутц, с облегчением вспомнив, наконец, имя национального советника. — Ты мне сообщил сейчас большую новость.

— Ага, — сухо произнес фон Швенди и замолчал, в то время как Лутца все больше охватывало сознание своей подвластности и предчувствие, что теперь ему придется шаг за шагом во всем уступать требованиям полковника. Он беспомощно оглянулся на картины Траффелета, на марширующих солдат, на развевающиеся швейцарские знамена, на сидящего на коне генерала. Национальный советник с некоторым торжеством заметил растерянность следователя и, наконец, добавил к своему «ага», как бы поясняя его:

— Полиция, значит, узнает большую новость; полиция, значит, опять ничего не знала.

Как ни неприятно ему было и сколь невыносимым ни делала бесцеремонность фон Швенди его положение, следователь все же должен был признать, что Шмид бывал у Гастмана не по делам службы и что полиция понятия не имела о его посещениях Ламбу-

эна. Шмид это делал по личной инициативе, закончил Лутц свое нескладное объяснение. По какой же причине тот взял себе фальшивое имя, пока что для него загадка.

Фон Швенди наклонился вперед и взглянул на Лутца своими покрасневшими заплывшими глазами.

— Это объясняет все, — сказал он, — он шпионил в пользу одной иностранной державы.

— Что ты говоришь? — воскликнул Лутц еще более растерянно.

— Мне сдается, — сказал национальный советник, — что полиция должна теперь прежде всего выяснить, зачем Шмид бывал у Гастмана.

— Полиция должна прежде всего узнать что-нибудь о самом Гастмане, дорогой Оскар, — возразил Лутц.

— Гастман совершенно безопасен для полиции, — ответил фон Швенди, — и мне не хотелось бы, чтобы ты или кто-либо из полиции им занялся. Таково мое желание, он мой клиент, и мое дело позаботиться о том, чтобы его желания были выполнены.

Это наглое заявление настолько обескуражило Лутца, что он сперва не смог ничего возразить. Он зажег сигарету, в своем замешательстве даже не предложив закурить фон Швенди. Затем он уселся поудобней на стуле и возразил:

— Тот факт, что Шмид бывал у Гастмана, к сожалению, вынуждает полицию заняться твоим клиентом, дорогой Оскар.

Но фон Швенди не дал себя сбить с толку.

— Он вынуждает полицию прежде всего заняться мной, так как я адвокат Гастмана, — сказал он. — Ты должен радоваться, Лутц, что имеешь дело со мной: я хочу помочь не только Гастману, но и тебе. Разумеется, дело это неприятно для моего клиента, но для тебя оно еще более неприятно, ведь полиция до сих пор ничего не добилась. Я вообще сомневаюсь, прольете ли вы когда-нибудь свет на это дело.

— Полиция раскрывала почти каждое убийство, — ответил Лутц, — это доказано статистикой. Я признаю, что в деле Шмида у нас много трудностей, но

мы ведь уже, — здесь он запнулся, — достигли значительных результатов. Так, мы сами докопались до Гастмана, и мы являемся также причиной того, что Гастман послал тебя к нам. Трудности связаны с Гастманом, а не с нами, и ему нужно высказаться по делу Шмида, а не нам. Шмид бывал у него, хоть и под чужой фамилией; но именно этот факт и обязывает полицию заняться Гастманом, необычное поведение убитого бросает тень прежде всего на Гастмана. Мы должны допросить Гастмана и можем отказаться от этого намерения лишь при том условии, если ты сможешь нам с полной ясностью объяснить, почему Шмид бывал у твоего клиента под чужой фамилией, и бывал неоднократно, как мы установили.

— Хорошо, — сказал фон Швенди, — поговорим друг с другом откровенно. И ты увидишь, что не я должен давать объяснения по поводу Гастмана, а вы должны нам объяснить, что нужно было Шмиду в Ламбуэне. Вы обвиняемые, а не мы, дорогой Лутц.

С этими словами он вытащил большой белый лист бумаги, который он развернул и положил перед следователем на стол.

— Вот список лиц, которые бывали в гостях у моего почтенного Гастмана, — сказал он. — Список полный. Я разделил его на три раздела. Первый раздел можно сразу исключить, он неинтересен, это люди искусства. Само собой, ничего нельзя сказать против Краусхаара-Рафаэли, он иностранец; нет, я имею в виду местных, из Утценторфа и Мерлигена. Они либо пишут драмы о битве при Моргартене и Никлаусе Мануэле, или же рисуют горы, ничего другого. Второй раздел — промышленники. Ты прочтешь и увидишь, что это люди со звучными именами, люди, которых я считаю лучшими представителями швейцарского общества. Говорю это совершенно откровенно, хотя по линии бабушки со стороны матери я происхожу из крестьян.

— А третий раздел посетителей Гастмана? — спросил Лутц, так как национальный советник вдруг замолчал и его спокойствие нервировало следователя, что явно входило в намерения фон Швенди.

— Третий раздел, — продолжал, наконец, фон Швенди, — и делает дело Шмида неприятным как для тебя, так и для промышленников, должен я признаться; я вынужден теперь коснуться вещей, которые, собственно говоря, следовало бы держать в строгой тайне от полиции. Но так как вы, из бернской полиции, не преминули выследить Гастмана и так как нежелательным образом выяснилось, что Шмид бывал в Ламбуэне, промышленники вынуждены были поручить мне проинформировать полицию в той мере, в какой это необходимо для дела Шмида. Неприятное для нас заключается в том, что мы вынуждены раскрыть перед вами политические события большой важности, а неприятное для вас — в том, что ваша власть, распространяющаяся на представителей швейцарской и нешвейцарской национальности в этой стране, не распространяется на третий раздел.

— Я ни слова не понимаю из того, что ты тут говоришь, — заявил Лутц.

— Ты никогда и не понимал ничего в политике, дорогой Луциус, — возразил фон Швенди. — В третьем разделе речь идет о сотрудниках одного иностранного посольства, которое придает большое значение тому, чтобы оно ни при каких обстоятельствах не упоминалось вместе с определенной категорией промышленников.

* * *

Теперь Лутц понял национального советника, и в комнате следователя надолго воцарилась тишина. Звонил телефон, но Лутц снимал трубку лишь для того, чтобы гаркнуть «Совещание!» и снова умолкнуть. Наконец он произнес:

— Насколько мне известно, с этой державой теперь ведутся переговоры о заключении нового торгового соглашения.

— Конечно, переговоры ведутся, — возразил полковник. — Переговоры ведутся официально, нужно же чем-то занять дипломатов. Но еще больше ведутся переговоры неофициально, а в Ламбуэне ведутся

частные переговоры. В конце концов в современной промышленности бывают переговоры, в которые государству незачем вмешиваться, господин следователь.

— Конечно, — робко сказал Лутц.

— Конечно, — повторил фон Швенди. — И на этих тайных переговорах присутствовал убитый, к сожалению, лейтенант городской полиции Берна, Ульрих Шмид, и присутствовал тайно, под чужим именем.

Новое молчание следователя показало фон Швенди, что расчет его был верен. Лутц стал таким беспомощным, что теперь национальный советник мог делать с ним, что хотел. Как то бывает с большинством несколько односторонних натур, непредвиденное течение следствия по делу убитого Ульриха Шмида так выбило чиновника из колеи, что он настолько поддался чужому влиянию и сделал такие уступки, что вряд ли можно было ожидать объективного расследования.

Он, правда, попытался еще раз выйти из затруднительного положения.

— Дорогой Оскар, — сказал он, — я не считаю все это столь уж сложным. Разумеется, швейцарские промышленники имеют право вести частные переговоры с теми, кто в них заинтересован, и даже с той самой державой. Я не отрицаю этого, полиция в такие дела не вмешивается. Шмид был в гостях у Гастмана, повторяю, как частное лицо, и в связи с этим я приношу свои официальные извинения; конечно, он был неправ, пустив в ход фальшивое имя и фальшивую профессию, хотя как полицейский часто и наталкиваешься на всякие препятствия. Но он ведь не один бывал на этих встречах, там были также и люди искусства, дорогой национальный советник.

— Это необходимая декорация. Мы живем в культурном государстве, Лутц, и нуждаемся в рекламе. Переговоры должны были сохраняться в тайне, а люди искусства наиболее подходящи для этого. Общее празднество, жаркое, вино, сигары, женщины, беседы, художники и артисты скучают, усаживаются вместе, пьют и не замечают, что капиталисты и представите-

ли той державы сидят вместе. Они и не хотят этого замечать, потому что их это не интересует. Люди искусства интересуются только искусством. Но полицейский, присутствующий при этом, может узнать все. Нет, Лутц, дело Шмида внушает подозрения.

— К сожалению, я могу только повторить, что посещения Гастмана Шмидом пока нам еще непонятны, — ответил Лутц.

— Если он приходил туда не по поручению полиции, то он приходил по чьему-то другому поручению, — возразил фон Швенди. — Существуют иностранные державы, дорогой Луциус, очень интересующиеся тем, что происходит в Ламбуэне. Это мировая политика.

— Шмид не был шпионом.

— А у нас есть все основания предполагать, что он был им. Для чести Швейцарии лучше, чтобы он был шпионом, чем полицейским шпиком.

— Теперь он мертв, — вздохнул следователь, который охотно отдал бы все за возможность лично расспросить сейчас Шмида.

— Это не наше дело, — констатировал полковник. — Я никого не хочу подозревать, но считаю, что только определенная иностранная держава может быть заинтересована в сохранении тайны переговоров в Ламбуэне. Для нас все дело в деньгах, а для них — в принципах партийной политики. Будем же честными. Но именно это затруднит работу полиции.

Лутц встал и подошел к окну.

— Мне все еще не совсем ясно, какова роль твоего клиента Гастмана, — произнес он медленно.

Фон Швенди обмахал себя листом бумаги и ответил:

— Гастман предоставлял свой дом промышленникам и представителям посольства для этих переговоров.

— Но почему именно Гастман?

Его высокоуважаемый клиент, проворчал полковник, обладает нужными для такого дела качествами. Как многолетний посол Аргентины в Китае, он пользуется доверием иностранной державы, а как бывший

президент правления жестяного треста — доверием промышленников. Кроме того, он живет в Ламбуэне.

— Что ты имеешь в виду, Оскар?

Фон Швенди иронически улыбнулся:

— Слышал ли ты когда-нибудь до убийства Шмида название Ламбуэна?

— Нет.

— То-то и оно,— заявил национальный советник.— Потому что никто не знает о Ламбуэне. Нам нужно было неизвестное место для наших встреч. Так что можешь оставить Гастмана в покое. Он не жаждет соприкосновений с полицией. Ты должен это понять, так же как не любит он ваших допросов, вынюхивания, ваших вечных выпытываний — это все годится для наших Лугинбюлей и фон Гунтенов, если у них снова рыльце окажется в пушку, но не для человека, который отказался быть избранным во Французскую академию. Кроме того, твоя бернская полиция действительно вела себя неуклюже, нельзя же стрелять в собаку, когда играют Баха. Не в том дело, что Гастман оскорблен, ему скорее все это безразлично, твоя полиция может взорвать его дом, он и бровью не поведет; но нет никакого смысла дальше докучать Гастману, ибо за этим убийством стоят силы, ничего общего не имеющие ни с нашими достопочтенными швейцарскими промышленниками, ни с Гастманом.

Следователь ходил взад и вперед перед окном.

— Нам придется заняться изучением жизни Шмида, — заявил он, — что же касается иностранной державы, то мы поставим в известность федерального поверенного. Каково будет его участие в деле, я не могу сказать, но основные работы он поручит нам. Твое требование не трогать Гастмана я выполню; само собой разумеется, от обыска мы откажемся. Если все же возникнет необходимость поговорить с ним, я попрошу тебя свести меня с ним и присутствовать при беседе. Тогда я легко улажу все формальности с Гастманом. Речь в данном случае идет не о следствии, а о формальности, необходимой для следствия, которому в зависимости от обстоятельств может потребоваться и опрос Гастмана, даже если

он и не имеет смысла; но расследование должно быть полным. Мы будем беседовать об искусстве, чтобы допрос носил как можно более безобидный характер, я не буду задавать вопросов. Если мне все же понадобится задать вопрос — ради чистой формальности, — я предварительно сообщу тебе о нем.

Национальный советник тоже поднялся, и теперь они стояли друг против друга. Национальный советник притронулся к плечу следователя.

— Значит, решено, — сказал он. — Ты оставишь Гастмана в покое, Луциусик, ловлю тебя на слове. Папку я оставляю здесь; список составлен тщательно, и он полный. Я всю ночь звонил по телефону, и многие очень взволнованы. Еще неизвестно, захочет ли иностранная держава продолжать переговоры, когда она узнает о деле Шмида. На карту поставлены миллионы, милый доктор, миллионы! Желаю тебе удачи в твоих розысках. Она тебе очень понадобится.

С этими словами фон Швенди, тяжело ступая, вышел из комнаты.

* * *

Лутц только успел просмотреть список, оставленный ему национальным советником, и, стоная при виде этих знаменитых имен, убрать его — в какое злосчастное дело я тут впутался, подумал он, — как вошел Берлах, разумеется не постучав. Старик сказал, что ему нужно официальное правомочие для визита к Гастману в Ламбуэн, но Лутц велел ему приходить после обеда. Теперь пора отправляться на похороны, сказал он, и встал.

Берлах не стал возражать и покинул кабинет вместе с Лутцем, которому обещание оставить Гастмана в покое стало казаться все более необдуманным и который опасался резкого протеста со стороны Берлаха.

Они стояли на улице не разговаривая, оба в черных пальто с поднятыми воротниками. Шел дождь, но они не стали раскрывать зонтов ради нескольких шагов до машины. Машину вел Блаттер. Теперь

дождь полил как из ведра, косо ударяя в стекла. Каждый сидел неподвижно в своем углу. Сейчас я должен ему сказать, подумал Лутц и взглянул на спокойный профиль Берлаха, который, как он это часто делал, приложил руку к желудку.

— У вас боли? — спросил Лутц.

— Всегда, — ответил Берлах.

Они опять замолчали, и Лутц подумал: я скажу ему после обеда. Блаттер ехал медленно. Все скрылось за белой завесой, такой лил дождь. Трамваи, автомобили плавали где-то в этих огромных падающих морях. Лутц не знал, где они находятся, струящаяся по стеклам вода не позволяла ничего разглядеть. В машине становилось все темней. Лутц закурил сигарету, выпустил струю дыма и решил, что по делу Гастмана он не пустится со стариком ни в какие объяснения, и сказал:

— Газеты напечатают сообщения об убийстве, его нельзя больше скрывать.

— Это теперь уже и не имеет смысла, — ответил Берлах, — мы ведь напали на след.

Лутц погасил сигарету.

— Это никогда не имело смысла.

Берлах молчал, а Лутц, который охотно поспорил бы, стал всматриваться в окно. Дождь немного утих. Они уже ехали по аллее. Шлоссгальденское кладбище виднелось за дымящимися деревьями — серая, залитая дождем каменная стена. Блаттер въехал во двор и остановился. Они вылезли из машины, раскрыли зонты и зашагали вдоль могильных рядов. Искать им пришлось недолго. Надгробные камни и кресты остались позади, казалось, они вступили на строительную площадку. Земля была испещрена свежевырытыми могилами, покрытыми досками. Влага мокрой травы проникала в ботинки, на которые налипали комья глины. В середине этой площадки, между еще не заселенными могилами, на дне которых дождь собирался грязными лужами, между временными деревянными крестами и земляными холмиками, густо засыпанными быстро гниющими цветами и венками, стояли вокруг могилы люди. Гроб еще не был опу-

щен, пастор читал библию, рядом с ним, держа над собой и пастором зонт, стоял могильщик в смешном фракоподобном рабочем костюме, от холода переступая с ноги на ногу. Берлах и Лутц остановились возле могилы. Старик услышал плач. Плакала фрау Шенлер, бесформенная и толстая под этим беспрерывным дождем, рядом с ней стоял Чанц, без зонтика, с поднятым воротником плаща и болтающимся поясом, в твердой черной шляпе. Рядом с ним девушка, бледная, без шляпы, со светлыми волосами, ниспадавшими мокрыми прядями. «Анна», — невольно подумал Берлах. Чанц поклонился, Лутц кивнул, комиссар не повел бровью. Он смотрел на остальных, стоявших вокруг могилы, — сплошь полицейские, все в штатском, все в одинаковых плащах, в одинаковых твердых черных шляпах, зонты, как сабли, в руках, — фантастические стражи, возникшие из неизвестности, нереальные в своей телесности. А позади них убывающими рядами выстроились городские музыканты, собранные в спешке, в черно-красных униформах, отчаянно старавшиеся укрыть свои медные инструменты под плащами. Так все они стояли вокруг гроба, стоявшего здесь, этого ящика из дерева, без венка, без цветов, и все же единственно сухого места, защищенного в этом беспрерывном дожде, падающем с однообразным плеском, все сильней, все бесконечней. Пастор давно уже кончил чтение. Никто не замечал этого. Только дождь был здесь, только дождь был слышен. Пастор кашлянул. Раз. Потом несколько раз. Завыли басы, тромбоны, валторны, корнеты, фаготы, гордо и торжественно, желтые вспышки в потоках дождя; но потом сникли и они, развеялись, исчезли. Все попрятались под зонтами, под плащами. Дождь лил все сильней. Ноги вязли в грязи, вода ручьями лилась в открытую могилу. Лутц поклонился и вышел вперед. Он посмотрел на мокрый гроб и еще раз поклонился.

— Господа, — донесся его голос откуда-то из-за дождя, почти не слышный сквозь водную пелену. — Господа, нашего товарища Шмида нет больше среди нас.

Его прервало дикое, разнузданное пение:

Черт бродит кругом,
черт бродит кругом,
перебьет он всех вас кнутом!

Два человека в черных фраках, качаясь, брели по кладбищу. Без зонтов и пальто, они полностью были отданы во власть дождя. Одежда прилипла к их телу. На голове у каждого был цилиндр, с которого вода стекала на лицо. Они несли огромный зеленый лавровый венок, лента его волочилась по земле. Это были два огромных грубых парня, мясники во фраках, совершенно пьяные, все время готовые упасть, но поскольку они спотыкались вразнобой, то им удавалось удерживаться за лавровый венок, качающийся между ними, как корабль в бурю. Они затянули новую песню:

У мельничихи мать померла,
а мельничиха жива, жива.
Мельничиха батрака перенесла,
а мельничиха жива, жива.

Они наскочили на траурное сборище, врезались в него между фрау Шенлер и Чанцем, не встретив никаких помех, ибо все словно окаменели, и вот они, качаясь, побрели дальше по мокрой траве, поддерживая и обхватывая друг друга, падая на могилы, опрокидывая кресты. Их голоса поглотил дождь, и снова наступила тишина.

Все проходит,
все исчезает! —

донеслось еще раз издалека. Остался лишь венок, брошенный на гроб, и грязная лента с расплывающейся черной надписью: «Нашему дорогому доктору Прантлю». Но как только люди, стоящие вокруг гроба, опомнились и вознамерились возмутиться этим происшествием и городской оркестр, дабы восстановить торжественность, отчаянно задул в свои трубы, дождь обратился в такую бурю, так захлестал по деревьям, что все ринулись прочь от могилы, у которой остались одни могильщики, черные чучела, в завывании ветра, в грохоте низвергающихся водяных потоков пытавшиеся опустить, наконец, гроб в могилу.

* * *

Когда Берлах с Лутцем снова сидели в машине и Блаттер, обгоняя бегущих полицейских и музыкантов, въехал в аллею, доктор, наконец, дал волю своему раздражению.

— Этот Гастман просто возмутителен! — воскликнул он.

— Я не понимаю, — ответил старик.

— Шмид бывал в доме Гастмана под фамилией Прантль.

— В таком случае это предостережение, — ответил Берлах, но ни о чем не стал спрашивать. Они ехали в сторону Муристальдена, где жил Лутц. Собственно, сейчас самый подходящий момент поговорить со стариком о Гастмане и о том, что его следует оставить в покое, подумал Лутц, но продолжал молчать. В Бургэрнциле он вышел, Берлах остался один.

— Отвезти вас в город, господин комиссар? — спросил полицейский, сидевший у руля.

— Нет, отвези меня домой, Блаттер.

Теперь Блаттер поехал быстрей. Дождь немного утих, и вдруг у самого Муристальдена Берлаха ослепил яркий свет: солнце прорвалось сквозь тучи, опять скрылось, снова показалось в вихревой игре тумана и громоздящихся облаков — чудовищ, несшихся с запада, скапливавшихся у гор, бросающих причудливые тени на город, лежащий у реки, безвольное тело, распростертое между холмами и лесами. Усталая рука Берлаха скользнула по мокрому пальто, щелки его глаз блестели, он жадно впитывал в себя эту картину: земля была прекрасна. Блаттер остановился. Берлах поблагодарил его и вышел из служебной машины. Дождь перестал, был только ветер, мокрый, холодный ветер. Старик стоял, ожидая, пока Блаттер повернет большую тяжелую машину, еще раз приветствовал его на прощание. Он подошел к Ааре. Она вздулась грязно-коричневой водой; на волнах качались старая ржавая коляска, ветки, маленькая елка, за ней подпрыгивал бумажный кораблик. Бер-

лах долго смотрел на реку, он любил ее. Потом он через сад направился к дому.

Прежде чем войти в холл, Берлах переменил обувь. На пороге он остановился. За письменным столом сидел человек и листал папку Шмида. Правой рукой он играл турецким кинжалом Берлаха.

— Значит, это ты, — сказал старик.

— Да, я, — ответил тот.

Берлах прикрыл дверь и сел в свое кресло напротив письменного стола. Он молча смотрел на человека, спокойно продолжавшего листать папку Шмида, человека с почти крестьянским обликом, спокойным и замкнутым, с глубоко сидящими глазами на костлявом, но круглом лице, с короткими волосами.

— Ты именуешь себя теперь Гастманом, — произнес, наконец, старик.

Человек вытащил трубку, набил ее, не спуская с Берлаха глаз, закурил и ответил, постучав пальцем по папке Шмида:

— Это тебе уже с некоторых пор хорошо известно. Ты натравил на меня парня, эти данные у него от тебя.

Он закрыл папку. Берлах посмотрел на письменный стол, на котором лежал его револьвер, рукояткой в его сторону, — стоило только протянуть руку; он сказал:

— Я никогда не перестану преследовать тебя. Однажды мне удастся доказать твои преступления.

— Ты должен торопиться, Берлах, — ответил тот. — У тебя осталось мало времени. Врачи дают тебе еще год жизни, если тебе сейчас сделать операцию.

— Ты прав, — сказал старик. — Один год. Но я не могу сейчас лечь на операцию, я должен накрыть тебя. Это моя последняя возможность.

— Последняя, — подтвердил тот, и они замолчали, молчали долго, сидели и молчали.

— Более сорока лет прошло, — заговорил он снова, — с тех пор как мы с тобой впервые встретились в каком-то полуразрушенном еврейском кабачке у Босфора. Луна, как бесформенный желтый кусок

швейцарского сыра, висела среди облаков и светила сквозь сгнившие балки иа нас, это я еще отличио помию. Ты, Берлах, был тогда молодым полицейским специалистом из Швейцарии иа турецкой службе, тебя призвали, чтоб провести какие-то реформы, а я — я был уже повидавшим виды авантюристом, каким остался до сих пор, жадио стремившимся вкусить свою иеповторимую жизнь иа этой столь же иеповторимой и таииствеииой плаиете. Мы полюбили друг друга с первого взгляда, сидя среди евреев в лапсердаках и грязиых греков. Но когда эта проклятая водка, которую мы пили тогда, этот перебродивший сок бог весть каких фиииков, это огненное порождеиие чужеземиых иив под Одессой, которое мы опрокидывали в себя, затумаиило иам головы и глаза иаши, как горящие угли, засверкали в турецкой иочи, иаш разговор стал горячим. О, я люблю вспомииать этот час, определивший твою и мою жизнь!

Ои засмеялся.

Старик сидел и молча глядел на иего.

— Одии год остался тебе, — продолжал ои, — и сорок лет ты упорно следил за миой. Таков счет. О чем мы спорили тогда, Берлах, в этой затхлой харчевне в предместье Тофаие, окутаииые дымом турецких сигарет? Ты утверждал, что человеческое несовершеиство, тот факт, что мы никогда ие можем точно предсказать поступок другого, предугадать случай, во все вмешивающийся, — вот причииа, иеизбежно способствующая большииству преступлеиий. Ты иазывал глупостью совершеиие преступлеиия, потому что иельзя обращаться с людьми, как с шахматными фигурами. Я же говорил — больше из желаиия противоречить, чем по убеждению, — что как раз запутанность человеческих отиошеиий и толкает иа преступлеиия, которые *нельзя* раскрыть, имеино потому-то иаибольшее число преступлений и совершается безнаказаиио, что о иих ие подозревают, они остаются в тайне. Продолжая спорить, подогретые адским пламеием напитков, которые подливал нам хозяии, а больше подстрекаемые иашей молодостью,

мы в тот момент, когда луна скрылась над Ближним Востоком, в задоре заключили с тобой пари, пари, которое мы заносчиво выкрикнули в небо, как ужасную остроту, от которой нельзя удержаться, даже если она является богохульством, — только потому, что нас привлекает соль ее,— как дьявольское искушение духа духом.

— Ты прав, — сказал спокойно старик, — мы заключили тогда с тобой это пари.

— Ты не думал, что я сдержу свое слово, — засмеялся другой, — когда мы на следующее утро с тяжелыми головами проснулись в этой глухой харчевне — ты на ветхой скамейке, а я под еще мокрым от водки столом.

— Я не думал, — ответил Берлах, — что человек в состоянии сдержать такое слово.

Они помолчали.

— Не введи нас во искушение, — снова начал посетитель. — Твоя честность никогда не подвергалась искушению, но твоя честность искушала меня. Я сдержал смелое пари — совершить в твоем присутствии преступление, и совершить его так, чтобы ты не мог доказать его.

— Через три дня, — сказал старик тихо, погруженный в воспоминания, — когда мы с немецким коммерсантом шли по мосту Махмуда, ты на моих глазах столкнул его в воду.

— Бедняга не умел плавать, да и ты был в этом деле столь неискусен, что после твоей неудачной попытки спасти его тебя самого еле живого вытащили из грязных вод Золотого Рога, — продолжал другой невозмутимо. — Убийство было совершено в сияющий летний турецкий день, дул приятный ветерок с моря, на оживленном мосту, совершенно открыто, на глазах у влюбленных парочек из европейской колонии, магометан и местных нищих, и тем не менее ты не смог доказать его. Ты приказал арестовать меня, но напрасно. Многочасовые допросы оказались бесполезными. Суд поверил моей версии о самоубийстве коммерсанта.

— Тебе удалось доказать, что коммерсант был на

грани банкротства и тщетно пытался спасти положение, прибегнув к обману, — горько признал старик, побледнев.

— Я тщательно выбирал свою жертву, мой друг, — засмеялся другой.

— Так ты стал преступником, — ответил комиссар.

— То, что я являюсь в некотором роде преступником, я не могу полностью отрицать, — небрежно сказал он. — Со временем я становился все более искусным преступником, а ты все более искусным криминалистом; но тот шаг, на который я опередил тебя, ты так никогда и не смог наверстать. Я все время возникал на твоем пути, как серое привидение, все время меня подмывало совершать у тебя под носом все более смелые, дикие и кощунственные преступления, а ты никогда не мог доказать их. Дураков тебе дано было побеждать, но тебя побеждал я.

Затем он продолжал, внимательно и насмешливо наблюдая за стариком.

— Вот так мы и жили. Ты — в подчинении у своих начальников, в твоих полицейских участках и душных кабинетах, старательно отсчитывая одну ступеньку за другой по лестнице скромных успехов, воюя с ворами и мошенниками, с несчастными горемыками, никогда не находящими своего места в жизни, и с жалкими убийцами в лучшем случае; я же — то во мраке, в дебрях затерянных столиц, то в блеске высокого положения, увешанный орденами, из озорства творя добро, поддаваясь минутному капризу и так же сея зло. Какая завлекательная забава! Твое страстное желание было — разрушить мне жизнь, мое же — тебе назло отстоять ее. Поистине *одна* ночь связала нас навечно!

Человек, сидящий за письменным столом Берлаха, ударил в ладоши,— это был одинокий зловещий удар.

— Теперь наши карьеры подошли к концу, — воскликнул он. — Ты вернулся в свой Берн, наполовину потерпев неудачу, вернулся в этот сонный, простодушный город, о котором никогда не знаешь, что в нем есть еще живого, а что уже мертво, а я вернул-

ся в Ламбуэн, опять-таки из прихоти. Люди охотно завершают круг, ведь в этой богом позабытой деревушке меня когда-то родила какая-то давным-давно погребенная женщина, родила, ни о чем не думая и довольно бессмысленно, вот мне и пришлось в тринадцать лет дождливой ночью убраться отсюда. И вот мы опять здесь. Брось, дружище, все это не имеет смысла. Смерть не ждет.

И почти незаметным движением руки он метнул нож, почти коснувшийся щеки Берлаха и вонзившийся глубоко в кресло. Старик не шевельнулся. Другой засмеялся.

— Значит, ты думаешь, я убил этого Шмида?

— Мне поручено вести это дело, — ответил комиссар.

Другой встал и взял папку со стола.

— Я забираю ее с собой.

— Когда-нибудь мне удастся доказать твои преступления, — повторил Берлах, — и сейчас последняя возможность сделать это.

— В этой папке единственные, хотя и скудные доказательства, которые Шмид собрал для тебя в Ламбуэне. Без этой папки ты пропал. Копий у тебя нет, я знаю тебя.

— Нет, — подтвердил старик, — копий у меня нет.

— Не хочешь ли воспользоваться револьвером, чтобы остановить меня? — спросил другой с издевкой.

— Ты вынул обойму, — невозмутимо произнес Берлах.

— Вот именно, — сказал другой и похлопал его по плечу. Потом он прошел мимо старика, дверь отворилась, снова затворилась, хлопнула входная дверь. Берлах все еще сидел в своем кресле, приложив щеку к холодному металлу ножа. Вдруг он схватил оружие и осмотрел его. Оно было заряжено. Он вскочил, выбежал в прихожую, кинулся к входной двери, рванул ее, держа пистолет наготове: улица была пуста.

И тут пришла боль, нечеловеческая, яростная, колющая боль, что-то вспыхнуло в нем, бросило его на постель, скорчило, обожгло лихорадочным огнем, со-

трясло его. Старик ползал на четвереньках, как животное, кидался наземь, катался по ковру, потом замер где-то между стульями, покрытый холодным потом.

— Что есть человек? — тихо стонал он. — Что есть человек?

* * *

Но он снова выкарабкался. После приступа он почувствовал себя лучше, боль отступила, чего уже давно не было. Он выпил подогретого вина маленькими, осторожными глотками, есть он не стал. Он пошел обычной дорогой через город, по Бундесштрассе, правда, чуть не засыпая на ходу, но каждый шаг на свежем воздухе приносил ему облегчение. Лутц, напротив которого он вскоре сидел в кабинете, ничего не заметил, — может быть, он просто слишком был занят своей нечистой совестью, чтоб что-либо замечать. Он решил сообщить Берлаху о своем разговоре с фон Швенди еще сегодня после обеда, а не вечером, принял для этого холодный деловой вид, выпятил грудь, как генерал на картине Траффелета, висевшей над ним, и выложил все в бодром телеграфном стиле. К его необычайному удивлению, комиссар не стал возражать, он был со всем согласен, считал, что наилучший выход — подождать решения федеральной палаты, а самим сосредоточиться главным образом на изучении жизни покойного Шмида. Лутц был до такой степени поражен, что забыл о своей позе и стал приветливым и разговорчивым.

— Разумеется, я навел справки о Гастмане, — сказал он, — и теперь я знаю о нем достаточно, чтобы с уверенностью сказать: заподозрить его в убийстве совершенно невозможно.

— Конечно, — сказал старик.

Лутц, получивший некоторые сведения из Биля, разыгрывал из себя осведомленного человека.

— Он родился в местечке Покау в Саксонии, сын крупного торговца кожевенными товарами; сначала был аргентинским подданным и послом этой страны в Китае — должно быть, он в молодости эмигрировал

в Южную Америку, — потом французским подданным; много путешествовал. Кавалер ордена Почетного легиона, известен своими трудами по биологии. Примечателен для его характеристики тот факт, что он отказался от избрания во Французскую академию. Это мне импонирует.

— Интересный штрих, — сказал Берлах.

— Справки о двух его слугах еще наводятся. У них французские паспорта, но похоже на то, что родом они из Эмменталя. Он позволил себе с ними злую шутку на похоронах.

— Шутить — это, кажется, в манере Гастмана, — сказал старик.

— Ему неприятно убийство собаки. Но для нас больше всего дело Шмида неприятно. Мы предстаем тут в совершенно неверном свете. Просто счастье, что я на дружеской ноге с фон Швенди. Гастман светский человек и пользуется полным доверием швейцарских предпринимателей.

— В таком случае он человек надежный, — заметил Берлах.

— Его личность вне всякого подозрения.

— Безусловно, — кивнул старик.

— К сожалению, этого теперь нельзя сказать о Шмиде, — заключил Лутц и велел соединить себя с федеральной палатой.

Когда он ждал соединения, комиссар, уже направившийся к выходу, вдруг сказал:

— Я вынужден просить вас, господин доктор, о недельном отпуске по болезни.

— Хорошо, — ответил Лутц, прикрывая трубку рукой, так как его уже соединили, — с понедельника можете не приходить.

В кабинете Берлаха ожидал Чанц, поднявшийся при его появлении. Он старался казаться спокойным, но комиссар видел, что полицейский нервничает.

— Поедем к Гастману, — сказал Чанц, — время не терпит.

— К писателю, — ответил старик и надел пальто.

— Обходные пути, все это обходные пути, — него-

довал Чанц, спускаясь следом за Берлахом по лестнице.

Комиссар остановился у выхода:

— Это же синий «мерседес» Шмида.

Чанц ответил, что купил его в рассрочку, кому-то машина ведь должна принадлежать, — и отворил дверцу.

Берлах уселся рядом с ним, и Чанц поехал через вокзальную площадь в сторону Вефлеема. Берлах проворчал:

— Ты снова едешь через Инс.

— Я люблю эту дорогу.

Берлах смотрел на чисто умытые поля. Все кругом было залито ровным спокойным светом. Теплое, нежное солнце висело в небе, уже склоняясь к вечеру. Оба молчали.

И только раз, между Керцерсом и Мюнчемиром, Чанц спросил:

— Фрау Шенлер сказала мне, что вы взяли из комнаты Шмида папку.

— Ничего служебного, Чанц, чисто личные бумаги.

Чанц ничего не ответил, ни о чем не спросил больше; Берлах постучал по спидометру, показывающему сто двадцать пять километров.

— Не так быстро, Чанц, не так быстро. Дело не в том, что я боюсь, но мой желудок не в порядке. Я старый человек.

* * *

Писатель принял их в своем кабинете. Это было старое низкое помещение, при входе в которое им пришлось нагнуться, как под ярмом. Снаружи вслед им продолжала лаять маленькая белая собачонка с черной мордой, где-то в доме плакал ребенок. Писатель сидел у готического окна, одетый в комбинезон и коричневую кожаную куртку. Он повернулся на стуле к входившим, не вставая из-за письменного стола, заваленного бумагами. Он не приподнялся, еле кивнул и лишь осведомился, что полиции угодно от него. Он невежлив, подумал Берлах, он не любит

полицейских; писатели никогда не любили полицейских. Старик решил быть начеку, Чанц тоже был не в восторге от такого приема. Ни в коем случае не дать ему возможности наблюдать за нами, иначе мы попадем еще в книгу, — вот примерно о чем подумали оба. Но когда они по знаку писателя уселись в мягкие кресла, они с изумлением заметили, что сидят в свете небольшого окна, в то время как лицо писателя с трудом можно было различить в этой низкой зеленой комнате, среди массы книг — так коварно слепил их свет.

— Мы пришли по делу Шмида, — начал старик, — которого убили на дороге в Тванн.

— Знаю. По делу доктора Прантля, который шпионил за Гастманом, — ответила темная масса, сидящая между окном и ими. — Гастман рассказывал мне об этом. — На мгновение лицо его осветилось — он закурил сигарету. Они успели еще заметить, как лицо его искривилось в ухмылке: — Вам нужно мое алиби?

— Нет, — сказал Берлах.

— Вы не допускаете мысли, что я могу совершить убийство? — спросил писатель явно разочарованно.

— Нет, — ответил Берлах сухо, — вы не можете.

— Опять все то же, писателей в Швейцарии явно недооценивают.

Старик засмеялся:

— Если вам так хочется знать, то у нас уже есть, разумеется, ваше алиби. В ночь убийства, в половине первого, вас видел лесной обходчик между Ламлингеном и Шернельцем, и вы вместе пошли домой. У вас была одна дорога. Лесной обходчик еще сказал, что вы были в веселом настроении.

— Знаю. Полицейский в Тванне уже дважды выспрашивал обходчика обо мне. Да и всех жителей здесь. Даже мою тещу. Значит, вы все же подозревали меня в убийстве, — с гордостью констатировал писатель. — Это тоже своего рода писательский успех.

Берлах подумал, что писатель хочет, чтобы его принимали всерьез, — в этом его тщеславие. Все трое

помолчали; Чанц упорно пытался рассмотреть лицо писателя. Но при этом свете ничего нельзя было поделать.

— Что же вам еще нужно? — процедил, наконец, писатель.

— Вы часто бываете у Гастмана?

— Допрос? — осведомилась темная масса и еще больше заслонила окно. — У меня сейчас нет времени.

— Не будьте, пожалуйста, таким суровым, — попросил комиссар, — мы ведь хотели только немного побеседовать с вами.

Писатель что-то пробурчал.

Берлах начал снова:

— Вы часто бываете у Гастмана?

— Время от времени.

— Почему?

Старик уже приготовился к резкому ответу, но писатель рассмеялся, пустил целые облака дыма обоим в лицо и сказал:

— Комиссар, он интересный человек, этот Гастман. Такой притягивает писателей, как мух. Он превосходно умеет готовить, великолепно, слышите!

И тут писатель начал распространяться о кулинарном искусстве Гастмана, описывать одно блюдо за другим. Пять минут оба слушали, потом еще пять минут; но когда писатель проговорил уже четверть часа о кулинарном искусстве Гастмана и ни о чем другом, кроме как о кулинарном искусстве Гастмана, Чанц встал и заявил, что они пришли не ради кулинарного искусства, однако Берлах остановил его и бодро сказал, что вопрос этот его весьма интересует, и стал говорить сам. Старик ожил, стал рассказывать о кулинарном искусстве турок, румын, болгар, югославов, чехов; он и писатель перебрасывались блюдами, как мячами. Чанц потел и ругался про себя. Теперь этих двоих нельзя было отвлечь от кулинарного искусства, но, наконец, после сорока пяти минут они умолкли, утомленные, как после долгой трапезы. Писатель закурил сигару. Наступила тишина. Рядом снова заплакал ребенок. Внизу залаяла собака. И вдруг Чанц нарушил тишину:

— Шмида убил Гастман?

Вопрос был примитивным, старик покачал головой, а темная масса сказала:

— Вы действительно идете на все.

— Прошу ответить, — сказал Чанц решительно и подался вперед, но лицо писателя оставалось неразличимым.

Берлаха заинтересовало, как же теперь будет реагировать спрошенный.

Писатель оставался спокойным.

— А когда полицейский был убит? — спросил он.

— Это случилось после полуночи,— ответил Чанц.

Ему, конечно, неизвестно, действительны ли законы логики также и для полиции, сказал писатель, он сильно сомневается в этом, но так как он, как было установлено усердной полицией, в половине первого повстречался по дороге в Шернельц с лесным обходчиком, распрощавшись всего за каких-нибудь десять минут до этого с Гастманом, то Гастман, очевидно, вряд ли мог бы совершить это убийство.

Чанц поинтересовался далее, оставались ли тогда еще другие гости у Гастмана.

Писатель ответил отрицательно.

— Шмид попрощался с остальными?

— Доктор Прантль имел обыкновение уходить предпоследним, — ответил писатель не без иронии.

— А кто уходил последним?

— Я.

Но Чанц не сдавался:

— При этом присутствовали двое слуг?

— Этого я не знаю.

Чанц хотел знать, почему не дан ясный ответ.

Ему сдается, ответ достаточно ясный, рявкнул на него писатель. Слуг такого сорта он не имеет обыкновения замечать.

— Хороший или плохой человек Гастман? — спросил Чанц с каким-то отчаянием и вместе с тем бесцеремонностью, заставившей комиссара словно ощутить горячие уголья под собой. Если мы не попадем в очередной роман, то это будет просто чудо, подумал он.

Писатель выпустил Чанцу такую струю дыма в лицо, что тот закашлялся, в комнате надолго воцарилась тишина, даже плача ребенка не слышно было больше.

— Гастман плохой человек, — произнес, наконец, писатель.

— Тем не менее вы часто бываете у него, и бываете потому только, что он отлично готовит? — спросил Чанц возмущенно после очередного приступа кашля.

— Только потому.

— Этого я не понимаю.

Писатель засмеялся. Он тоже своего рода полицейский, сказал он, но без власти, без государства, без закона и без тюрем. Это и его профессия — следить за людьми.

Чанц в растерянности умолк, и Берлах сказал:

— Я понимаю, — и после паузы, когда солнце погасло за окном: — Мой подчиненный Чанц, — сказал комиссар, — своим чрезмерным усердием загнал нас в тупик, из которого мне трудно будет выбраться целым и невредимым. Но молодость обладает и хорошими качествами, воспользуемся тем преимуществом, что бык своим неистовством пробил нам дорогу (Чанц покраснел от злости при этих словах комиссара). Вернемся к вопросам и ответам, которые тут божьей волей прозвучали. Воспользуемся случаем. Как вы расцениваете все это дело, уважаемый господин? Возможно ли заподозрить Гастмана в убийстве?

В комнате быстро наступали сумерки, но писатель и не подумал зажечь свет.

Он уселся в оконной нише, и теперь полицейские сидели словно пленники в пещере.

— Я считаю Гастмана способным на любое преступление, — донесся от окна грубый голос с коварным оттенком. — Но я уверен, что Шмида он не убивал.

— Вы знаете Гастмана, — сказал Берлах.

— Я имею о нем представление, — ответил писатель.

— Вы имеете свое представлеиие о ием, — холодно поправил старик темиую массу в окоииой иише.

— Что меия притягивает в нем, это ие столько его кулинарное искусство — хотя меия теперь уже не так легко воодушевить чем-нибудь ииым, — а возможиости человека, действительио являющегося иигилистом, — сказал писатель. — Всегда захватывает дух, когда встречаешься с подлиииым воплощеиием громкого слова.

— Всегда захватывает дух слушать писателя, — сухо оброиил комиссар.

— Возможио, Гастмаи сделал больше добра, чем мы все трое, вместе взятые, сидящие здесь, в этой косой комиате, — продолжал писатель. — Если я иазываю его плохим человеком, то потому, что добро ои творит из той же прихоти, что и зло, на которое считаю его способиым. Ои иикогда ие совершит зла ради своей выгоды, как другие совершают преступлеиия, чтобы обогатиться, завладеть жеищииой или добиться власти; он совершит зло, даже если оио и бессмыслеино, для иего всегда возможиы две вещи — добро и зло, и решает дело случай.

— Вы делаете выводы, как в математике, — возразил старик.

— Это и есть математика, — ответил писатель. — Его аитипод можио было бы скоиструировать из зла, как коиструируют геометрическую фигуру по зеркальиому отражеиию другой фигуры, и я увереи, что в самом деле существует такой человек где-иибудь, может быть, вы и встретите его. Если встречаешь одиого, встретишь и другого.

— Это звучит как программа, — сказал старик.

— Ну что ж, это и есть программа, почему бы и иет, — сказал писатель, — я представляю себе зеркальным отражеиием Гастмаиа человека, который был бы преступником потому, что зло — его мораль, его философия, он творил бы зло столь же фанатично, как другой по убеждеиию творит добро.

Комиссар заметил, что пора вериуться к Гастману, ои иитересует его больше.

— Как вам угодио, — сказал писатель, — верием-

ся к Гастману, комиссар, к этому полюсу зла. У него зло не есть выражение философии или склонности, а выражение его свободы: свободы отрицания.

— За такую свободу я и гроша ломаного не дам, — ответил старик.

— Вы и не должны давать за нее ни гроша, — возразил тот. — Но можно посвятить всю жизнь изучению этого человека и этой его свободы.

— Всю жизнь, — сказал старик.

Писатель молчал. Казалось, он больше не намерен говорить.

— Я имею дело с реальным Гастманом, — произнес, наконец, старик. — С человеком, который живет под Ламлингеном в долине Тессенберга и устраивает приемы, стоившие жизни лейтенанту полиции. Я должен знать, является ли тот образ, который вы мне нарисовали, образом Гастмана или он порожден вашей фантазией.

— Нашей фантазией, — поправил писатель.

Комиссар молчал.

— Не знаю, — заключил писатель и подошел к ним, чтобы попрощаться, но руку протянул только Берлаху, только ему: — Меня никогда не интересовали подобные вещи. В конце концов дело полиции расследовать этот вопрос.

* * *

Оба полицейских направились к своей машине, преследуемые белой собачонкой, яростно лаявшей на них; Чанц сел за руль.

Он сказал:

— Этот писатель мне не нравится.

Собачонка взобралась на ограду и продолжала лаять.

— А теперь к Гастману, — заявил Чанц и включил мотор.

Старик покачал головой.

— В Берн.

Они стали спускаться к Лигерцу, в глубь местности, лежавшей перед ними, как в бездне. Широко рас-

кинулись камень, земля, вода. Они ехали в тени, но солнце, скрывшееся за Тессенбергом, еще освещало озеро, остров, холмы, предгорья, ледники на горизонте и нагроможденные друг на друга армады туч, плывущие по синим небесным морям. Не отрываясь глядел старик на беспрерывно менявшуюся погоду поздней осени. Всегда одно и то же, что бы ни происходило, думал он, всегда одно и то же. Когда дорога резко повернула и показалось озеро, как выпуклый щит лежавшее отвесно у их ног, Чанц остановил машину.

— Я должен поговорить с вами, комиссар, — сказал он взволнованно.

— Что тебе надо? — спросил Берлах, глядя вниз на скалы.

— Мы должны побывать у Гастмана, иначе мы не продвинемся ни на шаг, это же логично. Прежде всего нам нужно допросить слуг.

Берлах откинулся на спинку и сидел неподвижно, седой, холеный господин, спокойно разглядывая молодого человека сквозь холодный прищур глаз.

— Бог мой, мы не всегда властны поступать так, как подсказывает логика, Чанц. Лутц не желает, чтобы мы посетили Гастмана. Это и понятно, ведь он должен передать дело федеральному поверенному. Подождем его распоряжений. К сожалению, мы имеем дело с привередливыми иностранцами. — Небрежный тон Берлаха вывел Чанца из себя.

— Это же абсурдно, — воскликнул он, — Лутц из своих политических соображений саботирует дело. Фон Швенди его друг и адвокат Гастмана, из этого легко сделать вывод.

Берлах даже не поморщился:

— Хорошо, что мы одни, Чанц. Может быть, Лутц и поступил немного поспешно, но из добрых побуждений. Загадка в Шмиде, а не в Гастмане.

Но Чанца нелегко было сбить с толку.

— Мы обязаны доискаться правды, — воскликнул он с отчаянием в надвигающиеся тучи. — Нам нужна правда и только правда о том, кто убийца Шмида!

— Ты прав, — повторил Берлах, но бесстрастно и холодно, — правда о том, кто убийца Шмида.

Молодой полицейский положил старику руку на левое плечо и взглянул в его непроницаемое лицо:

— Поэтому нам нужно действовать во что бы то ни стало, и действовать против Гастмана. Следствие должно быть исчерпывающим. Нельзя всегда поступать согласно логике, сказали вы. Но в данном случае мы должны так поступать. Мы не можем перепрыгнуть через Гастмана.

— Убийца не Гастман, — сказал Берлах сухо.

— Может быть, Гастман только приказал убить. Мы должны допросить его слуг! — воскликнул Чанц.

— Я не вижу ни малейшей причины, по которой Гастман мог бы убить Шмида, — сказал старик. — Мы должны искать преступника там, где преступление имело бы смысл, а это касается только федерального поверенного, — продолжал он.

— Писатель тоже считает Гастмана убийцей, — крикнул Чанц.

— И ты тоже считаешь его убийцей? — насторожился Берлах.

— И я тоже, комиссар.

— Значит, только ты, — констатировал Берлах. — Писатель считает его лишь способным на любое преступление, это разница. Писатель не сказал ни слова о преступлениях Гастмана, он говорил только о его потенциях.

Тут Чанц потерял терпение. Он схватил старика за плечи.

— Многие годы я оставался в тени, комиссар, — прохрипел он. — Меня всегда обходили, презирали, использовали черт знает для чего, в лучшем случае как опытного почтальона.

— С этим я согласен, Чанц, — сказал Берлах, неподвижно уставясь в отчаянное лицо молодого человека, — многие годы ты стоял в тени того, кто теперь убит.

— Только потому, что он был более образованным! Только потому, что он знал латынь!

— Ты несправедлив к нему, — ответил Берлах, —

Шмид был лучшим криминалистом, которого я когда-либо знал.

— А теперь, — кричал Чанц, — когда у меня, наконец, есть шанс, все должно пойти насмарку, моя единственная возможность выбиться в люди должна пропасть из-за какой-то идиотской дипломатической игры! Только вы можете еще изменить это, комиссар, поговорите с Лутцем, только вы можете убедить его послать меня к Гастману.

— Нет, Чанц, — сказал Берлах, — я не могу этого сделать.

А тот тряс его, как школьника, сжимал его плечи кулаками, кричал:

— Поговорите с Лутцем, поговорите!

Но старик не уступал.

— Нельзя, Чанц, — сказал он, — больше я этим не занимаюсь. Я стар и болен. Мне необходим покой. Ты сам должен себе помочь.

— Хорошо, — сказал Чанц, отпустил Берлаха и взялся за руль, хотя был смертельно бледен и дрожал. — Не надо. Вы не можете мне помочь.

Они снова поехали вниз в сторону Лигерца.

— Ты, кажется, отдыхал в Гриндельвальде? В пансионате Айгер? — спросил старик.

— Так точно, комиссар.

— Там тихо и не слишком дорого?

— Совершенно верно.

— Хорошо, Чанц, я завтра поеду туда, чтобы отдохнуть. Мне нужно в горы. Я взял недельный отпуск по болезни.

Чанц ответил не сразу. Лишь когда они свернули на дорогу Биль — Нойенбург, он заметил, и голос его прозвучал, как обычно:

— Высота не всегда полезна, комиссар.

* * *

В этот же вечер Берлах отправился к своему врачу доктору Самуэлю Хунгертобелю, на площадь Беренплатц. Уже горели огни, с каждой минутой все больше вступала в свои права темная ночь. Из окна Хунгертобеля Берлах смотрел вниз на площадь, ки-

шевшую людьми. Врач убирал свои иструмеиты. Берлах и Хунгертобель давио зиали друг друга, оии вместе учились в гимиазии.

— Сердце хорошее, — сказал Хуигертобель, — слава богу!

— Есть у тебя записи о моей болезии? — спросил Берлах.

— Целая папка, — ответил врач и указал иа ворох бумаг иа письмеииом столе. — Все о твоей болезни.

— Ты кому-иибудь рассказывал о моей болезии, Хуигертобель? — спросил старик.

— Что ты, Ганс, — сказал другой старик, — это же врачебиая тайиа.

Виизу на площади появился сиций «мерседес», стал в ряд с другими машииами. Берлах присмотрелся. Из машииы вышли Чаиц и девушка в белом плаще, по которому струились светлые пряди волос.

— К тебе когда-иибудь забирались воры, Фриц? — спросил комиссар.

— С чего ты взял?

— Да так.

— Одиажды мой письмениый стол был весь перерыт, — признался Хуигертобель, — а твоя история болезии лежала сверху на столе. Деиьги ие пропали, хотя их было порядочно в письмеииом столе.

— Почему ты ие заявил об этом?

Врач почесал голову.

— Хотя деиьги и не пропали, я все же хотел заявить. Но потом забыл.

— Так, — сказал Берлах. — Ты забыл. С тобой по крайией мере воры хлопот не имели. — И он подумал: «Вот, значит, откуда Гастмаи зиает». Ои сиова посмотрел иа площадь. Чаиц и девушка вошли в итальяиский ресторaи. В деиь его похорои, подумал Берлах и, наконец, отвернулся от окиа. Он посмотрел на Хуигертобеля, который сидел за столом и писал.

— Как же обстоит дело со миой?

— Боли есть?

Старик рассказал ему о приступе.

— Это скверно, Ганс, — сказал Хунгертобель. — Мы должны оперировать тебя через три дня. Иначе никак нельзя.

— Я себя чувствую сейчас хорошо, как никогда.

— Через четыре дня будет новый приступ, Ганс, — сказал врач, — и его ты уже не переживешь.

— Значит, в моем распоряжении еще два дня. Два дня. А утром третьего дня ты будешь меня оперировать. Во вторник утром.

— Во вторник утром, — сказал Хунгертобель.

— И после этого мне остается еще год жизни, не правда ли, Фриц? — сказал Берлах и посмотрел на своего школьного товарища непроницаемо, как всегда. Тот вскочил и зашагал по комнате.

— Кто тебе сказал такую ерунду?

— Тот, кто прочел мою историю болезни.

— Значит, взломщик ты? — возбужденно воскликнул врач.

Берлах покачал головой.

— Нет, не я. Но тем не менее это так, Фриц, еще только год.

— Еще только год, — ответил Хунгертобель, сел на стул у стены своей приемной и беспомощно посмотрел на Берлаха, стоявшего посреди комнаты в далеком холодном одиночестве, неподвижный и безропотный, и под его потерянным взглядом врач опустил глаза.

* * *

Около двух часов ночи Берлах вдруг проснулся. Он лег рано, приняв по совету Хунгертобеля новое лекарство, так что сначала он свое неожиданное пробуждение приписал действию непривычного для него средства. Но потом ему показалось, что разбудил его какой-то шорох. Он был — как это всегда бывает с людьми, внезапно проснувшимися, — сверхъестественно бодр и ясен; тем не менее ему нужно было сначала прийти в себя, и лишь спустя несколько мгновений — которые кажутся нам в таких случаях вечностью — он окончательно очнулся. Он лежал не в спальне, как обычно, а в библиотеке, ибо, гото-

вясь к скверной ночи, он намеревался, насколько помнил, еще почитать, но, видимо, его одолел крепкий сон. Он провел рукой по телу и понял, что одет; он только покрылся шерстяным одеялом. Он прислушался. Что-то упало на пол — это была книга, которую он читал. Темнота этого лишенного окон помещения была глубокой, но не полной; сквозь открытую дверь спальни падал слабый свет, это был свет непогожей ночи. Он услышал далекое завывание ветра. Со временем он начал различать в темноте книжную полку и стул, край стола, на котором, как он с трудом распознал, все еще лежал револьвер. Вдруг он почувствовал сквозняк, в спальне стукнуло окно, затем с резким ударом захлопнулась дверь. Сразу же после этого старик услышал из коридора звук тихо затворяемой двери. Он понял. Кто-то отворил входную дверь и проник в коридор, не подумав о сквозняке. Берлах встал и зажег стоячую лампу.

Он схватил револьвер и спустил предохранитель. Тут человек в коридоре тоже зажег свет. Берлах удивился, заметив сквозь неплотно притворенную дверь зажженную лампу, — он не видел смысла в этом поступке незнакомца. Он понял его, когда было уже поздно. Он увидел силуэт руки, схватившей электрическую лампочку, потом вспыхнуло голубое пламя, и все погрузилось во мрак: незнакомец вырвал лампочку, вызвав этим короткое замыкание. Берлах стоял в кромешной тьме, а тот начал борьбу, поставив свои условия: Берлах должен был бороться в темноте. Старик сжал оружие и осторожно отворил дверь в спальню. Он вошел туда. Сквозь окна падал слабый свет, вначале еле заметный, но по мере того как глаза привыкали к темноте, все усиливающийся. Берлах прислонился к стене между кроватью и окном, выходящим на реку; другое окно было справа от него, оно смотрело на соседний дом. Так он стоял в непроницаемой тени, правда, в невыгодном положении, так как никуда нельзя было отклониться, но он надеялся, что его невидимость уравновесит шансы. Дверь в библиотеку освещалась слабым све-

том из окон. Он должен был увидеть очертания незнакомца, когда тот появится к дверях. В библиотеке вспыхнул тонкий луч карманного фонарика, скользнул, шаря по переплетам, потом по полу, по креслу и, наконец, по письменному столу. В его луче оказался кинжал-змея. И снова Берлах увидел руку сквозь отворенную дверь. Рука была в коричневой перчатке, она осторожно ощупывала стол, потом вцепилась в рукоятку кинжала. Берлах поднял оружие, прицелился. Тут фонарик погас. Старик опустил револьвер, стал ждать. Он глядел в окно, угадывал черную массу беспрерывно текущей реки, громаду города по ту сторону, кафедральный собор, как стрела устремленный в небо, и несущиеся над ним облака. Он стоял неподвижно и ждал врага, который пришел, чтобы убить его. Глаза его впились в неясный провал двери. Он ждал. Все было тихо, безжизненно. Потом пробили часы в коридоре: три. Он прислушался. Издали доносилось до него тихое тиканье часов. Где-то просигналил автомобиль, потом проехал мимо. Люди из бара. Один раз ему показалось, что он слышит дыхание, но, видимо, он ошибся. Так стоял он, и где-то в его квартире стоял другой, и между ними была ночь, эта терпеливая, беспощадная ночь, которая прятала под своим черным покрывалом смертоносную змею, кинжал, ищущий его сердца. Старик еле дышал. Так он стоял, сжимая оружие, едва ли ощущая, как холодный пот стекает по его спине. Он ни о чем больше не думал, ни о Гастмане, ни о Лутце, не думал он больше и о своей болезни, пожиравшей его тело час за часом, собиравшейся уничтожить его жизнь, жизнь, которую он теперь защищал, полный жажды жить и только жить. Он весь превратился в глаз, проникающий ночь, в ухо, проверяющее малейший звук, в руку, сжимавшую холодный металл оружия. Наконец он почувствовал присутствие убийцы, но по-иному, не так, как ожидал; он ощутил на щеке неясную прохладу, ничтожное колебание воздуха. Он не мог себе этого объяснить, пока не догадался, что дверь, ведущая из спальни в столовую, отворилась. Незна-

комец вторично перечеркнул его предположения, он проник в спальню кружным путем, невидимый, неслышный, неудержимый, с кинжалом-змеей в руке. И Берлах понял, что начать борьбу должен он, он должен первым действовать, он, старый, смертельно больной человек, должен начать борьбу за жизнь, которая может продлиться еще только год, если все пойдет хорошо, если Хунгертобель правильно и удачно будет резать. Берлах направил револьвер в сторону окна, выходящего на Аару. Потом он выстрелил, раз, еще раз, всего три раза, быстро и уверенно, через разбитое окно в реку, потом он присел. Над ним засвистело, это был кинжал, который теперь дрожал в стене. Но старик уже достиг того, чего хотел: в другом окне зажегся свет. Люди из соседнего дома высовывались из своих открытых окон; до смерти перепуганные и растерянные, они уставились в ночь. Берлах поднялся. Свет из соседнего дома освещал спальню, неясно различил он в дверях столовой человеческую тень, потом хлопнула входная дверь, потом сквозняк захлопнул дверь в библиотеку, потом в столовую, удар за ударом, стукнуло окно, и все стихло. Люди из соседнего дома все еще глазели в ночь. Старик не шевелился у своей стены, все еще держа оружие в руках. Он стоял неподвижно, словно не ощущая больше времени. Люди исчезли из окон, свет погас. Берлах стоял у стены, снова в темноте, слившись с ней, один в доме.

* * *

Через полчаса он вышел в коридор и поискал свой карманный фонарь. Он позвонил Чанцу, чтобы тот приехал. Потом он заменил перегоревшие пробки новыми, зажегся свет. Берлах уселся в свое кресло и стал прислушиваться. К дому подъехала машина, резко затормозив. Снова открылась входная дверь, снова он услышал шаги. Чанц вошел в комнату.

— Меня пытались убить, — сказал комиссар. Чанц был бледен. На нем не было шляпы, волосы в беспорядке спадали на лоб, а из-под зимнего паль-

то виднелась пижама. Они вместе пошли в спальню. Чанц с трудом вытащил из стены нож, глубоко вошедший в дерево.

— Этим? — спросил он.

— Этим, Чанц.

Молодой полицейский осмотрел выбитое стекло.

— Вы стреляли в окно, комиссар? — спросил он с удивлением.

Берлах рассказал ему все.

— Это лучшее, что вы могли сделать, — пробормотал Чанц.

Они вышли в коридор, и Чанц поднял электрическую лампочку.

— Хитро, — сказал он восхищенно и снова положил ее. Они вернулись в библиотеку. Старик лег на диван, натянул на себя одеяло; он лежал беспомощный, вдруг постаревший и как будто расклеившийся. Чанц все еще держал в руке кинжал-змею. Он спросил:

— Вы не разглядели его?

— Нет. Он был осторожен и быстро скрылся. Я успел только увидеть, что на нем были коричневые кожаные перчатки.

— Это немного.

— Это просто ничего. Но хотя я его и не видел и почти не слышал его дыхания, я знаю, кто это был. Я знаю, знаю.

Все это старик произнес еле слышно. Чанц взвесил в руке кинжал, посмотрел на серую распростертую фигуру, на этого старого, усталого человека, на эти руки, лежавшие около хрупкого тела, как увядшие цветы около покойника. Потом он увидел взгляд лежащего. Глаза Берлаха смотрели на него спокойно, непроницаемо и ясно. Чанц положил нож на письменный стол.

— Завтра вам нужно поехать в Гриндельвальд, вы больны. Или вы все-таки не поедете? Возможно, высота не подходит для вас. Там сейчас зима.

— Нет, я поеду.

— В таком случае вам нужно немного поспать. Подежурить мне у вас?

— Нет, ступай к себе, Чанц, — сказал комиссар.

— Спокойной ночи, — сказал Чанц и медленно вышел. Старик не ответил, казалось, он уже уснул. Чанц открыл входную дверь, вышел, затворил ее за собой. Медленно прошел он эти несколько шагов до улицы, закрыл калитку, стоявшую открытой. Потом он повернулся лицом к дому. Была все еще темная ночь. Все терялось в этой темноте, даже соседние дома. Лишь далеко наверху горел уличный фонарь, затерянная звезда в густом мраке, полном грусти, полном шума реки. Чанц стоял, и вдруг он тихо чертыхнулся. Он толкнул ногой калитку, решительно зашагал по садовой дорожке ко входной двери, еще раз проделал путь, по которому уже проходил. Он схватился за ручку и нажал на нее. Но дверь была теперь заперта.

Берлах поднялся в шесть часов, так и не уснув. Было воскресенье. Старик умылся, переоделся. Потом он вызвал такси, поесть он решил в вагоне-ресторане. Он взял теплое пальто и вышел из дому в серое утро. Чемодана он не взял. Небо было чистое. Загулявший студент проковылял мимо, он поздоровался, от него несло пивом. Это Блазер, подумал Берлах, уже второй раз провалился по физике, бедняга. С этого запьешь. Подъехало такси, остановилось. Это была большая американская машина. У шофера был поднят воротник. Берлах увидел только глаза. Шофер открыл дверцу.

— На вокзал, — сказал Берлах и сел в машину. Машина тронулась.

— Как ты поживаешь? — раздался голос рядом с ним. — Хорошо ли ты спал?

Берлах повернул голову. В другом углу сидел Гастман. На нем был светлый плащ, руки он скрестил на груди. Руки его были в коричневых кожаных перчатках. Он был похож на старого, насмешливого крестьянина. Шофер повернулся к ним, ухмыляясь. Воротник у него был теперь опущен, это был один из слуг.

Берлах понял, что попал в ловушку.

— Что тебе опять нужно от меня? — спросил старик.

— Ты все еще выслеживаешь меня. Ты был у писателя, — сказал человек в углу, в голосе его слышалась угроза.

— Это моя профессия.

Человек не спускал с него глаз.

— Каждый, кто занимался мной, погибал, Берлах.

Сидящий за рулем несся как черт вверх поАаргауэрштальден.

— Я еще жив. А я всегда занимался тобой, — ответил комиссар хладнокровно.

Они помолчали.

Шофер на бешеной скорости несся к площади Виктории. Какой-то старик ковылял через улицу и с трудом увернулся от колес.

— Будьте же внимательней, — раздраженно сказал Берлах.

— Поезжай быстрей, — резко крикнул Гастман и насмешливо посмотрел на старика. — Я люблю быструю езду.

Комиссара знобило. Он не любил безвоздушных пространств. Они неслись по мосту, обогнали трамвай и с бешеной скоростью приближались через серебряную ленту реки к городу, услужливо раскрывшемуся перед ними. Улочки были еще пустынны и безлюдны, небо над городом — стеклянным.

— Советую тебе прекратить игру. Пора признать свое поражение, — сказал Гастман, набивая трубку.

Старик взглянул на темные углубления арок, мимо которых они проезжали, на призрачные фигуры двух полицейских, стоявших перед книжным магазином Ланга.

Это Гайсбюлер и Цумштег, подумал он, и еще: пора, наконец, уплатить за Фонтане.

— Мы не можем прекратить игру, — произнес он наконец. — В ту ночь в Турции ты стал виновен потому, что предложил это пари, Гастман, а я — потому, что принял его.

Они проехали мимо здания федерального совета.

— Ты все еще думаешь, что я убил Шмида? — спросил он.

— Я ни минуты не верил в это, — ответил старик и продолжал, равнодушно глядя, как тот раскуривает трубку: — Мне не удалось поймать тебя на преступлениях, которые ты совершил, теперь я поймаю тебя на преступлении, которого ты не совершал.

Гастман испытующе посмотрел на комиссара.

— Эта возможность мне даже не приходила в голову, — сказал он. — Придется быть начеку.

Комиссар молчал.

— Возможно, ты опасней, нежели я думал, старик, — произнес Гастман задумчиво в своем углу.

Машина остановилась. Они были у вокзала.

— Я последний раз говорил с тобой, Берлах, — сказал Гастман. — В следующий раз я тебя убью — конечно, если ты переживешь операцию.

— Ты ошибаешься, — сказал Берлах, стоя на утренней площади, старый и мерзнущий. — Ты меня не убьешь. Я единственный, кто знает тебя, и поэтому я единственный, кто может судить тебя. Я осудил тебя, Гастман, я приговорил тебя к смерти. Ты не переживешь сегодняшнего дня. Палач, которого я выбрал, сегодня придет к тебе. Он тебя убьет, это нужно, наконец, сделать во имя бога.

Гастман вздрогнул и пораженно уставился на старика, но тот повернулся и зашагал к вокзалу, сунув руки в карманы пальто, не оборачиваясь, вошел в темное здание, медленно заполнявшееся людьми.

— Глупец ты! — закричал Гастман вслед комиссару, закричал так громко, что некоторые прохожие обернулись. — Глупец!

Но Берлаха уже не было видно.

День, который все больше заявлял о себе, был ясным и светлым, солнце, похожее на безукоризненный шар, бросало резкие и длинные тени, лишь немного сокращая их по мере того, как поднималось все выше. Город лежал как белая раковина, впитывая свет, глотая его своими улочками, чтобы ночью

выплюнуть его сотнями огней, — чудовище, рождавшее все новых людей, разлагавшее их, хоронившее. Все лучистей становилось утро, сияющий щит над замирающим звоном колоколов. Бледный от света, падающего от каменной стены, Чанц ждал целый час. Он беспокойно шагал взад и вперед под арками кафедрального собора, смотрел вверх на дикие рожи извергателей воды, глазевших на тротуар, залитый солнцем. Наконец портальные двери распахнулись, хлынул мощный поток людей, проповедь читал Лютц, но Чанц сразу заметил белый плащ. Анна шла ему навстречу. Она сказала, что рада его видеть, и протянула ему руку. Они пошли вверх по Кесслергассе, посреди возвращавшейся из церкви толпы, окруженные молодыми и старыми людьми — тут профессор, там по-воскресному расфранченная жена булочника, там два студента с девушкой, несколько дюжин чиновников, учителей, все аккуратные, умытые, все голодные и радующиеся предстоящей праздничной трапезе. Они достигли площади Казино, пересекли ее и спустились в Марцили. На мосту они остановились.

— Фрейлейн Анна, — сказал Чанц, — сегодня я поймаю убийцу Ульриха.

— А разве вы знаете, кто его убил? — спросила она удивленно.

Он посмотрел на нее. Она стояла перед ним, бледная и хрупкая.

— Думаю, что знаю, — сказал он. — Станете ли вы для меня, когда я его поймаю, — тут он запнулся, — тем же, кем были вашему погибшему жениху?

Анна ответила не сразу. Она плотней натянула плащ, словно замерзла. Подул легкий ветерок, растрепал ее светлые волосы. Она сказала:

— Пусть будет так.

Они пожали друг другу руки, и Анна пошла к противоположному берегу. Он смотрел ей вслед. Ее белый плащ светился между стволами берез, нырял в гущу прохожих, снова выплывал и, наконец, исчез. Тогда он направился к вокзалу, где оставил

машииу. Ои поехал в Лигерц. Было около полудня, когда он прибыл туда; ехал ои медлеино, иногда останавливался, закуривал, бродил по полям, возвращался к машиие и ехал дальше. В Лигерце ои поставил машииу у вокзала и пошел вверх в сторону церкви. Он успокоился. Озеро было темио-сииим, виноградиики опали, и земля в междурядьях была коричиевой и рыхлой. Но Чаиц иичего не видел и иичем ие интересовался. Ои подиимался вверх безостаиовочио и равиомерио, ие остаиавливаясь и не оглядываясь. Дорога вела круто в гору, обрамлениая белой стеиой, виноградиик за виноградником оставались позади. Чанц подымался все выше, спокойио, медлеиио, непоколебимо, суиув правую руку в кармаи. Иногда дорогу перебегала ящерица, ястребы взмывали в иебо, земля дрожала в море солиечного огия, словно было лето; ои неудержимо шел вверх. Потом ои вошел в лес, оставив виноградиики позади. Стало прохладией. Между стволами светились белые юрские скалы. Он подымался все выше, ие сбиваясь с ровного шага, иепрестаино продвигаясь все дальше; он вступил иа поля. Это были пашии и луга, дорога стала более пологой. Ои прошел мимо кладбища, прямоугольиика, обиесеииого камеииой оградой, с широко раскрытыми воротами. Одетые в чериое жеищины ходили по дорожкам, старый, сгорбленный старик смотрел вслед проходящему, который, не остаиавливаясь, продолжал свой путь, опустив правую руку в кармаи пальто.

Ои достиг Преля, прошел мимо гостииицы «Медведь» и повериул в сторону Ламбуэна. Воздух иад плоскогорьем был неподвижен и чист. Предметы, даже самые отдалеиные, вырисовывались иеобыкиовеино четко. Лишь вершина Шассераля была покрыта снегом, все остальиое светилось светло-коричиевым цветом, прерываемым белизиой стеи и красиым цветом крыш, черными полосами пашеи. Равномерно шагал Чанц вперед; солице светило ему в спину и отбрасывало его тень впереди иего. Дорога пошла под уклои, ои приближался к лесопилке, теперь солице светило сбоку. Он шагал дальше, ни о чем не думая,

ничего не замечая, охваченный *одной* волей, обуреваемый *одной* страстью. Где-то залаяла собака, подбежала к нему, обнюхала, неустанно движущегося вперед, снова исчезла. Чанц все шел, неизменно держась правой стороны дороги, шаг за шагом, ни медленней, ни быстрей, приближаясь к дому, уже виднеющемуся среди коричневых пашен, окруженному голыми тополями. Чанц сошел с дороги и зашагал по пашне. Ноги его вязли в теплой земле непаханого поля, он шел вперед. Он достиг ворот. Они были открыты, и Чанц вошел во двор. Там стояла американская машина, но Чанц не обратил на нее внимания. Он подошел к входной двери. Она тоже была открыта. Чанц вошел в прихожую, отворил вторую дверь и вошел в холл, занимавший весь нижний этаж. Чанц остановился. Из окон падал резкий свет. Перед ним, в каких-нибудь пяти шагах, стоял Гастман, рядом с ним его слуги-великаны, неподвижные и угрожающие, двое мясников. Все трое были в пальто, все трое готовые к отъезду, чемоданы громоздились рядом.

— Значит, это вы, — произнес Гастман и слегка удивленно посмотрел на спокойное, бледное лицо полицейского в распахнутых дверях.

И тут он засмеялся:

— Так вот что имел в виду старик! Ловко, очень ловко! — Глаза Гастмана были широко раскрыты и искрились неестественным весельем.

Спокойно, не проронив ни слова, даже почти медленно, один из мясников вынул револьвер из кармана и выстрелил. Чанц почувствовал удар в левую ключицу и бросился в сторону. Потом он выстрелил три раза, выстрелил в замирающий, словно в пустом бесконечном пространстве, смех Гастмана.

* * *

Вызванные Чанцем по телефону, прибыли Шарнель из Ламбуэна, Клених из Твана, а из Биля наряд полиции. Чанца нашли истекающим кровью рядом с тремя трупами, один из выстрелов задел ему

левую руку. Схватка была, по-видимому короткой, но каждый из троих убитых успел выстрелить. У каждого из них нашли револьвер, один из слуг еще сжимал его в руке. Что происходило после прибытия Шарнеля, Чанц уже не видел. Когда врач из Невилля его перевязывал, он дважды терял сознание; но раны оказались неопасными.

Позже пришли жители деревни, крестьяне, рабочие, женщины. Двор был полон народа, и полиция оцепила его, но одной девушке удалось прорваться в холл, где она, рыдая, бросилась на труп Гастмана. Это была официантка, невеста Шарнеля. Он стоял тут же, красный от ярости. Потом Чанца понесли среди расступившихся крестьян к машине.

— Вот они лежат, все трое, — сказал Лутц на следующее утро и указал на трупы, но в голосе его не было триумфа, он звучал печально и устало.

Фон Швенди в замешательстве кивнул. Полковник по поручению своего клиента ездил с Лутцем в Биль. Они вошли в помещение, где лежали трупы. Сквозь маленькое зарешеченное оконце падал косой луч света. Оба стояли в пальто и мерзли. У Лутца были красные глаза. Всю ночь он занимался дневниками Гастмана, неразборчивыми документами со стенографическими записями.

Лутц глубже засунул руки в карманы.

— Вот мы, люди, из боязни друг друга строим государства, фон Швенди, — снова начал он тихим голосом, — окружаем себя стражами всякого рода, полицейскими, солдатами, общественным мнением, а что толку в этом? — Лицо Лутца исказилось, глаза его вышли из орбит, он засмеялся пустым блеющим смехом в этом помещении, голом и бедном. — Достаточно одного пустоголового во главе крупной державы, национальный советник, и нас не станет, достаточно одного Гастмана — и вот уже цепи наши разорваны, форпосты обойдены.

Фон Швенди понимал, что лучше было бы вернуть следователя на землю, но не знал толком, как это сделать.

— Всевозможные люди используют наши круги

прямо-таки бессовестно, — произнес он наконец. — Это неприятно, чрезвычайно неприятно.

— Никто ни о чем не подозревал, — успокоил его Лутц.

— А Шмид? — спросил национальный советник, обрадованно ухватившись за эту тему.

— Мы нашли у Гастмана папку, принадлежавшую Шмиду. В ней были данные о жизни Гастмана и предположения о его преступлениях. Шмид пытался уличить Гастмана. Делал он это как частное лицо. Ошибка, за которую он поплатился; доказано, что Гастман велел убрать Шмида; Шмида, по-видимому, убили из оружия, которое один из слуг держал в руке, когда Чанц его застрелил. Обследование оружия подтвердило это предположение. Причина убийства тоже ясна: Гастман боялся, что Шмид его разоблачит. Шмид должен был бы довериться нам. Но он был молод и честолюбив.

В покойницкую вошел Берлах. Когда Лутц увидел старика, он стал меланхоличным и снова спрятал руки в карманы.

— Что ж, комиссар, — сказал он, переступая с ноги на ногу, — хорошо, что мы встретились здесь. Вы вовремя вернулись из своего отпуска, да и я не опоздал сюда со своим национальным советником. Покойники поданы. Мы много спорили, Берлах, я стоял за сверххитрую полицию со всякими штучками, охотно снабдил бы ее даже атомной бомбой, а вы, комиссар, были скорее за более человечную, за своего рода отряд сельских жандармов, сформированный из простодушных дедушек. Покончим с этим спором. Мы оба были неправы, Чанц доказал это нам простым револьвером, совсем не научным способом. Я не желаю знать, как он это сделал. Ну хорошо, пусть это была самооборона, мы должны ему верить, и мы можем ему верить. Результат стоит того, как говорится, убитые тысячу раз заслуживают смерти, а если бы все шло по-научному, нам сейчас пришлось бы шпионить за чужими дипломатами. Чанца мне придется повысить; а мы оказались ослами, мы оба. Дело Шмида закончено.

Лутц опустил голову, смущенный загадочным молчанием старика, ушел в себя, снова вдруг превратился в корректного, добросовестного чиновника, откашлялся и, заметив все еще смущенного фон Швенди, покраснел, потом он медленно вышел, сопровождаемый полковником, скрылся в темноте какого-то коридора, оставив Берлаха одного. Трупы лежали на носилках, покрытые черными покрывалами. С голых серых стен шелушилась штукатурка. Берлах подошел к средним носилкам и открыл лицо мертвеца. Это был Гастман. Берлах стоял, слегка склонившись, все еще держа в левой руке черную ткань. Молча смотрел он на восковое лицо покойника, на еще сохранившие усмешку губы; глазные впадины стали теперь еще глубже, но ничего страшного не таилось больше в этих пропастях. Так они встретились в последний раз, охотник и его дичь, лежавшая приконченной у его ног. Берлах предчувствовал, что жизнь *обоих* достигла конца, и его взгляд еще раз проник сквозь годы, его мысль еще раз проделала путь по таинственным ходам лабиринта, представлявшего собой жизнь их обоих. Теперь между ними не осталось ничего, кроме беспредельности смерти, судьи, приговором которого было молчание. Берлах все еще стоял, склонившись, и бледный свет камеры падал на его лицо и руки, играл и на покойнике, одинаковый для обоих, созданный для обоих, примиряя обоих. Молчание смерти опустилось на него, проникло внутрь, но не дало ему успокоения, как тому, другому. Мертвые всегда правы. Берлах медленно покрыл лицо Гастмана. Последний раз он видел его: отныне его враг принадлежал могиле. Одна только мысль владела им долгие годы: уничтожить того, кто теперь лежал у его ног в голом сером помещении, покрытый осыпающейся штукатуркой, словно легким, редким снегом; и теперь старику не оставалось ничего другого, кроме как устало накрыть труп, смиренно просить о забвении, единственной милости, могущей смягчить сердце, изглоданное неистовым огнем.

* * *

В тот же день, ровно в восемь, Чанц вошел в дом старика в Альтенберге, срочно вызванный им к этому часу. К его удивлению, дверь отворила молодая служанка в белом переднике, а когда он вошел в коридор, из кухни доносился шум кипящей воды, приготовления пищи, звон посуды. Служанка сняла с него пальто. Левая его рука была на перевязи; тем не менее он приехал в машине. Девушка открыла перед ним дверь в столовую, и Чанц замер на пороге: стол был торжественно накрыт на две персоны. В подсвечнике горели свечи, в конце стола сидел Берлах в кресле, освещенный неярким красным светом, являя собой картину непоколебимого спокойствия.

— Садись, Чанц, — сказал старик своему гостю и указал на второе кресло, придвинутое к столу. Чанц сел, оглушенный.

— Я не знал, что приглашен на ужин, — произнес он наконец.

— Мы должны отпраздновать твою победу, — ответил спокойно старик и немного отодвинул подсвечник в сторону, так что они могли без помех смотреть друг другу в лицо. Потом он хлопнул в ладоши. Дверь отворилась, и статная полная женщина внесла поднос, до краев уставленный сардинами, раками, салатами, огурцами, помидорами, горошком, майонезом и яйцами, холодной закуской, курятиной и лососиной. Старик положил себе всего. Чанц, который видел, какие огромные порции накладывал себе этот человек с больным желудком, от изумления положил себе лишь немного картофельного салата.

— Что мы будем пить? — спросил Берлах. — Лигерцского вина?

— Хорошо, лигерцского, — ответил Чанц как во сне. Служанка налила вина, Берлах начал есть, взял себе хлеба, проглотил лососину, сардины, красное мясо раков, закуску, салаты, майонез, холодное жаркое, ударил в ладоши, потребовал еще. Чанц, остолбенев, все еще не управился со своим картофельным

салатом. Берлах велел наполнить свой стакан в третий раз.

— А теперь паштеты и красное нойенбургское вино, — распорядился он. Им сменили тарелки, Берлах велел положить себе три паштета, начиненные гусиной печенкой, свининой и трюфелями.

— Но вы же больны, комиссар, — произнес он, наконец, робко.

— Не сегодня, Чанц, не сегодня. Я праздную, потому что, наконец, уличил убийцу Шмида!

Он выпил второй стакан красного вина и принялся за третий паштет, без передышки жуя, жадно поглощая дары этого мира, непрерывно работая челюстями, словно дьявол, утоляющий неутолимый голод. На стене плясала, увеличенная вдвое, дикая тень его фигуры, отражая сильные движения его рук, наклон головы, подобно танцу торжествующего негритянского вождя. Чанц с ужасом следил за жутким представлением, даваемым этим смертельно больным человеком. Он сидел неподвижно, не притрагиваясь к еде, не взяв ни кусочка в рот, даже не пригубив стакана. Берлах велел подать себе телячьи отбивные, рис, жареную картошку, зеленый салат и шампанского. Чанц дрожал.

— Вы притворяетесь, — прохрипел он. — Вы не больны!

Берлах ответил ему не сразу. Сначала он засмеялся и занялся салатом, смакуя каждый листик в отдельности. Чанц не решался вторично обратиться с вопросом к жуткому старику.

— Да, Чанц, — произнес, наконец, Берлах, и глаза его дико засверкали. — Я притворялся. Я никогда не был болен, — и он сунул себе кусок телятины в рот, продолжая есть, безостановочно, ненасытно.

И тут Чанц понял, что попал в коварную ловушку и теперь она захлопнулась. Он покрылся холодным потом. Ужас охватывал его все сильней. Он понял свое положение слишком поздно, спасения не было.

— Вы все знаете, комиссар, — произнес он тихо.

— Да, Чанц, я все знаю, — произнес Берлах твердо и спокойно, не повышая голоса, словно речь шла

о чем-то второстепенном. — Ты убийца Шмида. — Потом он схватил бокал шампанского и опорожнил его единым духом.

— Я всегда чувствовал, что вы это знаете, — простонал он еле слышно.

Старик и бровью не повел. Казалось, его ничего больше не интересует, кроме еды; немилосердно наложил он себе вторично тарелку риса, полил его соусом, взгромоздил сверху телячью отбивную. Еще раз Чанц попытался спастись, дать отпор этому дьявольскому едоку.

— Ведь пуля, сразившая Шмида, из того револьвера, который нашли у слуги, — упрямо заявил он. Но в голосе его звучало отчаяние.

В прищуренных глазах Берлаха блеснули подозрительные молнии.

— Вздор, Чанц. Ты отлично знаешь, что *твой* револьвер слуга держал в руке, когда его нашли. Ты сам сунул его убитому в руку. Лишь открытие, что Гастман был преступником, помешало разгадать твою игру.

— Этого вы *никогда* не сможете доказать! — отчаянно сопротивлялся Чанц.

Старик потянулся на стуле, уже не больной и слабый, а могучий и спокойный, воплощение нечеловеческого превосходства, тигр, играющий со своей жертвой, и выпил остаток шампанского. Потом он велел неустанно сновавшей взад и вперед служанке подать сыр; с сыром он ел редиску, соленые огурцы, мелкий лук. Все новые и новые блюда поглощал он, словно в последний раз, в самый последний раз отведывал то, что дарит земля человеку.

— Неужели ты все еще не понял, Чанц, — сказал он наконец, — что ты уже давно доказал мне свое преступление? Револьвер был твой; ведь в собаке Гастмана, которую ты застрелил, чтобы спасти меня, нашли пулю от того же оружия, которое принесло смерть Шмиду: от *твоего* револьвера. Ты сам представил нужные мне доказательства. Ты выдал себя, когда спасал мне жизнь.

— Когда я спасал вам жизнь! Вот почему я ие обнаружил потом этой твари, — ответил Чаиц механически. — Вы зиали, что у Гастмаиа был такой пес?

— Да. Я обмотал свою левую руку одеялом.

— Значит, вы и здесь устроили мие ловушку, — произнес убийца почти беззвучио.

— Да, и здесь. Но первое доказательство ты дал в пятницу, когда повез меня в Лигерц через Иис, чтобы разыграть комедию «с синим Хароиом». Шмид в среду поехал через Цолликофен, это мне было известно, так как ои останавливался в ту иочь у гаража в Люссе.

— Откуда вы могли это зиать? — спросил Чаиц.

— Очень просто — я позвоиил по телефону. Тот, кто в ту ночь проехал через Инс и Эрлах, и был убийцей: ты, Чаиц. Ты ехал со стороиы Гриндельвальда. В паисионате Айгер тоже есть сииий «мерседес». В течеиие недель ты иаблюдал за Шмидом, выслеживал каждый его шаг, завидуя его способиостям, его успеху, его образоваииости, его девушке. Тебе было известно, что ои занимается Гастмаиом, тебе было даже известно, когда ои его иавещает, ио тебе было иеизвестио зачем. И вот тебе случайно попалась в руки его папка с заметками. Ты решил сам заияться этим делом и убить Шмида, чтобы, иакоиец, добиться успеха. Ты верио рассчитал, что обвииить Гастмана в убийстве будет легко. А когда ты увидел в Гриндельвальде сииий «мерседес», тебе сразу стал ясеи и путь. Ты иаиял эту машииу в ночь иа четверг. Я побывал в Гриндельвальде, чтобы удостовериться в этом. Все дальиейшее просто: ты поехал через Лигерц в Шериельц, оставил машииу в тваиибахском лесу, пересек лес кратчайшей дорогой через ущелье и вышел на дорогу Тванн — Ламбуэи. Возле скал ты подождал Шмида, ои узнал тебя и с удивлеиием остаиовил машииу. Ои открыл дверцу, и тут ты его убил. Ты сам рассказал мне об этом. А теперь у тебя есть все, к чему ты стремился: его успех, его должиость, его машина и его иевеста.

Чаиц слушал неумолимого шахматиста, объявившего ему мат и теперь закоичившего свою жуткую

трапезу. Пламя свечей колебалось, прыгало по лицам обоих мужчин, тени сгустились.

Мертвая тишина воцарилась в этом ночном аду, служанки больше не появлялись.

Старик сидел теперь неподвижно, казалось даже, что он не дышал, мерцающий свет обдавал его все новыми вспышками — то был красный огонь, разбивавшийся о лед его лба и его души.

— Вы играли мною, — медленно произнес Чанц.

— Я играл тобою, — ответил Берлах необычайно серьезно. — Я не мог иначе. Ты убил моего Шмида, и теперь я должен был воспользоваться тобой.

— Чтобы убить Гастмана, — докончил Чанц, разом все поняв.

— Ты верно сказал. Половину жизни я отдал, чтобы уличить Гастмана, и Шмид был моей последней надеждой. Я натравил его на дьявола в человеческом обличье, благородное животное на дикую бестию. Но тут появился ты, Чанц, с твоим смехотворным, преступным честолюбием и уничтожил мой единственный шанс. Тогда я взял *тебя,* убийцу, и превратил в свое самое страшное оружие, ибо тебя подгоняло отчаяние, убийца должен был найти другого убийцу. Свою цель я сделал твоей целью.

— Это было адом для меня, — сказал Чанц.

— Это было адом для нас обоих, — продолжал старик с жутким спокойствием.— Вмешательство фон Швенди толкнуло тебя на крайность, ты должен был любым способом разоблачить Гастмана как убийцу, всякое отклонение от следа, ведущего к Гастману, могло навести на твой след. Помочь тебе могла только папка Шмида. Ты знал, что она у меня, но ты не знал, что Гастман забрал ее у меня. Поэтому ты напал на меня в ночь с субботы на воскресенье. Тебя обеспокоил и тот факт, что я отправился в Гриндельвальд.

— Вы знали, что это я напал на вас? — беззвучно спросил Чанц.

— Я знал это с первого мгновения. Все, что я делал, я делал с намерением довести тебя до полного отчаяния. И когда твое отчаяние достигло предела,

ты отправился в Ламбуэн, чтобы положить как-то конец делу.

— Один из слуг Гастмана первый открыл стрельбу, — сказал Чанц.

— В воскресенье утром я сказал Гастману, что я пошлю человека убить его.

Чанц закачался. Мороз прошел по его коже.

— Вы натравили меня и Гастмана друг на друга, как зверей!

— Чудовище против чудовища, — неумолимо донеслось из кресла.

— Значит, вы были судьей, а я палачом, — прохрипел другой.

— Именно, — ответил старик.

— А я, который только выполнял вашу волю, вольно или невольно, я теперь преступник, человек, за которым будут охотиться!

Чанц встал, оперся правой, здоровой рукой на край стола. Горела только одна свеча. Горящими глазами Чанц пытался разглядеть очертания старика в кресле, но видел лишь какую-то нереальную черную тень. Рука его неуверенно и ищуще скользнула к карману.

— Оставь это, — услышал он голос старика. — Это не имеет смысла. Лутц знает, что ты у меня, и обе женщины еще в доме.

— Да, это не имеет смысла, — сказал Чанц тихо.

— Дело Шмида закончено, — сказал старик сквозь темноту в комнате. — Я не выдам тебя. Но уходи! Куда-нибудь! Я не хочу больше видеть тебя, никогда. Довольно, что я вынес приговор *одному*. Уходи! Уходи!

Чанц опустил голову и медленно вышел, пропал в ночи, и, когда дверь захлопнулась и немного погодя отъехала машина, погасла и последняя свеча, еще раз осветив старика, закрывшего глаза, яркой вспышкой пламени.

* * *

Берлах всю ночь просидел в кресле, не вставая, не подымаясь. Чудовищная, жадная сила жизни, еще

раз мощно вспыхнувшая в нем, сникла, грозила погаснуть. С отчаянной смелостью старик еще раз сыграл игру, но в одном он солгал Чанцу, и когда рано утром, с наступлением дня, Лутц ворвался в комнату и растерянно сообщил, что Чанц между Лигерцем и Тванном найден мертвым под своей машиной, настигнутой поездом, он застал комиссара смертельно больным. С трудом старик велел известить Хунгертобеля, что сегодня вторник и его можно оперировать.

— Еще только год, — услышал Лутц голос старика, уставившегося в стеклянное утро за окном. — Только один год.

Перевод с немецкого
Т. Иллеш и Е. Кацевой

А. КРИСТИ

ВИЛЛА „БЕЛЫЙ КОНЬ"

ГЛАВА I

РАССКАЗЫВАЕТ МАРК ИСТЕРБРУК

1

Автомат «Эспрессо» шипел у меня за спиной, как рассерженная змея.

Я помешивал в чашке. От нее шел душистый запах кофе.

— Закажете еще что-нибудь? Сандвич с ветчиной и бананом?

Такое сочетание показалось мне не совсем обычным. Бананы у меня связаны с детством. Ветчина в моем представлении вяжется только с яичницей. Однако с волками жить — по-волчьи выть: в Челси * принято есть бананово-ветчинные сандвичи, и я не стал отказываться.

«Эспрессо» зашипел снова. Я заказал еще кофе и огляделся. Сестра постоянно корит меня за мою ненаблюдательность, за то, что я ничего вокруг себя не замечаю. «Ты всегда уходишь в себя», — говорит она осуждающе. И сейчас с сознанием исполненного долга я принялся внимательно следить за всем вокруг. Каждый день в газетах непременно промелькнет что-нибудь о барах Челси и их посетителях, и вот мне подвернулся случай составить собственное мнение о современной жизни.

В кафе царил полумрак, я с трудом мог что-нибудь разглядеть. Посетители, в основном молодежь, являли собой тот тип молодых людей, которых называют битниками. Девушки выглядели весьма неряшливо и были слишком тепло одеты. Я уже это заметил, когда несколько недель назад обедал с друзьями в ресторане. Девице, которая сидела тогда рядом со мной, было лет двадцать. В ресторане все изнывали от жары, а она вырядилась

* Челси — район Лондона, излюбленный район богемы.

в желтый шерстяной свнтер, черную юбку н шерстяные черные чулкн. Мои друзья находнли ее очень интересной. Я не разделял нх мнения. Это, наверно, показывает, как я отстал от жнзни. Ведь я с удовольствнем вспомннаю женщнн Инднн, нх строгне прнческн, яркие сарн, нспадающне благородными складками, грациозную походку...

Меня отвлек от этнх прнятных воспомннаннй неожиданный шум. Две молодые женщнны за соседннм столом затеялн ссору. Их кавалеры пыталнсь утихомнрить своих подруг, но тщетно.

Девнцы перешли на визг. Одна дала другой пощечину, а та стащила ее со стула. Онн началн драться, как две базарные торговкн, награждая друг друга бранью. Одна была рыжая, н волосы у нее торчалн во все стороны, другая — блондннка со спадающнмн на лнцо длннными прядямн.

Из-за чего началась ссора, я так н не понял. Посетнтелн же сопровождалн ее поощрнтельнымн возгласамн н мяуканьем.

— Молодец! Так ее, Лу!

Хозяин выбежал нз-за стойкн н пытался унять протнвннц.

— Ну-ка, довольно! Сейчас вся улнца сбежится. Не хватает еще полиции. Перестаньте, вам говорят!

Но блондннка вцепнлась рыжей в волосы, крнча прн этом:

— Дрянь, отннмаешь у меня дружка!

— Сама дрянь!

Девнц разнялн. У блонднкн в руках осталнсь рыжне пряди. Она злорадно потрясла нмн в воздухе н броснла на пол.

Входная дверь отворнлась. На пороге кафе появнлся представнтель властн в снней форме. Он велнчественно пронзнес:

— Что здесь происходнт?

Все кафе встретнло врага еднным фронтом.

— Просто веселнмся, — сказал однн из молодых людей.

— Правда, — добавнл хозяин. — Дружеские забавы.

Он незаметно затолкал ногой клоки волос под соседний столик. Противницы улыбались друг другу с притворной нежностью.

Полисмен недоверчиво оглядел кафе.

— Мы как раз уходим, — сказала блондинка сладким голоском. — Идем, Даг.

По случайному совпадению еще несколько человек собирались уходить. Страж порядка мрачно взирал на них. Его взгляд ясно говорил, что на сей раз им, так и быть, сойдет с рук, но он возьмет их на заметку. Потом он с достоинством удалился.

Кавалер рыжей девицы уплатил по счету.

— Как вы, ничего? — спросил хозяин у рыжей, которая повязывала голову шарфом. — Лу вас крепко угостила — вон сколько волос выдрала.

— А я и боли-то никакой не почувствовала, — беззаботно отозвалась девица.

Она улыбнулась ему:

— Уж вы нас простите за скандал.

Компания ушла. Кафе почти опустело. Я поискал в карманах мелочь.

— Все равно она молодчина, — одобрительно сказал хозяин, когда дверь закрылась. Он взял щетку и замел рыжие волосы в угол.

— Да, боль, должно быть, адская, — ответил я.

— Я бы на ее месте не вытерпел, взвыл, — признался хозяин. — Но она молодец, молодец Томми.

— Вы хорошо ее знаете?

— Да, она чуть не каждый вечер здесь. Такертон ее фамилия. Томазина Такертон. А здесь ее Томми Такер зовут. Денег у нее до черта. Отец оставляет ей все наследство, и что же она, думаете, делает? Переезжает в Челси, снимает какую-то конуру около Уондсворт Бридж и болтается со всякими бездельниками. Одного не могу понять: почти вся эта шайка — люди с деньгами. Все на свете им по карману, могут жить хоть в отеле «Риц». Да только, похоже, такое вот житье им больше по нраву. Чего не пойму, того не пойму.

— А вы бы что делали на их месте?

— Ну, я-то знаю, как с денежками поступать. —

отвечал хозяин. — А пока что мне пора закрываться.

Уже на выходе я спросил, из-за чего произошла эта ссора.

— Да Томми отбивает у той девчонки дружка. И уж поверьте, не стоит он, чтобы из-за него драться.

— Вторая девушка, похоже, думает, что стоит, — заметил я.

— Лу — очень романтичная, — снисходительно сказал хозяин.

Я себе представляю романтику немного иначе, но высказывать своих взглядов не стал.

2

Должно быть, через неделю после этого я просматривал «Таймс». Мое внимание привлекла знакомая фамилия — это было объявление о смерти.

«2 ОКТЯБРЯ В ФОЛЛОУФИЛДСКОЙ БОЛЬНИЦЕ (ЭМБЕРЛИ) В ВОЗРАСТЕ 20 ЛЕТ СКОНЧАЛАСЬ ТОМАЗИНА ЭНН ТАКЕРТОН, ЕДИНСТВЕННАЯ ДОЧЬ ПОКОЙНОГО ТОМАСА ТАКЕРТОНА, ЭСКВАЙРА ИЗ КЭРРИНГТОН ПАРК, ЭМБЕРЛИ, СЭРРЕЙ. НА ПОХОРОНЫ ПРИГЛАШАЮТСЯ ЛИШЬ ЧЛЕНЫ СЕМЬИ. ВЕНКОВ НЕ ПРИСЫЛАТЬ».

Ни венков бедной Томми Такер, ни веселой жизни в Челси. Мне вдруг стало жаль многочисленных Томми Такер наших дней. Но я напомнил себе, что, быть может, я и не прав. Кто я такой, чтобы считать их жизнь бессмысленной? И я решил не думать больше о Томми Такер.

Потом я вышел на Кингз Роуд, остановил такси и отправился к своей приятельнице, миссис Ариадне Оливер.

Миссис Оливер была известна как автор детективных романов. Ее покой охраняла горничная Милли, понаторевший в схватках с внешним миром дракон.

Я вопросительно взглянул на нее.

— Идите прямо наверх, Марк, — сказала она.

Я поднялся по лестнице, постучал в дверь и вошел, не дожидаясь ответа. Миссис Оливер в состоянии, близком к помешательству, шагала взад и вперед по комнате, бормоча что-то себе под нос. Она взглянула на меня отсутствующим взглядом.

— Почему?? — вопрошала миссис Оливер, ни к кому не обращаясь. — Почему этот идиот не сказал сразу, что он видел какаду? Почему? Но если он скажет — погиб весь сюжет. Как же выкрутиться? А тут еще эта Моника. Такая дура. Наверно, имя не то. Нэнси? Или, может, Джоан? Всех всегда зовут Джоан. Или Энн. Сьюзан? Уже была. Лючиа? Пожалуй, так и назовем. Лючиа. Рыжая. Толстый свитер. Черные чулки...

Миссис Оливер глубоко вздохнула.

— Я рада, что это вы.

— Спасибо.

— А то мог бы прийти невесть кто. Какая-нибудь дуреха — просить меня участвовать в благотворительном базаре, или же страховой агент — застраховать Милли, а она не желает. Или кто-нибудь брать интервью. А я никогда не знаю, что отвечать. Хотя все это в общем ерунда, и вот я с ума схожу из-за моего какаду.

— Не получается? — спросил я сочувственно. — Может, мне лучше уйти?

— Не уходите. Вы хоть немного меня отвлекли.

Я покорно воспринял этот сомнительный комплимент.

— Хотите сигарету?

— Спасибо, у меня есть. Курите. Хотя нет, вы ведь не курите.

— И не пью, — отвечала миссис Оливер. — А жаль. Все американские сыщики пьют. И, кажется, это помогает им сразу же расправляться с любыми трудностями. Знаете, Марк, по-моему, в жизни убийца никогда не может замести следы.

— Ерунда. Вы сколько раз сочиняли книги про убийства?

— По крайней мере пятьдесят пять раз. Сочинить убийство легко, трудно придумать, как его скрыть. И чего это мне стоит, — мрачно продолжала миссис Оливер. — Говорите что угодно, а ведь нельзя поверить, будто пять или шесть человек могут находиться около места преступления, когда А. убивают, и у всех у них есть основание для убийства.

— Я понимаю, как вам трудно, — сказал я. — Но раз вы справлялнсь пятьдесят пять раз, справитесь и теперь.

— Вот н я это себе говорю, но сама не верю. Мученье какое-то.

Она снова схватилась за голову н стала дергать прядку волос надо лбом.

— Перестаньте, — воскликнул я. — Вы ее так, пожалуй, вырвете с корнем.

— Ерунда, — заявила миссис Олнвер. — Не такто это просто. Вот когда я болела корью в четырнадцать лет, н у меня была очень высокая температура, тогда онн у меня лезлн клочьямн — все волосы надо лбом выпали. Так было обидно. И целых шесть месяцев прошло, пока снова отрослн. Для девочкн это такой ужас. Я вчера об этом вспомнnала, когда была в больнице у Мэри Делафонтейн. У нее сейчас так же лезут волосы, как тогда у меня. Мэрн говорнт, что ей прндется носнть накладку, когда поправится. В шестьдесят лет уже так легко не отрастают.

— А я на днях видел, как одна девушка вырывала волосы у другой прямо с корнем, — сказал я.

— Где?

— В одном кафе в Челсн.

— Ах, Челсн! Ну, там, наверно, всякое может случиться. Битннки и битлы, н разбитое поколенне, н все такое. Я про них не пишу, боюсь перепутать названня. Уж лучше пнсать о том, что знаешь. Спокойнее. И все-такн пригласилн бы вы меня разок в какой-нибудь бар в Челси, я бы там набралась новых впечатлений.

— Когда прнкажете. Может, сегодня?

— Нет, сегодня ннчего не выйдет. Мне надо пнсать. Скажнте, Марк, как, по-вашему, можно убнвать на расстояннн?

— Что значнт на расстояннн? Нажать кнопку н послать смертоносный радноактнвный луч?

— Нет, я не о научной фантастнке. Я о черной магнн.

— Восковая фигурка — и булавку в сердце?

— Восковые фигурки теперь не в моде, — презрительно заметила миссис Оливер. — Но ведь случаются всякие странные вещи — в Африке, в Вест-Индии туземцы насылают друг на друга смерть, в общем вы знаете, про что я говорю.

Я ответил, что сейчас многое пытаются объяснять силой внушения.

Миссис Оливер негодующе фыркнула.

— Пусть кто-нибудь попробует мне внушить, что я обречена сейчас же лечь и умереть, я им назло не стану!

Я рассмеялся.

— Что у вас за мысли сегодня? Новый шедевр будет об убийстве силой внушения?

— О нет! Что-нибудь привычное, вроде мышьяка, мне больше подходит. Но вы пришли не для того, чтобы разговаривать о моих книжках.

— По правде говоря — не для этого. Просто моя двоюродная сестра Роуда Деспард устраивает благотворительный праздник и...

— Ни за что! — отрезала миссис Оливер.

— Да ведь все, что вам придется делать, — это сидеть в палатке и надписывать свои книги по пять шиллингов за автограф.

— Ну, это бы еще ничего, — с сомнением произнесла миссис Оливер. — А мне не придется открывать праздник? Или говорить всякие глупости? И надевать шляпу?

Я заверил ее, что ничего этого ей делать не придется.

— И всего-то займет у вас час или два, — уговаривал я. — А потом, наверно, сразу начнется крикет, хотя нет, время года неподходящее. Ну, игры для детей, наверно. Или маскарад с призом за лучший костюм.

Миссис Оливер прервала меня, закричав:

— Конечно! Вот то, что надо! Мяч для крикета! Как хорошо, что вы пришли, Марк. Вы замечательный. А теперь быстренько уходите. Прямо сейчас же.

глава II

1

Миссис Джерати открыла дверь и грозно спросила:

— Ну, что тебе нужно?

На пороге стоял мальчик — обыкновенный мальчишка, каких много. Он громко сопел — видно, у него был насморк.

— Священник здесь живет?

— Тебе отец Горман нужен?

— Меня за ним послали, — отвечал паренек.

— А кому это он понадобился и зачем?

— В доме двадцать три. На Бетналл-стрит. Там какая-то женщина помирает. Вот меня миссис Коппинз и послала. За католическим священником. Другие не годятся.

Миссис Джерати велела мальчику подождать, и через несколько минут появился старик священник с маленьким кожаным саквояжем в руке.

— Я отец Горман, — сказал он. — Бетналл-стрит? Это возле сортировочной станции?

— Ага. Совсем рядом.

Они зашагали по улице.

— Ты говоришь, миссис Коппинз? Так ее зовут?

— Она — хозяйка дома. Комнаты сдает. А помирает жиличка. Дэвис, что ли, ее фамилия.

— Дэвис? Нет, не припомню.

— Да она из ваших будет. Католичка. Пастора, говорит, мне не зовите.

Священник кивнул. Они быстро дошли до Бетналл-стрит. Мальчик указал на невысокий мрачный дом в ряду таких же высоких и мрачных домов.

— Вот он.

— А ты не пойдешь со мной?

— Да я не здесь живу. Просто миссис Коппинз дала мне шиллинг, чтобы я за вами сбегал.

Дверь дома № 23 отворилась, и миссис Коппинз, высокая краснолицая женщина, пригласила священника войти.

— Пожалуйста, пожалуйста. Она совсем плоха. Ей бы надо в больницу, я уж звонила-звонила — да разве они когда приедут вовремя? У моей сестры муж ногу сломал, так шесть часов ждал, пока приехали. А еще здравоохранение называется. Денежки берут, а когда понадобится — ищи их, свищи!

Она вела священника вверх по узким ступенькам.

— Что с ней?

— Да гриппом болеет. И вроде ей уже лучше было. Рано вышла. Значит, приходит она вчера вечером — краше в гроб кладут. Легла. Есть ничего не стала. Доктора, говорит, не нужно. А нынче утром гляжу — бьет ее лихорадка. На легкие перекинулось.

— Воспаление легких?

Миссис Коппинз кивнула. Она открыла дверь, пропустила отца Гормана в комнату и, сказав: «Вот к вам и священник пришел. Уж теперь-то все будет хорошо», удалилась.

Отец Горман подошел к больной. В комнате, обставленной старомодной мебелью, было чисто прибрано. Женщина в кровати у окна с трудом повернула голову. Священник с первого взгляда понял, что она тяжело больна.

— Вы пришли... Времени осталось мало... — она говорила с трудом, задыхаясь. — Злодейство... Такое злодейство... Мне нужно... нужно... Я не могу так умереть... Исповедаться в моем... тяжком грехе... Полузакрытые глаза блуждали.

Отец Горман подошел совсем близко. Умирающая женщина заговорила снова:

— Положить конец... Остановить их... Обещайте...

Немного погодя приехали одновременно доктор и карета «Скорой помощи». Миссис Коппинз встретила их с мрачным торжеством.

— Как всегда, опоздали! — возвестила она. — Больная умерла.

2

Отец Горман возвращался домой. Вечерело. Опускался туман, становился все гуще и гуще. Священ-

ник озабоченно хмурился. Невероятная, небывалая история! В какой-то мере, быть может, порождение лихорадочного бреда. Есть в ней и правда, бесспорно, но что правда, а что вымысел? Тем не менее нужно записать имена, пока они еще свежи у него в памяти.

Он зашел в маленькое кафе, сел за столик и заказал чашку кофе. Пошарил в карманах. Ох, уж эта миссис Джерати — ведь просил же он ее зашить карман! Не зашила, конечно. Записная книжка, карандаш и мелочь провалились в подкладку. Он с трудом выудил несколько монеток и карандаш, а достать записную книжку не удалось. Принесли кофе, и он попросил листок бумаги. Ему предложили рваный бумажный пакет. Он начал писать фамилии — главное, не забыть фамилии. У него обычно они так быстро улетучиваются из памяти.

Дверь кафе отворилась, вошли трое молодых людей и с грохотом уселись за столик.

Отец Горман кончил писать, сложил бумажку и уже хотел опустить ее в карман, как вдруг вспомнил про рваную подкладку. И тогда он сделал то, что ему приходилось делать частенько, — положил записку в башмак.

Вошел какой-то человек и тихо сел за столиком в углу. Отец Горман отпил немного жидкого кофе, попросил счет, расплатился и покинул кафе.

Посетитель, который сидел в углу, вдруг взглянул на часы, поднялся и поспешно вышел.

Туман сгущался. Отец Горман ускорил шаг. Он очень хорошо знал свой район и пошел напрямик по узенькой улочке вдоль железнодорожных путей. Может, он и слышал позади чьи-то шаги, но не придал им никакого значения. Мало ли кто идет по улице?

Его оглушил тяжелый удар по голове. Отец Горман пошатнулся и упал...

3

Доктор Корриган вошел в кабинет инспектора полиции Лежена.

— Я разобрался с вашим падре.

— Какие результаты?

— Медицинские термины мы прибережем для следователя. Убит ударом тяжелого предмета по голове. Погиб, по всей вероятности, после первого удара, но убийца добавил еще для верности. Мерзкая история.

— Да, — ответил Лежен.

Это был коренастый человек, темноволосый, с серыми глазами. На первый взгляд он казался очень спокойным, но иногда выразительная жестикуляция выдавала его происхождение — предки Лежена были французские гугеноты.

Он сказал задумчиво:

— Убийство с ограблением.

— Разве его ограбили?

— Похоже на то. Карманы были вывернуты и подкладка сутаны вся изрезана.

— На что они могли рассчитывать? — удивился Корриган. — Большинство этих приходских священников бедны, как церковные крысы. Впрочем, напрашиваются два возможных ответа. Один — что действовал молодой убийца, который совершает преступления просто во имя жестокости, — таких немало, к сожалению.

— А второй ответ?

Доктор пожал плечами.

— Кто-то затаил против вашего отца Гормана злобу. Могло так быть?

Лежен покачал головой.

— Вряд ли. Его здесь все любили. И врагов у него не было. И грабить вроде бы нечего. Разве...

— Что разве? — спросил Корриган. — У полиции есть свои соображения?

— У него была записка, которую убийца не нашел. Записка оказалась в башмаке.

Корриган свистнул.

— Какая-то шпионская интрига!

Лежен улыбнулся.

— Все гораздо проще. У него в кармане была дыра. Сержант Пайн разговаривал с экономкой. Похоже, довольно неряшливая особа. Не следила за его

одеждой, не чинила вовремя. Она подтвердила, что отец Горман имел привычку засовывать бумаги и письма в башмак, чтобы они не проваливались сквозь дыры в карманах.

— А убийца об этом не знал?

— Ему такое и в голову не пришло. Если только он охотился именно за этим клочком бумаги, а не за несколькими мелкими монетками.

— А что там в записке?

Лежен открыл ящик стола и вытащил оттуда смятую бумажку.

— Просто несколько фамилий, — сказал он.

Корриган стал читать.

— Ормерод, Сэндфорд, Паркинсон, Хескет-Дюбуа, Шоу, Хармондсворт, Такертон, Корриган? Делафонтейн?..

Он удивленно поднял брови.

— Откуда я в этом списке?

— Вам эти фамилии что-нибудь говорят? — спросил инспектор.

— Ни одной не знаю.

— И никогда не встречали отца Гормана?

— Нет.

— Значит, особой помощи от вас ждать не приходится.

— Есть какие-нибудь догадки насчет этого списка?

Лежен уклонился от прямого ответа.

— Какой-то мальчишка пришел к отцу Горману около семи вечера. Сказал, что одна женщина при смерти и просит позвать священника. Отец Горман пошел вместе с мальчиком.

— Куда? Вам известно?

— Известно. Понадобилось совсем немного времени, чтобы выяснить. Бетналл-стрит, дом 23. Дом принадлежит некоей миссис Коппинз. Больную звали миссис Дэвис. Священник пришел туда в четверть восьмого и пробыл около получаса. Миссис Дэвис умерла как раз перед приездом кареты «Скорой помощи» — ее хотели отправить в больницу.

— Понятно.

— Дальше следы отца Гормана привели в маленькое захудалое кафе. Место вполне приличное, ничего плохого там не случается, кормят скверно, посетителей всегда мало. Отец Горман заказал чашку кофе. Потом, видно, он поискал у себя в карманах, не нашел того, что ему было нужно, и попросил у хозяина листок бумаги. Вот он, этот листок. — Инспектор указал на смятую записку.

— А потом?

— Когда хозяин подал кофе, священник что-то уже писал. Он очень скоро ушел, к кофе почти не прикоснулся (и за это я его не виню), а записку положил в башмак.

— Кто еще был в кафе?

— Трое парней пришли после него, и еще какой-то пожилой человек, он уселся за другой стол в углу. Он так ничего и не заказал и скоро ушел.

— Пошел следом за священником?

— Может быть. Хозяин не видел, как он вышел. Описал его как ничем не примечательного человека. Почтенный с виду. Ничего особенного во внешности. Среднего роста, пальто то ли синее, то ли коричневое. Волосы не темные, не светлые. Может, не имеет к этому делу никакого отношения. Трудно сказать. Он еще не явился к нам рассказать, что видел священника в кафе, — мы просили всех, кто видел отца Гормана от без четверти восемь до четверть девятого, сообщить нам. Пока что пришли только двое: одна женщина и владелец аптеки неподалеку отсюда. Сейчас я их допрошу. Тело священника нашли четверть девятого два маленьких мальчугана. На Уэст-стрит — знаете, где это? Закоулок, по одну сторону проходит железная дорога. Остальное вам известно.

Корриган кивнул и похлопал рукой по бумажке.

— Что вы об этом думаете?

— По-моему, это важная улика.

— Умирающая рассказала ему что-то, и он записал поскорее эти фамилии, боялся забыть. Тут только один вопрос: стал бы он записывать, если бы его связывала тайна исповеди?

— Не обязательно, что они были названы с условием сохранить тайну, — заметил Лежен. — Может, эти имена имеют отношение к какому-то шантажу.

— Вы так думаете?

— Я пока ничего не могу сказать. Это лишь рабочая гипотеза. Допустим, этих людей шантажировали. Покойная либо сама была шантажистка, либо знала о шантаже. Ее мучило раскаяние, она призналась во всем, хотела, чтобы все уладили. Отец Горман взял на себя эту ответственность.

— И дальше?

— Все это только предположения, — сказал Лежен. — Кто-то, скажем, получал от этого доходы и не хотел их терять. Узнал, что миссис Дэвис при смерти и послала за священником. И так далее.

— Интересно, — проговорил Корриган, рассматривая бумажку. — Почему здесь вопросительный знак у двух последних фамилий?

— Отец Горман мог сомневаться, правильно ли он их запомнил.

— Конечно, могло быть Маллиган вместо Корриган, — сказал доктор с усмешкой. — Очень вероятно. Но уже такое имя, как Делафонтейн, не спутаешь ни с чем, если запомнишь. Странно, что ни одного адреса...

Он снова перечитал фамилии.

— Паркинсон — Паркинсонов полно. Сэндфорд — тоже встречается нередко. Хескет-Дюбуа — язык сломаешь. Такой фамилии не встречал.

Неожиданно он перегнулся через стол и взял телефонную книгу.

— Посмотрим. Хескет... Джон и К°, водопроводчики... Сэр Исидор. Ага! Вот оно! Хескет-Дюбуа, леди, Эллсмер-сквер, 49. А что, если ей сейчас позвонить?

— Что мы ей будем говорить?

— Вдохновение подскажет, — беззаботно отвечал доктор Корриган.

— Давайте, — сказал Лежен.

— Что? — удивленно воззрился на него Корриган.

— Я сказал, давайте звоните, — ласково промолвил Лежен. — Что вы так удивились?

Он сам взял трубку.

— Город.

Он взглянул на Корригана:

— Говорите номер.

— Гросвенор, 64578.

Лежен повторил номер в трубку и передал ее Корригану.

— Развлекайтесь, — сказал он.

Слегка растерявшись, Корриган смотрел на инспектора. В трубке долгое время раздавались гудки и никто не отвечал. Наконец послышался женский голос:

— Гросвенор, 64578.

— Это особняк леди Хескет-Дюбуа?

— Э... э... да... то есть...

Доктор Корриган не стал особенно вслушиваться в невнятные звуки.

— Можно попросить ее к телефону?

— Нет, нельзя. Леди Хескет-Дюбуа умерла в апреле.

Обескураженный доктор Корриган повесил трубку, не ответив на вопрос: «А кто это говорит?»

Он холодно взглянул на инспектора Лежена.

— Вот почему вы с такой легкостью разрешили мне туда позвонить!

Лежен хитро усмехнулся.

— В апреле, — задумчиво сказал Корриган. — Пять месяцев назад. Пять месяцев, как ее уже не волнует шантаж или что-то там еще. Она, случайно, не покончила с собой?

— Нет. У нее была опухоль мозга.

— Значит, надо снова браться за этот список, — сказал Корриган, глядя на бумажку.

Лежен вздохнул.

— Ведь, в сущности, неизвестно, какое отношение это убийство имеет к делу. Могло быть обыкновенное нападение в туманный вечер — и почти нет

надежды найти убийцу, разве что нам просто случайно повезет...

Доктор Корриган сказал:

— Вы не возражаете, если я еще разок посмотрю на эту записку?

— Пожалуйста. И желаю вам удачи.

— Хотите сказать, что все равно ничего у меня не выйдет? Еще посмотрим! Я займусь Корриганом. Мистер, миссис или мисс Корриган с вопросительным знаком.

ГЛАВА III

1

— Да нет, мистер Лежен, больше вроде ничего не припомню. Я ведь уже все сказала вашему сержанту. Не знаю я ни кто она была, миссис Дэвис, ни откуда родом. Она у меня полгода снимала комнату. Платила вовремя, и вроде была славная женщина, тихая, воспитанная, а уж чего еще вам сказать — не знаю.

Миссис Коппинз перевела дыхание и недовольно посмотрела на Лежена. Он улыбнулся ей кроткой, меланхолической улыбкой, действие которой было проверено не раз.

— Я бы с охотой помогла, если бы что знала, — добавила миссис Коппинз.

— Благодарю вас. Вот это нам и нужно — помощь. Женщины знают больше мужчин — у них какое-то особое чутье.

Ход был верный и оказал свое действие.

— Ах! — воскликнула миссис Коппинз. — Жалко, вас мой муж сейчас не слышит. Он только и повторяет, мол, ты думаешь, ты все знаешь, а на самом-то деле и понятия не имеешь. А ведь девять раз из десяти я права.

— Вот потому-то я и хотел узнать, что вы думаете о миссис Дэвис. Вы не знаете, может, она была несчастлива?

— Как вам сказать? Вроде бы нет. Деловая. Это видио было. Все у нее всегда бывало как надо. Будто зараиее все обдумывала. Я так понимаю, работала она, где выясняют, как какие товары идут, чего больше покупают, спрашивают. Эти агеиты ходят и узиают у людей, какое мыло они покупают или муку, как свои деиьги распределяют иа иеделю, на что у них больше всего уходит. Про это всем и так давио известио, да вот почему-то иыиче прямо помешались — подавай им сиова и сиова такие сведеиия. А миссис Дэвис, по правде говоря, для этой работы очеиь подходила. Славиая, иос куда не надо не сует, просто по-деловому расспросит — и все.

— Вы ие зиаете назваиие фирмы или коиторы, где она работала?

— К сожалеиию, не знаю.

— У нее были родствеиники?

— Нет. Я зиаю, она была вдова и муж ее давно умер. Он вроде долго болел, только она ие особеиио любила про это рассказывать.

— Она ие рассказывала вам, откуда была родом?

— По-моему, не из Лоидона. Откуда-то, мие думается, с севера.

— Вы ие замечали за ней чего-иибудь...

Лежен сомиевался, правильио ли он сделал, заговорив об этом. Если у нее заработает воображение... Но миссис Коппииз не воспользовалась удобным случаем.

— Да нет, ие замечала. И уж никогда от иее не слышала ничего такого. Только вот удивительный у нее был чемодаи. Дорогой, ио ие новый. И буквы иа нем были ее — Дж. Д., Джесси Дэвис, только оии были иаписаны поверх других. Сперва-то они были Дж. Г., по-моему, ие то А. Но мне тогда и в голову иичего ие пришло. Хороший подержаииый чемодан можио купить совсем дешево, и буквы тогда приходится меиять. У иее вещей было — один чемодан.

Лежен это зиал. У покойной было очеиь мало вещей. Не нашлось среди иих ни писем, ни фотографий. У нее, по-видимому, не было ни страхового

полиса, ни счета в банке, ни чековой книжки. Носильные вещи хорошего качества, скромного покроя, почти новые.

— Она казалась всем довольной? — спросил он.

— Да вроде так.

Инспектор услышал нотку сомнения в голосе миссис Коппинз.

— Вроде?

— Да я об этом как-то не задумывалась. Зарабатывала она неплохо, работа чистая, живи да радуйся. Она была не из болтливых. Но когда заболела...

— А что случилось, когда заболела?

— Сперва она расстроилась. Когда от гриппа слегла. Всю мою работу спутает, говорит. Но грипп — это грипп, на него рукой не махнешь. Пришлось ей лечь в постель, выпила она горячего чаю, аспирин приняла. Я говорю, доктора надо позвать, а она говорит — незачем. При гриппе надо отлежаться в тепле — и все. Поболела она, конечно, ведь грипп, а когда температура у нее спала, то она стала расстроенная какая-то, это тоже часто при гриппе бывает. Сидит, помню, у огня и говорит мне: «Плохо, когда столько времени свободного. Мысли одолевают. Не люблю я особенно о жизни задумываться. Расстраиваюсь».

Лежен был весь внимание, и миссис Коппинз разболталась пуще прежнего.

— Ну, дала я ей, значит, журналов. Но только ей не читалось. И раз она говорит, как сейчас помню: «Лучше о многом не знать, если все не так, как надо, правда?» А я ей: да, милочка. А она: «Не знаю. Уверенности у меня никогда не было». А я говорю: ну ничего, ничего. А она: «Я ничего бесчестного не делала. Мне себя упрекнуть не в чем». Я отвечаю, конечно, мол, милочка, а сама подумала, может, у нее на работе какие-нибудь делишки обделывают, и она знает, но раз это ее не касается, не вмешивается.

— Возможно, — согласился Лежен.

— Одним словом, поправилась она, почти совсем поправилась, вышла снова на работу. Я ей го-

ворила: рано. Посидите дома еще денек-другой, говорю. И зря она меня не послушалась. Приходит домой на второй день, гляжу, а она вся в жару пылает. Еле по лестнице поднялась. Надо, говорю, доктора позвать, да только она не захотела. И ей становилось все хуже и хуже, глаза не видят, лицо горит, дышит с трудом. А вечером на следующий день еле-еле шепчет: «Священника. Позовите священника. Побыстрее — будет поздно». Ей нужно было не нашего пастора, а католического священника. Я-то не догадывалась, что она — католичка, ни распятия у нее, ничего такого.

Я вижу, на улице мальчишка Майк бегает, послала его за отцом Горманом. И уж решила: ничего ей говорить не стану, а сама позвоню в больницу.

— Вы сами провели к ней священника, когда он пришел?

— Да. И оставила их одних.

— Они что-нибудь говорили?

— Не помню что, только, когда я дверь закрывала, слышу, она говорит про какое-то злодейство. Да и что-то про коня — может, это она про скачки, там ведь всегда жульничество.

— Злодейство, — повторил Лежен. Его поразило это слово.

— Они должны признаваться в грехах перед смертью — так ведь у католиков заведено? Вот она и признавалась, верно.

Лежен не сомневался, что это была предсмертная исповедь, но в его воображение запало слово «злодейство».

Должно быть, страшное это злодейство, если священника, который узнал о нем, выследили и убили...

2

Трое остальных жильцов миссис Коппинз ничего сообщить не могли. Двое из них, банковский клерк и пожилой человек, продавец из обувного магазина, жили здесь уже несколько лет. Третья была девушка лет двадцати двух, которая недавно стала здесь снимать комнату, работала она в универсальном

магазине неподалеку. Все трое едва знали миссис Дэвис в лицо.

Женщина, которая видела отца Гормана на улице в тот вечер, тоже ничего сообщить не могла. Она знала отца Гормана, была его прихожанкой. Эта женщина видела, как он свернул на Бетналл-стрит и зашел в кафе приблизительно без десяти восемь. И это было все, что она могла сказать.

Мистер Осборн, владелец аптеки на углу Бартон-стрит, располагал более интересными сведениями.

Это был невысокого роста пожилой человек в очках, с лысой головой и широким простодушным лицом.

— Добрый вечер, инспектор. Проходите!

Лежен прошел за старомодный прилавок и через нишу, где молодой человек в белом халате с ловкостью фокусника разливал лекарства в пузырьки, в маленькую комнату — там стояли два кресла, стол и конторка. Мистер Осборн сел в одно из кресел, Лежен занял другое. Аптекарь наклонился вперед, глаза его блестели от возбуждения:

— Кажется, я смогу вам помочь. Посетителей в тот вечер было немного — погода отвратительная. Мы закрываем в восемь по четвергам. Туман все сгущался, на улице почти никого. Я стоял у дверей и глядел на улицу. В прогнозе погоды сказали, что будет туман. Стою я, значит, у дверей и вижу — отец Горман идет по улице. Я его, конечно, хорошо знаю в лицо. Ужасно, убить такого достойного человека! Вот отец Горман, говорю я себе. Он шел по направлению к Уэст-стрит. А чуть позади него — еще кто-то. Мне бы и в голову тогда не пришло обратить на него внимание, но вдруг он останавливается, как раз у моей двери. Я думаю: что это он остановился? — а потом заметил, отец Горман замедлил шаги. Словно он о чем-то глубоко задумался. Потом он снова пошел быстрее, и тот другой человек — тоже. Я подумал: быть может, он хочет догнать священника, поговорить с ним.

— А на самом деле этот человек, видно, просто следил за ним?

— Теперь-то я уверен, что было именно так, но тогда это мне в голову не пришло.

— Вы сможете описать этого человека?

Лежен не рассчитывал на сколько-нибудь вразумительный ответ. Он ожидал обычных расплывчатых описаний. Но мистер Осборн оказался из другой породы, чем хозяин маленького кафе.

— Думаю, что да, — уверенно отвечал он. — Это был человек высокого роста...

— Приблизительно какого?

— Ну около шести футов, не меньше. Хотя он мог казаться выше, чем на самом деле, из-за своей худобы. Покатые плечи, на шее — кадык. Длинные волосы. Большой крючковатый нос. Внешность очень приметная. Конечно, я не мог разглядеть цвет глаз. Понимаете, я его видел в профиль. Возраст — лет пятьдесят. Это видно было по походке, молодые люди движутся совсем иначе.

Лежен мысленно представил себе расстояние от аптеки до противоположного тротуара и задумался. У него возникли очень сильные сомнения.

Рассказ аптекаря мог быть плодом живого воображения — такое случается часто, особенно когда допрашиваешь женщин. В этих случаях фигурируют невероятные подробности — выкаченные глаза, густые брови, обезьяньи челюсти, свирепое выражение лица. А мистер Осборн рассказал про человека с обычной внешностью. Подобное от свидетелей не часто услышишь.

Лежен задумчиво посмотрел на собеседника.

— Как вы считаете, вы бы узнали этого человека, доведись вам увидеть его снова?

— Конечно, — голос мистера Осборна звучал уверенно. — У меня прекрасная память на лица. Это просто мой конек. Если бы чья-нибудь жена пришла ко мне и купила мышьяка — отравить мужа, я бы мог под присягой заявить на суде, что узнаю ее.

— Но вам не приходилось пока выступать на суде в такой роли?

Мистер Осборн признался, что нет.

— И уж теперь вряд ли придется. Я продаю

свое дело. Мне предложили за него хорошие деньги, продам и переселюсь в Борнемут. Нужно идти на отдых, пока ты еще в состоянии наслаждаться жизнью. Я так считаю. Разведу сад. Буду путешествовать — погляжу разные страны, пока еще не поздно.

Лежен поднялся.

— Ну что ж, желаю вам всех благ, — сказал он. — И если до отъезда вы вдруг встретите этого человека...

— Я тотчас же дам вам знать, мистер Лежен. Конечно. Можете рассчитывать на меня. У меня прекрасная память на лица.

глава IV

РАССКАЗЫВАЕТ МАРК ИСТЕРБРУК

1

Я вышел со своей приятельницей Гермией Редклифф из театра «Олд Вик». Мы были на «Макбете».

— Поедем поужинаем в «Фэнтази». Когда смотришь Шекспира — всегда проголодаешься.

По дороге мы рассуждали о «Макбете». Гермия Редклифф — красивая молодая женщина двадцати восьми лет. У нее безупречный классический профиль и густая шапка каштановых волос. Моя сестра называет ее «приятельница Марка», причем так и слышишь многозначительные кавычки. Это меня постоянно выводит из себя.

В «Фэнтази» нас встретили приветливо и провели к столику у стены. Когда мы усаживались, кто-то вдруг радостно нас окликнул. За соседним столом сидел Дэвид Ардингли, преподаватель истории в Оксфорде. Он представил нам свою спутницу, прехорошенькую девушку с модной прической — волосы торчали во все стороны, а над макушкой прядки поднимались под невероятным углом. Как ни странно, прическа ей шла. У девицы были огромные голубые глаза, и рот она все время держала полуот-

крытым. Как и все девушки Дэвида, она была непроходимо глупа. Дэвид, человек редкого интеллекта, почему-то находил удовольствие только в компании красоток совершенно пустоголовых.

— Это моя глубокая привязанность — Пэм! — воскликнул он. — Познакомься с Марком и Гермией. Они очень серьезные и интеллигентные. Держу пари, вы только что с Шекспира или с Ибсена.

— Смотрели «Макбета».

— Ага, ну, как выглядели ведьмы?

— Ужасные, — сказала Гермия. — Как всегда.

— А знаете, — сказал Дэвид, — какими бы у меня были ведьмы, если бы я ставил спектакль?

— Какими?

— Хитрые, тихие старушонки. Как ведьмы у нас в деревнях.

— Но сейчас нет никаких ведьм, — сказала Пэм.

— Ты так говоришь, потому что ты лондонская жительница. В каждой деревне в Англии есть своя ведьма.

— Ты шутишь, — надула губки Пэм.

— Ничуть. Правда, Марк?

— Все эти суеверия давно умерли, — сказала Гермия.

— В глуши они еще живут — как ты считаешь, Марк?

— Может быть, ты и прав, — ответил я. — Хотя сам я не знаю, никогда в деревне не жил.

— Не представляю себе, как можно в «Макбете» показать ведьм обычными старухами. Нужна атмосфера чего-то сверхъестественного, — заметила Гермия.

— Значит, — обратился я к Дэвиду, — у тебя ведьмы бормотали бы свои заклинания, вызывали духов, а сами оставались тремя обычными деревенскими старухами. Что ж, это могло бы действительно произвести сильное впечатление.

— Если можно убедить актеров так играть, — возразила Гермия сухо.

— Шекспир бы сейчас немало удивлялся, глядя на современные постановки своих пьес.

— А Фнлдинг сегодня очень интересно играл третьего убийцу, — вспомнила Гермия.

— Как было тогда удобно, — размечтался Дэвид, — нанимаешь убнйцу, н он убнрает кого нужно. Сейчас уж так не бывает!

— Почему не бывает?! — возмутилась Гермня. — А гангстеры? Чикаго и все такое.

— Да нет же, — сказал Дэвид. — Я не про гангстеров, которых нанимают фннансовые воротнлы или князья преступного мнра. Я про обычных людей — просто мешает кто-то: тетя Эмили такая богатая и не собирается умирать; или кому-то опостылел муж. Как удобно, звонишь в контору и говоришь: «Пришлите, пожалуйста, двух надежных убнйц».

Мы все рассмеялись.

— А ведь н сейчас можно разделаться с человеком, когда надо, разве вы не знаете? — проговорнла Пэм.

Мы обернулись к ней.

— Как это, детка? — спроснл Дэвид.

— Ну, в общем можно. Обыкновенным людям вроде нас. Только, кажется, это очень дорого.

Пэм смотрела на нас огромнымн нанвнымн глазами, рот у нее был слегка открыт.

— Что это ты хочешь сказать? — заннтересовался Дэвид.

Пэм смутилась.

— Ах, наверно, я все перепутала. Я вспомннла про белого коня. И все такое.

— Белого коня? Какого еще белого коня?

Пэм залилась краской и опустила ресницы.

— Да это просто так. Кто-то что-то говорил — наверно, я перепутала, не поняла.

— А ты попробуй-ка вот этот чудесный салат, — посоветовал Дэвид.

2

В жнзни иногда случаются престранные вещн — услышишь неожиданно что-нибудь, и вдруг через день снова тебе кто-то говорит то же самое. Со мной такое произошло на следующее же утро.

Позвонил телефон. Я ответил.

— Это Марк Истербрук?

— Да. Миссис Оливер?

— Марк, я насчет этого благотворительного праздника. Я поеду и буду надписывать там книжки, если Роуда уж так хочет.

— Очень мило с вашей стороны.

— Обеда, надеюсь, не будет? — спросила миссис Оливер с опаской. — И пусть они меня не тащат в «Розовый Конь» пить пиво.

— Как «Розовый Конь»?

— Ну, «Белый Конь». Мне от пива становится худо.

— А что это такое «Белый Конь»?

— Да там какой-то бар — разве он не так называется? Или «Розовый Конь»? А может, я напутала. У меня такая путаница в голове.

— Как поживает какаду? — спросил я.

— Какаду? — недоуменно откликнулась миссис Оливер.

— А мяч для крикета?

— Ну, знаете ли, — с достоинством проговорила миссис Оливер. — Вы, наверно, с ума сошли, или у вас похмелье, или еще что. Розовые кони, какаду, крикет.

Она сердито повесила трубку.

Я все еще раздумывал о «Белом Коне», о том, как я о нем услышал сегодня снова, когда опять раздался телефонный звонок.

На этот раз звонил мистер Сомс Уайт, известный стряпчий, который напомнил мне, что по завещанию моей крестной я могу выбрать три картины из ее коллекции.

— Ничего особенно ценного, конечно, нет, — сказал мистер Сомс Уайт своим меланхоличным, скорбным тоном. — Но, насколько мне известно, вы говорили, что вам очень нравятся некоторые картины покойной.

— У нее были прелестные акварели, индийские пейзажи.

— Совершенно верно, — отвечал мистер Сомс

Уайт. — Подготавливается распродажа имущества, и не могли бы вы сейчас подъехать на Эллсмер-сквер...

— Сейчас приеду, — сказал я.

Работать в это утро все равно не удавалось.

3

С тремя акварелями под мышкой я выходил из дома на Эллсмер-сквер и столкнулся нос к носу с каким-то человеком, поднимавшимся по ступенькам к двери. Я извинился, он тоже извинился, и я уже окликнул было ехавшее мимо такси, как вдруг меня что-то остановило, я быстро обернулся и спросил:

— Привет, это вы, Корриган?

— Я. Да... а вы... вы — Марк Истербрук.

Джим Корриган и я были приятелями, когда учились в Оксфорде, мы не виделись уже лет пятнадцать.

— Не узнал вас сначала, — сказал Корриган. — Читаю время от времени ваши статьи, нравятся.

— А вы что поделываете? Занимаетесь научной работой, помнится, у вас была тема?

Корриган вздохнул.

— Не вышло. На это нужно много денег. Или найти миллионера, чтобы субсидировал. А мне никого не удалось заинтересовать своей теорией, к сожалению. Так что я теперь судебный хирург.

— Понятно. Вы идете в этот дом? Там никого нет, кроме сторожа.

— Я так и думал. Но мне хотелось кое-что поразузнать о покойной леди Хескет-Дюбуа.

— Наверно, я смогу вам рассказать больше, чем сторож. Она была моя крестная.

— Правда? Прекрасно. Пойдемте куда-нибудь поедим. Тут недалеко маленький ресторанчик. Ничего особенного, но кормят хорошо.

Мы выбрали себе столик в ресторане, и, когда подали суп, я спросил:

— Ну, а что вы хотели узнать насчет старушки? И кстати, зачем вам это нужно?

— Это длинная история, — отвечал Корриган. — Скажите мне сперва, что она из себя представляла?

Я стал вспоминать.

— Человек старого поколения. Викторианский тип. Вдова бывшего губернатора какого-то неведомого островка. Была богата и любила жить с удобствами. Часто путешествовала. Детей у нее не было, но она держала двух очень воспитанных пуделей и просто обожала их. Самоуверенная, заядлая консерваторша. Добрая, но властная. Что еще вы хотите про нее знать?

— Да как бы вам сказать, — ответил Корриган, — мог ее кто-нибудь шантажировать, как вы думаете?

— Шантажировать? — произнес я с изумлением. — Вот уж чего не могу себе представить. Почему вам это пришло в голову?

И тут я впервые услышал об обстоятельствах убийства отца Гормана.

Я положил ложку и спросил:

— А эти фамилии? Они у вас с собой?

— Я их переписал. Вот они.

Я взял у него листок, который он достал из кармана, и стал его изучать.

— Паркинсон. Знаю двух Паркинсонов. Артур — служит на флоте. Еще Генри Паркинсон — тот чиновник в одном министерстве. Ормерод — есть один майор Ормерод. Сэндфорд — в детстве у нас был пастор Сэндфорд. Хармондсворт — нет, такого не знаю. Такертон... — Я остановился. — Такертон... Случайно, не Томазина Такертон?

Корриган взглянул на меня с любопытством.

— Может быть, не знаю. А кто она такая?

— Сейчас уже никто. Умерла около недели назад.

— Здесь, значит, ничего не узнаешь.

Я стал читать дальше.

— Шоу, знаю зубного врача по фамилии Шоу, затем Джером Шоу, судья... Делафонтейн — где-то я недавно слыхал это имя, а где — не припомню. Корриган. Это, случайно, не вы?

— От всего сердца надеюсь, что не я. У меня такое чувство, будто попасть в этот список ничего хорошего не сулит.

— Все может быть. А что навело вас на мысль о шантаже?

— Это инспектор Лежен высказал такое соображение. Казалось самым вероятным объяснением. Но есть и много других. Может, это список торговцев наркотиками, или наркоманов, или тайных агентов — словом, кого угодно. Одно только несомненно — эта записка представляет для кого-то огромную важность, если пошли на убийство, чтобы ее заполучить.

Я спросил:

— Вас всегда так занимает полицейская сторона работы?

Он отрицательно покачал головой.

— Нет.

— А почему же вы так заинтересовались на этот раз?

— Сам не знаю, — медленно проговорил Корриган. — Наверно, из-за того, что увидел здесь свое имя. Вперед, Корриганы! Один за всех.

— За всех? Значит, вы убеждены, что это жертвы, не преступники? Но ведь может оказаться и наоборот.

— Вы правы. И, конечно, странно, что я так уверен. Может, это я просто себе внушил. А может, из-за отца Гормана, он был чудесный человек, все его любили и уважали. И я все время думаю: если этот список был для него так важен, может, дело идет о жизни и о смерти.

— Полиция не нашла никаких следов?

— Ну, это длинная история. Здесь проверь, там проверь. Проверяют, кто была женщина, которую он исповедовал.

— Кто же?

— В ней-то как раз ничего загадочного. Вдова. Мы было подумали, что ее муж имел какое-то отношение к скачкам, оказалось — нет. Она работала в небольшой фирме, фирма эта собирает данные о спросе на разные продукты и изделия и пользуется весьма недурной репутацией. На службе о миссис Дэвис почти ничего не знают. Она приехала с севера Англии — из Ланкашира. Единственно странно, что у нее было так мало вещей.

Я пожал плечами.

— Это нередко случается.

— Да, вы правы.

— Одним словом, вы решили принять участие в расследовании.

— Пытаюсь что-нибудь разузнать. Хескет-Дюбуа — имя необычное. Я думал, здесь что-то выплывет. Но из ваших слов ясно — ничего нового не узнаешь.

— Не наркоманка и не торговка наркотиками, — заверил я его. — И уж, конечно, не тайный агент. Была слишком добропорядочна, чтобы дать повод для шантажа. Не представляю себе, в какой список она вообще могла попасть. Драгоценности она держала в банке, так что и объект для грабежа она была неподходящий.

— А кого еще из этой семьи вы знаете?

— У нее есть племянник и племянница, но фамилия у них другая. Муж крестной был единственный сын у своих родителей.

Корриган недовольно заметил, что от меня мало проку. Он посмотрел на часы, сказал, что ему пора идти резать, и мы расстались.

Я вернулся домой в задумчивости, работать опять не смог и вдруг, подчиняясь внезапному порыву, позвонил Дэвиду Ардингли.

— Дэвид? Это Марк. Помнишь, я тебя встретил с девушкой. Пэм. Как ее фамилия?

— Хочешь отбить у меня подружку, а?

Дэвид очень развеселился.

— У тебя их столько, можешь одну и мне уступить.

— Так у тебя же своя есть, старик, я думал, у вас дела идут на лад.

«Идут на лад». Слова-то какие противные. Ни с того ни с сего у меня вдруг стало челюсти сводить от скуки... Передо мной встало наше будущее. Ходим с Гермией по театрам на интересные вещи. Рассуждаем об искусстве, о музыке. Без сомнения, Гермия — прекрасная подруга жизни. «Да, но не

больно-то с ней весело», — зашептал мне в ухо какой-то злорадный бесенок. Мне стало стыдно.

— Ты что, заснул? — спросил Дэвид.

— Вовсе нет. По правде говоря, твоя Пэм очень забавна.

— Верно подмечено. Но только в небольших дозах. Ее зовут Пэмела Стирлинг, и она служит продавщицей в одном из этих шикарных цветочных магазинов на Мейфэр. Три сухих прутика, тюльпан с вывернутыми лепестками и лавровый листок, цена — три гинеи, ты эти букеты видел.

Он назвал адрес магазина.

— Пригласи ее куда-нибудь, и желаю вам повеселиться. Отдохнешь. Эта девица не знает абсолютно ничего — голова совершенно пустая. Что ни скажешь, она всему будет верить. Кстати, она девушка приличная, так что напрасные надежды оставь.

И он повесил трубку.

4

Я с трепетом вошел в Институт цветов. Несколько продавщиц, одетые в узкие бледно-зеленые платьица и с виду совершенно такие же, как Пэм, сбили меня с толку. Наконец я определил, которая из них Пэм. Она старалась правильно написать адрес на карточке, но у нее это выходило с трудом. Еще больших трудов ей стоило сосчитать сдачу, но, наконец, я смог к ней обратиться.

— Мы с вами недавно познакомились — вы были с Дэвидом Ардингли, — напомнил я ей.

— Как же, как же, — любезно отозвалась Пэм, глядя куда-то поверх моей головы.

— Я хотел у вас кое-что спросить.

Вдруг я почувствовал угрызения совести.

— Но, может быть, сначала вы поможете мне выбрать цветы?

Голосом автомата, у которого нажали нужную кнопку, Пэм проговорила:

— Мы сегодня получили дивные розы.

— Сколько они стоят?

— Совсем, совсем дешево, — проворковала Пэм

сладким голоском. — Всего лишь пять шиллингов штука.

Я судорожно глотнул и сказал, что возьму шесть роз.

— И вот этих дивных-дивных листочков к ним?

Я с сомнением посмотрел на дивные листочки, которые выглядели основательно сгнившими. Вместо них я попросил несколько пушистых веток аспарагуса, что сразу же уронило меня в глазах Пэм.

— Я хотел у вас кое-что спросить, — начал я опять, пока Пэм довольно неуклюже составляла букет. — Вы в тот раз упомянули какое-то заведение под названием «Белый Конь».

Пэм вздрогнула и уронила цветы на пол.

— Вы не могли бы рассказать мне о нем поподробнее?

Пэм подняла цветы и выпрямилась.

— Что вы сказали? — спросила она.

— Я хотел спросить насчет «Белого Коня».

— Белого коня? О чем это вы?

— Вы в тот раз о нем упоминали.

— Этого не может быть. Я ни о чем подобном в жизни не слыхала.

— Кто-то вам о нем рассказывал. Кто?

Пэм тяжело перевела дыхание и торопливо проговорила:

— Я не понимаю, о чем вы, и вообще мы не имеем права пускаться в разговоры с покупателями.

Она обмотала мои цветы бумагой.

— Тридцать пять шиллингов, пожалуйста.

Я дал ей две фунтовые бумажки. Она сунула мне в руку шесть шиллингов и быстро отошла к другому покупателю.

Я заметил, что у нее сильно дрожат руки.

Я медленно направился к выходу. Уже выйдя из магазина, я сообразил, что она мне неверно посчитала за цветы (аспарагус стоил шесть шиллингов семь пенсов) и дала слишком много сдачи. До этого ее ошибки в арифметике, видимо, били по другой стороне.

Передо мной снова встало очаровательное пустое

личико и огромные синие глаза. Что-то в них промелькнуло, в этих глазах...

— Напугана, — сказал я себе. — До смерти напугана. Но почему? Почему?

глава V

РАССКАЗЫВАЕТ МАРК ИСТЕРБРУК

1

— Какое облегчение! — проговорила миссис Оливер со вздохом. — Все уже позади.

Благотворительный праздник Роуды удался.

— В этот раз мы собрали больше для Фонда детей, чем в прошлом году, — радостно отметила Роуда.

— По-моему, очень странно, — заявила мисс Макалистер, гувернантка Роудиных детей, — Майкл Брент третий год кряду отыскивает клад. Вот я и подумала, уж не рассказывает ли ему кто-нибудь об этом.

— Леди Брукбэнк выиграла свинью, — сказала Роуда, — и так растерялась — зачем ей эта свинья?

— Очень любезно было со стороны Лагга из «Королевского Ружья» прислать нам дюжину пива для буфета, — сказал муж Роуды, Деспард.

— А что это за «Королевское Ружье»? — спросил я.

— Здешний кабачок, милый, — ответила Роуда.

— А другого здесь поблизости нет? Вы вспоминали какой-то «Белый Конь», что ли, — обратился я к миссис Оливер.

Реакции, которую я ожидал, не последовало. Никто не проявил беспокойства или особого интереса.

— «Белый Конь» не кабачок, — сказала Роуда. — То есть я хочу сказать, сейчас уже не кабачок.

— Когда-то это была старая гостиница, — вставил Деспард. — Ярко выраженный шестнадцатый

век. А сейчас это просто вилла. Я еще всегда думал, почему они оставили это название.

Одна из гостей, рыженькая девушка, которую все называли Джинджер *, возразила:

— О нет, они правильно сделали, название очень забавное, и, кроме того, у них сохранилась от гостиницы прелестная старинная вывеска. Они ее оправили в раму и повесили в холле.

— Кто они? — спросил я.

— Хозяйка виллы Тирза Грей, — сказала Роуда. — Ты ее не видел сегодня? Высокая женщина с короткими седыми волосами.

— Занимается оккультными науками, — добавил Деспард. — Спиритизм, всякие трансы и магия. Черных месс, правда, не служит, но нечто в этом роде.

Джинджер вдруг расхохоталась.

— Простите, — сказала она извиняющимся тоном. — Я себе представила мисс Грей в роли мадам Монтеспан у алтаря, крытого черным бархатом.

— Джинджер! — воскликнула Роуда. — Не забывай, что здесь наш пастор.

— Извините меня, мистер Колтроп.

— Ничего, ничего, — улыбнулся пастор и привел какую-то цитату на греческом языке.

Помолчав некоторое время для приличия, я возобновил свою атаку.

— Я все-таки хочу знать, кто «они» — мисс Грей, а еще кто?

— Да с ней живет еще ее приятельница. Сибил Стэмфордис. Она у них медиум, так я думаю. Вы ее, наверно, заметили — вся в скарабеях, ожерельях, иногда вдруг нарядится в сари, хотя почему — непонятно, в Индии она сроду не бывала.

— И не забудьте про Беллу, — сказала жена пастора. — Это их кухарка, — пояснила она. — И кроме того, ведьма. Она из деревни Литл Даннинг. Слыла там за колдунью. Это у них семейное. Ее мать тоже была ведьма.

* Рыжик.

Я посмотрел на миссис Колтроп с сомнением. Неужели оиа говорит серьезно?

— Как все это интересио! Мне бы хотелось у них побывать, — мечтательно проговорила миссис Оливер.

— Завтра мы с вами к ним зайдем, — пообещал Деспард. — Старая гостиница стоит того, чтобы на нее взглянуть. Они ее очень хорошо переделали: и дом удобиый, и сохраиили все интересиое.

— Я завтра утром созвонюсь с Тирзой, — сказала Роуда.

Признаюсь, я лег спать разочарованиый.

«Белый Конь», который представлялся мне символом чего-то неведомого и грозного, оказался совсем безобидиым.

Хотя, коиечио, может быть и какой-то другой «Белый Конь».

Я все думал об этом, пока ие заснул.

2

— Мы сегодия приглашены к мистеру Вииаблзу, — сказала Роуда наутро. — Ои тебе понравится. По-настоящему интересиый человек. Всюду побывал, все на свете видел. Он перенес полиомиелит, ноги у иего парализоваиы, и передвигается он в специальном кресле. Ему, должно быть, тяжко — ведь он так любил путешествовать. Очень богат. Купил «Прайорз Корт» и поселился здесь три года иазад.

Дом мистера Вииаблза, «Прайорз Корт», был совсем недалеко. Хозяиин встретил нас в холле в своем кресле иа колесах.

— Очень рад, что вы пришли, — сердечио приветствовал он нас.

Мистер Винаблз был человек лет пятидесяти, с худым лицом и большим крючковатым носом. Он был одет несколько старомодио.

Роуда представила всех друг другу.

— Очеиь мило было с вашей стороиы побывать вчера у иас иа праздиике. И спасибо за щедрый чек. Я даже ие иадеялась, что вы сами будете.

— А мие нравятся эти увеселения. Так характер-

ны для английской деревни. Я вернулся домой с ужасной куклой — выиграл в лотерею, а наша Сибил разоделась в пух и прах — тюрбан из фольги, бус не меньше тонны, — и каких только чудес мне не нагадала.

— Добрая старая Сибил, — сказал Деспард. — Мы сегодня званы на чай к Тирзе. Любопытный дом.

— «Белый Конь»? Да. Жаль, что он так и не остался гостиницей. Когда-то в нем останавливались разбойники или богатые путешественники, а теперь — какая проза — гнездышко трех старых дев.

— Ну, о них нельзя так подумать! — воскликнула Роуда. — Сибил еще пожалуй, сари и бусы, она и вправду выглядит смешной. Но в Тирзе есть что-то устрашающее, вы не согласны? Кажется, что она читает ваши мысли.

— А Белла отнюдь не старая дева, она схоронила двух мужей, — добавил Деспард.

— Ну, тогда от всей души прошу прощения, — ответил Винаблз, рассмеявшись.

— И смерть ее двух мужей комментируют со зловещими подробностями, — продолжал Деспард. — Говорят, когда они ей не угодят, она, бывало, на них только раз посмотрит, и после этого они заболевали и медленно отходили к праотцам.

— Правда, я и забыл, она — здешняя ведьма.

— Да, так говорит миссис Колтроп.

глава VI

РАССКАЗЫВАЕТ МАРК ИСТЕРБРУК

Был уже пятый час, когда мы распрощались с Винаблзом. Он превосходно нас угостил, а потом показал нам свой дом, настоящую сокровищницу.

— У него, должно быть, куча денег, — сказал я после того, как мы покинули «Прайорз Корт». — Этот нефрит и африканская скульптура, я уж не говорю о мейссенском фарфоре. Вам повезло на соседа.

— А мы это знаем, — ответила Роуда. — Здесь все люди скучноватые, он по сравнению с ними сама экзотика.

— Откуда у него такие деньги? — спросила миссис Оливер. — Или это семейное состояние?

— Мне говорили, — ответил Деспард, — что он начинал жизнь грузчиком, но вряд ли это так. Он никогда не рассказывает о своем детстве, о семье. Вот тема для вас, — Деспард обратился к миссис Оливер, — таинственная личность.

Миссис Оливер заявила, что ей вечно предлагают совершенно ненужные темы.

И тут мы подъехали к «Белому Коню». Дом был деревянный и стоял несколько в стороне от деревенской улицы. Позади него находился обнесенный забором сад, дышавший стариной.

Я был разочарован и не стал этого скрывать.

— Ничего зловещего, — пожаловался я. — Никакой особенной атмосферы.

— Подождите, посмотрите, как внутри, — сказала Джинджер.

Мы вышли из машины и направились к двери, которая открылась при нашем приближении.

Мисс Тирза Грей стояла на пороге, высокая, слегка мужеподобная, в твидовом костюме. У нее были густые и жесткие седые волосы, орлиный нос и пронизательные голубые глаза.

— Вот и вы наконец, — сказала она приветливым басом. — Я уж думала, куда вы пропали.

За ее плечом виднелось чье-то лицо. Странное, довольно бесформенное лицо, будто вылепленное ребенком, который забрался поиграть в мастерскую скульптора. Такие лица, подумал я, иногда встречаешь на картинах итальянских или фламандских примитивов.

Роуда представила нас и объяснила, что мы были у мистера Винаблза.

— Ага! — сказала мисс Грей. — Тогда понятно. Любовались сокровищами. Бедняга, надо ему хоть чем-то развлекаться. Да заходите же, заходите.

Мы очень гордимся своим домиком. Пятнадцатый век, а часть — даже четырнадцатый.

Холл был невысокий и темный, винтовая лестница вела в комнаты. Мы увидели большой камин и над ним — картину в раме.

— Вывеска старой гостиницы, — объяснила мисс Грей, заметив мой взгляд. — В темноте плохо видно. Белый конь.

— Я вам ее отмою, — сказала Джинджер.

— А вдруг испортите? — грубовато спросила Тирза.

— Как я могу испортить, когда это моя работа? Я реставрирую картины в лондонских галереях, — сказала она мне.

Мы с ней стали разглядывать картину вместе. Картина не отличалась никакими художественными достоинствами, разве что она действительно была очень старинная. Светлый силуэт коня вырисовывался на темном фоне.

В холле появилась мисс Сибил Стэмфордис. Это была высокая сутуловатая женщина с темными волосами, плаксивым выражением лица и рыбьим ртом.

Она была одета в изумрудного цвета сари, которое никак не делало ее внешность более значительной. Голос у нее был тихий и дрожащий.

— Наш милый, милый конь, — сказала она. — Мы влюбились в эту вывеску с первого взгляда. Помоему, она-то и заставила нас купить дом. Правда, Тирза? Но входите же, входите.

Нас провели в маленькую комнату. Когда-то, видно, в ней помещался бар, а теперь это была гостиная.

Потом мы осмотрели сад — я сразу увидел, что летом он, должно быть, чудесен — и вернулись в дом. Стол уже был накрыт.

Мы сели, и старая женщина, чье лицо я заметил еще в холле, внесла большой серебряный чайник.

— Спасибо, Белла, — сказала Тирза.

— Вам больше ничего не нужно? — невнятно пробормотала кухарка.

— Нет, спасибо.

Белла пошла к двери. Она ни на кого не смотрела, но, уже выходя, бросила на меня быстрый взгляд. Что-то в нем насторожило меня, хотя что — трудно объяснить. Что-то злобное и проницательное, словно она видела тебя насквозь.

Тирза заметила мою реакцию.

— Белла может испугать, правда? — спросила она тихо. — Я заметила, как она на вас поглядела.

Сибил Стэмфордис забренчала бусами.

— А признайтесь, признайтесь, мистер, мистер...

— Истербрук.

— Мистер Истербрук. Вы ведь слышали, что мы творим колдовские обряды. Признайтесь. О нас ведь здесь идет такая слава.

— И может быть, заслуженная, — вставила Тирза. Ее это забавляло. — У Сибил особый дар.

Сибил удовлетворенно вздохнула.

— Меня всегда привлекала мистика, — прошептала она. — Еще ребенком я осознала, что наделена сверхъестественным даром. Я всегда была очень чувствительна. Я однажды потеряла сознание за чаем у подруги — я почувствовала: когда-то в этой комнате случилось нечто ужасное... Много позже я узнала правду — там двадцать пять лет назад совершилось убийство. В той самой комнате.

Она закивала и победоносно поглядела на нас.

— Удивительно! — согласился Деспард с холодной вежливостью.

— Какое на вас красивое сари! — сказала Роуда.

Сибил просияла:

— Да, я его привезла из Индии. Я там училась у йогов. И я одна из немногих женщин, что побывали в Гаити. Там действительно можно найти истоки оккультных наук. Самые корни. Великий мэтр — барон Самди, а Легба — это божество, которое он вызывает, божество, которое «опрокидывает барьеры». Высвобождается смерть и порождает смерть. Страшная мысль, правда? А вот мой амулет. Высушенная тыква, а на ней сетка из бус, и видите — позвонки змеи.

Мы вежливо, хотя и без особого удовольствия, разглядывали амулет.

Сибил продолжала свою лекцию о колдовстве, но я больше не слушал — я заметил, что Тирза смотрит на меня.

— Вы не верите тому, о чем она говорит? — спросила Тирза тихо. — Но вы не правы. Не все можно объяснять, как суеверия, страх, религиозный фанатизм. Существуют первозданные истины и первозданные силы. Были и будут.

— А я не спорю, — ответил я.

— Ну и правильно. Пойдемте, я покажу вам свою библиотеку.

Я последовал за ней через стеклянную дверь в сад, где находилась библиотека, перестроенная из конюшни и служб. Это была большая комната, одна длинная стена в ней сплошь уставлена книгами.

— У вас здесь очень редкие вещи, мисс Грей. Неужели это первое издание «Malleus Maleficarum»*. Да вы владелица настоящего сокровища.

— Как видите.

— И Гримуар — такая редкость.

Я поставил книгу обратно на полку. А Тирза сказала:

— Приятно встретить человека, который знает толк в старых книгах. Обычно наши гости только зевают или ахают.

— Но ведь колдовство, магия и все такое — это чепуха, — заметил я. — Чем они вас привлекают?

— Трудно сказать... Я уже давно этим интересуюсь. Очень любопытно. Во что только люди не верят, каких глупостей они только не делают. Но вы не должны судить обо мне по бедняжке Сибил. Я заметила, вы на нее поглядывали с усмешкой. Конечно, во многом она просто глупа, мистика, черная магия, оккультные науки — все она валит в одну кучу. И все-таки она наделена особой силой.

— Силой?

— Ну, называйте это как хотите. Ведь есть лю-

* Средневековый трактат о ведьмах.

ди, которые связывают этот мир с другим, таинственным и зловещим миром. Она превосходный медиум. И у нее необычайный дар. Когда мы с ней и с Беллой...

— С Беллой?

— Ну да. И у Беллы свой дар. Мы все им наделены в какой-то мере. Мы действуем сообща и... — Она остановилась.

— Фирма «Колдуньи, Лимитед»? — спросил я с улыбкой.

— Пожалуй.

Я рассматривал переплет книги, которую взял с полки.

— Нострадамус * и все прочее?

— Нострадамус и все прочее.

Я спросил тихонько:

— И неужели вы верите?

— Не только верю. Знаю.

— Что вы знаете? Откуда?

Она, улыбнувшись, показала на полки:

— Это все ерунда. Выдумки, пышные фразы. Сейчас наука расширила наши горизонты.

— Какие горизонты?

— Горизонты мысли. Дала нам веру в силу мысли, в ее возможности. Знахари использовали это еще много веков назад. Они насылали смерть. И вовсе не нужно убивать жертву. Все, что нужно, — это внушить ей, что гибель неизбежна.

— Внушение? Но ведь оно не действует, если жертва не верит.

— А мы далеко ушли от шаманов. Психологи указали нам путь. Желание умереть. Оно таится во всех людях. И его нужно уметь использовать.

— Интересно. Вы заставляете жертву совершить самоубийство?

— Как вы отстали! Вам приходилось слышать о самовнушенных болезнях?

— Конечно.

— Люди вдруг заболевают — человек начи-

* Французский астролог и мистик XVI века.

ает думать, что болен, и у него, у совершенно здорового человека, возникают симптомы болезни, даже боли.

— Ага, вот что вы имеете в виду, — медленно произнес я.

— Чтобы уничтожить объект, нужно повлиять на его подсознательное стремление к гибели.

Она взглянула на меня с торжеством.

— И вы можете это сделать?

— Не заставляйте меня, мистер Истербрук, выдавать мои секреты, — сказала Тирза Грей.

глава VII

РАССКАЗЫВАЕТ МАРК ИСТЕРБРУК

1

— Вот вы где!

Роуда вошла в открытую дверь и огляделась.

— Здесь вы творите свои обряды?

— Вы хорошо осведомлены.

— Как интересно! — воскликнула Джинджер.

Тирза быстро взглянула на нее, затем обернулась к миссис Оливер.

— Вы должны написать об убийствах с помощью черной магии. Я вам дам много материала.

Миссис Оливер смутилась.

— Я пишу об убийствах попроще, — сказала она, словно говоря: «Я умею готовить только простые блюда».

Деспард взглянул на часы.

— Роуда, по-моему...

— Правда, нам пора.

Мы распрощались.

— Не нравится мне эта женщина, — сказала миссис Оливер, когда наша машина отъехала от дома. — Не нравится — и все.

— Ну, не стоит принимать Тирзу всерьез, — снисходительно заметил Деспард.

— А мне бы хотелось побывать на одном из их сеансов, — мечтательно проговорила Роуда. — Должно быть, забавно.

— Не разрешаю, — твердо сказал ее муж. — Еще тебе не хватало заделаться колдуньей.

Они затеяли шутливый спор, а миссис Оливер спросила у меня, каким поездом ей лучше завтра уехать.

— Мне нужно завтра на похороны. Приятного мало. Но Мери Делафонтейн была моя старая подруга.

— Ага! — воскликнул я. — Ага! Делафонтейн.

Все посмотрели на меня с удивлением.

— Извините, — сказал я. — Просто я все вспоминал, где я слышал фамилию Делафонтейн. Вы ведь мне как будто говорили, что вам нужно навестить ее в больнице? — Я вопросительно взглянул на миссис Оливер.

— Очень может быть, — ответила миссис Оливер.

— Отчего она умерла?

— Токсический полиневрит — кажется, так.

Джинджер с любопытством глядела на меня. Взгляд у нее был весьма проницательный.

Когда мы выходили из машины, я сказал:

— Я хочу пойти прогуляться. Мы сегодня столько ели. У мистера Винаблза, да еще этот чай.

И я поскорее ушел, чтобы никто не набился составить мне компанию. Мне хотелось побыть одному и привести в порядок свои мысли.

В чем же тут дело? Началось все со слов Пэм, что, если надо от кого-то отделаться, для этого есть «Белый Конь».

Потом встретил Джима Корригана, и он мне показал этот список, найденный у отца Гормана. В списке были фамилии Хескет-Дюбуа и Такертон, и я вспомнил вечер в баре в Челси. Фамилия Делафонтейн тоже показалась мне знакомой. Ее, как теперь было ясно, упомянула миссис Оливер, рассказывая о своей больной подруге. (Теперь больная подруга уже умерла.)

После этого я сам не знал толком, почему пошел допрашивать Пэм в эту ее цветочную лавку. И Пэм начисто отрицала, что слышала про «Белого Коня». Более того, Пэм смертельно перепугалась.

Сегодня — сегодня была Тирза Грей. Но неужели «Белый Конь» и его обитательницы имеют хоть какое-то отношение к списку отца Гормана? Почему я их связываю?

Почему мне пришло в голову, что между ними есть какая-то связь?

Миссис Делафонтейн, вероятно, жила в Лондоне. Томазина Такертон — где-то в Сэррее. Они, наверно, и представления не имели о деревне Мач Дипинг. А вдруг...

Я подходил к деревенской гостинице «Королевское Ружье» и решил заглянуть туда. Бар еще не открывался, и не было ни одного посетителя. Я решил подождать, сел у входной двери, взял со стола книгу, где записывали останавливающихся в гостинице, и от нечего делать стал ее листать.

Посидев немного, я захлопнул книгу и положил ее на место. Никто так и не вышел ко мне, и я решил продолжить свою прогулку.

Совпадение ли, что кто-то по имени Сэндфорд и еще кто-то по имени Паркинсон останавливался в этой гостинице в прошлом году? Обе эти фамилии были у Корригана в списке. Да, но ведь такие фамилии встречаются нередко. Кроме того, я нашел в книге и еще одно имя — Мартин Дигби. Если это тот Мартин Дигби, которого я знаю, то он — внучатый племянник моей крестной, тетушки Мин — леди Хескет-Дюбуа.

Я шел и сам не понимал, куда иду. Мне хотелось с кем-то поговорить. С Джимом Корриганом. Или с Дэвидом Ардингли. Или с Гермией — она такая разумная. По сути дела, я хотел, чтобы меня разубедили в моих смутных подозрениях.

Я проблуждал еще с час по грязным тропинкам и набрел, наконец, на дом пастора, мистера Колтропа.

2

Гостиная у него в доме была большая и довольно бедная. Разросшиеся кусты за окнами загораживали свет, и в комнате было темновато. Большие часы тикали на камине. Миссис Колтроп пригласила меня сесть. И вот я, Марк Истербрук, историк, автор многих статей и книг, светский человек, решил выложить хоть ей все мои тревоги. Мне нужно было с кем-то поделиться.

— Я к вам прямо от Тирзы Грей — мы у нее пили чай.

Миссис Колтроп тут же догадалась о моем состоянии.

— Ах, вот как. И у вас тяжелый осадок? Что и говорить, троица не из приятных.

— У вас большой жизненный опыт, миссис Колтроп. И поверили бы вы, что человека можно уничтожить на расстоянии, без видимых связей?

Миссис Колтроп широко раскрыла глаза.

— Уничтожить, вы имеете в виду убить? Чисто физически?

— Да.

— Ерунда, — последовал единственно разумный ответ.

— Ну вот, — сказал я с облегчением. — Наверно, эта женщина меня просто загипнотизировала.

— Не думаю, — ответила миссис Колтроп. — Вы не из тех, кого можно загипнотизировать. Видно, произошло что-то еще. Раньше.

— Вы угадали, — признался я.

И вдруг стал рассказывать ей обо всем — об убийстве отца Гормана, о том, как случайно в ресторане упомянули «Белого Коня». И еще я показал фамилии, списанные у доктора Корригана.

Миссис Колтроп поглядела на него и задумалась.

— Понимаю, — сказал она. — А эти люди? Есть между ними что-нибудь общее?

— Мы не знаем. Может быть, это шантаж... или наркотики...

— Вздор, — ответила миссис Колтроп. — Вас не

это беспокоит. Вы просто думаете о том, что ни одного из них не осталось в живых.

Я глубоко вздохнул.

— Да, — признался я. — Это так. Но наверняка я не знаю. Трое из них умерли. Минни Хескет-Дюбуа, Томазина Такертон, Мери Делафонтейн. Все три от естественных причин. А Тирза Грей рассказывала, как это случается.

— Вы хотите сказать, она утверждала, что может наслать такую смерть?

— Нет. Она не говорила про что-то определенное. Просто разглагольствовала о научных возможностях.

— И на первый взгляд это кажется отменной глупостью, — задумчиво вставила миссис Колтроп.

— Я знаю. Я бы посмеялся про себя — и только, не будь этого странного разговора насчет «Белого Коня».

— Да, — отозвалась миссис Колтроп, — «Белый Конь». Наводит на размышления.

Она помолчала. Потом подняла голову.

— Скверное дело, — сказала она. — Что бы там ни была за причина, надо этому положить конец. Да вы и сами прекрасно понимаете.

— Да, да... Но что можно сделать?

— Вот нужно подумать, что делать. Но времени терять нельзя. Нужно заняться этим всерьез и немедленно. У вас найдется какой-нибудь друг, который вам поможет?

Я задумался. Джим Корриган? Человек занятой, времени у него мало, и, наверно, он уже и сам делает, что только можно. Дэвид Ардингли — но поверит ли Дэвид в такое? Гермия? Пожалуй. Трезвый ум, ясная логика. Вот кто мне нужен.

— Ну, придумали? И прекрасно.

Миссис Колтроп заговорила по-деловому.

— Я буду следить за тремя ведьмами. Но только я чувствую, что дело все-таки не в них. Нам нужно найти какое-то недостающее звено. Связь между одной из этих фамилий и «Белым Конем». Что-нибудь реальное.

глава VIII

Полицейский инспектор Лежен поднял голову — в комнату вошел доктор Корриган.

— Прошу прощения, если не угодил, но у водителя этого «ягуара»* алкоголя в организме не оказалось. То, что унюхал ваш П. К. Эллис, просто плод его, Эллисова, воображения.

Но Лежена в эту минуту не интересовали нарушители правил уличного движения.

— Взгляните-ка, — сказал он.

Корриган взял письмо, которое ему протянул инспектор. Почерк был мелкий и ровный. Письмо было прислано из коттеджа «Эверест», Глендовер Клоуз, Борнемут.

«Уважаемый инспектор Лежен!

Если вы помните, вы просили меня связаться с вами, доведись мне снова встретить человека, который следовал за отцом Горманом в вечер, когда последний стал жертвой убийства. Я внимательно наблюдал за всеми, кто бывал поблизости от моей аптеки, но ни разу больше его не встретил.

Вчера я присутствовал на благотворительном празднике в соседней деревушке — меня привлекло туда то, что в празднике принимала участие миссис Оливер, известная как автор детективных романов, — она надписывала для желающих свои книги. Я большой любитель детективных романов, и мне очень хотелось увидеть миссис Оливер.

И там, к великому своему удивлению, я увидел человека, который проходил мимо моей аптеки в вечер убийства отца Гормана. Видимо, после этого он стал жертвой несчастного случая, ибо передвигался он теперь лишь в кресле на колесах. Я навел о нем кое-какие справки, и оказалось, что он проживает в этих местах и фамилия его Винабл. Его

* Марка автомобиля.

адрес «Прайорз Корт», Мач Днпинг. Он счнтается весьма состоятельным человеком.

Надеюсь, вам прнгодятся эти сведения.

Искренне ваш,

Зэкэрайа Осборн».

— Ну что?

— Неубеднтельно, — ответ Корригана был как ушат холодной воды.

— На первый взгляд. Но я не уверен...

— Этот тип, Осборн, вообще не мог ничьего лица толком разглядеть вечером да еще в такой туман. Наверно, случайное совпадение. Сами знаете, как это бывает. Раззвонят повсюду, что виделн человека, которого разыскивает полнцня, и в девятн случаях нз десяти нет нн малейшего сходства даже с опублнкованным в газетах опнсанием.

— Осборн не такой, — сказал Лежен.

— А какой?

— Он почтенный, солидный аптекарь, старомодный, очень забавный человек н очень наблюдательный.

— И вы думаете, в этом что-то есть? — спросил Корриган, глядя на ннспектора с любопытством. — Что вы собнраетесь предпринять?

— Во всяком случае, не помешает навестн коекакие справкн об этом мистере Вннаблзе из... — он взглянул на пнсьмо, — из деревнн Мач Дипннг.

ГЛАВА IX

РАССКАЗЫВАЕТ МАРК ИСТЕРБРУК

— Какне удивительные вещн пронсходят в деревне! — легкомысленно воскликнула Гермия.

Мы только что пообедали, н перед намн на столе дымился кофейник с черным кофе.

— Кажется, ты не совсем меня поняла, Гермня.

— Прекрасно поняла, Марк! По-моему, это удн-

вительно интересно. Как страничка из истории — забытое наследие средних веков.

— Меня не интересует история, — раздраженно ответил я. — Меня интересуют факты. Фамилии на листке бумаги. Я знаю, что произошло с некоторыми из них. Что случилось или случится с остальными?

— Не даешь ли ты волю воображению? Ты преувеличиваешь, Марк. Твои средневековые колдуньи, видно, сами искренне верят этой чепухе. И я тебе верю, что они пренеприятные особы.

— Но ничуть не опасные?

— Марк, ну, откуда им быть опасными?

— Я хочу все проверить, Гермия. Добраться до самой сути.

— Правильно. Возьмись за это. Должно быть, это будет очень интересно. Даже забавно.

— Что здесь забавного? — резко заметил я. — Я хотел просить твоей помощи, Гермия.

— А как я могу тебе помочь?

— Помоги мне все проверить и выяснить. Давай примемся за дело сейчас же.

— Марк, милый, но я сейчас ужасно занята. Пишу для журнала одну статью. И еще мне нужно кое-что сделать по Византии. И я пообещала двум студентам...

Слова ее звучали логично, разумно, но я уже не слушал.

— Понятно, — сказал я. — У тебя и так хлопот полон рот.

— Совершенно верно.

Гермию обрадовал мой ответ. Я смотрел на нее через стол.

Красивая, умная, начитанная. И как бы это сказать? Так — ничего не поделаешь, — так безнадежно скучна.

На следующее утро я пытался связаться с Джимом Корриганом, но безуспешно. Я просил передать ему, чтобы он зашел — я буду у себя между шестью и семью. Я знал, что он человек занятой, вряд ли сумеет выбраться, но без десяти семь он появился у меня.

Я налил по стаканчику, усадил его в кресло и начал:

— Вас, наверно, удивляет, зачем это вы мне так срочно понадобнлнсь, но тут всплылн некоторые факты, быть может, они связаны с тем, о чем мы с вами говорили в последний раз.

— О чем же? Ах, да. Отец Горман.

— Именно. Но сначала вы мне ответьте: названне «Белый Конь» вам ничего не говорнт?

— «Белый конь», «Белый конь» — нет вроде. А что?

— Я думаю, может быть, оно как-то связано с тем списком... Я тут побывал со свонмн друзьями в деревне — называется Мач Дипннг, н онн меня сводилн в одну гостиннцу, вернее, это раньше когда-то была гостнница под названием «Белый Конь».

— Погодите! Мач Днпннг? Мач Дипинг — это где-то возле Борнемута?

— Около пятнадцати миль оттуда.

— Вы там не встречали, случайно, одного человека по именн Вннаблз?

— Конечно.

— В самом деле? — Коррнган даже привстал от волнення. — У вас прямо талант выбирать нужные места! Какой он нз себя?

— Весьма необычная лнчность.

— Да? А чем же?

— Главным образом снлой характера. Хоть у него н паралнзованы ногн после полномнелита...

Корриган резко перебнл меня:

— Что?

— Он перенес полномнелнт несколько лет назад. И у него парализованы ноги.

Коррнган бросnлся в кресло с недовольным вндом.

— Все ясно. Я так н думал, не может быть такого совпадения.

— Я вас не понимаю.

Коррнган сказал:

— Вам надо встретнться с полнцейским ннспектором Леженом. Ему будет интересно вас послушать. Когда убнлн Гормана, Лежен проснл всех, кто

его в тот вечер видел, сообщить об этом в полицию. Большинство сведений оказались бесполезными, как обычно. Но один человек, аптекарь по имени Осбори — у него аптека была около той улочки, — рассказал, что видел отца Гормана в тот вечер. Отец Горман прошел мимо его двери, а за ним по пятам — какой-то человек. Он его описал довольно точно и сказал, что узнал бы его, если бы снова увидел. Ну, а дня два назад Лежен получил от него письмо. Он продал свое дело и живет в Борнмуте. Был там на деревенском празднике и говорит, что видел этого человека снова. Но передвигается тот в кресле на колесах. Осбори стал о нем расспрашивать и узнал, что его фамилия — Винаблз.

Он взглянул на меня вопросительно. Я кивнул.

— Верно, — сказал я. — Это Винаблз. Он был на празднике. Но идти за отцом Горманом в тот вечер он не мог. Это физически невозможно. Осбори ошибся.

— Он его описал очень подробно. Ростом около шести футов, крючковатый нос, кадык.

— Да. Это Винаблз. И все-таки...

— Понимаю. Мистер Осбори может преувеличивать свои таланты по части запоминания лиц. Наверно, его сбило с толку какое-нибудь сходство. А что это за белый конь? Ну-ка, рассказывайте.

— Вы не поверите, — предупредил я его. — Я и сам-то не могу поверить.

Я передал ему свой разговор с Тирзой Грей. Реакция была такая, как я и ожидал.

— Что за невероятный вздор!

— Да, не правда ли, какой вздор?

— Конечно. Что с вами, Марк? Медиум, деревенская ведьма и старая дева, которая может наслать смертоносный луч. Безумие какое-то!

— Действительно, безумие, — проговорил я.

— Только не поддакивайте мне, Марк, а то похоже, вы себя пытаетесь разуверить. И принимаете эту ерунду всерьез.

— Разрешите мне сперва спросить у вас одну вещь насчет того, будто в каждом из нас есть

подсознательное желание умереть. Это научный взгляд?

Корриган помолчал с минуту, а затем сказал:

— Я не психиатр. Но, по-моему, авторы таких теорий сами немножко тронутые. Вся эта чепуха о подсознательном! Купите лучше книгу по психологии и прочтите, а меня не спрашивайте.

— Тогда посмотрим на это с другой стороны. За довольно короткий промежуток времени — приблизительно за год или полтора — каждая из этих фамилий стала фамилией в свидетельстве о смерти. Так?

Он странно на меня посмотрел.

— Да, тут вы правы.

— Вот что у них у всех общее — они умерли.

— Да, но все это, может быть, не так ужасно, как кажется. Вы представляете себе, сколько человек умирает каждый день на Британских островах? А большинство фамилий в этом списке встречаются часто. Да, но толку от моих рассуждений тоже мало.

— Делафонтейн, — сказал я. — Мери Делафонтейн. Эту фамилию не часто встретишь. Если я не ошибаюсь, во вторник были ее похороны.

Он быстро взглянул на меня.

— Откуда вы это знаете? Прочли в газете?

— Слышал от ее приятельницы.

— В ее смерти не было ничего подозрительного. Можете мне поверить. И обстоятельства в других случаях тоже не заключают в себе ничего подозрительного. Полиция проверяла. Если бы имелись несчастные случаи, тогда бы можно было что-то заподозрить. Но смерть всегда наступала от естественных причин. Воспаление легких, кровоизлияние в мозг, опухоль мозга, камни в желчном пузыре, один случай полиомиелита — ничего подозрительного.

Я кивнул.

— Ни несчастных случаев, — сказал я, — ни отравлений. Обычные болезни, ведущие к смерти. Как и утверждает Тирза Грей.

— Вы, значит, в самом деле думаете, что эта женщина может заставить кого-то, кого она в жизни не видела, кто находится от нее за много миль, заболеть воспалением легких и скончаться по этой причине?

— Я-то этого не думаю. А вот она думает. Я считаю такое немыслимым, мне хотелось бы, чтобы это было невозможно. Но кое-какие детали весьма любопытны. Случайное упоминание о «Белом Коне» в разговоре о том, как убрать ненужного человека. И такое место, «Белый Конь», оказывается, действительно существует, а хозяйка его просто похваляется, что может любого человека убрать. У нее есть сосед, которого видели, когда он шел по пятам за отцом Горманом перед тем, как произошло убийство. Отца Гормана в тот вечер позвали к умирающей, и она рассказала о каком-то «невероятном злодействе». Не слишком ли много совпадений, как вы думаете?

— Но Винаблз не может быть тем человеком, ведь вы сами говорите, что он уже многие годы парализован.

— А разве не возможно с медицинской точки зрения симулировать паралич?

— Невозможно. Конечности атрофируются.

— Тогда ничего не скажешь, — согласился я. И вздохнул. — Если существует такая, как бы ее назвать — ну, организация, что ли, «Устранение неугодных», — Винаблз очень подходит на роль ее руководителя. Все в его доме говорит о прямо-таки сказочном богатстве. Откуда у него такие деньги?

Я помолчал, потом добавил:

— Все эти люди умерли у себя в постели от той или иной болезни — а может быть, кто-то нажился на их смерти?

— Всегда найдется человек, которому выгодна чья-нибудь смерть в большей или меньшей степени. Никаких подозрительных обстоятельств не было, вы это хотите сказать?

— Не совсем.

— Леди Хескет-Дюбуа, вы, наверно, знаете, оставила пятьдесят тысяч фунтов. Ей наследуют племян-

ннк н племяннннца. Племянник живет в Каиаде. Племяннннца замужем, жнвет где-то иа севере Англин. Обонм деньгн не помешают. Томазнне Такертон оставнл очень большое состоянне отец. В случае, если она умнрает, не будучн замужем, до того, как ей исполнится двадцать однн год, наследство переходит к ее мачехе. Мачеха — вроде женщнна совершенно безобндная. Дальше, ваша эта мисснс Делафонтейн — деньгн досталнсь ее двоюродной сестре...

— Ах, вот как. И где же эта двоюродная сестра?

— Живет со своим мужем в Кении.

— Значнт, все онн отсутствуют в момент смертн, до чего прекрасно, — заметил я.

Корригаи сердито глянул на меня:

— Из трех Сэндфордов, которые дали дуба за это время, у одного осталась молодая вдова, она снова вышла замуж — и очеиь быстро. Покойный Сэндфорд был католик н не давал ей развода. А еще одного тнпа, Сндиея Хармондсворта — ои умер от кровонзлняния в мозг — Скотланд Ярд подозревает в шаитаже. Онн счнтают, это был нсточннк его доходов. И кое-кто нз очеиь важных чнновннков может испытывать огромное облегчеине оттого, что Хармондсворта больше нет в жнвых.

— Вы, по сутн дела, хотнте сказать, что все эти смертн кому-то очень на руку? А как насчет Корригаиа?

— Коррнган — фамнлня распространенная. Коррнганов поумирало много, но нх смерть никого не осчастлнвнла, насколько иам нзвестио.

— Тогда все ясно. Вы н есть намеченная жертва. Смотрнте в оба.

— Постараюсь. И не воображайте, что ваша волшебннца поразнт меня язвой двеиадцатнперстиой кншки нлн нспанкой. Такого закаленного в борьбе с болезнями врача голымн руками не возьмешь.

— Послушайте, Джим. Я хочу заияться этой Тирзой Грей. Вы мне поможете?

— Ни за что! Не понимаю — такой умный, образованный человек верит в какую-то чепуху.

Я вздохнул.

— Другого слова не подберете? Меня от этого уже тошнит.

— Ну, чушь, если это вам подходит.

— Тоже не очень-то.

— И упрямец же вы, Марк.

— Насколько я понимаю, кому-то надо быть упрямцем в этой истории, — ответил я.

глава X

Коттедж «Глендовер Клоуз» был совсем новый — одну сторону еще даже не достроили, и там работали каменщики.

Над грядкой с тюльпанами можно было узреть чью-то согнутую спину, которую инспектор Лежен без труда опознал как спину мистера Зэкэрайя Осборна. Инспектор открыл калитку и вошел в сад. Мистер Осборн выпрямился, чтобы посмотреть, кто это посетил его обитель. Когда он узнал гостя, его покрасневшее от работы лицо залил еще более густой румянец удовольствия. Мистер Осборн на лоне природы выглядел почти так же, как мистер Осборн в аптеке. Он был без пиджака, в грубых башмаках, но выглядел необычайно опрятным и щеголеватым.

— Инспектор Лежен! — воскликнул он приветливо. — Такой визит — большая честь. Да, сэр. Я получил ваш ответ на свое письмо, но не ожидал удостоиться чести видеть вас здесь собственной персоной. Добро пожаловать! Заходите, и угостимся чем бог послал.

Мистер Осборн провел Лежена в домик. Там все сверкало чистотой и царил образцовый порядок. Комнаты, правда, были пустоватые.

— Еще не совсем устроился. Бываю на всех местных аукционах — иногда можно купить великолепные вещи за четверть цены. Чего вы выпьете? Стаканчик шерри? Пива? А может, чашку чаю?

Лежен выразил предпочтение пиву.

— Ну вот, — сказал мистер Осборн, вернувшись

через минуту с двумя пенящимися кружками. — Посидим, отдохнем, поговорим.

Покончив с формальностями, Осборн с надеждой наклонился вперед.

— Мои сведения вам пригодились?

Лежен, как мог, смягчил удар.

— Меньше, чем я думал, к сожалению.

— Обидно. Признаюсь, я разочарован. Хотя, по сути дела, нет оснований полагать, что джентльмен, который шел за отцом Горманом, обязательно его убийца. Это значило бы хотеть слишком многого. И мистер Винаблз — человек состоятельный и всеми здесь почитаемый, он вращается в лучшем кругу.

— Дело в том, — отвечал Лежен, — что мистер Винаблз никак не может быть человеком, которого вы тогда видели.

Мистер Осборн подскочил в кресле.

— Нет, это был он. Я в этом совершенно уверен. Я прекрасно запоминаю лица, никогда не ошибаюсь.

— Боюсь, что на этот раз вы ошиблись, — проговорил Лежен мягко. — Видите ли, мистер Винаблз — жертва полиомиелита. Более трех лет у него парализованы ноги, он не может ходить.

— Полиомиелит, — воскликнул мистер Осборн. — Ах, боже, боже... Да, тогда конечно. И все-таки — извините меня, инспектор Лежен, надеюсь, вы не обидитесь, — но правда ли это? Есть у вас медицинское подтверждение?

— Да, мистер Осборн. Есть. Мистер Винаблз — пациент сэра Уильяма Дагдейла, очень видного специалиста.

— А, конечно, конечно, это известнейший врач. Неужели я мог так ошибиться? Я был глубоко уверен. И зря только вас побеспокоил.

— Нет, нет, — перебил Лежен. — Ваша информация сохранила всю свою ценность. Ясно, что тот человек очень похож внешне на мистера Винаблза, а у мистера Винаблза внешность весьма приметная, так что ваши наблюдения нам очень пригодятся.

— Да, это правда, — мистер Осборн немного повеселел. — Представитель преступного мира, внешне напоминающий мистера Винаблза. Таких, конечно, немного. В документах Скотланд Ярда...

Он с надеждой посмотрел на инспектора.

— Все не так просто, — медленно проговорил Лежен. — Может быть, на того человека у нас вообще не заведено дело. А кроме того, вот вы и сами это сказали, тот человек может вообще не иметь отношения к убийству отца Гормана.

Мистер Осборн опять сник.

— Да, неловко получилось. Словно это мои выдумки... А доведись мне выступать на суде, я бы давал показания с полной уверенностью, меня бы с толку не сбить.

Лежен молчал, задумчиво глядя на собеседника.

— Мистер Осборн, а почему бы вас нельзя было, как вы выражаетесь, сбить с толку?

Мистер Осборн изумился.

— Да потому, что я убежден. Я прекрасно вас понимаю, да, да, Винаблз не тот человек, бесспорно. И я не вправе настаивать на своем. А все-таки я настаиваю...

Лежен наклонился вперед.

— Вы, наверно, удивились, зачем это я к вам сегодня пожаловал? Я получил медицинское подтверждение, что мистер Винаблз здесь ни при чем, и все-таки я у вас, зачем?

— Верно. Верно. Так зачем же, инспектор?

— Я здесь у вас, — ответил Лежен, — потому что ваша убежденность подействовала на меня. Я решил проверить, на чем она основана. Ведь вы помните, в тот вечер был густой туман. Я побывал в вашей аптеке. Постоял, где вы, на пороге, посмотрел на другую сторону. По-моему, вечером, да еще в туман, трудно разглядеть кого-нибудь на таком расстоянии, а уж черты лица рассмотреть вообще невозможно.

— В какой-то степени вы правы, действительно, опускался туман, но неровный, клочьями. Кое-где были просветы. И в такой просвет попал отец

Горман. И поэтому я видел его и того человека очень ясно. Да, а еще тот человек, когда был как раз напротив моей двери, поднес к сигарете зажигалку. И профиль у него ярко осветился — нос, подбородок, кадык. Я еще подумал, какая необычная внешность. Понимаете?

Мистер Осборн замолк.

— Понимаю, — задумчиво сказал Лежен.

— Может, брат, — с надеждой произнес мистер Осборн. — Может, это его брат-близнец? Это бы разрешило все сомнения.

— Брат-близнец? — Лежен улыбнулся и покачал головой. — Удобный прием для романа. Но в жизни, — он снова покачал головой, — в жизни так не бывает. Не бывает.

— Это верно, не бывает. А если просто брат? Сильное сходство...

Мистер Осборн совсем опечалился.

— По нашим сведениям, у мистера Винаблза братьев нет.

— По вашим сведениям? — повторил мистер Осборн.

— Хоть он по национальности и англичанин, родился он за границей, родители привезли его в Англию, когда ему уже было одиннадцать лет.

— И вам, значит, немногое о нем известно, то есть о его родных?

— Нет, — отвечал Лежен. — Узнать многое о мистере Винаблзе не просто, разве что мы бы его самого порасспросили, но мы не имеем права задавать ему какие бы то ни было вопросы.

Он сказал это намеренно. У полиции были возможности узнать, что необходимо, не обращаясь к самому мистеру Винаблзу, но об этом инспектор Осборну говорить не собирался.

— Итак, если бы не медицинское заключение, — спросил он, поднимаясь, — вы с уверенностью подтвердили бы свои слова?

— Да, — ответил мистер Осборн. — Это мой конек — запоминать лица. — Он усмехнулся. — Сколь-

ких я своих клиентов удивлял! Спрашиваю, бывало, как астма, лучше? Вы приходили ко мне в марте. С рецептом доктора Харгрейвза. Вот уж они удивлялись. Очень помогало мне в деле. Покупателям нравится, когда их помнят.

Лежен вздохнул.

— Такой свидетель, как вы, незаменим на суде, — сказал он. — Опознать человека — дело непростое. Некоторые вообще ничего не могут толком сказать, бормочут только: «Да, по-моему, высокий. Волосы светлые — то есть не очень, но и не темные. Лицо обыкновенное. Глаза голубые, нет, серые, хотя, может, и карие. Серый макинтош, а может, темно-синий».

Мистер Осборн рассмеялся.

— От таких показаний мало толку.

— Конечно, свидетель, как вы — это клад.

Мистер Осборн засиял от удовольствия.

— Это природное качество, — скромно ответил он. — Но я его развивал. И еще я неплохой фокусник. Веселю ребятишек на рождество. Извините, мистер Лежен, а что это у вас в кармане?

Он протянул руку и вытащил у инспектора из кармана маленькую пепельницу.

— Ну и ну, а еще в полиции служите!

Мистер Осборн весело расхохотался, а с ним и Лежен. Потом он вздохнул:

— Так мечтал об отдыхе. А теперь скучаю по аптеке, по людям. Подумываю поступить компаньоном к кому-нибудь в Борнмуте. Так и с вами, по-видимому, будет. Строите, наверно, планы спокойной жизни, а потом будете скучать по своей интересной работе.

Лежен улыбнулся.

— Работа полицейского не так романтична и интересна, как вам кажется, мистер Осборн. По большей части это упорный и тяжкий труд. Не всегда мы гоняемся за преступниками по таинственным следам. Иногда это обычная повседневная работа.

Мистера Осборна эти слова, казалось, ничуть не убедили.

— Вам лучше знать, — сказал он. — До свидания, мистер Лежен, и простите, что не сумел вам помочь. Если от меня что-нибудь потребуется — в любое время.

— Я дам вам тогда знать, — пообещал Лежен.

глава XI

РАССКАЗЫВАЕТ МАРК ИСТЕРБРУК

1

Сначала Гермия. Потом Корриган.

Что же, может, я и в самом деле валяю дурака?

Принимаю вздор за истинную правду. Эта притворщица и лгунья Тирза Грей совсем меня загипнотизировала. А я доверчивый и суеверный осел.

Я решил забыть обо всем этом деле. Что мне-то в конце концов?

И в то же время у меня в ушах звучал голос миссис Колтроп:

— Вы должны что-то предпринять!

Хорошо ей — а что именно?

— Нужно, чтобы кто-то вам помог!

Я просил Гермию о помощи. Просил Корригана. Ни та, ни другой не согласились. Больше обращаться не к кому.

А что, если...

Я подумал.

И тут же подошел к телефону и позвонил миссис Оливер.

— Алло. Говорит Марк Истербрук.

— Слушаю.

— Не можете вы мне сказать, как зовут ту девушку, что была на празднике у Роуды?

— Как же ее зовут... Постойте... Да, конечно, Джинджер. Вот как.

— Это я знаю. А фамилия?

— Представления не имею. Теперь никогда не говорят фамилий. Только имена. — Миссис Оливер по-

молчала, а потом добавила: — Вы позвонните Роуде, она вам скажет.

Мне ее предложенне не понравнлось. Почему-то я испытывал неловкость.

— Нет, не могу, — сказал я.

— Но это же очень просто, — подбодрила меня миссис Олнвер. — Скажите, что потеряли ее адрес, не можете вспомннть фамилню и что вы обещали ей прнслать свою книгу илн вернуть носовой платок — она его вам дала, когда у вас шла носом кровь, — илн вы ей хотнте дать адрес одних богатых знакомых, нм нужно реставрировать картнну. Подойдет? А то я могу еще что-ннбудь придумать, если хотите.

— Подойдет, подойдет, — заверил я.

Через мннуту я уже разговарнвал с Роудой.

— Джннджер? — спросила Роуда. — Сейчас я тебе дам номер ее телефона. Капрнкорн, 35987. Записал?

— Да, спаснбо. А как ее фамилия?

— Фамилия? Коррнган. Кэтрин Корриган. Что ты сказал?

— Ннчего. Спасибо, Роуда.

Странное совпаденне. Коррнган. Двое Корриганов. Может быть, это предзнаменование.

Я набрал ее номер.

2

Джинджер сидела напротив меня за столиком в кафе, где мы договорились встретиться. Она выглядела точно так же, как н в Мач Днпннг, — шапка рыжнх волос, снмпатнчные веснушки и внимательные зеленые глаза. Я на нее залюбовался.

— Найтн вас было целое дело, — сказал я. — Не знаю нн фамилин, ни адреса, ни телефона. А у меня серьезная проблема.

— Так говорнт моя прнходящая служанка. Обычно это означает, что ей нужно купнть новую кастрюльку нли щетку — чнстнть ковер, нли еще что-ннбудь такое же скучное.

— Вам не прндется ничего покупать, — заверил я.

И рассказал ей все. Рассказывать ей было легче,

чем Гермии. — Джинджер уже знала «Белого Коня» и его обитателей. Кончив свой рассказ, я отвел взгляд. Мне не хотелось видеть ее реакцию. Не хотелось увидеть снисходительную усмешку или откровенное недоверие. Моя история звучала еще более по-идиотски, чем обычно. Никто (разве что миссис Колтроп) не мог понять моего состояния. Я рисовал вилкой узоры на пластиковой поверхности стола.

Джинджер спросила деловито:

— Это все?

— Все, — ответил я.

— И что вы собираетесь предпринять?

— А вы думаете — нужно?

— Конечно! Кто-то же должен этим заняться. Разве можно сидеть сложа руки и смотреть, как целая организация расправляется с людьми?

— А что я могу сделать?

Я готов был броситься ей на шею.

Она наморщила лоб. У меня потеплело на сердце. Теперь я не один.

Затем она задумчиво произнесла:

— Нужно выяснить, что все это значит.

— Согласен. Но как?

— Одна-другая возможность найдется. Может быть, я сумею помочь.

— Сумеете? Вы ведь целый день на работе.

— Можно многое сделать после работы.

Она снова задумчиво нахмурилась.

— Та девица, которая ужинала с вами после «Макбета», Пэм или как ее там. Она что-то знает.

— Да, но она перепугалась, не стала даже разговаривать со мной, когда я хотел ее расспросить. Она боится. Она не станет говорить.

— Вот тут-то я и смогу помочь, — уверенно заявила Джинджер. — Мне она скажет многое, чего ни за что не скажет вам. Устройте, чтобы мы все встретились, хорошо? Она с вашим приятелем и мы с вами. Поедем в варьете, поужинаем или еще что-нибудь.

Она вдруг остановилась.

— Только, наверно, это очень дорого?

Я сказал ей, что в состоянии понести такие расходы.

— Что до вас... — Джинджер задумалась. — По-моему, — продолжала она медленно, — вам лучше всего приняться за Томазину Такертон.

— Как? Она ведь умерла.

— И кто-то желал ее смерти, если ваши предположения верны. И устроил все через «Белого Коня». Есть две возможные причины. Мачеха или же девица, с которой Томми тогда подралась, у которой увела кавалера. Может быть, она собиралась за него замуж. Мачехе это было невыгодно или сопернице, если она любила того парня. Кстати, как звали соперницу, вы не помните?

— По-моему, Лу.

— Прямые пепельные волосы, средний рост, довольно полная?

Я подтвердил, что описание подходит.

— Кажется, я ее знаю. Лу Эллис. Она сама не из бедных.

— По ней не скажешь.

— А по ним никогда не скажешь, но это так. Во всяком случае, заплатить «Белому Коню» за услуги у нее бы нашлось. Вряд ли они работают бесплатно.

— Вряд ли.

— Придется вам заняться мачехой. Это вам легче, чем мне. Поезжайте к ней.

— Я не знаю, где она живет, и вообще...

— Хозяин того бара знает, где жила Томми. Да ведь — вот дураки мы с вами — в «Таймсе» было объявление о ее смерти. Надо только поглядеть подшивку.

— А под каким предлогом явиться к мачехе? — спросил я задумчиво.

Джинджер ответила, что это очень просто.

— Вы что-то из себя представляете, — заявила она. — Историк, читаете лекции, всякие у вас ученые степени. На миссис Такертон это произведет впечатление, и она будет вне себя от восторга, если вы к ней пожалуете.

— А предлог?

— Что-нибудь насчет ее дома, — туманно высказалась Джинджер. — Наверняка дом, если он старинный, представляет для историка интерес.

— К моему периоду отношения не имеет, — возразил я.

— А она об этом и не подумает, — сказала Джинджер. — Обычно все считают, если вещи сто лет, то она уже интересна для археолога или историка. А может, у нее есть какие-нибудь картины? Должны быть. В общем договаривайтесь, поезжайте, постарайтесь ее к себе расположить, будьте очаровательным, а потом скажите, что знали ее дочь, то есть падчерицу, и какое горе и так далее... А потом неожиданно возьмите и упомяните «Белого Коня». Если хотите, пугните ее слегка.

— А потом?

— А потом наблюдайте за реакцией. Если ни с того ни с сего назвать «Белого Коня», она должна будет себя как-то выдать, я убеждена.

— И если выдаст — что тогда?

— Самое главное — знать, что мы на верном пути. Если мы будем знать наверняка, тогда уж нас ничто не остановит.

Потом она задумчиво добавила:

— И еще. Как вы думаете, почему эта Тирза Грей так с вами разоткровенничалась? Почему она затеяла этот разговор?

— Разумный ответ один — просто у нее не все дома.

— Я не об этом. Я спрашиваю, почему именно вас она выбрала в наперсники? Именно вас? Не кроется ли в этом какая-то связь?

— Связь с чем?

— Постойте, я должна сообразить.

Я замолк. Джинджер покивала выразительно и сказала:

— Допустим, допустим так. Эта самая Пэм знает о «Белом Коне» весьма приблизительно — что-то слышала, кто-то при ней проговорился. На таких обычно при разговоре не обращают внимания, а у них

между тем ушки на макушке. Может быть, кто-то услышал, как она вам проболталась тогда в ночном клубе, и взял ее на заметку. А потом вы к ней явились с расспросами, но ее напугали, и она не стала даже с вами разговаривать. Но и об этом, что вы приходили и расспрашивали ее, тоже узнали. Спрашивается: почему вас все это может интересовать? Причина одна — вы возможный клиент.

— Но подумайте...

— Это вполне логично, говорю вам. Вы что-то слышали, хотите разузнать побольше в своих собственных целях. Вскорости вы появляетесь на празднике в Мач Дипинг. Приходите на виллу «Белый Конь» — наверно, сами попросили, чтобы вас туда взяли, — и что получается? Тирза Грей не мешкая приступает к деловым переговорам.

— Возможно и так. — Я подумал с минуту. — Как, по-вашему, она действительно что-то такое умеет, Джинджер?

— У меня один ответ — ничего она не умеет. Но случаются всякие странные вещи. Особенно с гипнозом. Вот приказывают тебе: завтра в четыре часа пойди и откуси кусок свечки — и ты это проделываешь, сам не зная почему. В этом роде. А с Тирзой — не хочу верить, но ужасно боюсь: вдруг умеет.

— Да, — сказал я мрачно. — И у меня такое же чувство.

— Я могу потрясти немножко Лу, — задумчиво предложила Джинджер, — знаю, где ее можно встретить. Но самое главное — увидеться с Пэм.

Это мы устроили с легкостью. Дэвид был свободен, мы договорились поехать в варьете, и он явился в сопровождении Пэм. Ужинать мы отправились в «Фэнтази», и я заметил, что после продолжительного отсутствия — Джинджер и Пэм пошли пудрить нос — девушки вернулись друзьями. Никаких опасных тем по совету Джинджер в разговоре не затрагивали. Наконец мы распрощались, и я повез Джинджер домой.

— Особенно докладывать нечего, — весело объявила она. — Я успела пообщаться с Лу. Они поссори-

лись из-за парня по имени Джин Плейдон. Отменная дрянь, насколько я знаю. Девчонки по нему с ума сходят. Он вовсю ухаживал за Лу, а тут появилась Томми. Лу говорит, он охотился за Томмиными денежками. Одним словом, он бросает Лу, и она, конечно, в обиде. Она говорит, что ссора была пустяковая — слегка поцапались.

— Поцапались! Она у Томми половину волос выдрала.

— Я рассказываю, что слышала от Лу.

— Она, похоже, не очень скрытничала.

— Да они все любят поговорить о своих делишках. Со всяким, кто только согласен слушать. В общем у Лу теперь новый дружок — тоже отменный болван, но она от него без ума. Значит, ей вроде бы незачем обращаться к «Белому Коню». Я его упомянула, но она никак не прореагировала. По-моему, ее можно исключить из числа подозреваемых. Но с другой стороны, у Томми были серьезные планы насчет Джина. И Джин за ней ухаживал вовсю. А как с мачехой?

— Она за границей. Завтра приезжает. Я ей написал, просил разрешения заехать.

— Прекрасно. Мы взялись за дело. Будем надеяться, что оно у нас пойдет.

— Хорошо бы с толком!

— Толк будет, — бодро ответила Джинджер. — Да, кстати. Вернемся к отцу Горману. Считают, что перед смертью та женщина сказала ему что-то такое, из-за чего его убили. А кто была эта женщина? Нет ли в ее истории чего-нибудь полезного для нас?

— Я о ней мало знаю. Кажется, ее фамилия была Дэвис.

— Ну, а побольше вы о ней не могли выведать?

— Я посмотрю.

— Если мы о ней выясним побольше, может, станет известно, как она узнала то, что узнала.

— Понимаю.

На другой день я позвонил Джиму Корригану и спросил его, что он знает об этой женщине.

— Кое-что, совсем немного. Ее настоящая фамнлия — Арчер, и муж у нее был мелкнй жулик. Она от него ушла и взяла свою девичью фамнлию.

— А что за жулнк? И где он сейчас?

— Да так, промышлял по мелочи. Воровал в универмагах. Всякие незначительные преступления. Несколько суднмостей. А сейчас его уже нет — умер.

— Да, фактов немного.

— Немного. В фирме, где миссис Дэвис работала в последнее время — Учет спроса потребнтелей, — ннчего о ней не знают.

Я поблагодарил его и повесил трубку.

глава XII

РАССКАЗЫВАЕТ МАРК ИСТЕРБРУК

Через три дня мне позвонила Джинджер.

— У меня для вас кое-что есть, — сказала она, — фамилия и адрес. Запнсывайте.

Я взял записную кннжку.

— Давайте.

— Брэдли — это фамилия, адрес — Бирмннгам, Мьюниснпал-сквер Билдингз, 78.

— Черт меня побери, что же это?

— Одному богу известно. Мне — нет. И сомневаюсь, известно лн самой Пэм.

— Пэм? Так это...

— Ну да. Я основательно поработала над Пэм. Я же вам говорила: из нее можно кое-что вытянуть, если постараться. Я ее разжалобила, а там все пошло как по маслу.

— Каким образом? — спросил я с интересом.

Джинджер засмеялась.

— Девушки должны друг друга выручать, н все такое. Вы не поймете.

— Что-то вроде профсоюза?

— Пожалуй. Одним словом, мы вместе пообедали, и я малость поскулила насчет своей любвн и разных

препятствий: женатый человек, жена ужасная, католичка, развода не дает, терзает его. И еще, что она тяжело больна, мучится, но может протянуть много лет. Ей бы самой лучше умереть. Хочу, говорю, воспользоваться услугами «Белого Коня», но не знаю, как до него добраться, и, наверно, они ужасно много заломят. Пэм говорит: да, наверняка, она слышала, что они просто обдирают людей. А я говорю: но у меня скоро будут средства — дядя, ужасный милашка, жалко, что он при смерти, — и это подействовало. Но как с ними связаться? И тогда Пэм выложила мне эту фамилию и адрес. Надо сперва повидаться с ним, уладить деловую сторону.

— Невероятно! — воскликнул я.

— Согласна.

Мы помолчали.

Потом я спросил недоверчиво:

— Она так прямо все и рассказывала? Не побоялась?

Джинджер ответила раздраженно:

— Вы не понимаете. Девушки друг другу что хочешь скажут. И кроме того, Марк, если это дело поставлено по-настоящему, нужна же им какая-то реклама. То есть им все время нужны новые «клиенты».

— Мы с ума сошли, если верим в такое.

— Пожалуйста. Сошли. Вы поедете в Бирмингам к мистеру Брэдли?

— Да. Я с ним повидаюсь. Если только он существует.

Я не очень-то верил, что есть такой человек. Но я ошибся. Мистер Брэдли существовал.

Мьюнисипал-сквер Билдингз представлял из себя гигантский улей — конторы, конторы. № 78 находилась на третьем этаже. На двери матового стекла было аккуратно выведено; «К. Р. Брэдли, комиссионер». А пониже, мелкими буквами: «Входите».

Я вошел.

Маленькая приемная была пуста, дверь в кабинет полуоткрыта. Из-за двери послышался голос:

— Заходите, пожалуйста.

Кабинет был попросторнее. В нем стоял письменный стол, на столе телефон, удобные кресла, этажерка с отделениями для бумаг. За столом сидел мистер Брэдли.

Это был невысокий темноволосый человек с хитрыми черными глазами. Одетый в солидный темный костюм, он являл собой образец респектабельности.

— Закройте, пожалуйста, дверь, если вам не трудно, — попросил он. — И присаживайтесь. В этом кресле вам будет удобно. Сигарету? Не хотите? Итак, чем могу быть полезен?

Я посмотрел на него. Я не знал, как начать. Я не представлял себе, что буду говорить. И, наверно, просто с отчаяния, а быть может, под действием взгляда маленьких блестящих глаз я вдруг выпалил:

— Сколько?

Это его несколько озадачило, что я и отметил про себя с радостью, но совсем не так, как должно было озадачить. Он вовсе не подумал, как подумал бы я на его месте: посетитель не в своем уме.

Он слегка поднял брови.

— Ну и ну, — сказал он. — Времени вы не теряете.

Я гнул свое.

— Каков будет ваш ответ?

Он укоризненно покачал головой.

— Так дела не делают. Надо соблюдать должную форму.

Я пожал плечами.

— Как хотите. Что вы считаете должной формой?

— Мы ведь еще не представились друг другу. Я даже не знаю вашего имени.

— Пока что, — заявил я, — мне не хотелось бы называть себя.

— Осторожность?

— Осторожность.

— Прекрасное качество, хотя не всегда себя оправдывает. Кто прислал вас ко мне? Кто у нас общий знакомый?

— И опять-таки я не могу сказать. У одного моего друга есть друг, он знает вашего друга.

Мистер Брэдли кивнул.

— Да, так ко мне находят путь многие из моих клиентов, — сказал он. — Некоторые обращаются по очень деликатным вопросам. Вы, наверно, знаете, чем я занимаюсь?

Он и не думал ждать моего ответа, а поторопился сказать:

— Я комиссионер на скачках. Быть может, вас интересуют лошади?

Перед последним словом он сделал еле заметную паузу.

— Я не бываю на скачках, — ответил я.

— Лошади нужны не только на скачках. Скачки, охота, упряжка. Ну, а меня привлекает конный спорт. Я заключаю пари.

Он помолчал с минуту и безразлично, пожалуй даже чересчур безразлично, произнес:

— Вы хотели бы поставить на какую-нибудь лошадь?

Я пожал плечами и сжег за собой мосты.

— На белого коня...

— А, прекрасно, чудесно. А сами-то вы, с позволения сказать, кажется, темная лошадка. Ха-ха! Спокойнее. Не надо волноваться.

— Это вам не надо волноваться, — ответил я грубовато.

Мистер Брэдли заговорил еще ласковее и успокоительнее:

— Я вас прекрасно понимаю. Но уверяю вас, волноваться незачем. Я сам юрист — правда, меня дисквалифицировали, иначе бы я здесь не сидел. Но смею вас заверить, я соблюдаю законы. Все, что я рекомендую, совершенно законно. Просто мы заключаем пари. Каждый волен заключать любые пари — будет ли завтра дождь, пошлют ли русские человека на Луну, родится ли у вашей жены один ребенок или близнецы. Вы можете поспорить о том, умрет ли мистер Б. до рождества и доживет ли миссис К. до ста лет. Вы исходите из соображений здравого смысла, или прислушиваетесь к своей интуиции, или как там это еще называется. Все очень просто.

Я чувствовал себя так, словно хирург пытался меня подбодрить перед операцией. Мистер Брэдли походил сейчас на врача.

Я медленно проговорил:

— Мне непонятно, что происходит на вилле «Белый Конь».

— И это вас смущает? Да, это смущает многих. Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам, и так далее, и тому подобное. Откровенно говоря, я и сам толком в этом не разбираюсь. Но результаты говорят за себя. Результаты удивительные.

— А вы не можете мне подробнее об этом рассказать?

Я уже по-настоящему вошел в роль — этакий осторожный нетерпеливый и изрядно трусящий простачок. Видимо, мистер Брэдли в основном имел дело с такими.

— Вы знаете эту виллу?

Я быстро сообразил, что врать ни к чему.

— Я — да, ну, я там был с друзьями. Они меня туда водили...

— Прелестная старая таверна. Представляет исторический интерес. И они ее восстановили с таким вкусом, просто сделали чудеса. Значит, вы с ней знакомы. С моей приятельницей мисс Грей?

— Да, да, конечно. Необыкновенная женщина.

— Вы это очень верно подметили. Необыкновенная женщина. Необыкновенный дар.

— Она утверждает, что ей дано совершать нечто сверхъестественное. Но... ведь это... ведь это невозможно?

— В том-то и дело. Это просто невообразимо. Все так говорят. В суде, к примеру...

Мистер Брэдли, сверля меня черными бусинками глаз, повторил свои слова с подчеркнутой выразительностью.

— В суде, к примеру, такое бы высмеяли. Если бы эта женщина предстала перед судом и созналась в убийстве, убийстве на расстоянии с помощью «силы воли» или еще какой-нибудь чепухи, к которой она

прибегает, такое признание все равно не могло бы послужить основанием для судебного разбирательства! Даже если бы ее признание было правдой (во что разумные люди, как вы и я, ни на минуту не поверят), и тогда бы его нельзя было определить как нарушение законов. Убийство на расстоянии в глазах закона не убийство, а чистый вздор. В этом-то и вся соль, и вы сами можете ее оценить.

Я понимал, что меня успокаивают. Убийство, совершенное мистической силой, не рассматривается как убийство в английском суде. Найми я гангстера, чтобы тот убил кого-то по моей просьбе, меня привлекут к ответственности вместе с ним за соучастие. Но если я обращусь к Тирзе Грей, к ее черным силам, то черные силы не накажешь. Вот в чем, по мнению мистера Брэдли, заключалась вся соль.

Тут мой разум взбунтовался. Я не выдержал.

— Но, черт возьми, это же невероятно, — закричал я. — Я не верю. Этого не может быть.

— Я с вами согласен. Согласен полностью. Тирза Грей — необычная женщина, у нее редкий дар, но поверить в ее дар невозможно. Как вы правильно заметили, это фантастично. В наши дни никто не поверит, что можно послать волны мысли, или как их там, самому или через медиума, сидя в деревенском домике в Англии, и так вызвать смерть от естественных причин на Капри или где-то еще.

— И она себе приписывает такие возможности?

— Да. Конечно, она наделена особой силой. Она из Шотландии, а среди шотландцев много ясновидящих. В одно я верю: Тирза Грей знает заранее, что кому-то суждено умереть. Это редкостный дар. И она этим даром владеет.

Он наклонился вперед, разглядывая меня. Я молчал.

— Предположим на минуту такое. Кто-то, вы ли или другой человек, хочет знать, когда умрет, ну, скажем, бабушка Элайза. Иногда это нужно знать. Ничего в этом дурного, ничего ужасного — просто деловой подход. Какие нужно обдумать планы? Будут ли у нас деньги, положим, к ноябрю? Если вы знаете это

наверняка, вы можете совершить выгодную сделку. Смерть ведь такая ненадежная вещь. Добрая старая Элайза с помощью докторов может протянуть еще с десяток лет. Вы этому только порадуетесь, вы привязаны к старушке, но знать точно не мешает.

Он помолчал, потом наклонился ко мне еще ближе.

— И тут на помощь прихожу я. Я заключаю пари. Какое угодно, условия мои, конечно. Вы обращаетесь ко мне. Естественно, вы не будете ставить на то, что старушка умрет. Это жестоко и не по душе вам. И мы оговариваем это так: вы спорите на определенную сумму, что бабушка Элайза будет жива и здорова, когда наступит рождество, а я спорю — что нет. Очень просто. Мы составляем договор и подписываем его. Я назначаю число. Я утверждаю, что к этому числу, может, неделей раньше или позже, по старушке Элайзе отслужат панихиду. Вы не согласны со мной. Если вы правы — я плачу вам, если я — вы платите мне!

Я заговорил хриплым голосом, снова входя в роль:

— Какие ваши условия?

Мистер Брэдли мгновенно переменился. Он заговорил весело, почти шутливо.

— С этого мы с вами начали. Вернее, с этого начали вы, ха-ха. «Сколько?» — говорите. Испугали меня не на шутку. Ни разу не видел, чтобы люди так брали быка за рога.

— Какие ваши условия?

— Это зависит от многого. В основном от суммы пари. Иногда от возможностей клиента. Если речь идет о надоевшем муже или шантажисте, сумма пари устанавливается с учетом того, какими средствами клиент располагает. И я не имею дела — вношу здесь полную ясность — с людьми бедными, за исключением случаев, когда речь идет о наследстве. Тогда мы исходим из размеров состояния бабушки Элайзы. Условия — по обоюдному согласию. Обычно из расчета пятьсот к одному.

— Пятьсот к одному? Круто берете.

— Но если бабушка Элайза вот-вот должна умереть, вы бы ко мне не пришли.

— А что, если вы проиграете?

Мистер Брэдли пожал плечами.

— Что ж поделаешь. Уплачу.

— А если я проиграю, я уплачу. А что, если я не стану платить?

Мистер Брэдли откинулся в кресле. Он прикрыл глаза.

— Не советую вам этого, — сказал он негромко.— Не советую.

Несмотря на тихий голос, каким были сказаны эти слова, меня пробрала дрожь. Он не произнес ни одной угрозы, но угроза чувствовалась ясно.

Я поднялся и сказал:

— Мне нужно все обдумать.

Мистер Брэдли опять превратился в любезного и обходительного человека.

— Конечно, обдумайте. Никогда не нужно спешить. Если вы решите заключить со мной сделку, приезжайте, и мы все обсудим. Время терпит. Торопиться некуда. Время терпит.

Я вышел, и мне все слышались эти слова: «Время терпит».

глава XIII

РАССКАЗЫВАЕТ МАРК ИСТЕРБРУК

Я думал о предстоящем визите к миссис Такертон с величайшей неохотой. На эту встречу меня толкнула Джинджер, и я все еще сильно сомневался, нужен ли такой шаг. Прежде всего я чувствовал, что не подхожу для роли, которую выбрал. Я сильно сомневался, смогу ли вызвать нужную реакцию, и знал, что совсем не умею притворяться.

Джинджер с потрясающей деловитостью, которая у нее появлялась в нужных случаях, давала мне по телефону последние наставления.

— Все очень просто. Ее дом строил Нэш *.

* Известный английский архитектор.

Не обычный для него стиль, а один из псевдоготических полетов фантазии.

— А зачем он мне понадобился, этот дом?

— Собираетесь писать статью о факторах, которые влияют на изменение архитектурного стиля. Что-нибудь в этом роде.

— Сразу видно, что вранье, — сказал я.

— Глупости, — уверенно заявила Джинджер. — Когда говорят о науке, то возникают дикие теории, о них рассуждают и пишут в самом серьезном тоне и самые неожиданные люди. Я могу вам процитировать целые главы невероятного бреда.

— Вот вам и лучше к ней поехать.

— Ошибаетесь, — ответила Джинджер. — Миссис Т. может найти вас в справочнике, и это произведет на нее должное впечатление. А меня она там не найдет.

Это тоже меня не убедило, хоть ответить было нечего.

Когда я вернулся после встречи с мистером Брэдли, мы с Джинджер подробно все обсудили. Ей это казалось менее невероятным, чем мне. Она даже испытывала определенное удовлетворение.

— Теперь хоть ясно, что мы ничего не выдумываем, — заметила она. — Теперь мы знаем, что существует организация, которая устраняет неугодных людей.

— Сверхъестественными средствами!

— Если бы мистер Брэдли оказался знахарем или астрологом, можно было бы не верить. Но раз это гнусный и подлый мелкий жулик — во всяком случае, так я поняла из ваших слов...

— Близко к истине, — вставил я.

— ...тогда все обретает реальность. Пусть это кажется сущим вздором, но три дамы из виллы «Белый Конь» располагают какими-то возможностями и добиваются своего.

— Если вы так уверены, зачем тогда нужна миссис Такертон?

— Лишний раз проверить, — ответила Джинджер. — Мы знаем, какие силы приписывает себе Тир-

за Грей. Мы знаем, как у них поставлена денежная сторона. Кое-что нам известно о трех их жертвах. Нужно разузнать кое-что и о клиентах.

— А что, если миссис Такертон не проявит себя клиенткой?

— Придется тогда искать другие пути.

— А я вообще могу все испортить, — сказал я уныло.

Джинджер ответила, что не нужно так плохо о себе думать.

И вот я у дверей виллы «Кэррауэй Парк». И она совсем не совпадает с моим представлением о домах, которые строил Нэш. Джинджер пообещала мне последнюю книгу по архитектуре, но вовремя не достала, так что я был плохо подкован в этой области.

Я позвонил, болезненного вида дворецкий открыл мне дверь.

— Мистер Истербрук? — спросил он. — Миссис Такертон вас ждет.

Он провел меня в вычурно обставленную гостиную. Комната производила неприятное впечатление. Все в ней было дорогое, но безвкусное. Одна или две хорошие картины терялись среди множества плохих. Мебель была обита желтой парчой. Меня отвлекла от дальнейших наблюдений сама миссис Такертон. Я с трудом поднялся из глубин желтопарчового дивана.

Не знаю, чего я ожидал, но вид хозяйки дома совершенно меня обескуражил. Ничего в ней не было устрашающего — всего-навсего обычная средних лет женщина. Не очень интересная, подумал я, и не слишком привлекательная. Губы под щедрым слоем помады тонкие и злые. Слегка срезанный подбородок. Светло-голубые глаза, которые, казалось, отмечают цену всего, что видят. Женщин ее типа можно часто встретить, только они не так дорого одеты и не так искусно намазаны.

— Мистер Истербрук? — она явно была в восторге от моего визита. — Счастлива с вами познакомиться. Подумать только, вас заинтересовал мой дом! Я знаю, его строил Джон Нэш, муж мне говорил, но

вот уж ие думала, что такой человек, как вы, проявит к нему интерес!

— Видите ли, миссис Такертон, это не совсем обычный для Нэша стиль, и потому... э...

Она меия сама выручила:

— К сожалению, я ничего не понимаю ии в архитектуре, ни в археологии и вообще в таких вещах. Но простите мие мое невежество.

Я охотно простил. Оио меня устраивало.

— Конечно, все это ужасно интересно! — сказала миссис Такертои.

Я отвечал, что мы, специалисты, наоборот, ужасно скучиы и нудны, когда рассуждаем о своем предмете.

Миссис Такертон запротестовала, что этого ие может быть, и предложила сперва выпить чаю, а потом уже осматривать дом или, если я хочу, сперва осмотреть дом, а потом выпить чаю.

Я не рассчитывал иа чай — мы договорились, что я приеду в половине четвертого, — и попросил ее сначала показать мне дом.

Оиа сказала, что дом скоро будет продан, и уже, кажется, есть покупатель.

— Он стал слишком велик для меня одной — после смерти мужа. А мие ие хотелось бы водить вас по опустевшему дому. Как следует оцеиить дом можно только, если в ием живут, ие правда ли, мистер Истербрук?

Я бы предпочел видеть этот дом без мебели и без ныиешних обитателей, ио этого, естествеино, сказать ие мог. Я спросил ее, собирается ли оиа жить где-нибудь поблизости.

— По правде говоря, иет. Я еще хочу путешествовать. Где-нибудь, где яркое солнце. Неиавижу этот гадкий климат. Хочу провести зиму в Египте. Я там побывала два года иазад. Дивиая страиа, но вы-то, иаверно, лучше моего ее зиаете.

Я иичего ие зиаю о Египте и так и сказал.

— Скромиичаете, иаверио, — ответила оиа весело. — Вот столовая. Октогоиальная, правильио я говорю? Нет углов.

Я сказал, правильно, и похвалил пропорции.

Вскоре, закончив осмотр, мы вернулись в гостиную, и миссис Такертон позвонила, чтобы подавали чай.

Вызвать миссис Такертон на разговор особого труда не представляло. Она любила поговорить. Особенно о себе. Я внимательно слушал, вставлял, где надо, восклицания и вопросы, и скоро я многое узнал о миссис Такертон. Узнал и много такого, о чем она не подозревала.

Узнал, что она вышла замуж за Томаса Такертона, вдовца, пять лет назад. Она была «много-много младше его». Познакомилась с ним на курорте, где она служила в большом отеле. Она и не заметила, как упомянула об этом. Его дочь была в школе неподалеку.

— Бедный Томас, он был так одинок... Его первая жена умерла за несколько лет до того, и он очень тосковал по ней.

Миссис Такертон продолжала набрасывать свой портрет. Благородная, добросердечная женщина пожалела одинокого, стареющего человека. Его слабое здоровье — ее преданность.

— Хотя в последние месяцы его болезни я даже не могла видеться ни с кем из своих друзей.

А что, если некоторых ее приятелей Томас Такертон недолюбливал, подумал я. Это может объяснить условия завещания.

Джинджер успела узнать все о завещании Такертона.

Кое-что оставлено старым слугам, крестникам, содержание жене — достаточное, но не слишком щедрое. А весь свой капитал, исчисляемый шестизначным числом, он завещал дочери, Томазине Энн; эти деньги должны были перейти в ее полное владение, когда ей исполнится двадцать один год или до того, если она выйдет замуж. Если она умрет, не достигнув двадцати одного года и не будучи замужем, наследство переходит к ее мачехе. Других родственников у Такертона, кажется, не было.

Награда, подумал я, не маленькая. А миссис Та-

кертон любила деньги... Это было видно по всему. Своих у нее никогда не было, пока она не вышла замуж за пожилого вдовца. И тогда, видно, богатство бросилось ей в голову. Мешал больной муж; и она мечтала о том времени, когда будет свободной, и все еще молодой, и владелицей богатств, какие ей и не снились.

И вместо этого все деньги достались дочери! Она стала богатой наследницей. Девчонка завладеет всем. А что, если... Что, если? Можно ли себе представить, что эта вульгарная блондинка, сыплющая прописными истинами, способна отыскать пути к «Белому Коню» и обречь ни в чем не повинную девушку на смерть?

Нет, я не мог в это поверить.

Однако мне надо выполнить свою задачу. Я довольно резко перебил ее:

— А знаете, я ведь как-то раз видел вашу дочь, то есть падчерицу.

Она взглянула на меня удивленно, но без особого интереса.

— Томазину? Что вы говорите?

— Да, в Челси.

— Ах, в Челси. Конечно, где же еще...

Она вздохнула.

— Теперешние девушки. Так с ними трудно. Отец очень расстраивался. Меня она ни в грош не ставила. Мачеха, сами понимаете...

— Да, это всегда нелегко.

— Я со многим мирилась, старалась, как могла, но никакого толку. А потом она связалась с весьма нежелательной компанией.

— Я это понял.

— Бедняжка Томазина, — продолжала миссис Такертон, поправляя волосы. — Вы ведь, наверно, еще не знаете. Она умерла около месяца назад. Энцефалит — так внезапно, так ужасно.

— Я знал, что она умерла.

Я поднялся.

— Благодарю вас, миссис Такертон, за то, что вы показали мне дом.

Мы пожали друг другу руки.

Уже на выходе я обернулся.

— Кстати, — сказал я. — Вы, по-моему, знаете виллу «Белый Конь», не правда ли?

Глаза ее выразили беспредельный ужас. Под густым слоем косметики лицо побелело и исказилось от страха.

— Белый конь? Какой белый конь? Я не знаю ни про какого белого коня.

Я позволил себе легкое удивление.

— О, извините. В Мач Дипинг есть любопытная старинная таверна. Я там побывал как-то на днях. И я был совершенно уверен, что кто-то упомянул там ваше имя — хотя, быть может, говорили о вашей падчерице, она там была, что ли... или о какой-нибудь вашей однофамилице. — Я выдержал эффектную паузу. — Об этой таверне рассказывают много интересного.

В одном из зеркал на стене я увидел лицо миссис Такертон. Она очень, очень испугалась.

глава XIV

РАССКАЗЫВАЕТ МАРК ИСТЕРБРУК

1

— Ну, теперь сомневаться не приходится, — сказала Джинджер.

— А мы и раньше не сомневались.

— Да, но сейчас все полностью подтвердилось.

Я помолчал с минуту. Я себе представил, как миссис Такертон едет в Бирмингам. Встречается с мистером Брэдли. Ее волнение — его успокаивающий тон. Он убедительно втолковывает ей, что нет никакого риска. (А втолковать ей это было делом не легким — миссис Такертон не из тех, кто идет на риск.) Я представил себе, как она уезжает, ничем себя не связав, решив все хорошенько обдумать. Возможно, она поехала навестить падчерицу. Или же падчерица приехала домой на воскресенье. Они, воз-

можно, поговорили, девушка намекнула о предстоящем замужестве. А мачеха все время думает о ДЕНЬГАХ — не о жалких грошах, о подачке, а об огромных деньгах, целой куче денег, о деньгах, с которыми все на свете для тебя открыто! И подумать, такое богатство достанется этой невоспитанной, распущенной девчонке, в джинсах и бесформенном свитере шатающейся по барам Челси со своими распущенными дружками. Почему это ей, девчонке, от которой нечего ждать никакого толку, достанутся такие денежки?

И вот — еще одна поездка в Бирмингам. Больше осторожности, больше уверенности. Наконец обсуждаются условия. Я невольно улыбнулся. Тут мистеру Брэдли много не урвать. Эта дама умеет торговаться. Но вот, наконец, об условиях договорились, подписали какую-то бумажку, и что же дальше?

Здесь воображение мне отказало. Дальнейшее представить себе было невозможно.

Я очнулся от своих мыслей и заметил, что Джинджер наблюдает за мной.

— Рано или поздно, — сказала она, — кто-то должен выяснить, что же все-таки происходит в «Белом Коне».

— Как?

— Не знаю. Это не легко. Никто, кому пришлось там побывать, кто обращался к нам за услугами, никогда не скажет об этом ни слова. Но, кроме них, никто ничего не знает. Задача не из легких... Интересно...

— А что, если обратиться в полицию? — предложил я.

— Правильно. У нас теперь есть кое-какие данные. Их достаточно, чтобы возбудить дело, как вы думаете?

Я в сомнении покачал головой.

— Не знаю. Всякий вздор насчет подсознательного стремления к смерти. Может, и не вздор, но как это прозвучит в суде? Мы ведь не имеем представления, что там делают, на этой вилле.

— Значит, нужно выяснить что. Но как?

— Нужно все услышать и увидеть своими глазами. Но спрятаться там негде.

Джинджер энергично тряхнула головой и сказала:

— Есть только один путь. Нужно стать настоящим клиентом.

— Настоящим клиентом?

— Да. Вы или я, неважно, хотим убрать кого-то с дороги. Один из нас должен отправиться к Брэдли и договориться с ним.

— Не нравится мне это, — резко сказал я.

— Почему?

— Мало ли что может случиться.

— С нами?

— Возможно, и с нами. Но я думаю сейчас о жертве. Нам нужна жертва, мы должны назвать Брэдли какое-то имя. Его можно выдумать. Но они ведь станут проверять, почти наверняка станут, как вы думаете?

Джинджер помолчала минуту и кивнула головой.

— Да. Жертва должна быть определенным человеком с определенным адресом.

— Вот это мне и не по душе, — сказал я.

— И у нас должна быть веская причина избавиться от нее.

Мы замолчали, обдумывая свои возможности.

— Этот человек должен согласиться на наше предложение — а разве кто захочет?

Джинджер отвечала:

— Допустим, вы или я (мы это обдумаем) мечтаем от кого-то избавиться. От кого, например? Есть у меня милейший дядюшка Мервин — мне после его смерти достанется изрядный куш. У него только два наследника — я и еще кто-то в Астралии. Вот вам и причина. Но ему уже за семьдесят, и он немного свихнулся, и всякий поймет, что разумнее подождать немного, — разве что я попала в безвыходное положение и мне страшно нужны деньги, а в это никто не поверит. Кроме того, он душенька, я его нежно люблю, и свихнулся он там или нет, он обожает жизнь, и я не хочу рисковать ни одной минутой его жизни.

А вы? Есть у вас родственники, от которых вы ждете наследства?

Я покачал головой.

— Ни одного.

— Скверно. А если выдумать шантаж? Хотя уж больно много возни. Кому придет в голову вас шантажировать? Будь вы еще член парламента или министр, который пошел в гору. Или я. То же самое. Пятьдесят лет назад все было бы очень просто. Компрометирующие письма или фотографии в голом виде, а теперь никто и внимания не обратит. Теперь можно смело поступить, как герцог Веллингтонский, сказать им: «Печатайте — и идите к черту!» Ну что же еще? Двоеженство? — Она взглянула на меня с упреком. — Какая жалость, что вы никогда не были женаты. А то бы мы что-нибудь состряпали.

Меня выдало лицо. Джинджер сразу заметила.

— Простите. Я потревожила старую рану?

— Нет. Рана уже зажила. Это было давно.

— Вы были женаты?

— Да. Еще студентом.

— И что же случилось?

— Мы поехали в Италию на каникулы. Автомобильная катастрофа. Ее убило на месте.

— А как же вы?

— Она ехала в машине с другим.

Джинджер, видимо, поняла, как все было. Как я был потрясен, узнав, что девушка, на которой я женился, не из тех, кто хранит верность своему мужу.

Джинджер снова вернулась к делу:

— Вы поженились в Англии?

— Да. В отделе регистрации браков в Питерборо.

— А умерла она в Италии.

— Да.

— Значит, в Англии ее смерть не оформлена документом?

— Нет.

— Тогда чего же вам еще нужно? Все очень просто. Вы безумно влюблены в кого-то и хотите жениться, но не знаете, жива ли еще ваша супруга. Вы

расстались с ней много лет назад и с тех пор ничего о ней не слыхали. И вдруг она появляется как снег на голову, отказывает вам в разводе и грозит пойти к вашей девице и все ей выложить.

— А кто моя девица? — спросил я в некотором недоумении. — Вы?

Джинджер возмутилась:

— Конечно, нет. Я не тот тип. Я свободно могу на все махнуть рукой и жить во грехе. Нет, вы отлично знаете, кого я имею в виду, — вот она подходит. Та величественная брюнетка, с которой вы всюду бываете. Очень образованная и серьезная.

— Гермия Редклифф?

— Она. Ваша девушка.

— Кто вам про нее рассказал?

— Пэм, конечно. Она, кажется, богата?

— Очень. Но ведь...

— Ладно, ладно. Я же не говорю, что вы женитесь на ней ради денег. Вы не из таких. Но подлые типы вроде Брэдли могут в это повернуть... Прекрасно. Дело обстоит так. Вы собираетесь жениться на Гермии, как вдруг появляется жена. Приезжает в Лондон — и начинается история. Вы настаиваете на разводе — жена ни в какую. У нее мстительный нрав. И тут вы прослышали про виллу «Белый Конь». Держу пари на что угодно — Тирза и полоумная Белла решили тогда, что именно потому вы к ним и явились. Они это приняли за предварительное посещение, и потому Тирза так и разоткровенничалась. Она рекламировала свое дело.

— Возможно.

Я мысленно вернулся к тому дню.

— И вскоре после этого вы отправились к Брэдли, это тоже подтверждает ваши намерения. Вы на крючке. Вы возможный клиент.

— И все-таки они будут очень тщательно меня проверять.

— Непременно, — согласилась Джинджер.

— Выдумать фиктивную жену очень просто, но они потребуют деталей — где она живет и все такое, и когда я начну вилять...

— Внлять не понадобнтся. Чтобы все прошло гладко, нужна супруга, н супруга будет! А теперь мужайтесь — супругой буду я!

2

Я посмотрел на нее. Илн, вернее сказать, вытаращнл глаза. Уднвнтельно, как она не расхохоталась.

Постепенно я пршшел в себя, и Джинджер продолжала.

— Не пугайтесь, — сказала она. — Я вам не делаю предложення.

Я обрел дар речн.

— Вы самн не понимаете, что говорите.

— Прекрасно понимаю. То, что я предлагаю, вполне осуществимо, н не прндется втягнвать в эту опасную затею нн в чем не повинных людей.

— Это значит втягивать вас в опасную историю.

— А это уж мое дело.

— Нет, не только. И вообще все это шнто белымн нитками.

— Ничего подобного. Я все обдумала. Я снимаю меблнрованную квартнру, въезжаю туда с чемоданами в загранничных наклейках. Говорю, что я мнссис Истербрук, — а кто может это опровергнуть?

— Любой, кто вас знает.

— Кто меня знает, меня не увидит. На работе я скажусь больной. Волосы выкрашу — кстати, ваша жена была брюнетка нлн блондинка? — хотя в наше время это не нмеет значения.

— Брюнетка, — ответил я машинально.

— Вот н хорошо, ненавижу перекись. Намажусь, накрашусь, оденусь по-другому — н родная мать меня не узнает. Вашу жену никто не вндел уже пятнадцать лет, никто н не сообразит, что это не она. И почему на вилле «Белый Конь» должны в этом усомниться? Они могут проверить регистрацию брака в архиве. Разузнать про вашу дружбу с Гермией. У них не возникнет сомнений.

— Вы не представляете себе всех трудностей, всего риска.

— Риск! Ни черта! — сказала Джинджер. — Мечтаю помочь вам содрать несколько сот фунтов с этой акулы Брэдли.

Я поглядел на нее — она вызывала у меня восхищение. Рыжая голова, веснушки, бесстрашное сердце. Но я не мог позволить ей идти на такой риск.

— Я не могу этого допустить, Джинджер, — сказал я. — А вдруг что-нибудь случится?

— Со мной?

— Да.

— А разве это не мое дело?

— Нет. Я вас втянул в эту историю.

Она задумчиво покивала.

— Что ж, может, и так. Но теперь уже неважно. Мы оба в этом заинтересованы, и мы должны что-то предпринять. Я говорю вполне серьезно, Марк, я ни на минуту не думаю, будто все это очень весело. Если мы не ошибаемся и то, что мы думаем, правда — это гнусное, мерзкое дело. И ему надо положить конец. Это ведь не убийство под горячую руку на почве ревности, или ненависти, или просто из алчности — в таких случаях убийца подвергает и себя смертельной опасности. Тут убийство поставлено на деловую основу — убийство как прибыльное занятие. Конечно, если все это правда.

— Мы же знаем, что это правда, — сказал я. — Потому я и боюсь за вас.

Джинджер положила локти на стол и принялась меня убеждать.

Мы снова обсудили все со всех сторон.

Джинджер сделала окончательные выводы.

— Дело обстоит так. Я предупреждена и вооружена. Я знаю, что со мной собираются сделать. И не верю ни на минуту, что им это удастся. Если у каждого есть подсознательное стремление к смерти, то у меня оно, видно, недостаточно развито. И здоровье у меня отличное. Не думаю, чтобы у меня вдруг объявились камни в желчном пузыре или менингит из-за того, что Тирза нарисует на полу несколько пятиугольников, а Сибил впадет в транс или еще от каких-нибудь их штучек.

— Белла, по-моему, приносит в жертву белого петуха, — задумчиво добавил я.

— Признайтесь, это ведь ужасный вздор.

— Откуда мы знаем, что там на самом деле происходит, — возразил я.

— Не знаем. И должны узнать. Но неужели вы верите, что из-за каких-то колдовских обрядов в сарае виллы «Белый Конь» я в своей лондонской квартире могу смертельно заболеть? Неужели?

— Нет, — ответил я. — Не верю.

И добавил:

— И все-таки, кажется, верю.

Мы поглядели друг на друга.

— Да, — промолвила Джинджер. — В этом наша слабость.

— Послушайте, — начал я. — Давайте сделаем наоборот. Я буду в Лондоне. Вы — клиент. Что-нибудь сообразим.

Джинджер решительно покачала головой.

— Нет, Марк, — сказала она. — Так ничего не выйдет. По многим причинам. Главное, они меня уже знают, и могут все обо мне выведать у Роуды. А вы в отличном положении — нервничающий клиент, вынюхиваете что-то, боитесь. Нет, пусть будет так.

— Не нравится мне это. Вы будете одна, под чужим именем, и некому за вами приглядеть. По-моему, прежде чем начать, нужно обратиться в полицию.

— Согласна, — медленно произнесла Джинджер. — Это необходимо. Куда? В Скотланд Ярд?

— Нет, — сказал я. — К инспектору полиции Лежену. Так будет лучше всего.

глава XV

РАССКАЗЫВАЕТ МАРК ИСТЕРБРУК

Мне сразу понравился полицейский инспектор Лежен. Было видно, что это человек дельный. И кроме того, человек с воображением.

Он сказал:

— Доктор Корриган говорил мне о вас. Его заинтересовало это дело с самого начала. Отца Гормана у нас любили и почитали. Так вы говорите, раздобыли интересные сведения?

Я рассказал ему о первом упоминании виллы «Белый Конь» в ночном клубе. Описал свой визит к Роуде и как меня представили «трем странным сестрам». Передал, насколько мог точно, разговор с Тирзой Грей.

— И вы восприняли всерьез то, что она сказала?

Я смутился.

— Да нет, конечно. То есть я не поверил.

— Не поверили? А мне кажется, поверили.

— Вы правы. Просто неловко в этом сознаться.

Лежен улыбнулся.

— Но чего-то вы недоговариваете. Вас уже интересовала эта история, когда вы приехали в Мач Диппинг. Почему?

— Наверно, из-за того, что эта девушка так перепугалась.

— Юная леди из цветочной лавки?

— Да. Она нечаянно ляпнула про «Белого Коня». И то, что она так испугалась, навело на мысль: есть от чего пугаться. А потом я встретил доктора Корригана, и он рассказал мне про этот список. Двух людей из списка я уже знал. Они умерли. Еще одно имя показалось знакомым. И потом я узнал, что она тоже умерла.

— Это вы о миссис Делафонтейн?

— Да.

— Продолжайте.

— Я решил разузнать обо всем этом побольше.

— И принялись за дело. Как?

Я рассказал ему о своей поездке к миссис Такертон. Наконец, я подошел к мистеру Брэдли и его конторе в Мьюнисипал-сквер Билдингз в Бирмингаме.

Он слушал с огромным интересом.

— Брэдли, — сказал он. — Значит, Брэдли в этом замешан?

— А вы его знаете?

— О да, нам о мистере Брэдли все известно.

Он нас изрядно поводил за нос. К нему не подкопаешься. Мог бы напнсать книгу вроде поваренной — «Сто способов, как обойти закон». Но убийство, организованное убнйство — это как будто не по его части.

— А вы не можете ничего предпринять? Ведь я вам многое рассказал.

Лежен медленно покачал головой.

— Нет, ничего. Во-первых, свидетелей вашего разговора нет. И он может все отрицать. Кроме того, он вам правильно сказал: можно заключить любое пари. Он бьется об заклад, что кто-то умрет,— и проигрывает. Ничего преступного в этом нет. Нам нужны какие-то веские уликн против Брэдли, а где их возьмешь? Не так-то просто.

Он пожал плечами, а потом спросил:

— Вы, случайно, не встречали человека по фамилии Винаблз в Мач Дипинг?

— Встречал. И даже был у него в гостях.

— Ага! Какое он на вас произвел впечатление.

— Снльное! Огромная воля — ведь он калека.

— Да. Результаты полиомиелита.

— Передвигается в кресле на колесах. Но не утратил интереса к жизни, умения наслаждаться жнзнью.

— Расскажите мне о нем.

Я описал дом Винаблза, его коллекцню, его всесторонние интересы.

Лежен сказал:

— Жаль.

— Что жаль?

— Что Вннаблз — калека.

— Простите меня, но вы твердо знаете, что он калека? Он не снмулирует?

— Нет. О состоянии его здоровья имеется свидетельство сэра Унльяма Дагдейла, человека прекраснейшей репутацни. Мнстер Осборн, может, и уверен, будто видел тогда Винаблза. Но тут он ошибается.

— Понятно.

Лежен вннмательно взглянул на меня.

— Давайте подытожим, что у нас есть. Можно

предполагать существование агентства или фирмы, которая специализируется на убийствах нежелательных для кого-либо людей. Она не использует наемных убийц или гангстеров... Ничем не докажешь, что жертвы погибли не от естественных причин. Я могу добавить, что у нас есть кое-какие сведения о подобных же случаях: смерть от болезни, но кто-то наживается на этой смерти. Доказательств же никаких, учтите. Все это очень хитро придумано, чертовски хитро, мистер Истербрук. Придумано человеком с головой. А у нас всего-навсего несколько фамилий, и то мы их получили случайно, когда женщина исповедалась перед смертью.

Он сердито нахмурился и продолжал:

— Эта Тирза Грей, говорите, похвалялась перед вами своим могуществом. Что ж, она может оставаться безнаказанной. Она не виновна перед законом. Она и в глаза не видала тех, кто умер, мы проверяли, и отравленных конфет им не посылала. По ее собственным словам, она просто сидит у себя дома и использует телепатию! Да в суде нас засмеют!

Тут я выпалил:

— По-моему, кое-что можно сделать. Мы с приятельницей тут разработали один план. Он, наверно, покажется вам глупым.

— А об этом уж позвольте мне судить.

— Прежде всего я понял из ваших слов, что вы уверены в существовании такой организации и в том, что она действует?

— Безусловно действует.

— Но вы не знаете как. Первые шаги ясны. Человек — мы назовем его клиент — попадает в Бирмингам к мистеру Брэдли. Он, видимо, подписывает какое-то соглашение, и его посылают на виллу «Белый Конь». А вот что происходит там? Кто-то должен это выяснить.

— Продолжайте.

— Пока мы не узнаем, что все-таки делает Тирза Грей, мы не можем пойти дальше. Ваш доктор Корриган говорит, что это сплошной вздор, — но так ли это?

Лежен вздохнул.

— Я буду с вами говорить неофициально. Всякое сейчас бывает. Кто бы поверил семьдесят лет назад, что можно услышать, как пробил Большой Бен, и через минуту до вас снова донесутся его удары? А их просто доносят два разных вида звуковых волн. И никакой чертовщины. Кто бы поверил, что можно услышать голос человека из Нью-Йорка — и безо всяких проводов? Кто бы поверил... Э, да сколько всего, что сегодня даже малые дети знают.

— Другими словами, все возможно?

— Именно. Вдруг Тирза что-нибудь изобрела?

— Да. И то, что кажется сегодня сверхъестественным, завтра — достояние науки.

— Но помните, я говорю с вами неофициально, — повторил инспектор Лежен.

— А я предлагаю: я отправлюсь туда и постараюсь убедиться своими глазами.

Лежен недоверчиво взглянул на меня.

— Шаги уже предприняты, — добавил я.

глава XVI

РАССКАЗЫВАЕТ МАРК ИСТЕРБРУК

Я не испытывал ни малейшего волнения, когда явился к Брэдли во второй раз. По правде говоря, этот второй визит просто доставил мне удовольствие.

Мистер Брэдли встретил меня улыбкой.

— Рад вас видеть, — сказал он, протягивал мне пухлую руку. — Все обдумали? Торопиться некуда, как я вам уже говорил.

Я ответил:

— Нет, мое дело не терпит отлагательств...

Брэдли оглядел меня с ног до головы. Он заметил мое волнение, заметил, как я отводил глаза, не знал, куда девать руки, уронил шляпу.

— Ну что ж, — ответил он. — Посмотрим, что можно сделать. Вы хотите заключить какое-то пари? Вот и прекрасно — отвлекает от дурных мыслей.

— Дело вот в чем, — начал я и смолк.

— Давайте говорить так. Что-то вас беспокоит. Вы встречаете у меня сочувствие и хотите поделиться со мной своими неприятностями. Я человек опытный, могу дать разумный совет. Как вы на это смотрите?

Я смотрел положительно и начал свой рассказ.

Мистер Брэдли был отличным собеседником — вставлял, где нужно, ободрительные замечания, помогал выразить мысль. Он был так добр и внимателен, что я без затруднений выложил ему все о себе и о Дорин.

В подробности я особенно не вдавался. И если мистер Брэдли решил, что моя молодая жена ушла к другому, это меня вполне устраивало.

— А что она сейчас натворила?

Я объяснил: натворила она вот что — решила вернуться ко мне.

— А вы ничего о ней с тех пор не знали?

— Может быть, это покажется странным, но я о ней не думал. Я был почему-то уверен, что ее уже нет в живых.

— А почему вы были в этом уверены?

— Она мне не писала. Я никогда о ней ничего не слышал.

— Вы хотели забыть ее навсегда?

— Да, — отвечал я с благодарностью. — Видите ли, я раньше не думал жениться вторично...

— А теперь подумываете?

— Как вам сказать, — промямлил я.

— Ну же, не стесняйтесь доброго дядюшки, — подбадривал меня ужасный Брэдли.

Я смущенно признался, что да, в последнее время у меня возникли мысли о браке...

Но тут я заупрямился и про свою любимую разговаривать не пожелал. Я не намерен впутывать ее в эту историю.

Брэдли не настаивал. Вместо этого он сказал:

— Вполне естественно. Вы прошли через тяжелые испытания. А теперь нашли подходящую подру-

гу. Способную делить с вами ваши литературные вкусы, ваш образ жизни. Настоящего друга.

Я понял: он знает про Гермию. Это было несложно. Если он наводил обо мне справки, то, конечно, узнал, что у меня лишь одна близкая приятельница. Получив мое письмо, в котором я назначал ему вторую встречу, Брэдли, должно быть, не поленился разузнать все, что мог, про меня и про Гермию.

— А почему бы вам не развестись? — спросил он. — Разве это не лучший выход из положения?

— Это невозможно. Она, моя супруга, слышать об этом не хочет.

— Ай-яй-яй. Простите, а как она к вам относится?

— Она... э... она хочет вернуться. И ничего не желает слушать. Знает, что у меня кто-то есть, и... и...

— Делает гадости. Ясно. Да, здесь только один выход. Но она совсем еще молода...

— Она еще проживет годы и годы, — с горечью ответил я.

— Как знать, мистер Истербрук. Вы говорите, она жила за границей?

— По ее словам, да. Не знаю где.

— А может, на востоке? Иногда там люди подхватывают какой-нибудь микроб, он много лет дремлет в организме, а потом вы возвращаетесь на родину, и он начинает свою разрушительную работу. Я знаю подобные случаи. И здесь может произойти такое же. Давайте заключим пари на небольшую сумму.

Я покачал головой.

— Она еще проживет годы и годы.

— А все-таки поспорим. Тысяча пятьсот против одного, что эта дама умрет до рождества, — ну, как?

— Раньше. Я не могу ждать. Бывают обстоятельства...

Я начал бормотать, что жена грозится пойти к Гермии, что я не могу ждать. Я убеждал его, что дело крайне срочное.

— Тогда все немного меняется, — сказал он. — Скажем, так: тысяча восемьсот против одного, что через месяц вашей жены не будет. У меня такое предчувствие.

Я подумал, что с ним надо торговаться, и стал торговаться. Сказал, что у меня нет таких денег. Но он не желал уступать.

Наконец это фантастическое пари было заключено.

Я подписал какое-то обязательство. В нем было слишком много юридических терминов, чтобы я мог его понять.

— Юридически это к чему-нибудь обязывает? — спросил я.

— Не думаю, — ответил мистер Брэдли. — Пари есть пари. И если проигравший не платит...

Я посмотрел на него.

— Не советую, — сказал он тихо. — Нет, не советую. Не стоит бегать от долгов.

— А я и не собираюсь, — ответил я.

— Я в этом уверен, мистер Истербрук. Теперь о деталях. Вы говорите, миссис Истербрук живет в Лондоне. Где именно?

— А вам это необходимо знать?

— Я должен знать все. Дальше мне надо будет устроить вам свидание с мисс Грей — вы ведь помните мисс Грей?

Я сказал: да, я помню мисс Грей.

— Так вот. Ей понадобится какая-нибудь вещь вашей жены, из тех, которые она носит, — перчатка, носовой платок или еще что-нибудь...

— Но зачем? Чéго ради?

— Не спрашивайте меня зачем. Я сам не знаю. Мисс Грей не открывает своих секретов.

— Но что же происходит? Что она делает?

— Поверьте, мистер Истербрук, я ничего не знаю, больше того, я ничего не хочу знать. Вот так.

Он помолчал и потом продолжал совсем по-отечески:

— И мой вам совет, мистер Истербрук. Повидайтесь с женой. Успокойте ее, дайте ей понять, буд-

то подумываете о примирении. Скажите, что едете на несколько недель за границу, но по возвращении... и так далее, и так далее...

— А потом?

— Прихватите какую-нибудь мелочь из ее одежды и поезжайте в Мач Дипинг.

Он помолчал раздумывая.

— Вы мне, кажется, говорили, у вас там неподалеку живут друзья или родственники.

— Двоюродная сестра.

— Тогда все очень просто. Вы сможете у нее остановиться на денек-другой.

— А где там обычно останавливаются? В местной гостинице?

— Наверно. Или приезжают на машине из Борнемута. Что-то в этом роде. Мне ведь толком не известно.

— А что подумает моя двоюродная сестра?

— Скажите, будто вас интересуют обитательницы «Белого Коня». Вы хотите побывать у них на сеансе. Хоть и ерунда, а вам интересно. Это очень просто, мистер Истербрук.

— А-а потом?

Он покачал головой, улыбаясь.

— Больше я вам ничего не могу сказать. А на это время поезжайте за границу.

Я сказал, что не хочу ехать за границу, хочу остаться в Англии.

— Но только не в Лондоне.

— Почему?

Мистер Брэдли поглядел на меня с укоризной.

— Клиентам гарантируется полная безопасность, только если они безоговорочно подчиняются.

— А Борнемут? Борнемут подойдет?

— Подойдет. Остановитесь в отеле, заведите себе знакомых, пусть все вас видят в их компании. И — безупречная жизнь.

Он говорил, словно агент из бюро путешествий. А потом мне снова пришлось пожать пухлую руку.

глава XVII

РАССКАЗЫВАЕТ МАРК ИСТЕРБРУК

1

— Ты и вправду будешь у Тирзы иа сеаисе? — спросила Роуда.

— А почему бы и иет?

— Не думала, Марк, что тебя такое иитересует.

— Да ие очеиь, — честио призиался я. — Но оии сами такие чудиые. Любопытио посмотреть на их обряд.

— Я пойду с тобой, — весело предложила Роуда. — Мие тоже всегда хотелось посмотреть.

— Никуда ты, Роуда, не пойдешь, — проворчал Деспард.

Роуда рассердилась, но делать было нечего.

В тот же деиь мы встретили, гуляя, Тирзу Грей.

— Привет, мистер Истербрук, мы вас ждем к себе вечером.

— Я тоже хотела прийти, — сказала Роуда. — Но меия Хью ие пускает. Он против.

— А я бы вас и ие прииияла, — ответила Тирза. — Хватит и одного зрителя.

Оиа кивиула иам, улыбиулась и удалилась быстрым шагом. Я смотрел ей вслед и ие слышал, как Роуда обратилась ко мне.

— Прости, что ты сказала?

— Я говорю, ты какой-то страиный последиее время. Что-иибудь случилось? Не ладится с книгой?

— С киигой? — я сперва не мог понять, о какой оиа книге. — Ах, с киигой. С книгой все хорошо.

— По-моему, ты влюблеи. Страиио, женщины от любви хорошеют, а мужчины выглядят, как больиые овцы.

— Спасибо! — сказал я.

— Не обижайся, Марк. Она, правда, очеиь мила.

— Кто мил?

— Гермия Редклифф, кто же еще? И так тебе подходит.

Роуда добавила, что пойдет задаст перцу мяснику, а я сказал, что загляну к пастору.

— Но только не подумай, будто я собираюсь просить его об оглашении брака, — внушительно закончил, предупреждая возможные комментарии.

2

Миссис Колтроп встретила меня в дверях. Мы прошли в ту же комнату, где я уже разговаривал с ней, и она спросила:

— Ну? Что вам удалось сделать?

Судя по ее деловитому тону, можно было подумать, что мы собираемся на ближайший поезд.

Я рассказал ей. Я рассказал ей все.

— Сегодня? — спросила миссис Колтроп задумчиво.

— Да. — И тут я выпалил: — Как мне это все не по душе! Как не по душе! Я так боюсь за нее.

Она посмотрела на меня ласково:

— Ну, какой они могут ей причинить вред, какой?

— Но ведь причиняли же они другим. У вас есть телефон?

— Конечно.

— После этой... этой истории сегодня вечером мне нужно будет поддерживать с Джинджер связь. Звонить ей каждый день. Можно от вас?

— Конечно. У Роуды слишком людно в доме.

— Я немного поживу у Роуды, а потом, наверно, поеду в Борнемут. Мне не разрешили возвращаться в Лондон.

3

В «Белом Коне» меня встретили совсем обычно. Тирза Грей в простом платье из темной шерсти открыла дверь и сказала: «А, это вы. Заходите. Сейчас будем ужинать».

Стол был накрыт для ужина. Подали суп, омлет и сыр. Прислуживала Белла. На ней было черное платье, и она еще больше напоминала персонаж с картины какого-нибудь примитива. Сибил имела

внд более экзотический. Она облачилась в длинный наряд с узором из павлиньих перьев, кое-где пробивалась золотая нить. Бус она на сей раз не надела, но зато запястья ее охватывали толстые золотые браслеты. Она почти не ела. Разговаривала с нами как бы издалека. Это должно было, видимо, производить на окружающих впечатление, но на самом деле выглядело надуманно и театрально.

Тирза Грей овладела разговором — болтала о деревенских делах. В этот вечер она была типичной английской старой девой, милой, деловитой, интересующейся только местными сплетнями.

Я думал про себя, что сошел с ума. Чего бояться? Даже Белла в этот вечер казалась полоумной старухой крестьянкой, неграмотной и тупой, как сотни других ей подобных.

Мой разговор с миссис Колтроп представлялся мне теперь невероятным. Мысль о том, что Джинджер — Джинджер с выкрашенными волосами и чужим именем — в опасности, а эти три обычные женщины могут ей причинить вред, была просто смешна.

Ужин кончился.

Тирза встала со своего места.

— Сибил?

— Да, — ответила Сибил, придавая лицу выражение экстаза и отрешенности. — Мне надо приготовиться...

Белла убирала со стола.

— Пора начинать, — сказала Тирза деловым тоном.

Я последовал за ней в перестроенный амбар.

Вечером амбар выглядел по-иному. Лампы не были зажжены. Скрытый светильник давал холодный, рассеянный свет. Посредине стояло нечто вроде дивана. Он был накрыт пурпурным покрывалом, расшитым кабалистическими знаками.

По одну сторону комнаты виднелось что-то напоминавшее бронзовую жаровню, и рядом с ней — большой медный таз, на вид очень старый.

По другую сторону почти у самой стены я увидел массивное кресло с дубовой спинкой. Тирза указала мне на него.

— Садитесь здесь, — сказала она.

Я послушно сел. Она стала надевать длинные рукавицы, сделанные, похоже, из средневековой кольчуги.

— Нужно принимать меры предосторожности, — сказала она.

Эта фраза показалась мне какой-то зловещей.

Затем она обратилась ко мне.

— Я должна предупредить вас — сохраняйте полную неподвижность. Ни в коем случае не двигайтесь. Это не игрушки. Я вызываю силы, которые опасны для тех, кто не умеет ими управлять.

Помолчав, она добавила:

— Вы принесли то, что вам сказали?

Не отвечая ни слова, я достал из кармана коричневую замшевую перчатку и протянул ей.

— Очень подходит, — сказала она, поглядев на перчатку. — Физические эманации владелицы достаточно сильны.

Она положила перчатку на какой-то аппарат, напоминавший большой радиоприемник. Потом позвала:

— Белла, Сибил. Мы готовы.

Сибил вошла первая. Она легла на диван.

Тирза выключила часть света.

— Вот так. Белла!

Белла появилась из тени. Они с Тирзой подошли ко мне и взяли меня за руки: Тирза — за левую, Белла — за правую.

Послышалась музыка. Я узнал похоронный марш Мендельсона.

Потом музыка смолкла.

И вдруг заговорила Сибил. Но не своим, а низким мужским голосом.

— Я здесь, — сказал голос.

Женщины выпустили мои руки. Белла скользнула в темноту. Тирза проговорила:

— Добрый вечер. Это ты, Макэндал?

— Я — Макэндал.

— Готов ли ты, Макэндал, повиноваться моим желаниям и воле?

— Да, — ответил низкий голос.

— Готов ли ты защитить тело, лежащее здесь, от опасности? Готов ли ты отдать его жизненные силы на выполнение моей цели?

— Готов.

— Готов ли ты отдать это тело на волю смерти, чтобы смерть прошла через него к другому существу?

— Смерть должна вызвать смерть. Да будет так.

Тирза отступила. Вошла Белла с распятием в руках. Тирза положила распятие вверх ногами на грудь Сибил. Белла протянула Тирзе маленький зеленый бокал. Тирза вылила из него несколько капель Сибил на лоб, сказав мне:

— Святая вода из католической церкви в Карсингтоне.

Наконец она принесла отвратительную погремушку, которую мы видели у нее в первый раз, и трижды тряхнула ею.

После этого она произнесла самым обычным голосом:

— Все готово.

Белла откликнулась:

— Все готово.

Она вышла из комнаты и вернулась с белым петушком в руках. Петушок вырывался.

Она встала на колени, посадила петушка в таз возле жаровни и начала чертить мелом на полу какие-то фигуры. Затем зажгла огонь в жаровне и что-то туда бросила. Я почувствовал тяжелый приторный запах.

— Мы готовы, — повторила Тирза.

Она подошла к аппарату, который я сначала принял за радиоприемник, подняла крышку, и я увидел, что это какой-то электрический прибор сложной конструкции.

Тирза наклонилась над ним и стала крутить ручки, бормоча:

— Компас северо-северо-восток, градусы... так, вроде верно.

Она взяла перчатку и положила ее в аппарат. Потом, обратившись к распростертому на диване телу, проговорила:

— Сибил Диана Хелен, ты свободна от своей бренной оболочки, которую Макэндал зорко охраняет. Ты свободна и можешь слиться воедино с владелицей перчатки. Как у всех человеческих существ, у нее одно стремление в жизни — умереть. Смерть — единственный выход. Смерть решает все. Только смерть несет покой. Это знали все великие. Вспомни Макбета. Вспомни Тристана и Изольду. Любовь и смерть. Но смерть величественнее...

Я вдруг перепугался — аппарат, как они его используют? Может, он испускает какие-то лучи, которые влияют на клетки мозга? И вдруг он настроен на определенный мозг?

Тирза бормотала:

— Слабое место... Всегда есть слабое место... Из слабости сила — сила смерти... К смерти — естественное стремление. Тело повинуется мозгу. Управляй телом, мозг. Устремляй его к смерти... Смерть победительница... смерть... смерть... СМЕРТЬ!

И тут Белла испустила животный крик. Она вскочила, блеснул нож, петушок закричал, забился... В медный таз закапала кровь. Белла подбежала с тазом к Тирзе, крича:

— Кровь... кровь... КРОВЬ!

Тирза вытащила перчатку из аппарата. Белла взяла ее, обмакнула в кровь, возвратила Тирзе, которая положила ее обратно.

Меня затошнило. Кружилась голова.

Послышалось щелканье, шум машины стих.

Затем до меня донесся голос Тирзы, уже спокойный и ясный:

— Магия, старая и новая. Древняя вера, новые познания науки. Они победят...

глава XVIII

РАССКАЗЫВАЕТ МАРК ИСТЕРБРУК

— Ну, что там было? — с любопытством спросила Роуда за завтраком.

— Обычные штучки, — небрежно отвечал я.

— Пятиугольники рисовали?

— Сколько хочешь.

— А белые петухи были?

— Конечно. Этим занимается Белла.

— А трансы и так далее?

— В наилучшем виде.

— Похоже, тебе это показалось неинтересным, — сказала она разочарованно.

Я ответил:

— Вообще-то все было мерзко.

— А почему тебе так хотелось побывать у них на сеансе?

Я пожал плечами.

— Просто меня занимают эти три женщины. Хотелось взглянуть на их представление.

После завтрака я направился к миссис Колтроп. Дверь была открыта, хотя в доме, казалось, никого не было.

Я отыскал маленькую комнату, где находился телефон, и позвонил Джинджер.

Казалось, прошла целая вечность, пока ее голос мне ответил:

— Слушаю!

— Джинджер!

— А, это вы. Что случилось?

— Как вы себя чувствуете?

— Прекрасно. А почему вы спрашиваете?

У меня словно гора свалилась с плеч.

С Джинджер ничего не случилось; привычный задор в голосе совсем успокоил меня. Как мог я поверить, что какой-то бред, тарабарщина подействуют на такого здорового и разумного человека, как Джинджер!

— Ну, я думал, вдруг что-нибудь вам приснилось, — промямлил я.

— Ничего мне не снилось. Я даже возмущалась, что ничего со мной не происходит.

Мне стало смешно.

— Ну-ка, рассказывайте, — приказала Джинджер, — что там было.

— Ничего особенного. Сибил легла на пурпурный диван и впала в транс.

— Правда? Какая прелесть! А что делала Белла?

— Очень было противно. Белла зарезала белого петушка, и они обмакнули вашу перчатку в кровь.

— О-о-о, гадость. А что еще?

— Тирза не поскупилась на всевозможные штучки. Вызвала дух — зовут его вроде Макэндал. Еще были притушенный свет и заклинания. Все это может, однако, производить впечатление, найдутся люди, которых этак можно и напугать.

— А вы не испугались?

— Белла меня несколько ошарашила — у нее был такой огромный нож, я боялся, как бы не пойти по стопам петуха в качестве второго жертвоприношения.

— А больше вас ничто не устрашило? — настаивала Джинджер.

— На меня такие вещи не действуют.

— А почему у вас стал такой обрадованный голос, когда я сказала, что все в порядке?

— Потому что... — я замолчал.

— Да?

— Просто они, то есть Тирза, казалось, так уверены в результатах.

Джинджер издала недоверчивое восклицание и спросила:

— Что же мы теперь будем делать? Мне надо здесь остаться еще на недельку-другую?

— Если вы хотите, чтобы я содрал сотню фунтов с мистера Брэдли, то — да.

— Сдерете непременно. Вы поживете у Роуды?

— Немного. А потом поеду в Борнемут. Я звоню из дома пастора.

— Как миссис Колтроп?
— Великолепно. Я ей, кстати, все рассказал.
— Я это поняла.
— Что думают у вас на работе?
— Что я поехала отдохнуть.
— Никакие подозрительные типы к вам не наведывались?
— Нет. Только фургонщик с молоком, электрик — снимал показания со счетчика, еще одна женщина — она спрашивала, какие патентованные лекарства и косметику я предпочитаю, еще меня просили подписать призыв о запрещении ядерного оружия, и одна женщина приходила за пожертвованиями на слепых.
— С виду все это весьма безобидно, — отметил я.
— А чего вы ожидали?
— Сам не знаю.
— Да! Еще был один посетитель, — сказала Джинджер. — Ваш приятель доктор Корриган. Очень мил.
— Наверно, его прислал Лежен.
— Он зашел подбодрить соплеменницу. Вперед, клан Корриганов!
Я повесил трубку, успокоенный.
— Когда я пришел домой, Роуда возилась около террасы со своей собакой — пичкала ее каким-то лекарством.
— Ветеринар только что ушел, — сказала Роуда. — Велел выводить у собаки глистов. Спокойно, Шейла, не вертись. От этого лекарства у них выпадает шерсть. Остаются проплешины, но потом они зарастут.
Я предложил Роуде помощь, получил отказ, обрадовался и снова отправился бродить.

глава XIX

РАССКАЗЫВАЕТ МАРК ИСТЕРБРУК

1

На следующее утро я позвонил Джинджер и сказал, что переезжаю завтра в Борнемут.

— Я нашел чудесный маленький отель, называется почему-то «Олений Парк». В нем есть удобный выход, которым никто не пользуется. Я смогу через него незаметно прокрадываться и приезжать к вам в Лондон.

— Лучше не надо, по-моему. Но должна сказать, это было бы здорово. Так здесь тоскливо одной. Не представляете!

Неожиданно я почувствовал неладное.

— Джинджер! Что это у вас какой голос — не такой, как всегда...

— Да нет, я в полном порядке. Не волнуйтесь.

— А почему такой голос?

— Просто у меня начинается небольшая ангина.

— Джинджер!

— Слушайте, Марк, кто угодно может заболеть ангиной. Я, кажется, простудилась. Или легкий грипп.

— Грипп? Послушайте, скажите правду, что с вами?

— Да не волнуйтесь. Все прекрасно.

— А почему вы сказали про грипп?

— Понимаете... Ну, как-то всю меня ломит, и вообще...

— Температура?

— Ну, может, совсем невысокая...

Я сел, и меня охватило страшное леденящее чувство. Я испугался. И я понимал, хоть Джинджер ни за что не признается, ей тоже страшно.

Она снова заговорила простуженным голосом:

— Марк, без паники. Нет никаких причин.

— Может, и нет. Но мы должны срочно принять меры. Позовите своего врача. Сейчас же.

— Ладно. Только он будет недоволен, что я его тревожу по пустякам.

— Неважно. Позовите. И потом звоните мне.

Я положил трубку и долго сидел, уставившись на телефон. Только не поддаваться. В такое время года повсюду грипп. Может, это легкая простуда.

Я вспоминал Сибил в ее павлиньем наряде. По-

велительный голос Тирзы... Беллу с петушком в руках.

Вздор, какой вздор... Конечно, это суеверный вздор.

Но аппарат — я почему-то не мог отделаться от мысли об этом аппарате. Аппарат — это уже не суеверие, это наука. Но неужели такое возможно, неужели?

Миссис Колтроп нашла меня у телефона — я так и не мог сдвинуться с места.

— Что случилось? — тотчас же спросила она.

— Джинджер заболела.

Я хотел услышать, что все это ерунда. Я хотел, чтобы она меня разубедила. Но она только сказала:

— Дело скверное.

— Но ведь это невозможно.

— Они своего добиваются, — сказала миссис Колтроп. — И надо смотреть правде в глаза. В чем-то они и шарлатанят. Создают необходимую атмосферу. Но за этим шарлатанством прячется нечто реальное.

— Вроде радиоактивных лучей?

— Наверно. Все время делаются новые открытия, а у Тирзы отец был физик.

— Но в чем же все-таки дело? Наверно, этот чертов аппарат. Надо его осмотреть. Может, полиция?

— Полиция не будет делать обыск на таких основаниях.

— А что, если я проберусь к Тирзе и разобью этот чертов ящик?

Миссис Колтроп покачала головой.

— Вред уже причинен, и причинен, если это так, в тот самый вечер.

Я уронил голову на руки и застонал.

— Зачем я только ввязался в эту жуткую историю!

Миссис Колтроп ответила очень твердо:

— У вас были благородные побуждения. А что сделано, то сделано. Скоро, наверно, Джинджер позвонит Роуде и расскажет, что говорит доктор...

Я понял намек.

— Ну тогда я пошел.

И вдруг миссис Колтроп воскликнула:

— Как мы глупо себя ведем! Шарлатанство! Верим в шарлатанство! Хочешь не хочешь, а мы воспринимаем его так, как это нужно им.

Возможно, она была права. Но я уже ничего не мог с собой поделать.

Джинджер позвонила через два часа.

— Врач был, — сказала она. — Удивлялся чему-то, но потом решил — грипп. Сейчас все кругом болеют. Велел мне лежать, сам пришлет лекарства. Температура поднялась. Но ведь при гриппе всегда температура?

Сквозь привычный задор в голосе Джинджер слышались тоскливые нотки.

— Вы скоро поправитесь, — отвечал я уныло.— Слышите? Скоро поправитесь! Очень вам плохо?

— Ну... лихорадит, всю ломит, все болит, ноги, руки. И такой жар...

— Это от температуры, дорогая моя. Слушайте, я сейчас приеду. Сейчас же. И не возражайте.

— Хорошо. Я так рада, Марк, что вы приедете. Не очень-то я на поверку храбрая...

2

Я позвонил Лежену.

— Мисс Корриган больна, — сказал я.

— Что?

— Вы же слышали. Больна. Вызывала своего врача. Он сказал, возможно, грипп. Может, да. А может, нет. Не знаю, что вы могли бы сделать. Единственное, пожалуй, это найти какого-нибудь специалиста.

— Какого специалиста?

— Психиатра, психоаналиста или психолога. Специалиста по внушению, гипнозу и так далее. Ведь есть же люди, которые этим занимаются?

— Конечно, есть. По-моему, вы совершенно правы. Возможно, это просто грипп. Но вдруг действительно какая-то психоистория, о них ведь так мало

известно. Послушайте, Истербрук, а вдруг это поможет нам все раскрыть?

Я швырнул трубку. Возможно, мы и узнали о новом психологическом оружии, но меня сейчас заботила только Джинджер, отважная и напуганная. Началось как игра в полицейских и воров. Но, видно, это вовсе не игра.

«Белый Конь» — страшная реальная сила.

Я уронил голову на руки и застонал.

глава XX

РАССКАЗЫВАЕТ МАРК ИСТЕРБРУК

Наверно, мне никогда не забыть эти несколько дней. Они мне представляются каким-то сумасшедшим калейдоскопом. Джинджер перевезли в частную клинику. Я получил разрешение навещать ее только в приемные часы.

Ее доктор не понимал, из-за чего весь этот шум. Диагноз был совершенно ясный — бронхопневмония, осложнение после гриппа, есть какие-то непонятные симптомы, но это бывает нередко. Нет, случай типичный. Антибиотики на некоторых не действуют.

И все, что он говорил, действительно было правдой. Джинджер заболела воспалением легких. Ничего таинственного здесь нет. Болезнь в тяжелой форме.

Я встретился с одним специалистом-психологом. Он задавал мне бесчисленные вопросы и кивал с ученым видом, когда я отвечал. Он пытался лечить Джинджер гипнозом, но толку не вышло.

Я избегал друзей и знакомых, хоть одиночество и было для меня мучительным.

Наконец в приступе отчаяния я позвонил Пэм в ее цветочную лавку. Не согласится ли она пообедать со мной? Пэм согласилась с удовольствием.

Мы поехали в «Фэнтази». Пэм весело тараторила, и мне стало легче. Но пригласил я ее не только за этим. Нагнав на нее сладостную полудрему вкусной

едой и вином, я начал исподволь подбираться к главному. Мне казалось, Пэм знает что-то, чего не знаю я. Я спросил ее, помнит ли она мою приятельницу Джинджер. Пэм ответила: «Конечно», широко раскрыла голубые глаза и спросила, где Джинджер сейчас.

— Она очень больна, — ответил я.

— Бедняжка.

Пэм выказала все участие, на которое была способна, — не очень-то большое, кстати.

— Она впуталась в какую-то историю, — сказал я. — По-моему, она с вами об этом советовалась. «Белый Конь». Стоило ей огромных денег.

— О! — воскликнула Пэм, раскрыв глаза еще шире. — Значит, это были вы!

Сначала я не понял. Потом сообразил, что Пэм отождествляет меня с человеком, чья больная жена стоит у Джинджер на пути к счастью. Она так заинтересовалась, что даже «Белый Конь» ее не испугал.

— Ну и как? Помогло?

— Все вышло не совсем удачно. Обратилось против самой Джинджер. Вы слышали о таких исходах прежде?

Пэм не слышала.

— Но заболеть и умереть должна была ваша жена, так ведь?

— Да, — сказал я, смирившись с ролью, которую Джинджер и Пэм мне отвели. — Но вышло наоборот. Вы слышали о чем-нибудь таком раньше?

— Ну, не совсем о таком.

— А о чем?

— Да просто, если человек не заплатит... Я одного знала, он не стал платить. — Она перешла на испуганный шепот. — Его убило в метро — упал на рельсы, когда подходил поезд.

— Но, может, это несчастный случай.

— О нет, — отвечала возмущенная моими словами Пэм. — Это — ОНИ.

Я подлил Пэм шампанского.

Самое нелепое, что я не знал, как ее расспрашивать. Скажу что-нибудь не то, и она спрячется, как улитка в раковину, тогда больше ни слова не добьешься.

— Моя жена все болеет, но хуже ей не стало, — сказал я.

— Ужасно! — сочувственно откликнулась Пэм, потягивая шампанское.

— Что же мне теперь делать?

Пэм не знала.

— Понимаете, обо всем договорилась Джинджер, я сам ничего не делал. К кому мне теперь обращаться?

— Куда-то в Бирмингам, — ответила Пэм неуверенно.

— Они теперь там уже закрыли контору, — сказал я. — Вы кого-нибудь еще не знаете?

— Эйлин Брэндон, может быть, и знает, но не думаю.

Я спросил, кто такая Эйлин Брэндон.

— Ужасное чучело. Прилизанная голова. Туфель на гвоздиках никогда не носит. Никакая.

Пэм пояснила дальше:

— Я с ней вместе училась в школе. Она и тогда была неинтересная. Географию здорово знала.

— А что у нее общего с «Белым Конем»?

— Ничего. Просто ей там что-то показалось. И она ушла.

— Откуда ушла?

— Из УСП.

— Что за УСП?

— Да я толком не знаю. Просто так называется УСП. Что-то про потребителей. Не то учет. Не то расчет. Просто маленькая контора.

— А Эйлин Брэндон у них работала? Какая у нее была работа?

— Ну, ходила и расспрашивала — про зубную пасту, про газовые плиты, какими кто губками моется. Скука. Не все ли равно?

— Наверно, УСП не все равно.

Я почувствовал легкое волнение.

Женщина, которая исповедалась отцу Горману в ту ночь, тоже работала в подобной конторе. И кто-то в этом роде побывал у Джинджер на ее новой квартире.

Тут есть какая-то связь.

— А почему она ушла из этой конторы? Работа неинтересная?

— По-моему, нет. Они хорошо платят. Просто ей стало казаться, будто там что-то нечисто.

— Ей показалось, что они связаны с «Белым Конем»? Это?

— Да не знаю. В этом роде... В общем сейчас она работает в одном баре на Тоттенхэм Корт Роуд.

— Дайте мне ее адрес.

— Она не ваш тип.

— Я не собираюсь за ней волочиться, — резко ответил я. — Мне нужно кое-что узнать об УСП. Хочу купить акции одной такой фирмы.

— Понимаю, — сказала Пэм, совершенно удовлетворенная моими объяснениями.

Больше из нее ничего нельзя было вытянуть, мы допили шампанское, я отвез ее домой и поблагодарил за чудесный вечер.

Утром я пытался дозвониться Лежену, но безрезультатно. Однако с великими трудностями я поймал Джима Корригана.

— Что сказал этот психологический деятель, которого вы приводили к Джинджер?

— Разные длинные слова. По-моему, Марк, он сам ни черта не понял. А воспалением легких каждый может заболеть — ничего в этом таинственного нет.

— Да, — ответил я. — И несколько человек из того списка умерли от воспаления легких, опухоли мозга, эпилепсии, паратифа и других хорошо известных болезней.

— Я знаю, вам нелегко. Но что можно сделать?

— Ей хуже?

— Да.

— Значит, нужно действовать.
— Как?
— Есть, у меня одна идея. Поехать в Мач Дипинг, взяться за Тирзу Грей, застращать ее до полусмерти и вынудить, чтобы она разбила эти чары.
— Ну что ж, можно попробовать.
— Или я пойду к Винаблзу.
— А при чем тут он? Ведь он же калека.
— Ну и что? Он безмерно богат. Выяснил Лежен, откуда такие деньги?
— Нет. Не совсем... Это я должен признать. И что-то в нем не то. Чувствуется, у него какое-то темное прошлое. Но все его доходы законны. Полиция давно прощупывает Винаблза. Но его не так легко раскусить. А вы думаете, он глава этого предприятия?
— Да. По-моему, он у них руководит.
— Но ведь не мог он сам убить отца Гормана!
Я помолчал.
— Алло! Что же вы замолчали?
— Задумался... Пришла в голову одна идея...
— Какая?
— Еще не совсем разобрался... Не совсем продумал... Как бы то ни было, мне пора идти. У меня свидание в одном кафе.
— Не знал, что у вас компания в Челси!
— Никакой компании. Это кафе на Тоттенхэм Корт Роуд.
Я положил трубку и взглянул на часы. И когда я уже был у дверей, телефон зазвонил снова.
— Слушаю.
— Это вы, Марк?
— Да, кто говорит?
— Я, конечно, — ответили с упреком. — Мне нужно кое-что вам сказать.
Я узнал голос миссис Оливер.
— Извините, но я очень тороплюсь. Я вам позвоню попозже.
— Не выйдет, — твердо ответила миссис Оливер. — Придется вам меня выслушать. Дело важное.

Не сводя глаз с часов, я приготовился слушать.

— У моей Милли тонзиллит. Ей стало совсем худо, и она поехала к сестре. И мне сегодня прислали из бюро по найму прислуги женщину. Ее зовут Эдит Биннз — правда, смешно? А вы ее знаете.

— Нет. В жизни не слыхал такого имени.

— Знаете, знаете. Она много лет служила у вашей крестной, леди Хескет-Дюбуа.

— А, вот что.

— Да. Она вас видела, когда вы приходили за картинами.

— Очень приятно, и, по-моему, вам повезло. Она надежная, и честная, и все такое. Тетушка Мин мне говорила. А теперь...

— Подождите. Я еще не сказала самого главного. Она долго распространялась про вашу крестную — и как она заболела, и умерла, и все прочее, а потом вдруг выложила самое главное.

— Что самое главное?

— Что-то вроде этого: «Бедняжка, как мучилась. Была совсем здорова, и вдруг эта опухоль мозга. И так ее было жалко — прихожу к ней в больницу, лежит, и волосы у нее лезут и лезут, а густые были, такая седина красивая. И прямо клочьями на подушке». И тут, Марк, я вспомнила Мери Делафонтейн. У нее тоже лезли волосы. И вы мне рассказывали про какую-то девушку в кафе, в Челси, как у нее в драке другая девица вырывала целые пряди. А ведь волосы так легко не вырвешь, Марк. Попробуйте-ка сами. Ничего не выйдет. Это не просто — может, новая болезнь? Что-то это да значит.

Я ухватился за трубку, и у меня все поплыло перед глазами. Факты, полузабытые сведения стали на свои места. Роуда со своей собакой, статья в медицинском журнале, читанная давным-давно. Конечно... конечно.

Я вдруг услышал, что квакающий голос миссис Оливер все еще доносится из трубки.

— Спасибо вам, — сказал я. — Вы — чудо!

Я положил трубку и тут же позвонил Лежену.

— Слушайте, — спросил я. — У Джинджер сильно лезут волосы?

— По-моему, да. Наверно, от высокой температуры.

— Температура, как бы не так. У Джинджер таллиевое отравление. И у остальных было то же самое. Господи, только бы не слишком поздно...

глава XXI

РАССКАЗЫВАЕТ МАРК ИСТЕРБРУК

1

— Не опоздали мы? Ее спасут?

Я ходил из угла в угол.

Лежен наблюдал за мной. Он проявлял большое терпение и доброту.

— Будьте уверены, делается все возможное.

Один и тот же ответ. Меня он не успокаивал.

— А им известно, как лечить таллиевое отравление...

— Случай не частый, но все меры будут приняты. Уверен — она выкарабкается.

Я взглянул на него. Искренне ли он говорит? Или просто пытается меня утешить?

— Во всяком случае, подтвердилось, что это таллий?

— Да, это подтвердилось.

— Вот вам и вся правда про «Белого Коня». Яд. Не колдовство, не гипноз, не смертоносные лучи. Отравители! И как она меня обвела вокруг пальца! А сама, видно, в душе посмеивалась.

— О ком вы?

— О Тирзе Грей. Как все лихо придумано. Транс, белые петушки, жаровня, пятиугольники и распятие вверх ногами — это для суеверных простаков. А знаменитый аппарат — для просвещенных. Мы теперь в духов, ведьм и чары не верим, но разеваем рот, когда речь заходит про «лучи», «волны» и психологию. Аппарат, наверно, просто моторчик с цветными

лампочками и гудит себе, когда надо. Постоянно слышим о радиоактивных осадках, стронции-90 и тому подобном, верим научным выкладкам. А «Белый Конь» — обычное шарлатанство. Да к тому же они в полной безопасности. Тирза Грей могла сколько угодно похваляться своим могуществом. К суду бы ее за это не привлекли. А если проверить аппарат, он окажется безобидной машинкой. Любой суд отклонил бы против них обвинение — ведь с виду это вздор, выдумка.

— По-вашему, они все знают, что делают?

— Мне кажется, нет. Белла верит в колдовство. Сибил — дура, она во всем повинуется Тирзе.

— А Тирза руководит?

Я сказал медленно:

— Что касается самого «Белого Коня» — да. А настоящий руководитель прячется за сценой. Он все организует. У каждого свое дело, и никто не знает точно обязанностей остальных. Брэдли заправляет денежной стороной. Ему, конечно, хорошо платят, и Тирзе — тоже.

— Как вы все разложили по полочкам, — сухо заметил Лежен. — А что навело вас на мысль о таллии?

— Неожиданные совпадения. Началом всей истории была любопытная сценка в баре в Челси. Девицы дрались, одна у другой вырывала волосы. А та сказала: «И ничуть не было больно». Так оно и есть, больно не было.

Я читал однажды статью о таллиевом отравлении. Массовые отравления рабочих на каком-то заводе, люди умирали один за другим. И врачи устанавливали, я помню, самые разные причины: и паратиф, и апоплексические удары, паралич, эпилепсия, желудочные заболевания, что угодно. Симптомы самые различные: начинается со рвоты или с того, что человека всего ломит, болят суставы — врачи определяют полиневрит, ревматизм, полиомиелит. Иногда наблюдается сильная пигментация кожи.

— Да вы прямо настоящий терапевтический справочник.

— Еще бы. Начитался. Да, но есть симптом, общий для всех случаев. Выпадают волосы. Таллий одно время прописывали детям от глистов. Но затем признали это опасным. Иногда его прописывают, как лекарство, но тщательно выясняют дозу, она зависит от веса пациента. Теперь им травят крыс. Этот яд не имеет вкуса, легко растворим, всюду продается. Нужно лишь одно — чтобы не заподозрили отравления.

Лежен кивнул.

— Совершенно верно, — сказал он. — Потому на вилле «Белый Конь» требовали, чтобы убийца держался подальше от жертвы. И подозрений не возникает. А дело делает кто-то еще, у кого с жертвой нет никаких связей. Какое-то лицо, которое появляется всего лишь один раз.

Он замолчал.

— Ваши соображения на этот счет?

— Всего лишь одно. В каждом случае фигурирует совершенно безвредная на вид женщина с анкетой, выясняющая спрос на товары повседневного употребления.

— По-вашему, она и есть отравительница? Оставляет яд в каких-нибудь образцах?

— Наверно, это не так просто, — ответил я. — Мне кажется, эти женщины ни о чем не ведают и действительно выполняют свою работу. Я думаю, кое-что нам удастся выяснить, если мы побеседуем с одной дамой по имени Эйлин Брэндон.

2

Пэм довольно верно описала Эйлин Брэндон, если учесть вкусы самой Пэм. Прическа Эйлин действительно не напоминала ни хризантему, ни воронье гнездо. Волосы были гладко зачесаны, губы подмазаны чуть-чуть, а на ногах удобные туфли. Муж у нее погиб в автомобильной катастрофе, сказала она нам, осталось двое маленьких детей. До этого бара она работала около года в одной фирме под названием «Учет Спроса Потребителей». Ушла оттуда — работа ей не нравилась.

— Почему не нравилась, миссис Брэндон?

Вопрос задал Лежен. Она посмотрела на него.

— Вы полицейский инспектор? Так ведь?

— Да, миссис Брэндон.

— Вам кажется, с этой фирмой не все в порядке?

— Этим вопросом я сейчас и занимаюсь. Вы что-нибудь заподозрили? Поэтому вы оттуда ушли?

— Я не могу вам сказать ничего определенного.

— Безусловно. Это понятно. Но вы можете сказать, почему вы ушли оттуда.

— Мне казалось, там все время что-то происходит, а что — я не могла понять.

— То есть на самом деле там занимаются не тем, чем должны?

— Вот, вот. Мне казалось, у фирмы какие-то скрытые цели, только невозможно понять какие.

Лежен задал ей еще несколько вопросов, непосредственно касающихся ее работы. Ей вручали список фамилий в определенном районе. Она посещала этих людей, задавала вопросы и записывала ответы.

— И что же вы нашли в этом странного?

— Вопросы не преследовали целей учета. Они были бессистемные, даже случайные. Как будто дело вовсе не в них.

— А у вас есть свои предположения, в чем было дело?

— Нет. Я никак не могла в этом разобраться.

— Какими потребительскими запросами вы интересовались?

— Всякими. Иногда продукты. Концентраты, полуфабрикаты, иногда мыльная стружка, дезинфицирующие средства. И иногда косметика — пудра, помада, крем и так далее. Иногда патентованные лекарства — аспирин, таблетки от кашля, снотворное, полосканье, желудочные средства и тому подобное.

— Вас не просили вручать опрашиваемым образцы?

— Нет. Никогда.

— Вы просто задавали вопросы и записывали ответы.

— Да.

— Не казалось ли вам, что среди вопросов многие были просто для отвода глаз и лишь один действительно требовал ответа?

Она подумала и кивнула.

— Да, — сказала она. — Но какой из них, я не могла бы сказать.

Лежен внимательно на нее посмотрел.

— Вы чего-то недоговариваете.

— В том-то и дело, что я ничего больше не знаю. Я даже советовалась с другой сотрудницей, была у нас такая миссис Дэвис. Ей тоже многое не нравилось.

— Что же?

— Она что-то случайно услыхала.

— Что?

— Она мне не сказала. Сказала только: «Вся эта контора — лишь вывеска для шайки бандитов. Но нас ведь это не касается. Деньги платят хорошие, закона мы не нарушаем — и нечего нам об этом особенно задумываться».

— И это все?

— Еще она сказала: «Иногда я себя чувствую, как вестник смерти». Я тогда не поняла, что она имеет в виду.

Лежен вынул из кармана записку и подал ей.

— Эти фамилии вам ничего не говорят? Вы когонибудь из этих людей не помните?

— Вряд ли. Я стольких видела...

Она прочла список и сказала:

— Ормерод.

— Вы помните Ормерода?

— Нет. Но миссис Дэвис как-то его упоминала. Он скоропостижно умер, кровоизлияние в мозг, кажется? Она почему-то расстроилась. «Я была у него всего неделю назад, — говорит, — и он отлично выглядел». Вот тут она и сравнила себя с вестником смерти. «Некоторые из тех, у кого я бываю, только взглянут на меня — и вскорости им конец». Она даже посмеялась над этим, но тут же добавила, что, конечно, это просто совпадение.

— И все?

— Долгое время я ее не видела, а потом как-то встречаю в ресторанчике в Сохо*. Я ей сказала, что ушла из УСП и работаю в другом месте. Она спросила меня почему, а я ответила, что мне там было не по душе. Она говорит: «Может, вы и правильно поступили». Я спрашиваю: «А что вас-то навело на подозрения?» И она ответила: «Не знаю точно, но, по-моему, я узнала одного человека на днях. Он выходил из дома, где ему совсем нечего было делать, и нес сумку с инструментом. Зачем ему инструменты понадобились, интересно бы знать». Еще она меня спросила, не знаю ли я женщину, владелицу какой-то таверны, «Белый Конь», что ли.

Миссис Брэндон добавила:

— Не представляю, кого она имела в виду. Больше я ее с тех пор не видела и не знаю, работает она еще там или нет.

— Она умерла, — сказал Лежен.

Эйлин Брэндон вздрогнула.

— Умерла! Отчего?

— От воспаления легких, два месяца назад.

— Бедняжка!

— Больше вы ничего не можете нам рассказать, миссис Брэндон?

— К сожалению, нет. Я слышала, и другие упоминали этого «Белого Коня», но когда, бывало, начнешь расспрашивать, ни слова не добьешься. И видно было, что напуганы.

Она смущенно взглянула на Лежена:

— Инспектор Лежен, мне не хотелось бы ввязываться в опасную историю. У меня двое малышей. Говорю вам честно, больше я ничего не знаю.

Мы распрощались, и когда Эйлин Брэндон ушла, Лежен мне сказал:

— Вот мы и пошли немного дальше. Миссис Дэвис слишком много знала. Она закрывала на все глаза, но у нее были весьма определенные подозрения на этот счет. И вдруг она заболевает и уже при

* Район Лондона.

смерти посылает за священником и рассказывает ему все. А самое главное — кого она узнала, кто это выходил из дома, где ему нечего было делать? Куда он приходил под видом рабочего? Вот, наверно, что сделало ее опасным свидетелем. Ведь если она его узнала, и он мог ее узнать и понять, что она его узнала. И если она рассказала обо всем отцу Горману, значит отца Гормана нужно было непременно убрать.

Он взглянул на меня.

— Вы согласны со мной? Видно, все было именно так.

— Да, — сказал я. — Согласен.

— И кто же, по-вашему, этот человек?

— Есть у меня одна мысль, но...

— Знаю. Никаких доказательств.

Он встал.

— Но мы его поймаем, — сказал он. — Можете быть уверены. Если мы узнаем точно, что это он, то сумеем припереть его к стене. Мы посадим на скамью подсудимых всю эту подлую ораву.

глава XXII

РАССКАЗЫВАЕТ МАРК ИСТЕРБРУК

Примерно три недели спустя у ворот «Прайорз Корт» остановилась машина. Из нее вышли четверо. Один был я. Двое других — инспектор Лежен с сержантом полиции Ли. И четвертый, мистер Осборн, который с трудом скрывал радостное волнение от участия в таком важном деле.

— Смотрите не проговоритесь, — предупредил его инспектор Лежен.

— Конечно, инспектор. Положитесь на меня. Ни слова.

— Смотрите же.

— Это такая честь. Великая честь, разве я не понимаю.

Но никто не стал ему отвечать — инспектор

Лежен позвонил в дверь и спросил, можно ли видеть мистера Винаблза.

Мы вошли, словно какая-то депутация.

Если мистер Винаблз и удивился нашему визиту, вида он не показал. Он был исключительно вежлив и приветлив.

— Рад вас видеть, Истербрук. А это инспектор Лежен, если не ошибаюсь? Такие у нас спокойные края, преступлениями не пахнет — и вдруг визит инспектора. Признаюсь, я несколько удивлен. Чем могу служить, инспектор?

— Нам нужна ваша помощь в одном деле, мистер Винаблз.

— В каком же?

— Седьмого октября приходский священник по имени отец Горман был убит на Уэст-стрит в Пэддингтоне *. У меня есть основания полагать, что вы находились неподалеку оттуда между 7.45 и 8.45 вечера. Не имеете ли вы что-нибудь сообщить в этой связи?

— Насколько я могу припомнить, я вообще не бывал в этом районе Лондона. И если память мне не изменяет, не был в Лондоне в тот вечер. Я бываю в Лондоне редко — только если какой-нибудь интересный аукцион или у своего врача.

— Ваш врач — сэр Уильям Дагдейл, если не ошибаюсь?

Мистер Винаблз холодно на него взглянул.

— Вы прекрасно информированы, инспектор.

— Не так хорошо, как может показаться. Однако жаль, что вы не можете мне помочь, я надеялся. Наверное, я должен изложить вам факты, связанные с убийством отца Гормана.

— Пожалуйста, если хотите. Но я это имя слышу впервые.

— Отца Гормана позвали в один туманный вечер к умирающей женщине, что жила неподалеку. Ее вовлекли в преступную организацию сначала

* Район Лондона.

без ее ведома, но вскоре кое-что стало у нее вызывать серьезные подозрения. Организация эта совершает по заказу убийства — за солидное вознаграждение, конечно.

— Мысль не новая, — вставил мистер Винаблз.

— Да, но у этой организации новые методы, психологические средства, они стимулируют так называемое «стремление к смерти», которое живет подсознательно у каждого.

— И намеченная жертва услужливо совершает самоубийство?

— Не самоубийство. Намеченная жертва умирает естественной смертью.

— Да бросьте! И вы этому поверили? Не похоже на нашу твердолобую полицию.

— Штаб-квартира этой организации — вилла «Белый Конь».

— А, теперь я начинаю понимать. Вот что привело вас в наши мирные края — наш друг Тирза Грей и вздор, который она проповедует. Неужели вы это воспринимаете всерьез?

— Да, мистер Винаблз.

— И вы, значит, верите: Тирза Грей плетет какую-то суеверную ерунду, Сибил впадает в транс, а Белла творит колдовской обряд — и в результате кто-то умирает?

— Да нет, мистер Винаблз, причина смерти гораздо проще, — он чуть помолчал, — причина смерти — отравление таллием.

— Как вы сказали?

— Отравление солями таллия, только это нужно чем-то прикрывать, а что может быть лучше суеверий, приправленных псевдонаучными и псевдопсихологическими толкованиями?

— Таллий, — мистер Винаблз нахмурился. — По-моему, я о таком и не слышал.

— Не слышали? Широко применяется как крысиная отрава, иногда как лекарство для детей от глистов. Купить очень легко. Между прочим, у вас в сарайчике в саду припрятан целый пакет.

— У меня в саду? Откуда? Не может быть.

— Есть, есть. Мы уже сделали анализ.

Винаблз слегка разволновался.

— Кто-то его туда подложил. Я ничего об этом не знаю. Ничего.

— Так ли это? Вы ведь человек со средствами, мистер Винаблз?

— А какое это имеет отношение к нашему разговору?

— Вам недавно пришлось отвечать на весьма неприятные вопросы, если не ошибаюсь? Об источниках ваших доходов.

— В Англии жизнь становится невозможной изза налогов. Я последнее время серьезно подумываю перебраться на Бермудские острова.

— Придется вам пока что отказаться от этой мысли, мистер Винаблз.

— Это угроза, инспектор?

— Нет, нет, мистер Винаблз. Просто мое мнение. Вы хотели бы услышать, как действовала эта шайка?

— По-моему, вы твердо намерены мне об этом рассказать.

— Она очень толково организована. Финансовой стороной занимается мистер Брэдли, дисквалифицированный юрист. У него контора в Бирмингаме. Клиенты обращаются к нему и оформляют сделку. Вернее, заключают пари, что кто-то должен умереть к определенному времени. Мистер Брэдли обычно склонен к пессимизму. Клиент сохраняет надежды. Когда мистер Брэдли выигрывает пари, проигравший немедленно платит, а иначе может случиться чтонибудь весьма неприятное. И все, что мистер Брэдли должен делать, — это заключать пари. Просто, не так ли? Затем клиент отправляется на виллу «Белый Конь». Мисс Тирза Грей и ее подружки устраивают спектакль, который обычно оказывает нужное угнетающее воздействие.

А теперь о фактах, которые происходят за сценой.

Какие-то женщины, настоящие служащие одной фирмы, — фирма ведет учет спроса на различные товары — получают задание обойти с анкетой

определенный район. «Какой сорт хлеба вы предпочитаете? Какие предметы туалета и косметику? Какие слабительные, тонизирующие, успокаивающие, желудочные средства?» И так далее. В наше время привыкли к подобным анкетам. Никто не удивляется. И вот — последний шаг. Просто, смело, безошибочно! Единственное, что глава концерна делает сам. Он может явиться в форме швейцара или под видом электрика — снять со счетчика показания. Он может представиться водопроводчиком, стекольщиком, еще каким-нибудь рабочим. За кого бы он себя ни выдавал, у него всегда есть необходимые документы — на случай, если кто-нибудь спросит. В большинстве случаев никто не спрашивает. Какую бы личину он ни надел, настоящая цель у него очень проста — заменить какой-то предмет (а это он решает, посмотрев анкету, которую приносит служащая фирмы) специально подготовленным таким же предметом. Он может постучать по трубам, проверить счетчик, измерить давление воды, но цель у него одна. Сделав свое дело, он уходит, и никто его больше в тех местах не встречает.

Несколько дней ничего не случается. Но раньше или позже у жертвы появляются симптомы болезни. Вызывают врача, у него нет причин что-либо подозревать. Он может спросить у больного, что тот ел или пил, но предметы, которыми уже годы пользуется больной, подозрений не вызывают.

Видите, как все хитро придумано, мистер Винаблз? Единственный, кто знает главу организации, — это сам глава. Его некому выдавать.

— Откуда же вам так много известно? — приветливо спросил мистер Винаблз.

— Когда человек у нас на подозрении, находятся пути выяснить о нем правду.

— Какие же?

— Ну, не обязательно о всех о них рассказывать. Киноаппарат, например. Разные современные приспособления. Человека можно сфотографировать так, что он и не догадается. У нас, например, есть отличные фотографии швейцара, газовщика и тому по-

добное. Существуют, конечно, такие вещи, как накладные усы, вставные челюсти, но нашего друга очень легко опознали миссис Истербрук, Кэтрин Корриган и еще одна женщина по имени Эдит Биннз. Вообще очень интересно, как иногда можно узнать человека. Например, вот этот джентльмен, мистер Осборн, готов поклясться под присягой, что видел, как вы шли по пятам за отцом Горманом по Бартон-стрит около восьми вечера седьмого октября.

— Да, видел, видел! — Мистер Осборн задыхался от возбуждения. — Я вас описал, описал точно.

— Пожалуй, даже слишком точно, — сказал Лежен. — Дело в том, что не видели вы мистера Винаблза в тот вечер из дверей своей аптеки. Не стояли вы там вовсе. Вы сами шли по пятам за отцом Горманом и убили его...

Мистер Зэкэрайа Осборн спросил:

— Что?

Челюсть у него отвалилась. Глаза вылезли на лоб.

— Мистер Винаблз, разрешите представить вам мистера Осборна, бывшего владельца аптеки на Бартон-стрит. У вас, может, возникнет к нему личный интерес, если я расскажу вам, что мистер Осборн, который некоторое время находится под наблюдением, был настолько неосторожен, что подбросил пакет таллия к вам в сарай. Не зная о вашей болезни, он пытался изобразить вас злодеем этой драмы, будучи упрямцем — так же, как и глупцом, — отказался признать, что сделал глупость.

Осборн трясся и брызгал слюной.

Лежен внимательно разглядывал его, как рыбу на крючке.

— Перестарались, — сказал он с упреком. — Сидели бы потихоньку у себя в аптеке, может, все и сошло бы вам с рук. И не пришлось бы мне сейчас заявлять вам, как повелевает долг службы: что бы вы ни сказали, будет записано и может быть использовано на суде.

И тут мистер Осборн дико завизжал.

глава XXIII

РАССКАЗЫВАЕТ МАРК ИСТЕРБРУК

— Послушайте, инспектор, у меня к вам тысяча вопросов.

Мы сидели с Леженом, потягивая пиво из больших кружек.

— Да, мистер Истербрук? Удивились?

— Еще бы. Я-то подозревал Винаблза. И вы мне не подали ни намека.

— Нельзя было, мистер Истербрук. В таких вещах нужна осторожность. По правде говоря, у нас особых доказательств не было. Поэтому пришлось устроить это представление с участием Винаблза. Нужно было втереть очки Осборну, а потом неожиданно сразу броситься на него, чтобы он сознался. И это сработало.

Я кивнул.

— Значит, Винаблз согласился играть роль в вашем спектакле?

— По-моему, это его позабавило.

— А вы сразу заподозрили Осборна?

— Уж очень он всюду лез. Сказал ведь я ему — сидел бы тихо, и нам бы в голову не пришло, что почтенный фармацевт мистер Осборн имеет отношение к убийству отца Гормана.

— Еще один вариант Тирзиной теории — подсознательное стремление к смерти.

— Чем скорее вы забудете о Тирзе, тем лучше,— строго прикрикнул на меня Лежен.

— А как вы его заподозрили?

— А он с самого начала стал врать. Мы просили сообщить, кто в последний вечер видел отца Гормана. Осборн тут же объявился, и его показания были очевидной ложью. Он видел человека, который шел за отцом Горманом, — разглядел через улицу в тумане орлиный нос, ну это еще допустим, но кадык он разглядеть не мог. Конечно, все это могло быть невинным враньем, такое случается нередко. Но мое

внимание привлекло, что, видимо, Осборн описывал реального человека, человека, которого он где-то встречал. И лицо по его описанию было необычное. Я думаю, он видел Винаблза в машине в Борнемуте и был поражен его внешностью — если он увидел его в машине, он мог не заметить, что Винаблз — калека.

Затем, мое внимание привлекло то, что он — фармацевт. Я подумал, может, наш список связан с торговлей наркотиками. Я ошибся и тут же забыл бы о мистере Осборне, если бы он сам не лез. Ему хотелось узнать, как идет следствие, и он написал мне, что видел подозреваемого человека в Мач Дипинг. Он все еще не знал, что у Винаблза паралич ног. А когда узнал, тоже не утихомирился, начал сочинять дурацкие теории. Конечно, придумал он все ловко. Брэдли в Бирмингаме, Тирза Грей со своими сеансами в Мач Дипинг. И кто бы заподозрил мистера Осборна, ведь он вроде не был связан ни с Тирзой Грей, ни с Брэдли, ни с жертвой. А механика этого дела для фармацевта — детские игрушки. Только у мистера Осборна не хватило ума держаться в тени.

— А куда он девал деньги? — спросил я. — Ведь в конце концов интересовали-то его деньги.

— Конечно.

— Но что же он делал с деньгами?

— А это очень просто, — сказал Лежен. — Но я догадался только, когда побывал у него в коттедже. Он просто был скупец. Он любил деньги ради денег, не из-за того, что их можно тратить. Коттедж был очень скудно обставлен, и все вещами, которые он по дешевке скупал на аукционах. Он не любил тратить деньги, он любил их копить.

— По-вашему, он их держал в банке?

— О нет, — ответил Лежен. — Наверно, найдем где-нибудь под половицей у него в доме.

Корриган объяснит его поступки неправильной функцией какой-нибудь железы. Я человек без затей — для меня Осборн просто негодяй. И не могу

понять, как человек неглупый может так по-дурацки себя вести.

— Представляется, — заметил я, — что за преступными делами всегда стоит зловещая и необычная личность, выдающийся ум.

Лежен покачал головой.

— Вовсе нет. Преступления не может совершать выдающаяся личность. Никаких суперменов. Преступник всегда ниже, а не выше, чем самый обычный человек.

* * *

В Мач Дипинг все по-прежнему дышало покоем.

Роуда опять поила собак лекарством. Я подошел, и она спросила, не хочу ли я ей помочь. Я отказался и спросил, где Джинджер.

— Она пошла на виллу «Белый Конь».

— Что?

— А ей интересно на нее взглянуть.

— Но ведь дом стоит пустой.

— Ну и что?

— Она переутомится. Она еще не в состоянии...

— Перестань, Марк. Джинджер поправилась. Ты видел новую книгу миссис Оливер? Называется «Белый какаду». Там на столе.

— Милая миссис Оливер. И Эдит Биннз.

— Что еще за Эдит Биннз?

— Женщина, которая опознала фотографию. И служила верой и правдой моей крестной.

— Ничего у тебя не поймешь. Что с тобой?

Я не ответил и отправился к «Белому Коню».

По дороге я встретил миссис Колтроп.

Она радостно поздоровалась со мной.

— А я все время понимала, до чего это нелепо, — призналась она. — Поверила в такое шарлатанство. Но просто я не могла во всем толком разобраться. Пойду с вами, посмотрю на Джинджер.

Мы вошли через открытую дверь. Джинджер стояла перед старой вывеской. Она обернулась к нам, когда мы вошли. Она все еще была совсем худая

и бледная, вокруг головы шарф — волосы еще не отросли, от прежней Джинджер осталась одна тень. Но в глазах светился обычный задор.

— Мне пора, — засуетилась вдруг миссис Колтроп. — У меня собрание матерей.

Она постояла в дверях, кивнула нам и исчезла.

— Джинджер, — сказал я, — ну, как?

— Что как?

— Ты знаешь что...

— Пожалуй... Но мне требуется официальное предложение.

Я сделал официальное предложение.

Джинджер спросила:

— А ты уверен, что не хочешь жениться на этой своей Гермии?

— Господи! — воскликнул я. — Совсем забыл.

И достал из кармана письмо.

— Получил три дня назад. Она приглашает меня в «Олд Вик» на «Тщетные усилия любви» *.

Джинджер взяла письмо у меня из рук и разорвала его в клочки.

— Если захочешь ходить в «Олд Вик», будешь теперь ходить только со мной, — сказала она тоном, не допускающим возражений.

Перевела с английского Н. Явно

* Пьеса Шекспира.

П. ГАМАРРА

УБИЙЦЕ — ГОНКУРОВСКАЯ ПРЕМИЯ

I. описание преступления

ПРЕСТУПНИКА ЛЕГЧЕ НАЙТИ, ЧЕМ РАЗОБЛАЧИТЬ.

Марсель Паньоль, Топаз

Убийца прильнул ухом к двери и настороженно прислушался. Он никого не ждал, но все равно прислушивался. Ветер разгуливал по городу, крича на тысячу голосов.

Тут были и тихие жалобы, и еле уловимые вздохи влюбленных, и робкие удары смычка, шуршали шелковые и бархатные платья; потом вдруг все это неожиданно сменялось громкими воплями, яростным рычанием.

Казалось, что кто-то прячется за окном, кто-то бродит по крыше.

Но там никого не было, никого, кроме ноябрьского ветра.

Убийца пожал плечами и улыбнулся.

Внезапно ветер утих. И ночь сразу стала огромной и легкой, как пустой мешок. Но это только так казалось. Ветер замолк всего на несколько секунд. Он был здесь, все время здесь.

«Так вот бывает, когда приложишь ладонь к сердцу и вдруг не находишь его, — подумал Убийца. — Начинаешь лихорадочно шарить по груди, тебе становится жутко. Думаешь, боже мой, сердце-то не бьется, его нет. Странно. Тревожно. А потом оно находится. Ты слышишь его мягкие короткие удары. Крошечный невидимый насосик, купающийся в живительной теплой крови...»

Убийца снова пожал плечами.

Сейчас не время философствовать.

Он взглянул на часы.

Пора!

Тишина взорвалась. Порывы ветра сотрясали две-

ри, где-то очень далеко в иочи жалобио заскрипела сорваииая с крючка ставня.

«Да, пора, — повторил про себя Убийца. — Я встаю, застегиваю пальто, потом...»

Но ои ие встал. Его руки машииально перебирали лежавшие перед иим бумаги, поглаживали киигн, трогали авторучку, чернильницу, оловяиную пепельиицу-пароходик...

От лампы с зелеиым абажуром на руки падал мягкий свет.

Пальцы левой руки забарабаиили по столу. Указательиый палец правой руки отбивал такт. Потом ои потяиулся к выключателю лампы, но тут же замер.

Пора.

Убийца стал иасвистывать. Какая-то старая песенка, всплывшая в его памяти из глубии прошлого. Только мелодия. Как же оиа иазывается? Почему имеиио оиа вспомнилась ему? Он и сам не понимал этого. Есть вопросы, иа которые иевозможио ответить.

Убийца выдвииул один из ящиков стола, приподнял перевязаииую зелеиой тесьмой пачку бумаг и выиул из-под иее толстую тетрадь в картониом переплете. На обложке крупиыми и жирными буквами было тщательио выведено: «Стихи».

Убийца быстро пролистал тетрадь и остаиовился иа последием стихотворении — всего несколько коротких строчек, иаписаиных мелким четким почерком.

Убийца прочитал вполголоса стихотвореиие и снова принялся насвистывать. Немного погодя ои захлопиул тетрадь и бросил ее в открытый ящик стола.

Указательиый палец правой руки опять потяиулся к выключателю. Лампа погасла.

. . . .

Через улицу стремглав промчалась собака. Ветер хлестал дома, рвал электрические провода. В садах полуголые ветки сухо стучали друг о друга. Собака, иавериое, перепугалась бури.

От такого ветра и в самом деле можио с ума сойти. Яростные порывы следовали один за другим, все сильнее становились вскрики, вопли, скрежет,

стоны. Город больше не существовал, не было домов, не было улиц. Ничего, кроме потоков ветра, лавин разноголосого гула.

Скрипела какая-то ставня. Пожалуй, та же самая, которую Убийца слышал раньше. А может быть, и другая. Что стоит ставне соскочить с крючка, тем более при таком ветре, — непонятно, как еще не рухнули стены домов!

А вообще-то, если бы не ветер, в городе было спокойно — на улице ни души.

Убийца пошел по бульвару, обсаженному липами и акациями. Белыми акациями.

Бульвар кончился, и он свернул налево, в совершенно темную улочку. Дорогу он знал хорошо.

Он постучал в дверь. Дом стоял в глубине тупика. Убийца постучал еще раз. Он прислушался, но не смог уловить ни малейшего шороха. Ветер уносил все звуки.

Вдруг дверь распахнулась, и в коридоре, слабо освещенном лампочкой, Убийца увидал старика Мюэ.

— Простите, что я вас побеспокоил в такой поздний час, — сказал Убийца.

Прошло несколько секунд.

По-вашему, несколько секунд — чепуха? А вот посчитайте: раз, два, три, четыре, пять... Это много времени, гораздо больше, чем кажется.

За эти несколько секунд Убийца успел подумать о стольких вещах: о ветре, например, о темных улицах, о том, что сейчас все спят и соседи ничего не услышат, о капитане жандармерии...

— Что вам угодно? — спросил старик Мюэ.

Убийца ответил не сразу. Прошло две-три секунды. Он вынул из кармана револьвер. Курок был взведен. Рука в перчатке крепко сжимала оружие.

— Поднимите руки и отступите назад! — приказал он.

У старика Мюэ от страха расширились глаза, и он машинально провел ладонью по своей желтоватой седой бородке.

— Я вам не причиню никакого вреда, — добавил Убийца.

Он закрыл за собой наружную дверь. Старик Мюэ поднял руки.

Вход в лавку находился в конце коридора, слева. Старик медленно отступал. Его лицо выражало ужас. Наверное, он думал: «Зачем только я открыл дверь? Кто же ночью отпирает двери?..»

— Не останавливайтесь, — сказал Убийца.

Старик Мюэ, пятясь, дошел до входа в лавку. В спешке он надел свой старый пиджак поверх ночной рубашки. Брюки на нем штопором. Шея обмотана зеленоватым шарфом.

В лавке было совершенно темно. Старик продолжал пятиться. Еще шаг — и он погрузился бы в этот мрак, но он задел локтем стопку книг, они рассыпались по полу. Старик хотел было нагнуться, чтобы собрать их, но Убийца остановил его:

— Ни с места!

Мюэ медленно снова поднял руки. Покрытая пылью лампочка в коридоре освещала его лицо. Он ничего не понимал. У него дрожали губы, и он несколько раз делал попытку что-то произнести, но не мог выговорить ни слова.

Убийца выстрелил три раза.

Старик глухо повалился на пол, как мешок, набитый тряпьем.

Убийца перешагнул через труп и вошел в лавку. Он достал карманный фонарик и стал шарить лучом по полкам. Узкое помещение лавки тянулось за левой стеной коридора, справа находилась квартира старика: комната и кухня.

Убийца провел в доме Мюэ добрых полчаса. Он не спеша расхаживал по квартире, принимая разные меры предосторожности.

Лавка и кухонька выходили в тупик. Кухня освещалась маленьким окошечком, снабженным сплошной деревянной ставней. Убийца откинул крючок, ставня со стоном повернулась на петлях и прибилась к наружной стене.

С улицы ставню можно было закрепить вделанным в стену железным крюком. Убийца вышел, накинул крюк на ушко ставни. Теперь ставня не закроется.

Еще надо было убрать деревянный щит, которым закрывали на ночь витрину лавки. Убийца торопливо внес его в коридор, закрыл за собой дверь и ушел.

Когда рассветет, ни у кого не возникнет никаких подозрений. Лавка будет казаться открытой, и будет видно пыльное окно кухни.

Соседи заметят: «О-о, а старик Мюэ уже встал». И никто не подумает ничего дурного. Никому не придет в голову, что в конце коридора, на пороге лавки, лежит труп.

Убийца, насвистывая, ушел в ночь.

Ветер продолжал завывать.

2. молчание гарпократа

ЧТОБЫ НАПИСАТЬ КНИГУ, ТАК ЖЕ КАК И ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ СОБРАТЬ ЧАСЫ, НАДО ВЛАДЕТЬ СВОИМ РЕМЕСЛОМ: АВТОР ДОЛЖЕН ОБЛАДАТЬ НЕ ТОЛЬКО УМОМ.

Ла Брюйер

Телефонный разговор между главным редактором крупной утренней газеты «Пари-Нувель» Максом Бари и заведующим литературным отделом той же газеты Жаком д'Аржаном:

— Так. Ну? «Молчание Гарпократа»? Слышу, слышу. Да, понял... Греческое имя... А кто автор, я вас спрашиваю об авторе...

— Какой-то Поль Дубуа. Теперь вы меня лучше слышите?

— Да. Что-то было с телефоном. Кто он такой, этот Дюбуа?

— Дубуа, не «ю» после «д», а «у». Повторяю, после «д» — «у».

— Какое это имеет значение! Итак, вы берете подробное интервью, идет? А фотографии есть?

— Конечно, нет. Об этом я вам и толкую. И фотографии и интервью отпадают.

— Почему?

— Потому что нет автора.

— А где же он?

— Никто ничего не знает. Никто!

— Послушайте, дорогой д'Аржан, вы понимаете, какую чушь вы порете? Некий господин, чье имя никогда и не слышали в литературном мире, отхватывает себе Гонкуровскую премию и не появляется в день торжества. Да над вами посмеялись!

— Уверяю вас, что я информирован лучше, чем кто-либо.

— Вот так история!

— Да, история поразительная.

— Ну хорошо, он где-то задержался, занят или болен?

— Никто ничего не знает.

— Он уехал за границу?

— Я же вам говорю, никто ничего не знает.

— И не знают адреса?

— Да... То есть нет. Этот субъект прислал письмо председателю жюри, дав ему парижский адрес. Но адрес вымышлен. Уже наведены справки. Одним словом, ничего не известно. Поль Дюбуа не явился.

— Так. Надо еще подождать немного.

— А мы и ждем. Радио уже передало о присуждении премии. Посмотрим, что будет.

— Странно, очень странно. Представить роман на Гонкуровскую премию, а потом даже не поинтересоваться его судьбой! А что это за роман? Как он там называется, вы мне только что говорили?

— «Молчание Гарпократа».

— «Молчание Гарпо...» Ну да... Вы его прочли?

— Нет. В этом-то вся загвоздка. Мне кажется, что премия присуждалась не рукописи...

— Слушаю. Что? Повторите. Опять кто-то мешает!

— Алло, а теперь слышите?

— Да. Так вы говорили мне что-то о рукописи?

— Совершенно верно. Каждый из членов жюри получил по экземпляру «Молчания Гарпократа». Ро-

ман отпечатан на машинке и подписан Полем Дубуа. Вот и все сведения об этом Дубуа с «у» после «д».

— Так. А письмо председателю?

— Ничего интересного. Письмо как письмо. Там ничего не выудишь. К тому же, я вам говорил, адрес вымышлен. Да, положение членов жюри незавидное. Председатель сам не свой, журналисты начинают зубоскалить. Уже придумали заголовки для вечерних выпусков: «Лауреат — господин Загадка». «Жюри разыскивает лауреата»... Все это очень странно...

— Слушайте, д'Аржан, постарайтесь все же раздобыть какие-нибудь подробности. А это «Молчание Гарпократа» что за штука?

— Роман.

— Это ясно, но кто такой Гарпократ?

— Ну, как вам сказать... Греческий бог...

— Ну конечно, я уже совсем обалдел.

— Бог молчания.

— Да, да.

— Роман превосходит все, что только можно вообразить. Говорят, это совершенно выдающаяся вещь. Он произвел потрясающее впечатление на жюри. Знаете ведь: премия была предрешена. Вернее, было два кандидата: Жюль Воллар за «Пейзажи без солнца» и Арманда Раймон с ее «Праведницами»...

— Знаю: «Праведницы» в самом деле... Довольно... такая... книга... А?

— Пожалуй. Но все же Воллар котировался выше. Честно-то говоря, «Праведницы» не роман... Одним словом, вдруг, в самый последний момент, всплыло имя Дубуа. Кто-то сказал: «Ради гения можно поступиться любыми правилами. А мы имеем дело именно с гением...»

— Ладно. Слушайте, нечего впадать в панику. Лично мне кажется, что этот самый гений с минуты на минуту явится. Если не сам, то какой-нибудь его друг или родственник. И сразу все прояснится: Дубуа был болен или его задержали, мало ли что...

— А неверный адрес?

— Все гении рассеянны... Алло. Значит, ждите, добывайте материал. Мы дадим хорошую подборку

со сногсшибательным началом на первой полосе, тиснем портрет и...

— Если он у нас будет...

— Ну, ясно. Да, а сам роман? Вы его читали?

— Где я мог взять его?

— Ну, старина, выкручивайтесь как хотите, но нам нужно содержание книги, какой-нибудь отрывок... Попросите Морелли, Андрэ Морелли, члена жюри, он друг нашей семьи. Да вы и сами его знаете. Пусть он вам даст эту злосчастную рукопись. Как хотите, но вы должны хотя бы пролистать ее.

— Сейчас жюри проводит закрытое заседание...

— Где?

— Все там же, на площади Гайон, в ресторане «Друан»...

— Хорошо. Сидите там и соберите для нас хорошенький материальчик. Я полагаюсь на вас...

— Сделаю все возможное...

. . . .

На город спускался вечер. Холодный, промозглый ноябрьский вечер. В такую погоду мечтаешь о камине, о тарелке горячего супа.

Убийца сидел у радиоприемника. Только что кончился концерт легкой музыки, начали передавать последние известия. Низкий ровный голос диктора вкрадчиво проникал в квартиру. После отчета о парламентских дебатах он перешел к хронике.

— Париж. Сегодня, следуя установленной традиции, в ресторане «Друан» на площади Гайон состоялось заседание жюри Гонкуровской академии...

(Убийца подумал: «Маленькая, серая площадь с налетом провинциализма...»)

Диктор продолжал:

— Премия присуждена мосье Полю Дубуа за роман «Молчание Гарпократа». Несколько голосов получили также мосье Жюль Воллар, автор «Пейзажей без солнца», и мадам Арманда Раймон за роман «Праведницы». Председатель жюри в беседе с нами заявил: «Мосье Поль Дубуа, автор романа «Молчание Гарпократа», удостоенного Гонкуровской премии,

не присутствовал при объявлении решения жюри. Жюри просит его срочно явиться или прислать сведения о своем местопребывании...»

Далее низкий голос рассказал о наводнении в Тунисе. Женский голос, сменивший мужской, сообщил, что, наконец, удалось раскрыть загадочное дело об отравлении в Гренобле, где жена одного колбасника и ее сестра умерли при подозрительных обстоятельствах. Все оказалось очень просто. Преступление совершил колбасник, он подсыпал мышьяку.

Затем довольно неприятно грассирующий диктор прочитал результаты бегов. Немного погодя Убийца выключил радио.

. . . . : : : :

Главный редактор «Пари-Нувель» Макс Бари около восьми часов вечера, выходя из своего кабинета, столкнулся с репортером Жозэ Робеном. Репортер только что вернулся из Гренобля, куда он ездил по делу колбасника-отравителя. По правде говоря, в этом деле не было ничего загадочного, и первые же подозрения полиции очень скоро подтвердились. Колбасник подсыпал мышьяк в утренний кофе своей жене и золовке. Он сразу же во всем признался.

Жозэ Робен ограничился несколькими короткими отчетами о следствии. Все прояснилось настолько быстро, что он даже особенно не вникал в суть дела.

— Ах, это вы, Робен! — воскликнул редактор. — А я как раз подумал о вас... Прямо из Гренобля?

— Да... Добрый вечер.

Они обменялись рукопожатиями.

— Вы уже знаете? — спросил Бари. — Читали последние сообщения?

— Нет. Я только приехал и еще не видел вечерних газет.

— Зайдите... Я вам расскажу в двух словах. Это по поводу Гонкуровской премии.

— Разрешите? — спросил Жозэ.

Он уселся в кожаное кресло и закурил сигарету.

— Устали? — спросил Бари.
— Да, немножко...
— Дело в Гренобле оказалось пустячным?
— Да, не фонтан. Так, вы начали о Гонкуровской премии. Кто же счастливчик? Называли Воллара...
— Ну вот, слушайте. Возможно, вы этим и займетесь. Все очень просто: лауреата вообще нет.
— Как так нет?
— Вот так. Премию присудили. Один из романов получил большинство голосов, а лауреат не явился.
— Но еще есть время.
— Конечно. И все-таки случай весьма необычный.
Бари порылся в бумагах, которыми был завален его стол.
— Куда же я сунул вечерние газеты? Ага, вот они... Смотрите, какие заголовки: «Мосье Икс получил Гонкуровскую премию». «Требуется автор». «Молчание Гарпократа» и молчание лауреата». «Кто же удостоен Гонкуровской премии?» «Гонкуровская премия повисла в воздухе».
Жозэ Робен взял газеты и с невозмутимым видом принялся читать их. Его круглая кудрявая голова с золотистыми волосами прилежно склонилась над свежими, пахнущими краской полосами. Время от времени он удивленно поднимал брови, и его голубые фаянсовые глаза выражали веселое недоумение.
Бари ходил взад и вперед по кабинету, посасывая пустую трубку, потом остановился перед журналистом, открыл рот, но, ничего не сказав, снова зашагал. Он хорошо знал Робена. Парень обладал здравым смыслом и чутьем и, не разобравшись в деле, не высказывал своего мнения.
Но вот Жозэ поднял голову и улыбнулся.
— Забавно, — тихо проговорил он.
— Да, пожалуй, забавно...
Бари пожал плечами.
— Хороший материал для газеты, — продолжал Жозэ.
— Правильно, правильно, — согласился редактор. — Но меня беспокоит...

Он остановился и задумчиво пососал мундштук своей трубки. Жозэ удивленно поглядел на Бари.

— Боюсь, — заговорил опять редактор, — что д'Аржану это дело не по плечу.

— Почему?

— Да, конечно, д'Аржан литератор, хороший критик, это бесспорно. Он вам умело накатает хронику, в общем свое дело знает, но, мне думается, за этой историей с исчезнувшим лауреатом кроется еще что-то. Этим делом надо заняться вам, Робен... Да, я знаю, вы устали, вы в дурном настроении. Дело колбасника и выеденного яйца не стоило. И все же...

— Простите, но это не по моей части.

Жозэ покачал головой и стряхнул пепел с сигареты. В уголках его детского рта притаилась улыбка.

— Нет, это не по моей части. Я не знаком с литературным миром, с писателями. Я посещаю другие университеты, не имеющие отношения к литературе. Вот если бы речь шла о каком-нибудь красивеньком преступлении в крепко-накрепко запертой комнате или о суде присяжных... А все остальное...

— Ну, ну... Вы же сами признаетесь, что любите все загадочное. Так как же, вопрос решен?

— Подождите-ка. Судя по тому, что я сейчас прочитал, сведения у моих коллег весьма скудные. Присудили Гонкуровскую премию. Как и полагается, предварительно собралось жюри. Рассматривали кандидатуру Воллара и... как ее? Арманды Раймон. Неожиданно кто-то предлагает еще некоего Дубуа. Господа члены жюри обмениваются мнениями, спорят, короче говоря, выясняется, что «Молчание Гарпократа» — одно из крупнейших литературных событий нашего века. Совершенно своеобразный стиль. Непривычная атмосфера. Невиданные психологические наблюдения. Словом, все признаки гениальности. Итак, решался вопрос, дать ли премию Воллару, или Арманде Раймон, или еще какому-нибудь бесспорному произведению. Жюри колеблется, прикидывает и так и этак, спорит. Никто не знает этого гениального Дубуа, этого таинственного литературного феномена. И вот наступает развязка. Премию присуждают Ду-

буа, но... Дубуа не является. Его ищут по указанному им адресу. Там нет никакого Дубуа. И до сих пор жюри в полном отчаянии.

— Совершенно верно. Ну, а ваше мнение?

Жозэ развел руками.

— А какое у меня может быть мнение? Дубуа оторвал себе Гонкуровскую премию. Где же Дубуа? Кто такой Дубуа? Я знаю не больше вашего. А вдруг это злая шутка... Ведь все возможно...

— Да нет, едва ли кто-нибудь из наших литераторов, написав гениальное произведение, решит остаться анонимом. Нет, это отпадает.

— Кто знает? Редко, правда, но встречаются и среди писателей скромные люди.

У Жозэ загорелись глаза. Усталость с его лица как рукой сняло. Бари дружески хлопнул его по спине.

— Я же вам говорил, это дельце для вас.

— Нет, нет, вы не правы. Моя область — увы! — преступление в бутылке чернил...

— Ну вот, бутылка с чернилами уже есть...

Жозэ встал, бросил на стол кипу газет, которая лежала у него на коленях. Он был небольшого роста, и широкий серый плащ неуклюже сидел на нем.

— Любопытно было бы познакомиться... — Помолчав, Жозэ продолжал: — Любопытно было бы познакомиться с этим романом.

— Конечно, — ответил Бари. — Я и просил д'Аржана поподробнее все разузнать. Но господа из жюри, кажется, не желают ничего сообщать. От издателей отбою нет, но всем отказывают. Ждут лауреата. А я сказал д'Аржану: «Слушайте, старина, выкручивайтесь, как знаете, но вы должны пролистать рукопись и завтра дать нашим читателям полный обзор... Надеюсь, что...»

Телефонный звонок прервал редактора.

— Алло! — сказал Бари. — Алло! Да, это я... Добрый вечер... Ах так... Неужели? Очень хорошо. Великолепно... Я был уверен... Он согласился? Ну конечно, он не мог отказать... Что? Естественно...

Жаль... Больше ничего? Вы измотались? Старик Симони взбешен? Да, как можно больше всяких подробностей. Вот именно. Гоните строки. Что? Фотомонтаж со стариком Симони на фоне черного силуэта? Великолепная идея! И можно дать такую подпись: «Мосье Симони, прославленный автор сборника «Цветы тени», в обществе неизвестного лауреата...» В десять часов? Идет, в десять так в десять. Я еще не смог связаться с Морелли. Попробую сейчас. До свидания. Вот именно. Спасибо. Вам тоже...

Бари повесил трубку.

— Звонил д'Аржан.

— Что он сказал?

— В общем ничего нового. Жюри неистовствует. Старик Симони,—вы знаете, поэт Симони,—тоже рвет и мечет. Он говорит, что это позор для Гонкуровского комитета, и собирается отдать под суд шутника. У д'Аржана превосходная мысль — смонтировать фотографию Симони на фоне силуэта, который будет изображать неизвестного лауреата.

— Недурно!

— Да, чуть не забыл сáмое главное. Д'Аржану удалось кое-что вытянуть из Морелли. Вы слышали о Морелли? Он пишет исторические повестушки. Это друг нашей семьи, он не смог отказать нам и дал небольшую информацию. Д'Аржан встретился с ним и засыпал его вопросами. Но самое главное так и остается тайной. Мосье Дубуа по-прежнему скрывается. Морелли читал роман и пересказал д'Аржану содержание. Фабула несложная. Это описание одного преступления.

— Детектив?

— Нет, по-моему, нет. Насколько я понял, это нечто вроде мемуаров. Мемуары человека, который поставлен перед необходимостью совершить убийство. Понимаете? Я же говорю, вам стоит заняться этим делом.

Жозэ рассмеялся.

— Убийство на бумаге! В общем мосье Дубуа рассказывает историю одного преступления.

— Вот-вот.

— Но сделать отсюда вывод, что убийство было совершено, по-моему, довольно смело.

— Говорят, что преступление описано с большой силой.

Жозэ, посвистывая с нерешительным видом, раскрыл свой портсигар и, поглядев Бари в лицо, сказал:

— У меня есть предложение, которое должно вам понравиться. Вы ведь любите броские заголовки? Предположим, что убийство, описанное Дубуа, действительно самое что ни на есть настоящее.

— Так.

— В таком случае на первой полосе можно дать сногсшибательный заголовок.

Жозэ вынул сигарету, медленно покрутил ее между пальцами и, прищурившись, продолжал:

— Именно сногсшибательный: «Убийце — Гонкуровская премия». От такого заголовка интеллигентного поэта Гастона Симони может хватить удар. Недурно, а? «Убийце — Гонкуровская премия». «Убийце...»

3. гроздь гнева

ЯСНОСТЬ — ВЕЖЛИВОСТЬ ПИСАТЕЛЯ.

Жюль Ренар

Д'Аржан, элегантный молодой человек лет тридцати, улыбнулся и левой рукой поправил шелковый платочек, который торчал у него из верхнего кармана пиджака.

— Да что вы, я нисколько не обижен. Раз Бари так настойчиво предлагает вам заняться этим делом, значит, на его взгляд, оно выходит за рамки литературы. Думаю, что он прав. У него есть нюх. Он образцовый главный редактор и превосходно разбирается, что может сегодня или завтра пойти под шапкой на первой полосе. У него какой-то дар предвидения.

— Все это так, — ответил Робен, — но это еще не

факт, что преступление на бумаге соответствует истинному преступлению.

Он вежливо поклонился и продолжал:

— Я займусь этим делом только в том случае, если это литературное, как я его называю, преступление примет реальные очертания. Ну и, естественно, вместе с вами. Ведь я очень мало знаком с литературной средой.

Тонкие губы д'Аржана сложились в улыбку. Она как бы говорила: «До чего же нелепая среда!» — и в то же время: «Эта среда, внушающая уважение».

Жозэ встал, подошел к окну и поднял штору. Сквозь стекло виден был темный двор, загроможденный какими-то бесформенными предметами. В глубине стоял грузовик, на нем возвышались огромные рулоны бумаги. Справа ярко сверкали большие окна наборного цеха, в кабинет долетал приглушенный стук линотипов. Слева в нижних этажах было темно. Эту часть здания занимали административно-хозяйственные отделы. Откуда-то очень издалека доносился гул ротационных машин.

Журналисты устроились, чтобы поговорить, в маленьком уютном кабинете д'Аржана. Стены кабинета были увешаны старинными гравюрами.

— Дождь еще идет? — спросил литературный обозреватель.

— Нет, — ответил Жозэ.

Он отошел от окна.

— В общем из того, что вам удалось узнать о романе Дубуа, трудно сделать какие-либо выводы. Если отбросить... как бы выразиться... всю литературную оболочку, всякие там психологические и философские отступления, то ничего не остается...

— Да, — согласился д'Аржан. — Правда, я довольно бегло проглядел рукопись, но, судя по тому, что запомнилось, и по моим заметкам, а главное — по пересказу Морелли, фабула в самом деле слабовата.

Жозэ достал из кармана пиджака записную книжечку в молескиновом переплете.

— Вот я кое-что записал. Посмотрим... Во-первых,

место действия... Автор точно не называет. Какой-то маленький городок на Гаронне, в винодельческом районе. Ну, а на берегах Гаронны повсюду виноградники... Но может быть...

— Простите, не помню, рассказывал ли я, что в начале третьей или четвертой главы — кстати, она написана блестяще — говорится о шашле...

— О шашле? Тогда ясно, речь идет о Муассаке, о муассакской шашле!

— И мне так кажется.

— Значит, это мы установили. Но даже если действие романа протекает не в самом Муассаке, то, вероятно, автор знает город и имел в виду именно его. Дальше. На одной из уличек города, обычно тихой и пустынной, убит старый букинист Мюэ... правильно я его назвал?.. Убит тремя револьверными выстрелами. Преступление совершает автор, то есть тот, кто об этом рассказывает. Причина: необъяснимая ненависть.

— Кстати, в этом суть романа, — вставил д'Аржан, — это важнее, чем само убийство, хотя описание его и занимает значительное место. На самом деле убийство — лишь вывод из откровений, сделанных в первых главах.

Жозэ с рассеянным видом провел рукой по обрезу своей записной книжки.

— Так, — сказал он. — Но оставим пока рассуждения, возьмем только факты. Как, по-вашему, улица и лавка описаны там подробно?

— Можно ли по ним узнать, если понадобится, место преступления? Мне кажется, да... Хотя, как вы понимаете, я не заострял на этом внимания. Рукопись была у меня в руках очень недолго, и я лишь перелистал ее. Мне ведь не приходило в голову, что это литературное убийство может соответствовать убийству истинному...

— Да пока для этого предположения нет никаких данных, — улыбнулся Жозэ. — Просто я по своей природе очень подозрителен!

Д'Аржан нахмурил брови, напрягая память.

— Мне думается, там достаточно детализации. Пожалуй, даже, если потребуется, можно узнать эти

места. Да, можно... Морелли мне расхваливал главу, где описывается убийство... Там упоминаются какой-то желтый фасад дома, коридор, где пахнет сыростью, тесная грязная кухия... Возможио, есть еще какие-то подробности, мне иадо бы еще разок просмотреть рукопись...

— Итак, давайте подведем итог, — сказал Жозэ. — Муассак или его окрестиости. Маленькая уличка, лавка букиниста. Старик Мюэ убит тремя револьверными выстрелами. Побудительиая причина: литература!

Д'Аржан протестующе поднял руки:

— Нет, вы упрощаете. Все триста страниц посвящены разъяснению причин, толкнувших автора на преступление. Это и есть суть произведения. Автор, ну, скажем, убийца, объясняет, что привело его к этому чувству ненависти. Старик Мюэ * — странная фамилия, не правда ли? — жил один и, казалось, был вполне доволен своей судьбой. А убийца ие переносит одиночества, ио вынужден жить в одиночестве.

— Выиуждеи?

— То есть... Убийца своего рода мизаитроп. Он старый холостяк. Ну, были там какие-то иеудачные романы... Он считает, что его социальное положение выше положеиия букиниста, а в то же время в образе жизни этих людей много общего. Но старик Мюэ живет как будто бы безмятежно, а убийца раздираем сложными противоречиями, сомнениями, иеудовлетворенностью, тоской... Понимаете? В книге дан потрясающий психологический анализ...

Жозэ покачал головой

— Понятно... Значит, оба старые холостяки. Один в общем-то простой старик, а второй — писатель со сложной психологией.

— Примерно так.

— И писатель завидует букинисту, завидует его спокойствию, его простоте... И убивает его! Хм!

Репортер встал и украдкой потянулся.

* Мюэ — по-французски «немой».

— Вы знаете район Гаронны? — спросил он д'Аржана.

— Неважно.

— Приятные места. Земля там жирная, плодовитая, девушки прелестны...

— Муассак находится в департаменте Тарн-и-Гаронна?

— Да. В городе есть монастырь чуть ли не одиннадцатого века, с великолепным порталом.

— Я мало бывал на юге Франции.

— Жаль, — заметил Жозэ.

Он опустил голову и уставился на носки своих башмаков.

— Меня заинтересовало название книги... «Молчание Гарпократа»... Что это означает? Молчание... Старик Мюэ... Возможно, тут кроется какая-то связь, но, кроме того... Нет, не понимаю.

— Мне кажется, здесь-то все понятно, — сказал д'Аржан. — Об этом самом Гарпократе я узнал, порывшись в энциклопедии. Гарпократ происходит от Гора, египетского бога, которого изображали с головой сокола. Гор — значит высокий, возвышенный. Как вы знаете, это национальный бог египтян. Было много разновидностей Гора, например Горбедит, то есть Гор города Бедит, или Гормахит — он олицетворял собой горизонт, Гормахитом называли большого сфинкса Гиза. Еще был Горпехруд, или Гордитя, сын Озириса и Изиды, — его египтяне изображали с поднесенным ко рту пальцем. Греки неправильно истолковали этот детский жест и превратили его в бога молчания — Гарпократа. Вы меня слушаете?

— Конечно. Все это очень интересно...

— Как видите, название объясняется просто. Бог прикладывает палец к губам, он приказывает молчать. Но что скрывается за этим молчанием, что означает этот уход в себя? В романе кипят такие страсти! Это и есть главное в нем — они приводят в конце концов, как вы знаете, к убийству. К убийству старика Мюэ.

— Здорово, — заметил Жозэ. — Все это выгля-

дит довольно убедительно. Любопытно было бы познакомиться с этим таинственным Полем Дубуа. Кстати, и фамилия какая-то странная.

— Скорее всего псевдоним...

— Вероятно, да...

Репортер вернулся к окну и опять приподнял штору. Ярко освещенный наборный цех напоминал фантастический дворец. В этом сиянии суетились какие-то темные фигурки, виднелись склонившиеся над талерами метранпажи... В глубине огромного цеха безостановочно стучали линотипы, выплевывая свеженькие металлические строки... Свистели и жужжали печатные машины. На первом этаже рычали чудовища, изрыгая провинциальный выпуск газеты. От тяжелого дыхания ротационных машин дрожали стены здания.

Жозэ опустил штору.

Д'Аржан, сидя за своим письменным столом, машинально вертел в пальцах колпачок авторучки.

— Не буду мешать вам работать. — Жозэ направился к двери. — Привет! Я пойду к Бари.

— Мне еще надо просмотреть конец моей статьи, — пробормотал литературный обозреватель.

Жозэ шел по редакционному коридору, где были отделы общей информации, экономический, спортивный...

«Кажется, у меня разыгралось воображение, — думал Жозэ, — это дело не по мне. Оно имеет прямое отношение к отделу литературы... А может, я не прав? В таком случае это самое необычное дело этого года... Да и не только этого года... Неужели описанное в книге убийство было совершено на самом деле!.. Хм... Совершено после того, как было описано... Нет... Нечего фантазировать. Пока мы знаем одно — Гонкуровская премия присуждена неизвестному человеку, какому-то шутнику, и это вызвало переполох в литературном мире...»

Репортер пожал плечами.

Из-за стены доносился стук телетайпов — автома-

тических аппаратов для приема последних известий. Молоточки безостановочно стучали по бумажной ленте, и одно сообщение сменяло другое. Обычный редакционный шум. С утра до вечера тянулись ленты. Лондон — Париж — Вашингтон. Передают, что... Каир: в кругах, заслуживающих доверия, говорят... Рим: из хорошо информированных источников стало известно, что... и так далее. Агентства беспрерывно передавали новости: одни — краткие, лаконичные, другие — пространные, одни — сенсационные, другие — обычные. Каждая редакция тащила к себе свою добычу, ее разбирала, сортировала, сокращала, бесцветный заголовок заменяла броским.

Подходя к отделу информации, Жозэ Робен услышал гул голосов. Было около десяти часов вечера. Жозэ остановился у приоткрытой двери, и до него донесся зычный голос ответственного секретаря редакции Норбера.

— Нет, нет, так не пойдет! — кричал он. — Полосы не резиновые. Если никто не хочет уступить, идите верстать газету сами! Нет, кроме шуток, вы соображаете? У меня и на второй полосе и на третьей еще объявления... Надо резать! — Макс Бари стоял около стола, заваленного рукописями и оттисками. Руки его были скрещены, голова чуть наклонена, так что можно было видеть, как блестит под лампочкой его широкий лоб с залысинами. У Бари были темные густые брови, мясистый нос, круглые розовые щеки. Плотный, коренастый, он сейчас напоминал бычка, готового ринуться вперед.

Но Норбера ничуть не смущал мрачный взгляд главного редактора.

— А я вам говорю, что так не пойдет, — продолжал ответственный секретарь. — Каждый сует мне какие-то простыни. Можно подумать, что никто не умеет сокращать. У всех, видите ли, исключительный материал. Отдел внутренней политики утверждает, будто ожидается кризис, у зарубежников тоже все невероятно важно, для Гонкуровской премии надо выделить целых четыре колонки на первой полосе... а теперь они уже размахнулись на пять или шесть.

колонок! Не дам, вот и все... Вы знаете, сколько у меня объявлений на второй полосе? Больше половины полосы! Словом, я больше ничего не беру. Ничего. Хватит. Газета готова, совершенно готова. У меня материала еще на четыре полосы, а может, и больше, понятно?

— Конечно, все понятно, — раздался женский голос из глубины кабинета, — все понятно, хроника, как обычно останется на талере... А потом пойдут жалобы, что газета плохо информирует!

— Дорогая Рози, ну что я могу сделать? Конечно, на талере останется металл. Но я-то тут ни при чем! Каждый пропихивает огромные куски, ничуть не заботясь о соседях. Я и говорю, что так работать невозможно...

— В Бурбонском дворце ночное заседание, — заявил редактор отдела внутренней политики. — Будет поставлен вопрос о доверии. Если надо поджать, я подожму. Только...

— Хорошо, — отрезал Бари. — Норбер прав, газета не резиновая, и каждый должен помочь...

— Если бы не объявления, — тихо проворчал Норбер...

— Слушай, старина, нельзя же отказаться от объявлений.

— Я не говорю, что надо отказываться, я сам знаю, что объявления нам нужны, а все-таки...

— Все, с этим вопросом покончено, — продолжал Бари. — Объявления приняты, и уже поздно их переносить. Я тебя прошу дать для Гонкуровской пять колонок — это гвоздь завтрашнего номера...

— Все, что можно, сделаю, — рявкнул Норбер, — но если эти господа не пожелают потесниться...

Жозэ спокойно уселся в глубине кабинета, неподалеку от девушки, которая вступилась за хронику. Он не впервые присутствовал при подобных сценах. Они повторялись почти ежедневно, а иногда и по нескольку раз в день.

Из наборного цеха промчался ответственный секретарь, ругаясь, он потрясал ворохом статей и размахивал своей линейкой.

— У меня уже перебор на три колонки. Больше места нет. Газета не резиновая.

Да, места больше не было, а телетайпы продолжали терпеливо отстукивать буквы на бумажных лентах. Сообщения следовали за сообщениями, всякие мелочи сменялись дипломатическими материалами, отчеты — мелочами. На столах редакторов отделов росли горы материала. И все первостепенной важности. Его поджимали, резали, переделывали, но наступал, наконец, момент, когда резать больше было нельзя. Тогда шли к Норберу или еще к кому-нибудь, ловчили, выклянчивали «небольшое местечко на две колонки, на третьей полосе для очень важной информации». Норбер размахивал своей карающей линейкой и кричал, что он не уступит, ни за что не уступит, потому что места нет. Нет, нет, ничего нет, конечно, невозможно...

И все же каждый раз происходило чудо, втискивались и «две небольшие колонки», и еще много, много других колонок.

— Вы только пойдите и посмотрите на талеры, что они мне понапихали! — сказал Норбер главному редактору.

Они вышли. В кабинете стало относительно тихо... Жозэ подошел к Рози и угостил ее сигаретой.

— Добрый вечер, Жозэ.. Спасибо... Вы сегодня приехали из Гренобля? Мне понравился ваш первый репортаж... Остальные как-то хуже получились...

— Да, — согласился репортер. — Остальные были очень плохие.

— Нет, нет, не плохие, — воскликнула девушка.

Жозэ резко переменил разговор.

— Ну что нового в вечернем выпуске? Много сообщений?

— Много, но интересного ничего. Если не считать истории с Гонкуровской премией...

— Да, я говорил с д'Аржаном.

— Что он рассказал?

— Ничего особенного. Лауреата нет — вот и все.

— Загадочное дело, — проговорила Рози. — Куп-

летнисты позубоскалят вволю! Говорят, члены жюри не решаются нигде показываться.

Рози Соваж было двадцать восемь лет. Это была смуглая, хорошо сложенная девушка с милым лицом. Ее глаза и мягкий взгляд как-то сглаживали неправильные черты и несколько великоватый рот. Рози слыла прекрасным товарищем и опытной журналисткой. Она заведовала отделом информации — работа неблагодарная и трудоемкая. Каждый день приносил поток сообщений и известий. Любая информация всего на три строки могла назавтра перекочевать на первую полосу и занять все шесть колонок. Но бывало и так: поступал сенсационный материал, а через сутки он выдыхался, как воздушный шар.

Рози Соваж обладала профессиональным чутьем, очень любила свое дело и превосходно угадывала вкус читателей.

Жозэ с задумчивым видом покуривал сигарету. Рядом с ним Рози, склонившись к телефону, говорила в трубку:

— Алло, Норбер, это Рози... Помнишь, ты мне обещал на авиационную катастрофу три колонки. Не подведи, это очень важно. О ней будут говорить дня три...

— Хорошо, хорошо, — пробурчал в телефон ответственный секретарь. — Если бы только это...

— Я тебя просила всего три колонки на развороте, а материал заслуживает быть на первой полосе.

— Ладно, ладно, посмотрим.

Жозэ бросил сигарету, взял подшивку «Пари-Нувель» и принялся листать ее.

— Вы перечитываете свой репортаж? — спросила Рози.

— Нет, что вы! — тихо пробормотал журналист. — Я просто просматриваю газету... Пожалуй, иногда полезно взглянуть на старые номера...

— Вы знаете, что говорил Адриен Эбрар, бывший издатель «Тана»: «Забудьте о вчерашнем номере газеты».

— Адриан Эбрар не прав, — все так же спокойно ответил Жозэ. — С читателем надо считаться.

Он захлопнул подшивку и спросил:

— Это последние номера? А более старых у вас нет?

— Посмотрите в архивных комплектах. А что вы ищете?

— Сам не знаю.

— Как не знаете?

Рози Соваж с улыбкой поглядела на Жозэ.

— Ну-ка, дорогой мой Робен, не хитрите. Вы напали на какой-то след. Не смейте от меня скрывать. Что случилось? Вы все еще занимаетесь убийством в Гренобле? Нет? А чем?

Жозэ неопределенно покачал головой и направился к шкафу. Порывшись на полках, он вынул несколько газет, разложил их на столе и стал водить пальцем вдоль колонок.

— Не нашли? — спросила его Рози.

— Нет, что-то не вижу.

Репортер не спеша положил газеты на место.

— Да что вы ищете? — снова поинтересовалась девушка.

— Ладно, — сказал Жозэ, не отвечая на вопрос. — Я хочу спать. Утомление на меня вредно действует. Смешно, но когда я устаю, я теряю ощущение реальности и начинаю фантазировать...

— Как фантазировать?

— Вы будете смеяться, если я вам скажу.

— А все-таки скажите.

— Нет, лучше я вам задам один вопрос. За эти дни между Тулузой и Ажаном не было убийства?

Рози поняла, что репортер не шутит, и, нахмурив брови, задумалась.

— Между Тулузой и Ажаном? А почему именно между Тулузой и Ажаном? Ну и загадки вы мне задаете. Подождите... Есть убийство на почве ревности в районе Рошфора, драка в Арле — кончилась убийством, большой пожар около Монпелье. Но между Тулузой и Ажаном... что-то ничего не припоминаю. В Тулузе у нас есть собственный корреспондент... Се-

годня от него ннчего не поступало... Вчера тоже нет. Сейчас проверим... У меня куча телефонограмм, я просмотрю... Так... Пожар в Бресте, нет, это на две строкн. Вооруженное ограбление в Перпиньяне — неинтересно... На строительстве под Лиможем раскрыта афера... Нет, не то. Ннчего не внжу подходящего.

— Ну, а в другнх газетах в последние днн вам ничего не попадалось?

— Нет, — подумав, ответнла Рози, — по-моему, ничего не было. Я ведь пристально слежу за нашнмн конкурентамн... Нет... Никаких сенсационных происшествий между Тулузой и Ажаном...

Девушка продолжала проглядывать лежавшую у нее на столе стопку телеграмм и телефонограмм.

В кабинет вихрем влетел один из молодых редакторов.

— Жозэ, привет! Как дела?

— Хорошо.

Молодой человек уселся за маленькнй столик н прннялся лнхорадочно что-то пнсать.

— Морис, что случилось? — спроснла Розн Соваж. — Что-нибудь особенное?

— Нет, просто надо поджать драку в Арле до нескольких строк. Не влезает. Ну н работка! И вообще с сегодняшним номером настоящая катастрофа. Норбер вопит. И есть отчего — материала куча, так и прет со всех сторон...

— Жозэ, я нашла нужное вам убнйство, — уднвленно восклнкнула Розн. — Но это не блеск.

Жозэ нагнулся н через плечо Розн прочнтал телеграмму. Она была очень короткой — несколько строк, переданных корреспондентом в Тулузе.

Сперва слова прыгалн перед глазами Жозэ так, словно онн вот-вот сбегут с лнстка. Жозэ сжал кулаки. Надо взять себя в рукн н спокойно все перечнтать с самого начала... Из Тулузы, да, передано по телефону из Тулузы... Так, теперь перейдем к самому сообщенню. Сухое, ничем не прнмечательное. Далеко

отсюда, в одном из уголков страны, было совершено очередное преступление, весьма банальное убийство. О нем можно напечатать четыре строки среди десятка прочих происшествий в этом же роде. Читатели Бреста или Страсбурга пробегут его без всякого волнения или сострадания, потом подумают: «Да, хулиганы разнуздались, что и говорить — бандитизм процветает! Одному жить опасно, особенно если у тебя водятся деньжата...» Вот и все, что подумают читатели.

— Вы это и искали? — спросила Рози.

— Минутку...

Жозэ внимательно вчитывался:

«В Муассаке во вторник днем был обнаружен труп букиниста Гюстава Мюэ. Старик был убит несколькими револьверными выстрелами. Он лежал в коридоре своего дома. Гюставу Мюэ было семьдесят три года, и он жил в доме один. Убийство было совершено в целях ограбления. Рядом с трупом была найдена золотая монета, очевидно потерянная убийцей или убийцами. Букинист славился скупостью, и ходили слухи, что у него припрятана крупная сумма денег. Предполагается, что грабитель или грабители не собирались пускать в ход оружие, но старик оказал сопротивление, и они решились на убийство. Предварительное следствие показало, что убийство было совершено ночью или рано утром, во вторник. Первым поднял тревогу торговец, сосед букиниста. Его обеспокоило, что старик не пришел, как обычно, в лавку. Полиция занимается расследованием».

Вот и все.

Жозэ поднял голову. Сонливость прошла.

Было одиннадцать часов вечера.

— Ну и что? — нетерпеливо спросила Рози.

— А вот что. Я должен немедленно повидаться с Бари и д'Аржаном.

— Зачем? В связи с этим?..

— Совершенно верно.

— Я сгораю от любопытства. А что мне делать с этим преступлением?

— Напечатать о нем на первой полосе пять или шесть колонок.

— Да что вы, Жозэ, это же чепуха. Обычное убийство, к тому же у нас нет никаких подробностей. Я дам телеграмму нашему тулузскому корреспонденту и...

— Подождите, сегодня вторник, двадцать шестое ноября. Старик был убит сегодня утром или ночью.

— Да, мы и так уже здорово запоздали. Ох, уж эти периферийные корреспонденты. Они никогда не торопятся.

— А в других утренних газетах вы ничего не видели?

— Нет, уверяю вас, ничего. И потом за день столько всего было, что преступление в Муассаке пройдет незамеченным или же о нем напечатают несколько строк в каком-нибудь уголке.

— Вот и хорошо! Теперь мы всем вставим фитиль!

— Каким образом?

— Я уже вам сказал, надо дать это дело на первой полосе.

— Так у нас на первой полосе уже идет история с Гонкуровской премией, знаете, с этим неизвестным лауреатом.

— Ну и что? Так все и оставим, только если Бари и д'Аржан не будут возражать, шапка будет что-нибудь вроде: «Убийце — Гонкуровская премия». А в скобках: «От нашего специального корреспондента в Муассаке Жозэ Робена».

— Ничего не понимаю!

— Послушайте, Рози, все очень просто, и через несколько минут я вам объясню, но сейчас мне нужно поговорить с Бари. Время не терпит.

— С Бари? Ах да... А вы знаете, что он родом из Муассака?

— Да? А я думал, что он парижанин...

— Он живет в Париже с раннего детства, но родился в Муассаке. Он мне как-то мимоходом сказал об этом. Впрочем, это не имеет никакого значения.

— Конечно, — согласился Жозэ. — Я сейчас...

4. человек в зеленой накидке

ВСЕ ЛЮДИ ПРАВДИВЫ, ПРОСТО МЕНЯЕТСЯ САМАЯ ПРАВДА, ВОТ И ВСЕ.

Тристан Бернар

Жюль, ночной сторож «Пари-Нувель», дремал над каким-то любовным романом, когда вдруг услышал стук дверцы лифта. «Наверное, кто-нибудь из редакторов...» — подумал он. Посетители редко приходили в газету в такой поздний час.

Жюль перевернул страницу. В коридоре под чьими-то тяжелыми шагами заскрипели половицы.

Это не была уверенная походка завсегдатая — человек явно не ориентировался в редакции и искал, у кого бы навести справку. «Ни минуты покоя», — подумал Жюль. Ему было уютно, тепло, он прочитывал абзац, потом клевал носом... Так он проводил время в ожидании, когда можно будет отправиться домой и лечь спать. Правда, до ухода он должен был взять в ротационной первые оттиски газеты и отнести их заведующему отделом информации и главному редактору, если к тому времени они еще будут на месте.

Да, придется пойти посмотреть. Шедшему по коридору незнакомцу скорее всего нужен был кто-то из редакции, а возможно, он просто хотел дать какое-нибудь опровержение. И так бывало. Прибегала заплаканная женщина, муж которой попал в участок, и просила: «Если можно, оставьте одни только инициалы, я заплачу сколько нужно».

Жюль вышел из своей каморки, и в тот же миг на него налетело странное существо, закутанное в накидку из сукна зеленого цвета, каким обычно покрывают канцелярские столы. На голове у этого существа была шляпа, которая была ему мала и сидела на самой макушке.

Это был высокий худой мужчина с лицом, похо-

жим на лошадиную морду. У него был мясистый красный нос и очень пышные седые усы.

— Я бы хотел поговорить с Жозэ Робеном, репортером «Пари-Нувель».

— Не знаю, здесь ли он еще, — ответил Жюль. — Сейчас посмотрю. А как доложить?

— Гастон Симони, член Гонкуровской академии.

Жюль почтительно кивнул головой, пригласил посетителя в свою комнатушку и предложил присесть.

— Спасибо, — сказал Симони и, широким жестом раскинув свою накидку, сел на стул.

Голос у него был низкий, и говорил он медленно, с расстановкой, словно заикаясь, но он не заикался и не нервничал. У него были крошечные карие глаза и неподвижный взгляд. После каждой фразы он наклонял голову и запахивал свою зеленую накидку.

Некоторое время Гастон Симони был один, потом вернулся Жюль и сказал:

— Мосье, прошу вас...

Он провел Симони в самый конец коридора, в кабинет Жозэ Робена, небольшую комнатку с очень скромной обстановкой — стол, шкаф для бумаг с дверцей-шторкой и два соломенных кресла.

— Мосье Робен? — медленно спросил Гастон Симони.

Жозэ кивнул головой и пододвинул посетителю кресло. Незнакомец протянул ему руку.

— Очень рад с вами познакомиться, мосье Робен, и прошу прощения, что побеспокоил вас в такой поздний час. Но...

Жозэ предложил гостю сигарету, но тот отказался.

— Должно быть, вы догадываетесь о цели моего визита. Я пришел в связи с этим злосчастным делом...

— Очень польщен, — ответил Жозэ, — признаюсь, я никак не ожидал, что буду иметь счастье увидеть вас здесь сегодня вечером!

Гастон Симони с утомленным видом покачал головой.

— Я знаком с вашим творчеством, — продолжал Жозэ, — и искренне восхищаюсь им. Признаюсь, я редко читаю стихи, но...

— Не будем сегодня обсуждать мои стихи, — прервал его Симоин. — Я счастлив, что вам они нравятся, но, к сожалению, я пришел к вам побеседовать о произведении другого автора.

— О «Молчании Гарпократа»? — тихо спросил репортер.

— Да, мосье. Вам уже известна эта печальная история. Вам я могу признаться, что чувствую себя отчасти виноватым.

Жозэ нахмурился.

— Да, да. Ведь это я толкнул нескольких своих коллег голосовать за... за этого Дубуа, дьявол бы его побрал. Вы, может быть, слышали, какая обо мне слывет молва? Меня считают брюзгой, нелюдимым. Я ненавижу всю так называемую литературную кухню, все эти рекомендации, интриги, комбинации, которые так любят некоторые из нас. Когда я получил эту рукопись и прочел ее — я ведь читаю все произведения, которые мне присылают, — я подумал: это настоящий роман, вот, наконец, автор, который не пошел по проторенной дорожке.

Гастон Симоин понизил голос и посмотрел в глаза собеседнику:

— Ужасно, мосье, но «Молчание Гарпократа» — истинный шедевр. Превосходный роман...

— В общем, — сказал Жозэ, — вы отстаивали безвестного человека, начинающего писателя. Это делает вам честь.

— Правильно, мосье, но теперь вы знаете, что за этим последовало. Мосье Дубуа не пожелал явиться. И все мы, и я в том числе, стали посмешищем литературных кругов. Тем более, и это не секрет, Воллардо считал, что премия уже у него в кармане. Воллар очень тщеславный юноша и был убежден, что получит большинство... Все, казалось, было решено, понимаете? Но я счел нужным разрушить его планы. Я ведь тертый калач в подобных дебатах. И я добился большинства голосов за Дубуа. Такой прекрасный

роман, шедевр... Ну, я отвлекаюсь... Так вот, как я вам уже сказал, я настоял на своем. К сожалению!

— Но еще не все потеряно, — заметил Жозэ, стряхивая пальцем пепел со своей сигареты.

— Вы так думаете, мосье Робен? Я был бы счастлив, если б вам не пришлось отказаться от своих слов.

Жозэ удивленно взглянул на Симони.

Человек в зеленой накидке нагнулся к нему.

— Это правда, что ваша газета намеревается дать шесть колонок под шапкой об убийстве, которое будто бы описано в «Молчании Гарпократа»?

— Откуда вы узнали? — спросил Жозэ.

— Значит, это правда. — Симони тяжело вздохнул. — Мне даже известно, что вы печатаете мой портрет на фоне силуэта мифического лауреата.

— Откуда вы узнали? — снова спросил Жозэ.

Поэт заерзал в кресле. Казалось, что ему не по себе. Он вытащил из глубины своей накидки руки и стал возбужденно размахивать ими.

— Откуда? Я вам отвечу, как в детективном романе: мне позвонил сам убийца.

— Что? — подскочил Жозэ.

Симони спрятал было руки в складках накидки, но тут же вынул их и пригладил свои усы длинным указательным пальцем с выпуклым пожелтевшим ногтем.

— Сейчас я сидел у себя дома, и вдруг раздался телефонный звонок. Сначала я решил не брать трубки, у меня даже мелькнула мысль, не отвечая, нажать на рычаг. После такого дня хотелось побыть в тишине, посидеть спокойно. За вечер меня уже несколько раз вызывали мои собратья по перу, журналисты, приставали ко мне со всякими вопросами и предложениями в связи с этим проклятым романом. Как вы понимаете, я всех посылал к дьяволу. Да, так вот, телефон продолжал настойчиво звонить. Ну, а я, понимаете ли, со дня на день жду рождения внука. Мой сын живет в Бордо, и я... Короче говоря, я ответил и услышал какой-то странный голос. Я сразу же решил, что кто-то меня разыгрывает. Мой собе-

седник, видимо, боялся, что я не стану разговаривать, он сразу представился как автор романа «Молчание Гарпократа» и тут же сообщил мне ряд подробностей об этом произведении.

— Какие подробности? — спросил Жозэ, очень внимательно слушавший рассказ.

— Ну, словом, он доказал мне, что хорошо знаком с романом. Во мне проснулось любопытство. Мой собеседник процитировал мне первую и последнюю фразы романа. Когда он понял, что я готов его слушать, он заявил, что преступление, описанное в романе, только что совершено в действительности... Вы представляете себе, как я был поражен! Я не удержался и принялся его расспрашивать. Он отвечал мне без всякой заминки. По его словам, букинист, убитый в «Молчании Гарпократа», не вымышленный герой, а реально существующий... вернее — существовавший человек. Сообщение о его убийстве вот-вот появится в газетах. Оно напечатано в местной прессе.

Гастон Симони перевел дыхание и продолжал:

— Мне казалось, что я сплю и мне приснился кошмар. Ведь этот телефонный разговор как бы завершал весь сегодняшний день. Не знаю, понимаете ли вы до конца мое положение. Поставьте себя на мое место. Да, а потом он заговорил о вас...

— Обо мне?

— Да, о вас, о Жозэ Робене, репортере «Пари-Нувель». Он даже подчеркнул, что вам известны некоторые детали этого дела и вы собираетесь ими воспользоваться, чтобы...

Жозэ медленно встал. Его лицо становилось все серьезнее и внимательнее. Он бросил в пепельницу недокуренную сигарету и, опустив голову, принялся шагать вокруг стола.

— Он сказал мне, что вы специалист по уголовным делам... Должен заметить, что я знал и раньше ваше имя...

— Спасибо, — поблагодарил Жозэ. — Так вы говорите, что голос звучал странно? Что вы имеете в виду? Говорил мужчина или женщина?

— Не знаю, — неуверенно ответил Симони. — Фальцет. И очень неестественный. Это-то и показалось мне странным, я никак не мог понять, мужской он или женский.

Репортер вернулся к своему креслу, сел, но тут же снова вскочил и провел ладонью по своим взъерошенным светлым кудрям.

— Да... Дело чрезвычайно запутанное...

— Мой собеседник точно указал мне место убийства, — продолжал поэт. — Город Муассак в департаменте Тарн-и-Гаронна.

— Правильно. Вы знаете этот городок?

— Немножко.

Симони нервно пригладил свои усы.

— Это ужасно!

— Посмотрим, как все развернется. Твердо пока известно одно: некий Гюстав Мюэ, букинист, житель Муассака, был найден в своей лавке мертвым. Его убили тремя револьверными выстрелами. Мы уже связались с полицейским комиссаром городка. Все подтвердилось — убийство произошло вчера.

— Вчера?

— Да.

— Значит, он сперва написал свой роман, а потом убил?

— Да. Он сначала описал преступление, а потом убил.

— И мы ему присудили Гонкуровскую премию?!

— Вы не могли знать. Вы дали премию роману.

— Это ужасно!

Гастон Симони с трудом проглотил слюну.

— Мосье Робен, скажите, вы на самом деле собираетесь дать этой истории широкую огласку? Умоляю вас, не надо. Или хотя бы повремените. Ради этого я и пришел к вам. Вы представляете себе, какой поднимется шум! Скандал! Полиция будет нас допрашивать... Начнется следствие...

«Этот человек сошел с ума, они все спятили, — мелькнуло в голове Жозэ. — Или же я тронулся. Кажется, последнее уголовное дело вывихнуло мне мозги...»

Человек в зеленой накидке, размахивая своими тощими бледными руками, продолжал:

— Подумайте о последствиях... На карту поставлена честь нашей академии. Вы представляете себе — убийца получает Гонкуровскую премию! Мы ведь думали, что поощряем молодой талант, неведомого гения, а выясняется, что он убийца... Преступник! Литература поощряет преступление!

Симони говорил медленно, делая паузы между словами. Репортер вежливо кивал головой.

— Мы живем в чудовищное время, — продолжал Симони. — Наш век — век грабежей и преступлений, век гангстеров...

Он потряс указательным пальцем, словно его внезапно охватил ужас.

— Наша роль плачевна... Я только сейчас это понял. Мы присудили премию преступнику! Это символично. Вы меня понимаете?

— Понимаю, — ответил Жозэ. — Но боюсь, что сейчас уже невозможно замять дело. Я журналист. Это мое ремесло. Я обязан информировать своих читателей. Кроме того, мы должны считаться с коммерческой стороной. Предположим, мы промолчим, но другие наверняка проявят меньше такта. Да и вообще все равно уже поздно... Вы слышите шум?

Человек в зеленой накидке прислушался.

— Это машины печатают последний выпуск, — пояснил Жозэ. От глухого гула содрогалось все здание. Маленькая стеклянная пепельница на столе Жозэ дребезжала. Журналист переставил ее на другое место.

— А я-то надеялся, что еще не поздно, — упавшим голосом проговорил Симони.

— В котором часу вам позвонили? — спросил Жозэ.

— Точно не могу сказать, наверное, около двенадцати ночи... Это же чудовищно!

— Вы говорите о телефонном звонке?

— Нет, вообще обо всем... Ну и время!

Симони опустил голову и прошептал, словно обращаясь к себе самому:

— Но это шедевр... Настоящий шедевр...

— Простите? — переспросил репортер.

— Это я о рукописи... Настоящий шедевр.

В коридоре послышались торопливые шаги, и оттуда донесся голос д'Аржана:

— Робен, Робен, вы у себя? Вас ждет Бари.

Дверь открылась, в кабинет вошел литературный обозреватель. Он сразу же узнал Симони по его зеленой накидке.

— Прошу извинения...

— Наш друг Жак д'Аржан, литературный обозреватель «Пари-Нувель», — представил Жозэ. — Мосье Гастон Симони, член Гонкуровской академии.

Д'Аржан почтительно поклонился, Симони протянул ему руку.

— Мосье д'Аржан, я часто читаю ваши статьи. В них есть чувство меры и здравый смысл.

— Благодарю вас, метр, — сказал в ответ д'Аржан. — К сожалению, нам дают так мало места и литература настолько не в чести у широкой публики, что...

Жозэ скорчил гримасу.

Симони кивал головой.

— Боюсь, что завтра литература, как вы соизволили сказать, будет в большей чести у широкой публики, хотя мы охотно без этого обошлись бы.

— Все это очень прискорбно, — вежливо поддержал д'Аржан.

Симони запахнул накидку и спрятал в нее руки.

— Да, сейчас уже невозможно замолчать сегодняшние события. Однако, господа, я вас прошу об одном: все-таки подумайте о нас, вернее о престиже, который еще сохранила наша академия и который кое-кто с удовольствием втоптал бы в грязь. Предполагаю, что наш президент соберет представителей прессы и обратится к ним с просьбой проявить в освещении дела сдержанность и такт. Кто-то решил сыграть с нами шутку, кровавую шутку...

— Сделаем все, чтобы разоблачить его, обещаем вам, — убежденно сказал Жозэ.

— О, если бы! — вздохнул поэт и встал. Он поднял руку, опустил ее и добавил: — Самое ужасное,

что, когда я познакомлюсь с этим омерзительным существом, я не в силах буду подавить в себе восхищение им.

И, понизив голос, он заключил:

— Это ужасно, но его роман действительно выдающееся произведение. Что поделаешь!

Он пожал руку Жозэ, потом д'Аржану и толкнул приоткрытую дверь.

— Да, еще одна просьба. Я буду вам очень благодарен, если вы сообщите мне, как будет двигаться ваше расследование. Я знаю, мосье Робен знаток своего дела...

— Обязательно, — пообещал Жозэ.

— Не хотите ли поговорить с нашим главным редактором, метр? — предложил д'Аржан.

— Нет, не стоит. Сейчас уже поздно. Я целиком полагаюсь на вас и надеюсь, что у нас еще будет случай встретиться. Вам надо ведь работать, да? Не буду больше вас задерживать. До свидания, мосье.

Симони решительным жестом надел на свою лысую голову черную фетровую шляпу и вышел. Оба журналиста, стоя в дверях, смотрели вслед поэту: он, сгорбившись, удалялся по коридору. Полы его зеленой накидки развевались. Поравнявшись с отделом информации, Симони обернулся. Секунды три он, казалось, рассматривал обоих журналистов, столь непохожих друг на друга: Робен — коренастый, розовощекий блондин с ясными голубыми глазами, д'Аржан — худой брюнет с длинным овалом лица и взглядом, скрытым очками в тяжелой роговой оправе.

Но не внешность журналистов вызвала интерес у Симони. Он сделал несколько шагов назад и, приподняв шляпу, сказал:

— Простите, чуть не забыл... Вы не могли бы мне достать вечерний выпуск вашей газеты? Вернее, утренний.

Он робко улыбнулся и смущенно потеребил свои седые усы.

— Конечно, — ответил д'Аржан. — Минутку...

Жозэ остался вдвоем с поэтом.

В огромном здании сейчас было относительно тихо.

Стук телетайпов, наконец, прекратился. Ротационные машины перестали сотрясать стены. Из всех дверей доносились голоса — ночные редакторы расходились по домам.

Гастон Симони настороженно огляделся и, подойдя вплотную к Жозэ, тихо сказал ему:

— Мосье Робен, я должен... я должен признаться, что...

Жозэ, почтительно склонив голову, слушал поэта.

— Я плохо себя чувствую, — продолжал поэт, тяжело дыша. — Этот телефонный звонок невероятно меня разволновал. У меня больное сердце, а день был такой беспокойный...

— Может, вы посидите в кресле? Или что-нибудь примете?

— Нет, нет. Просто я бы хотел поехать домой.

Человек в зеленой накидке явно трусил. Он нервно теребил полы своей накидки и все время оглядывался. Лицо его было мертвенно-бледно.

— Я живу довольно далеко... Набережная Анжу, на острове Сен-Луи.

— Хотите, мы попросим, чтобы вас проводили?

— Я буду очень признателен.

Вернулся д'Аржан с газетой.

На первой полосе, над шестью колонками, чернела жирная шапка:

«Такое не пришло бы в голову ни одному писателю. Убийце — Гонкуровская премия!

Действительно ли неизвестный автор «Молчания Гарпократа», которому десять академиков присудили Гонкуровскую премию, убийца букиниста в Муассаке? Полная тайна.

(От наших специальных корреспондентов Жозэ Робена и Жака д'Аржана)».

— Вот этого-то я и хотел избежать, — прошептал Симони, внимательно прочитав заголовок.

Жозэ развел руками, словно говоря: мы ничего не можем поделать... Все кончено...

Симони медленно сложил газету и сунул ее под накидку. Репортер облегченно вздохнул. Поэт не увидел фотографии, помещенной д'Аржаном внизу шестой

колонки. Жозэ обрадовался. Слава богу, хоть этого не заметил. Фотомонтаж сделан был довольно ловко и зло: Симони, задрапированный в свою знаменитую накидку, на фоне черного силуэта. «Кто же автор «Молчания Гарпократа»? — гласила подпись. — Этот вопрос задает себе вместе со всеми Гастон Симони, поэт, известный своим сборником стихов «Цветы тени», один из самых уважаемых членов Гонкуровской академии».

— Я позвоню в гараж, — предложил Жозэ. — А вы, д'Аржан, проводите мосье Симони, хорошо?

— Еще раз заранее благодарю вас за все, что вы сможете сделать для нас! — и поэт пожал руку репортеру.

Симони с д'Аржаном направились к лифту.

В слабо освещенном коридоре несколько секунд развевалась зеленая накидка, потом она исчезла за поворотом.

Наступил час, когда типография погружается в непродолжительный сон. Тюки газет готовились для отправки в экспедиции. Линотипы замолкли, слышалось только шлепанье фальцовочных машин. С рассветом начиналась короткая жизнь листков, покрытых жирной типографской краской.

В наборных цехах несколько рабочих ходили вдоль столов, которые по старинке называются талерами, и, сгребая металлические строки, кидали их в маленькие скрипучие вагонетки, чтоб отвезти в переплавку. Завтра все эти мертвые столбики оживут. Металл выплеснется в матрицы, и новые строки встанут в формы, зажужжат прессы, оттискивая полосы газеты, которые потом поступят на вращающийся барабан ротационной машины.

«Одним больше, одним меньше» — стандартная фраза, которую говорит каждый, уходя из цеха.

Все редакторы разошлись по домам. Ушел из своей каморки около лифта и Жюль, ночной сторож.

В два часа десять минут в редакции оставалось всего четыре человека, они сидели в кабинете главного редактора.

При свете лампы с зеленым абажуром Бари лихорадочно листал железнодорожный справочник.

Неподалеку от него Рози Соваж сосредоточенно читала пробный оттиск газеты.

У двери, в глубоком кожаном кресле, приложив ко лбу ладонь, полулежал д'Аржан. Казалось, он дремлет.

Вдоль стены, заставленной стеллажами с книгами и брошюрами, тихо ходил взад и вперед Жозэ Робен.

Рози отложила газету и посмотрела на Бари. Лысая голова главного редактора поворачивалась то вправо, то влево, то опускалась, то поднималась. Бари водил указательным пальцем по иероглифам открытого перед ним справочника.

— Нет, бессмысленно пытаться согласовать поезда, — проговорил он глухим голосом — сказывалась усталость от этого бурного вечера — и отодвинул от себя расписание. — Если вы хотите быть в Муассаке как можно раньше, лучше всего — летите.

— Я же это и предлагала, — мягко заметила Рози.

Бари нахмурил брови. Поставив локти между бумагами, которыми был завален стол, он уткнулся в переплетенные пальцы. Теперь его лысый череп был ярко освещен, а на лицо падала тень, и оно напоминало причудливо вылепленную маску. Над темными глазами нависли густые брови, большой круглый нос выдавался вперед, а рот и подбородок оставались в темноте.

«Он похож на деревянную скульптуру», — подумал д'Аржан.

Но вот Бари пошевелил головой, передернул плечами.

— Я понимаю, что очень важно побывать на месте преступления и самому все посмотреть... Это ваш метод, да и вообще... Но я не хотел бы вас отпускать в такое горячее время. Мне почему-то кажется, что основной узел — в Париже. Это парижское дело.

Жозэ сделал шаг в сторону Бари.

— Вам кажется! Хм! Я не люблю предчувствий и предпочитаю хороший, веский довод.

— Я хочу сказать, что убийца наверняка сейчас

в Париже, — раздраженно возразил Бари, — и что он отсюда не уедет. Что ему делать в Муассаке? Там он может засыпаться. Зачем ему лезть волку в пасть? Стоит ли вам терять время на эту поездку?

— Минутку, минутку, — тихо проговорил Жозэ, — вы же сами понимаете, что в Муассаке есть надежда что-то пронюхать... собрать материал. Обстановка, соседи, пересуды, мелкие улики, которые можно обнаружить, не прилагая больших усилий.

— Ну хорошо, — согласился Бари, — но я бы предпочел, чтобы этими мелочами занялся другой репортер, а вы пошли бы по иному пути, более интересному, на мой взгляд. В общем я считаю, что это убийство необычное и преступник тоже необычный человек. Это литературное преступление. Понимаете? Литературное преступление — красиво звучит, а? Можно завтра дать такой заголовок...

— Ну, а дальше что? — полюбопытствовал д'Аржан.

— А дальше вот что: Робену следовало бы пообщаться с литераторами, вместе с вами, разумеется, и пользуясь вашей помощью. Я убежден, что урожай был бы богатый. Вы, дорогой д'Аржан, умеете правильно оценивать явления, вы достаточно прозорливы, но все же вы не детектив, а литературный обозреватель. А мне нужен прежде всего очень сведущий, опытный репортер, человек, который сумеет разглядеть закулисную сторону дела.

— Мне кажется, — вмешалась Рози, — что вы снова допускаете ошибку, о которой вам только сейчас говорил Робен. Вы исходите из того, что автор «Молчания Гарпократа» и убийца одно и то же лицо. Но это же не доказано.

Бари поднял руки.

— Сдаюсь.

— А вот представьте себе, — продолжала девушка, — что какой-нибудь господин прочитал рукопись Поля Дубуа — я ведь знаю автора только под этим именем, — так представьте себе, что этому господину захотелось претворить в действительность то, что было рождено воображением писателя.

— Вполне правдоподобно, — пробормотал Жозэ, кивая головой.

— Притянуто за волосы, — пробурчал Бари.

— Ничуть, — упорствовала Рози. — Сколько людей стали преступниками под влиянием вредного чтива! Это был бы не первый случай.

Д'Аржан привстал с кресла.

— Во всей этой истории есть одна поразительная вещь. Конечно, бывает, что писатель выводит в своем произведении реальных, я хочу сказать — живых, существовавших на самом деле людей, со всеми их качествами и даже не под вымышленными именами. Бывает, но редко, не правда ли? Что же сделал этот господин Дубуа? Он взял именно такого героя, букиниста Гюстава Мюэ, и описал его живым, а потом превратил в труп! Он, так сказать, дважды подверг его перевоплощению: в своей книге и... в действительности. Букинист-то ведь мертв. И умер он так, как это было предсказано... На мой взгляд, похоже, что автор и убийца одно и то же лицо. Не знаю, убедил ли я вас.

— Да, я с вами согласен, — сказал Бари. — Эта загадочная личность — литератор. Литература вскружила ему голову.

— Возможно, — согласился Жозэ. — А теперь...

Он подошел к вешалке и снял свой плащ.

Д'Аржан встал.

— Ну как, Робен, вы решили ехать в Муассак? — спросила Рози.

— Конечно. Самолет вылетает в пять. Бари поворчал немножко, но уже отдал все распоряжения. Я пойду отдохну и соберусь с мыслями...

— Где? — поинтересовался Бари.

— У себя в кабинете, естественно. Вы же знаете, что я живу у черта на рогах... У меня слишком мало времени, чтобы добираться до своей постели.

— Я могу вас отвезти, моя машина стоит внизу, — предложил главный редактор.

— Благодарю вас, но я, пожалуй, останусь здесь, мне и тут будет очень хорошо.

Бари надел свой плащ, вынул из кармана пер-

чатки. Рози уже стояла на пороге кабинета. Дверь была открыта. Жозэ размышлял. Вернее, следуя своему обычному методу, перед тем как начать расследование, он восстанавливал в памяти все детали, имеющие отношение к этому делу. В голове мелькали обрывки фраз, перед глазами возникали какие-то туманные картины, смутные лица. Он терпеливо ждал, пока та или иная картина или лицо примет законченную форму.

Словно в теплую ванну, погрузился Жозэ в эти реминисценции. Прошло несколько секунд, вдруг его сознание отметило одну деталь, мелкую, незначительную. Когда Бари вынимал перчатки, из кармана его плаща выпал крошечный, скатанный из бумаги шарик и покатился к двери. Потом Рози случайно вытолкнула этот шарик за дверь. Чепуха, просто маленькая, пустяковая деталь. Ведь никто не придает значения летающей в воздухе пылинке, клочку бумаги на земле, оброненному билету метро... Жозэ рассеянным взглядом проследил за шариком, потом тряхнул головой и, оторвавшись от своих мыслей, пожал протянутую руку Бари и простился с Рози Соваж.

— Д'Аржан, вы уезжаете с ними? — спросил он.

— Нет, вы же знаете, я живу рядом.

— Тогда задержитесь на минутку.

— Не ждите меня! — крикнул д'Аржан вслед редактору и Рози.

— Они хотят доработать свой план наступления, — рассмеялась девушка.

— Послушайте, д'Аржан. Я улетаю в Муассак. Пробуду там недолго. Бари прав. Скорее всего главное — в Париже. Но я обязательно хочу все увидеть собственными глазами. Значит, вы следите за развитием событий. Вам надо проникнуть во все литературные круги, которые прямо или косвенно могут иметь отношение к этому делу. Да, чуть не забыл... Это очень важно. Вам необходимо любой ценой раздобыть экземпляр рукописи, хотя бы на время, чтобы внимательно ее прочесть. Поддерживайте связь с Морелли и с Гастоном Симони. Прежде всего с Си-

мони. Эта история с телефонным звонком поразительна. Словом, не упускайте ничего. В случае надобности я вас вызову. Согласны?

— Абсолютно во всем, — и д'Аржан протянул руку репортеру. — Не решаюсь пожелать вам спокойной ночн.

— Ничего, — засмеялся Жозэ.

Д'Аржан мялся, он явно хотел сказать что-то еще.

— Спокойной ночн, — проговорнл Жозэ.

— Вы... Вы остаетесь здесь? — наконец спросил д'Аржан.

— Конечно.

— А мне кажется, что...

— Чушь, хотите меня запугать? Я не Симони, и потом, мне убнйца не звонил.

— У вас нет пистолета?

— Нет, при себе нет.

Жозэ улыбнулся, глядя на растерянный вид д'Аржана.

— Мне кажется, Барн прав, — сказал д'Аржан, — господин Дубуа не в Муассаке. Он в Париже. И даже где-то неподалеку. Его беспокоит наша газета. Иначе почему он, позвонив Симони, разговаривал с ним о репортере «Пари-Нувель»?

— Хотел отдать должное монм заслугам детектнва-любителя, — продолжал улыбаться Жозэ.

— Может быть, но все равно оставаться здесь одному неблагоразумно...

— Да что вы! Внизу сидит вахтер, да и в ротацнонном еще есть рабочие. У меня под рукой телефон. Идите н спнте спокойно. Пока что мне ничего не угрожает...

— Спокойной ночи, — сказал, наконец, д'Аржан, поднимая воротннк плаща.

Жозэ направнлся по корндору к себе в кабинет. Он услышал, как захлопнулась дверка лнфта и кабина, мурлыкая, стала спускаться.

Репортер уселся за свой стол, взял чистый лист бумагн н принялся пнсать:

«Понедельник 25 ноября — убийство Гюстава Мюэ.

Вторник 26 ноября — присуждение Гонкуровской премии.
Переполох в литературных кругах.
Волнение прессы.
Вечером убийца звонил поэту Симони.
Симони пришел поговорить с Жозэ Робеном».
Подумав, Жозэ добавил:
«Около трупа — золотая монета.
Мюэ был скуп.
Побудительная причина — литература?
Проверить: день и час, когда был убит букинист.
Зеленая накидка дрейфит (больное сердце)».
Жозэ погладил колпачок своей авторучки и продолжал:
«Горпехруд, Гарпократ.
Бог с пальцем у рта.
Бесспорный шедевр.
Непризнанный гений.
Преступник получает Гонкуровскую премию?»

Жозэ поднял голову и потянулся. Сон как рукой сняло. Впрочем, у него всегда так и бывало. Стоило ему заняться делом, как он переставал ощущать усталость.

Он прислушался. На этаже было тихо. Лишь снизу, со стороны цехов, доносились какие-то неясные звуки, да еще снаружи в кабинет проникал отдаленный, слабый гул спящего города.

Редакция помещалась на четвертом этаже. На третьем и втором этажах находились административно-хозяйственные отделы.

Полная тишина. Приятная, успокаивающая, но необычная для этого здания, где с утра до позднего вечера кипит бурная жизнь.

Скоро придут уборщицы; с щетками в руках они будут переходить из кабинета в кабинет, подметать и собирать в корзинки разбросанные бумажки. «Разбросанные бумажки», — повторил про себя Жозэ и вспомнил о клочке бумажки, выпавшем из кармана Бари. Какая-нибудь чепуха наверняка. Может быть, старый билет в кино или ненужная записка, которую Бари собирался выбросить и сунул в карман.

Но внутренний голос твердил: помни, старинный метод говорит — нет ничего ненужного, каждая деталь, даже самая незначительная на первый взгляд, играет роль.

Жозэ встал и вышел в коридор.

Он сразу же увидел на пороге кабинета Бари бумажный шарик. Он никуда не делся, никуда не закатился. Жозэ подошел и поднял бумажку.

Это оказался листок, вырванный из записной книжки. На нем стояло число: 18 июля.

Жозэ узнал почерк главного редактора. Изящный почерк, не соответствующий характеру Бари. Все буквы были округленной формы, четкие, старательно выведенные, и многие из них не сливались с соседними.

«Вот как! А я и не подозревал, что наш главный редактор дружит с музой», — сказал себе Жозэ.

На листке было набросано стихотворение, вернее, начало стихотворения, черновик. Видимо, он не удовлетворил автора, и тот, перечеркнув его двумя волнистыми линиями, скомкал.

«Потерянное стихотворение», — прошептал Жозэ.

Вот что было на бумажке:

Сегодня вечером...

(Название)

Прощай, прощай, сгущается вечер,
Город погружается в сон,
Где же огни мои?

(Автор сперва написал: «где же пути мои», потом зачеркнул слово «пути» и заменил его словом «огни».)

Где же память о тебе,
Прощай, прощай. В тишину
Оденется город,
В безмятежность...

На этом стихотворение обрывалось.

Жозэ присвистнул. Первым его желанием было смять бумажку, и он уже размахнулся, чтобы забро-

сить ее подальше, но передумал, развернул листок, старательно разгладил его и заново перечитал стихотворение...

В этот момент с первого этажа здания донесся выстрел. Затем второй.

5. убийца где-то близко

УГАДАЙ, ЕСЛИ МОЖЕШЬ, И ВЫБИРАЙ, ЕСЛИ ОСМЕЛИШЬСЯ.

Нивель де ла Шоссе

Жозэ побежал к лифту. Он нажал на кнопку вызова. Зажегся красный глазок.

Тихо заколебались тросы.

Кабина пошла наверх.

Жозэ снова подумал о Симони, о человеке в зеленой накидке, который боялся возвращаться домой по темной набережной.

«Я живу довольно далеко, набережная Анжу, на острове Сен-Луи». Перед глазами Жозэ возникла прогуливающаяся по набережной фигура в развевающейся накидке.

Потом ее сменило лицо Бари, его тяжелый затылок, круглый большой нос, лысый череп. «Мне почему-то кажется, что основной узел в Париже».

До чего же долго поднималась кабина! Секунды текли с убийственной медлительностью.

Что увидит он там, внизу?

В памяти всплыла одна фраза.

Он машинально повторил ее про себя.

И теперь она не выходила у него из головы.

«Убийца где-то близко... Убийца где-то близко...»

Жозэ посмотрел направо, потом налево, вглядываясь в оба конца коридора, и подумал, что так же

вот осматривался Симони, ожидая, что кто-то вдруг появится.

Неизвестно кто...

Вот это и было самым тягостным в сегодняшнем вечере. Беспрерывно возникали все новые вопросы. Загадочное существо. У книги нет автора. Нельзя представить себе, как он выглядит. По телефону слышали его голос, но непонятно было даже, женщина это говорит или мужчина. Никто. Господин Никто.

Полная неопределенность.

А теперь еще вдобавок эти выстрелы в ночной тишине... Еще какая-то драма, и он ничего не может узнать, потому что кабина никак не поднимется.

Гул лифта постепенно замирал. Показалась крыша кабины. Сейчас раздастся щелчок, кабина вздрогнет и остановится.

Останется открыть решетчатую дверцу, потом стеклянную, войти в кабину, нажать кнопку «1-й этаж», спуститься вниз и, наконец, узнать, что озна...

Кабина подняла чье-то тело.

Вернее, там, привалившись к стенке, согнувшись, поддерживая левую руку правой, стоял мужчина.

— Д'Аржан! — воскликнул Жозэ.

В лифте действительно стоял д'Аржан. У него был крайне взбудораженный вид, лицо его время от времени искажалось от боли.

— Старина, что с вами? Вы ранены?

— Кажется, не очень серьезно, — тихо сквозь зубы проговорил д'Аржан.

— Пойдемте!

Жозэ увлек д'Аржана в приемную и усадил в кресле.

— О! — воскликнул д'Аржан, силясь выдавить улыбку. — Я еще легко отделался.

— В плечо? — спросил Жозэ.

— Да.

— Вы сможете добраться до моего кабинета? Здесь не очень-то жарко...

Жозэ помог ему дойти.

На уровне плеча в плаще д'Аржана виднелась

выжженная пулей дырочка. С помощью Жозэ д'Аржан снял с себя плащ и пиджак. Рана слегка кровоточила, но, к счастью, оказалась поверхностной. Пуля только коснулась плеча...

— Рана легкая, — сказал репортер.

— Разорвите рубашку, — попросил литературный обозреватель.

— Не надо. Дайте мне ваш носовой платок... Я смочу его под краном.

Жозэ закатал д'Аржану рукав до самого плеча, обнажил его худую загорелую руку и, свернув платок, промыл рану и наложил повязку.

— Так что же произошло?

— Все очень просто. Видимо, я попался под руку нашему писателю...

— Как это так?

— Должен признаться, что, когда мы с вами расстались, я уже был настороже. Наша редакция и люди, которые здесь работают, бесспорно, интересуют нашего приятеля, я имею в виду того, чье лицо мы мечтаем увидеть. Почему он позвонил Симони и уговаривал его пойти повидаться с вами? Короче говоря, меня тревожило, что вы остаетесь здесь в одиночестве. Я медленно спускался вниз. Когда я выходил из здания, мне показалось, будто кто-то мелькнул справа от меня, в конце улички. Но это мог быть случайный полуночный прохожий, и я, как обычно, пошел налево к своему дому. Я сделал несколько шагов. Все было спокойно. Проехали две или три машины. Метров через пятьдесят мне почему-то вздумалось обернуться. Я увидел у дверей редакции какую-то фигуру. Но в то же мгновение она растворилась в темноте. И вот тут я дал маху. Я бегом вернулся назад и, видимо, привлек внимание этого... посетителя. Но я подумал о вас, что страшно оставлять вас одного. У входа никого не было, и я вошел в холл. Как вы знаете, там всегда горит свет, только у лифта темновато. Я никого не увидел...

Д'Аржан сделал гримасу.

— Не двигайте рукой, — сказал Жозэ. — Дня через два все пройдет. А сейчас, конечно, поболит.

— Я пошел к лифту, — продолжал д'Аржан, — по-прежнему никого. Но, вероятно, этот субъект решил, что я его вижу или увидел еще раньше. И он выстрелил. Я услышал, как мимо меня просвистела пуля...

— С какой стороны стреляли?

— Слева от лифта. Там есть чуланчик, куда уборщицы складывают свои щетки и тряпки.

— А второй выстрел, ранивший вас?

— Минутку... Мне стало жутковато. Я не трусливее других, но все же. Ведь я стоял перед врагом, и довольно предприимчивым врагом, не имея возможности дать отпор. У меня было два пути отступления: входная дверь и лифт. Я выбрал лифт. Если бы я побежал к выходу, я бы попал на освещенное пространство. Я открыл решетчатую дверцу, потом внутреннюю и тут же обе захлопнул за собой. Я сразу же понял свою глупость. Я просто потерял голову. В лифте я превратился в великолепную мишень, ведь кабина автоматически освещается, как только в нее заходишь...

— И в этот момент я вызвал лифт. Я услышал выстрел...

— Нет, — прервал его д'Аржан, улыбаясь через силу. — Вы вызвали лифт после второго выстрела и этим спасли мне жизнь. Ведь второй раз в меня стреляли, когда я уже стоял в кабине.

— Значит, он стрелял снаружи, сквозь стекло? — спросил Жозэ.

— Совершенно верно. Почти в упор. Пуля задела мне плечо и пробила второе стекло кабины. От боли я присел. Стрелявший, возможно, решил, что я серьезно ранен, и в этот момент благодаря вам лифт стал подниматься...

— Да, словом, вы были на волоске...

— И все же я убежден, что ему был нужен не я.

— А кто же?

— Вы, именно вы! Вы же были один на всем этаже.

— Черт побери! — проговорил репортер, почесывая затылок. — Вы во что бы то ни стало хотите

нагнать на меня страху. Но я благодарен вам. Вы вернулись ради меня. Одного я не понимаю... Если мне угрожает этот... этот субъект, — предположим, он и есть Дубуа, — то почему же он так глупо привлекает к себе мое внимание. Он позвонил Симони и назвал ему мою фамилию. Симони предостерег меня. Потом убийца является ночью в редакцию, чтобы прикончить меня. Хм! Тут что-то не то.

— Можно предположить и другое, — сказал д'Аржан, — что этот господин пришел сюда без всяких дурных намерений. Думал, что в редакции никого нет. Я же оказался ненужным свидетелем. Я мог бы впоследствии опознать его, и он решил убрать меня с пути.

— Это, пожалуй, логичнее, — заметил Жозэ, опустив голову.

— Во всяком случае, вы подоспели вовремя.

— Вы думаете, он выстрелил бы в третий раз?

— Кто знает, все может быть!

— И опять нам не удалось увидеть его лицо, — сказал Жозэ. — Он держался в тени. А ведь стрелял с очень близкого расстояния.

Д'Аржан задумался.

— Не знаю...Я видел вытянутую в сторону кабины руку, она была в кожаной перчатке. Впрочем, я в этом не убежден. Возможно, это мне показалось. Вы же понимаете, как меня ошарашил этот выстрел. Потом...

Понизив голос, д'Аржан продолжал:

— Я испугался, очень испугался!

— А сейчас как вы себя чувствуете? — спросил репортер.

— Ничего, даже, пожалуй, совсем хорошо. Рана, правда, побаливает, но в общем-то она пустяковая. А я ведь чуть не сыграл в ящик!

— Да, — задумчиво проговорил Жозэ, — этот человек с легкостью пускает в ход револьвер, но, видимо, ему далеко до снайпера. Он стреляет много и плохо... Три выстрела в Муассаке, два сегодня, — он рассмеялся и покачал головой. — Все-таки мне кажется, что это один и тот же преступник. Мы ни-

чего о нем не знаем. Ничего. Надо ждать. Который теперь час? Уже три. Меньше чем через два часа прнедет шофер и отвезет меня в Бурже.

Д'Аржан встал и принялся неловко натягивать на себя пиджак.

— Неприятная история, — сказал Жозэ, помогая ему. — Надо было бы наложить вам настоящую повязку, но здесь нет ничего подходящего.

— У меня дома найдется все, что нужно, н я могу действовать правой рукой, — успоконл его д'Аржан. — Это же царапнна.

— Проводить вас?

— Не стонт. Думаю, что наш друг, этот писатель-гангстер, уже удрал.

— Да, кстати, а где был ночной сторож? Он ничего не слышал?

— Нет, — ответил д'Аржан. — Внизу его не было. Я знаю, он частенько отправляется с типографскими рабочими выпнть стаканчик вина в соседннй кабачок. Возможно, наш посетитель знал об этом.

— Да, судя по всему, этот господнн осведомлен неплохо, — заметил Жозэ.

Он достал свой портсигар и не спеша открыл его.

— Очень хорошо, что сторож ннчего не знает. Лишние разговоры могут только повредить. Я и вам советую не распространяться насчет этого ночного происшествия. Что-ннбудь придумайте. Скажите, что у вас ревматизм и вам трудно двнгать рукой. Вот н все. Еще раз прошу, следнте за событиями. А я надеюсь, что тоже добуду в Муассаке какне-ннбудь ннтересные сведения. Кстати, я забыл вам сказать, что наш шеф родом из Муассака. Вы это зналн?

— Нет, не знал, — удивленно ответил д'Аржан.

— Правда, он с детства живет в Париже, но в Муассаке у него домнк, который перешел к нему по наследству, где живет его древняя тетка. Он иногда навещает ее и даже попроснл меня зайти к ней передать от него привет.

— Что вы собираетесь сейчас делать? — спросил д'Аржан. — Вы останетесь здесь?

— Конечно.

— Но это опасно.

Жозэ покачал головой и медленно проговорил:

— Мне кажется, что никакой опасности нет!

Взглянув на удивленное лицо товарища, Жозэ добавил:

— Я лично убежден, что во всех поступках этого убийцы много театрального. Он незаурядный преступник. Во всяком случае, так он сам считает. Что, по-вашему, означает телефонный звонок Симони и разговор обо мне? Убийца слышал, что я специалист по запутанным уголовным делам. И вот он соблазняет меня, как бы бросает мне вызов, наслаждается этим, усложняя игру. Если б он сейчас меня прикончил, игра потеряла бы всякий смысл. Кроме того, мне кажется, этот человек чувствует себя очень уверенно.

— Ну, а зачем он стрелял в меня?

— Хм... Очередная инсценировка, я думаю. Вы говорили, что преступник не отличается ловкостью? А может, наоборот, он слишком ловкий и умышленно только поцарапал вас? Вообще я считаю, что пока ему нечего опасаться меня. Я ничего не могу предпринять против него. Ведь я ничего не знаю или знаю слишком мало и понятия не имею, кто он. Если он захочет повидаться со мной, я его приму без всякого страха. Но можете быть спокойны, после этой кутерьмы, которую он тут устроил, он не придет. Кстати, в редакции еще есть народ, отсюда недалеко до ротационного, да и вахтер, должно быть, вернулся. Прощайте, старина, не забудьте промыть рану. Да, подождите! Как только доберетесь до дому, позвоните мне. В отделе информации есть прямой телефон, я буду там.

Репортер проводил д'Аржана до лифта и тщательно осмотрел следы пуль на стеклах кабины. Картина была совершенно ясна. В тот момент, когда д'Аржан вошел в лифт, в него выстрелили почти в упор. В переднем стекле пуля оставила звездообразное отверстие. Пробив стекло, она задела плечо д'Аржана и вышла через заднее стекло кабины.

Жозэ спустился на первый этаж. Он открыл стек-

лянную и решетчатую дверцы с задней стороны кабины и принялся рыскать вдоль стены.

— Что вы ищете?— спросил д'Аржан.

— Пулю, что я еще могу искать! — тихо проговорил Жозэ.

Он зажег карманный фонарик и стал шарить по щелям.

— Не ушла же она в подвал!

Вдруг Жозэ радостно вскрикнул.

— Нашли? — спросил д'Аржан.

— Она врезалась в столб. — Жозэ раскрыл ладонь, перекатывая маленький сплющенный кусочек свинца.

— Семь шестьдесят пять...

Он сунул пулю в карман и добавил:

— Мы еще с вами потолкуем обо всем этом... Так. Ну, как вы себя чувствуете, старина? Дойдете один?

— Разумеется. До свидания и счастливого пути. Возвращайтесь поскорее.

— Если не случится ничего непредвиденного, я буду здесь очень скоро. Лечитесь и не забудьте сразу же позвонить из дому.

— Обязательио.

Жозэ иажал кнопку лифта.

Он заметил, что вахтер дремал в своей каморке. Наверху было тихо и спокойно. Жозэ медленным шагом прошел по коридору.

В отделе общей информации вокруг столов на полу валялись бумажки. Корзинки были переполнены. Среди общего хаоса маленький столик Рози Соваж выделялся чистотой и порядком.

Жозэ подошел к столику. Слева — телефон, справа — табель-календарь, чернильница, пепельница, тарелочка со скрепками. Все было прибрано, симметрично расставлено. Ни одной забытой бумаги. Ящики заперты. Картотека упорядочена.

Репортер облокотился на стол и задумался. Спать ему ие хотелось, да он и не чувствовал усталости, хотя недосыпал много ночей подряд, а сегодня даже не прилег. Рози называла его «человеком-которому-

никогда-не-хочется-спать». Этим он славился среди своих товарищей.

А на самом-то деле в свободное время он любил поспать. Но если что-то занимало его ум, он долго сохранял удивительную свежесть.

До чего же все-таки загадочная история!

Честно говоря, название хорошее: «Молчание Гарпократа». Гарпократ — бог с пальцем у рта.

Молчание!

Вот именно молчание. У этого писателя нет лица, нет никаких примет, нет адреса, а фамилия Дубуа явно вымышлена — распространенная фамилия, которую, не дав себе особого труда, он превратил в редкую, заменив «ю» на «у». Два револьверных выстрела, сделанных в темноте бесплотным существом, привидением. Мужчиной? Женщиной? Даже это неизвестно. И голос у него бесполый. Скорее всего нарочно искаженный... Рука в кожаной перчатке, говорил д'Аржан. Но, может, у литературного обозревателя просто разыгралось воображение.

Размышления Жозэ Робена прервал телефонный звонок.

«Д'Аржан», — подумал он.

— Алло, алло!

— Это вы, Робен?

— Да, я. Ну как, дошли благополучно?

— Прекрасно. Только что наложил повязку.

— Очень больно?

— Нет, не очень.

— Ну и хорошо. Спокойной ночи.

— К сожалению, не могу пожелать вам того же.

— Не волнуйтесь. У меня полный порядок, и я скоро пролечу над вашей головой.

— Желаю удачи.

— До свидания... Получите первый репортаж к двенадцати дня.

— Идет!

Репортер повесил трубку.

Он пожал плечами. Такая уж у него профессия. Порядочные люди спят себе в своих постелях, а такие, как он, в самое неподходящее время носятся по

дорогам, на ходу едят, торопливо разговаривают по телефону, лихорадочно листают железнодорожные справочники, судорожно роются в своих блокнотах и спешат передать материал — скорее, как можно скорее, чтобы линотиписты склонились к клавишам, чтобы с грохотом завертелись ротационные машины и начали выплевывать пачки свеженьких газет.

Такова уж профессия!

Жозэ взглянул на часы.

Хотя стрелка здорово продвинулась вперед, ждать оставалось порядочно. Пожалуй, можно выпить кофе в соседнем баре. Жозэ встал.

В этот момент снова зазвонил телефон. Городской. Впрочем, в такой поздний час на коммутаторе уже никого не было.

Жозэ снял трубку.

Первой мыслью было, что это опять д'Аржан. Наверное, забыл сообщить, какую-нибудь подробность.

— Алло, алло... Это вы, д'Аржан?

Никакого ответа.

Но Жозэ чувствовал, что там, на другом конце провода, кто-то есть, по гулкой тишине понимал, что его номер соединен с другим.

— Алло, алло, это вы, д'Аржан?

В ответ раздался смех, очень странный смех, то пронзительный и визгливый, то раскатистый с необычными переливами. Насмешливый, издевательский, он не замолкал.

Жозэ нервно потряс трубку.

— Алло, алло... Кто вы? Чего вы хотите?

Но странное существо на другом конце провода продолжало хохотать.

Краска бросилась в лицо Жозэ. Он понял, что кто-то просто глумится над ним и позвонил специально, чтобы заставить его послушать этот смех.

Этот же «кто-то», видимо, разговаривал с Симони. Тот же не поддающийся определению бесполый голос!

Жозэ хотел было в раздражении бросить трубку, но передумал и продолжал прижимать ее к уху.

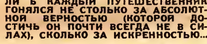
Иронический хохот с вызывающими переливами не прекращался.

Еще несколько раскатов, несколько басистых нот — и трубку повесили.

Жозэ Робен снова остался один на один с тишиной.

Мосье Никто таинственно кружил вокруг него.

6. гостиница «розовая гроздь»

...БЫЛО БЫ ВОВСЕ НЕДУРНО, ЕСЛИ Б КАЖДЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК ГОНЯЛСЯ НЕ СТОЛЬКО ЗА АБСОЛЮТНОЙ ВЕРНОСТЬЮ (КОТОРОЙ ДОСТИЧЬ ОН ПОЧТИ ВСЕГДА НЕ В СИЛАХ), СКОЛЬКО ЗА ИСКРЕННОСТЬЮ...

Достоевский

В то утро часов в восемь маленький двухместный самолетик «Север-1000» приземлился на аэродроме Монтобана.

Вскоре после этого по дороге на Муассак стрелой мчалось такси.

Поля и виноградники покрывал густой туман. На листьях платанов, растущих вдоль шоссе, лежали мелкие капли росы. Фермы с коричневыми черепичными крышами зябко кутались в серые лохмотья тумана. Время от времени шеренги тополей и ив прорезали непроглядную мглу, возвышаясь, словно привидения, и то появляясь, то исчезая, в зависимости от направления ветра.

Машина бесшумно катила по блестящему гудрону.

Оставив позади реку Тарн, она въехала в Муассак, в район Сент-Бланш. Этот район сильно пострадал во время недавнего наводнения. Большинство домов было восстановлено, но попадались и такие, что сохранили еще следы этого стихийного бедствия.

Все, казалось, было погружено в сон. Такие про-

винциальные городки вообще в ранний утренний час очень тихи, а в то утро туман еще более усиливал ощущение непреодолимого сна, которое исходило от низких домов и пустынных улиц.

У порогов лавчонок шушукались домашние хозяйки, потом внезапно расходились в разные стороны и сразу же растворялись в тумане. Запоздавшие школьники бежали вдоль домов, разрисованных темными фестонами потеков.

Такси въехало на улицу генерала Гра и остановилось у мрачного, безмолвного здания суда.

Было холодно. От грязных тротуаров и мокрых стен поднимался пар. Видимо, накануне ночью шел дождь. Темное небо нависло над крышами. Сквозь завесу тумана мерцали огни — в нескольких окнах еще горело электричество.

Небольшого роста молодой блондин со светлыми глазами, в застегнутом доверху сером плаще, вышел из такси и направился к площади Реколле. В руке у него был чемоданчик.

В маленьком бистро, неподалеку от рынка, Жозэ Робен выпил у стойки стакан кофе и спросил дорогу. У кабатчика был заспанный вид. В витрине соседней кондитерской репортер увидел довольно аппетитные коржики. Он зашел туда, съел три коржика и поболтал с хозяйкой. Но она оказалась не очень разговорчивой.

Когда репортер вышел, вдруг поднялся сильный ветер. Жозэ укрылся в здании рынка — большом и пустынном, по которому разгуливали предательские сквозняки.

Он с тоской вспомнил о кондитерской: там было тепло и вкусно пахло.

Полил дождь.

Неподалеку от Робена остановились две кумушки. Он незаметно приблизился к ним и закурил.

— ...ужасно, — говорила одна.

— ...знал, что у него золото, — шмыгая носом, прошептала вторая.

— Надо купить газету...

— ...всегда был какой-то странный. Последнее

время совсем не выходил из дому. Его и не видели почти.

— И вообще непонятно, на что он жил. Разве что летом, туристы. Да и то...

— ...говорят в доме страшная грязь...

— Какой-то чудак!

— Все-таки ужасно.

— Теперь только о таком и слышишь. Газеты расписывают всякие преступления, грабежи да кражи.

— Да. Знаете, я даже как-то не верила во все это. Считала — не может быть столько ужаса, наверное, эти газетчики придумывают. А вот видите, оказывается, ничего подобного, все правда. Мы сами убедились.

— Конечно, соблазнительно! Старик с деньжатами. Да и не стерегся. Для грабителей лакомый кусочек!

— Ну зато я для них не лакомый кусочек!

Ливень утих, и кумушки ушли.

Жозэ осмотрелся. Слева от него пролегала улица Сент-Катрин, она вела к вокзалу.

Прямо — длинная улица вела к церкви Сен-Пьер и к знаменитому старинному монастырю. Где-то в том же направлении и находилась нужная Робену улица Кабретт.

Еще дальше должна была проходить железнодорожная линия Тулуза — Бордо. В той стороне, на фоне грязного неба, вырисовывались смутные очертания какого-то холма.

Репортер пошел в сторону монастыря. Среди тумана показался прославленный портал со стрельчатыми сводами, окаймленными каменными кружевами. Не доходя метров сто до церкви, Жозэ в нерешительности остановился, затем направился к обшарпанному двухэтажному зданию.

У входа на тротуаре стояли три кадки с бересклетом. Под окнами второго этажа висела потрескавшаяся деревянная вывеска: «ГОСТИНИЦА-КАФЕ «РОЗОВАЯ ГРОЗДЬ». Буквы напоминали готиче-

ский шрифт. По обе стороны названия — две аляповатые виноградные грозди, нарисованные черной краской. Трудно было догадаться, что общего у этой дыры с виноградной гроздью. Серый фасад гостиницы во многих местах облупился, двери и оконные рамы требовали окраски.

Репортер открыл дверь.

В кафе было чисто. На полу, который только что побрызгали, в углу лежала куча сырых опилок. Но стены были покрыты густым слоем грязи и копоти, а висевшие на стенах рекламы были десятилетней, а то и двадцатилетней давности.

За стойкой хлопотала черноволосая женщина с увядшим лицом. Облокотившись на один из мраморных столиков, небритый приземистый человек с брюшком читал газету.

Оба они тотчас взглянули на вошедшего.

— Здравствуйте, — сказал Жозэ, садясь рядом с мужчиной. Женщина приветливо ответила, а мужчина с любопытством уставился на посетителя и тихо проговорил:

— Сегодня не жарко.

— Да, прохладно, — согласился Жозэ. — У вас часто бывают такие туманы?

— Да не очень. Пожалуй, это впервые с начала ноября... — ответил мужчина. Все шипящие он выговаривал с присвистом.

— Можно кофе? — попросил Жозэ.

— Минуточку, — ответила женщина, вытирая стаканы. — Сейчас получите свеженький.

И хозяину и хозяйке на вид было лет по сорок — сорок пять.

Хозяин, наверное, как раз подметал пол, когда ему принесли газету.

Он поставил щетку рядом с собой, прислонив ее к столику.

Он перевернул прочитанную страницу, бегло просмотрел объявления и повернулся к репортеру:

— А вы не здешний?

— Нет, я только приехал.

— Сегодня утром?

— Да, — ответил Жозэ, не вдаваясь в подробности.

Мужчииа бросил иерешительиый взгляд иа щетку, ио жеиа приказала:

— Жино, убери опилки.

— Да, да, сейчас.

«У него итальянский акцент, — подумал Жозэ. — А кто его жеиа? Нет, она ие итальянка».

— Вы мне не скажете, как пройти иа улицу Кабретт? — медленно спросил Жозэ.

— На улицу Кабретт?

Хозяин провел ладоиью по седым иебритым щекам и поднял брови.

— Вы приехали иасчет убийства?

— Да, — ответил Жозэ.

— Вы из тайной?

— Нет...

— Значит, от газеты?

— Да.

— А, понятно, — проговорил хозяин и, встав, взялся за щетку. — Да, мрачная история!

— А улица Кабретт недалеко отсюда? — спросил Жозэ.

— Нет. Идите в стороиу монастыря, портал вы видели? Потом повернете иалево, а потом еще раз иалево. Это совсем крошечная уличка. Посредине есть переулочек. Вот там и...

— Это тупик, — бросила хозяйка из-за своей стойки.

— Вы были зиакомы с этим букинистом? — спросил репортер.

— Нет, мы его ие знали, — ответила женщина. — Мы ведь недавио перебрались сюда. Видите, купили старую гостииицу, придется ее ремонтировать, и здорово.

— Понимаете, иам на этой улице делать иечего, — объяснил хозяии. — Это старый квартал, в нем иикто и ие живет. Там только сараи, склады всякие, и все еле держится.

Хозяйка принесла стакан и налила в иего коричневатую жидкость, которая называлась кофе.

Жозэ выпил глоток и посмотрел сквозь витрину на улицу. Шел мелкий дождик.

— Может, вам нужна комната? — спросила хозяйка, взглянув на чемоданчик, который Жозе поставил на пол рядом с собой.

— Пожалуй...

— Мы можем вам дать с окном на улицу. Она только что оклеена обоями.

— Вы уже начали ремонт?

— Пока только самое необходимое. Дом ведь очень старый. — У нее были добрые, глубоко посаженные карие глаза и тонкие черты лица, но в уголках рта уже появились морщинки.

Видимо, здесь хозяйничала она. Толстячок изредка бросал на нее боязливо-почтительный взгляд.

— Должно быть, эта история взбудоражила весь квартал? — сказал Жозэ.

— Еще бы! — ответил хозяин. — Приходили жандармы и даже сам комиссар...

— Вы его знали?

— Кого? Комиссара?

— Нет, букиниста, старика Мюэ?

— Нет, мы его не знали. Мы же здесь недавно.

— А покупатели у него были? На что он жил?

— Сам не понимаю, — проговорил хозяин, качая головой.

— Он торговал не только книгами, — принялась рассказывать хозяйка. — Он продавал еще всякие старинные вещи. Покупателей у него, наверное, было не густо, — она повернулась к мужу. — Мосье Рессек, кажется, ходил туда время от времени?

— Мосье Рессек?

— Ну да, он преподает в коллеже и живет у нас. Если придете обедать, вы его увидите.

Жозэ встал.

— Я оставляю у вас чемоданчик и приду к вам ночевать... А что преподает мосье Рессек?

— Он учитель истории. Но он такой молчаливый... — Хозяйка рассмеялась и снова ушла за стойку.

С улицы донесся шум машин. Кабатчик подошел к двери и откинул занавеску.

— Это, кажется, они...

— Кто? — спросил Жозэ.

— Из суда, кто же еще! Они приехали, чтобы установить... Тело отнесли в мэрию.

Жозэ уже раньше довелось побывать в Муассаке. Он тогда любовался порталом монастыря Сен-Пьер, великолепным образцом архитектуры, в котором сочетались романский и готический стили. Но в то утро ему было не до скульптур святых.

Его интересовали прежде всего улица Кабретт и старый дом, где был убит Гюстав Моэ. Жозэ повернул налево, как ему указал приземистый толстяк с итальянским акцентом, и вскоре увидел уличку, которую искал: она извивалась между желтыми и серыми древними домишками.

Дождь продолжал идти. Мелкий, холодный, нескончаемый. Он явно зарядил на весь день.

На углу улички стояли три машины: синяя, черная «симка» и «пикап».

Около машин расхаживал жандарм.

Когда журналист проходил мимо, жандарм вопросительно взглянул на него и шагнул в его сторону, с намерением остановить незнакомца. Жозэ сделал вид, что не заметил этого, и углубился в уличку.

Метров через тридцать стоял еще один жандарм.

Репортер шел вдоль облезлых домов, уличка казалась нежилой. Деревянные двери с выбитыми филенками, закрытые ставни, ржавые ворота, опутанные густой паутиной. Наверху, из чердачных оконцев, торчали пучки сена. Жозэ миновал низкий забор, за которым виднелся двор, заваленный железным ломом, и вышел в тупик; по обе стороны возвышались глухие стены. Лавка находилась в домике, который замыкал тупик.

Жозэ остановился и с любопытством посмотрел вперед. У домика букиниста стояла группа людей в плащах. Входная дверь была открыта.

Здесь тоже стоял жандарм. Он вопросительно задрал подбородок и приблизился к Жозэ. Тот показал ему свое удостоверение. Жандарм удовлетворенно опустил голову.

— А кто эти люди? — спросил репортер.

— Прокуратура, — помедлив, с певучим местным произношением ответил жандарм. — Из газет там всего двое. А вы не стесняйтесь, подходите.

Жозэ сделал шаг, но тут же обернулся к жандарму:

— Это следователь Рамонду?

— Да, Рамонду, — восторженно подтвердил жандарм.

— Ах, так!

Репортер подошел к низенькому мужчине с бородкой, который тщательно обследовал вход в коридор.

Услышав чьи-то шаги, следователь, которого до сих пор было видно только в профиль, резко повернулся на каблуках и скорчил гримасу, которая означала улыбку.

— Мосье Рамонду, — обратился к нему Жозэ, — я осмелился вас побеспокоить, чтобы приветствовать. Надеюсь, вы меня узнали?

Следователь протянул ему руку.

— Черт побери, конечно, узнал, но не могу сказать, чтобы у меня ваше появление вызвало восторг.

Теперь уже Жозэ кисло улыбнулся.

— Почему же? — удивленно спросил он.

— А очень просто, раз вы здесь, значит дело серьезное и мы не скоро его распутаем. Ну, ладно... И, обернувшись к остальным, он представил: — Познакомьтесь, Жозэ Робен — известный парижский репортер, специалист по уголовным делам. А это — секретарь суда и двое ваших собратьев — корреспонденты местных газет. Да, опять из Парижа вы первым примчались, мосье Робен. Ну, а теперь, господа, за работу... Где комиссар?

Следователь ничуть не изменился. Жозэ встретился с ним впервые года три тому назад, во время следствия по одному делу. Таким он остался у него в памяти — нервный, подозрительный, во все сующий

свой иос... Суетливые руки, живой взгляд и взъерошеииая бородка.

— Комиссар, я вас слушаю, — сказал следователь.

Комиссар, спокойиый тучиый мужчииа лет тридцати, показав рукой иа лавку, доложил:

— Ну так вот, после того, как была проведена коистатация, все осталось в том же положеиии. Дверь, вот так же как сейчас, была приоткрыта, вериее полузакрыта. Как вам известно, бакалейщица из соседней лавки, иедоумевая, почему старик не пришел за молоком, отправила свою дочь узиать. Девочка толкиула дверь в коридор. В глубине она увидела труп, испугалась и со всех ног бросилась к матери.

— Значит, дверь даже ие была плотио закрыта? — спросил следователь.

— Так точно. Девочка это подчеркнула. Она только чуть толкнула дверь, чтобы войти.

Жозэ, отойдя на несколько шагов, внимательно рассматривал лачугу. Одноэтажный домишко. Планировка очень простая. В центре коридор, слева лавка, справа квартирка: одна комната и кухня. В кухне квадратиое окно, покрытое пылью, слева дверь лавки и витриив, за которой видиелись стопки сильно потрепаииых книг.

— Ну, а дверь в лавку? — спросил следователь.

— Оиа была заперта, как сейчас. Ручка находится виутри.

— Непривлекательиая картииа, — процедил сквозь зубы Рамонду. — Пройдемте-ка виутрь.

В этот момент к иим подбежал одии из жаидармов. Он протянул следователю записку и, запыхавшись, сказал:

— Телефоиограмма от прокурора из Монтобаиа.

— Что еще стряслось? — воскликиул следователь, разворачивая листок. — Эге! Что такое?

Лицо его помрачнело.

— Вот так история! Да, ио... Ну-ка...

Ои виимательно перечитал телефоиограмму и повериулся к Жозэ.

— И вы мие иичего ие сказали, мосье Робеи?

— А что я вам должен был сказать, мосье Рамонду?

— Как же, вот у меня телеграмма от прокурора, он получил указания из Парижа. Значит, дело очень важное. Прокурор не собирался приезжать, он занят. А сейчас вдруг сообщает, что это дело государственной важности и он прибудет с минуты на минуту. Вы-то знали это, да или нет? И почему вы так быстро оказались здесь? Преступление было обнаружено только вчера во второй половине дня...

Жозэ Робен в нескольких словах изложил основные факты.

— Впрочем, вы все это прочтете в «Пари-Нувель». Правда, наш ночной выпуск продается только в Париже, но информация будет немедленно передана многим телеграфным агентствам, а может быть, это уже и сделано.

— Да, не зря я сразу почувствовал, что ваше появление здесь не предвещает ничего хорошего, — проговорил следователь. — Ну что ж, а теперь, господин репортер, постарайтесь ничего не упустить и помочь нам.

Следователь вошел в коридор.

От темных стен несло плесенью. Здесь пахло и старой кожей, и влажной бумагой, и сырой штукатуркой, и еще тысячью вещей. Воздух был удивительно спертый и затхлый.

— Там обнаружили труп? — спросил следователь, показывая в глубь коридора.

На полу у приоткрытой двери в лавку мелом был нарисован белый крест.

— Да, — подтвердил комиссар. — Как было установлено экспертизой, старик упал здесь. Он умер сразу.

— Три пули в сердце? — тихо опросил Жозэ.

— Да, три выстрела в упор. На жилете были отчетливо видны три прожженные дырки. Убийца стрелял с очень близкого расстояния. После того как его жертва рухнула, он не дотронулся до тела.

Следователь Рамонду прошел в лавку.

Это было длинное и узкое помещение. Вдоль стен стояли полки. Чего только не было на них! Старые книги, выщербленные чашки, тарелки в цветочках. Много безделушек. Все было покрыто слоем пыли. В редких промежутках между стеллажами висели дешевые картины.

Запах плесени и старой бумаги в лавке был еще навязчивее. До чего же тяжелый запах! Казалось, что лавка никогда не проветривалась и затхлость, создававшаяся всем этим старьем, не улетучивалась, а только сгущалась изо дня в день, из года в год.

Следователь бродил по лавке, морща свой острый нос. Ему явно был неприятен этот едкий запах.

Все собравшиеся молча ходили за ним по пятам.

Сквозь грязную витрину проникал тусклый свет. Все молча осматривали помещение, силясь представить себе загадочное существование старика среди этих потрепанных книг и потрескавшихся тарелок, и каждый думал о разыгравшейся в этих стенах трагедии. К букинисту пришел посетитель. Возможно, старик даже просто забыл запереть входную дверь. Услышав шум, он встал. И тут же из револьвера в него всадили три пули подряд.

— Похоже, — говорил следователь, — что здесь все в том же порядке, как и было. Не видно ни следов борьбы, ни чтобы преступник искал что-либо.

— Да, — подтвердил полицейский. — Я собрал показания нескольких соседей. Судя по всему, все осталось на своих местах. Лавка всегда так и выглядела. Только вот у двери рассыпана стопка книг. А так здесь нет ни особого порядка, ни особого беспорядка.

— Да вы и сами посмотрите: на всем лежит толстый слой пыли.

Все перешли в квартиру.

Дверь в нее находилась напротив двери в лавку. За комнатой помещалась кухня, которая освещалась окном, выходившим на улицу. В комнате окна не было.

В углу стояла кровать темного орехового дерева. Остальная мебель состояла из шкафа, двух комодов,

вольтеровского кресла с вылезающим отовсюду волосом и трех колченогих стульев.

— Электричества нет? — спросил Рамонду.

— Есть, только все лампочки перегорели, за исключением коридорной, — объяснил полицейский. — Старик жил в темноте, как крот. Видите... — И он показал на ночной столик, где стоял пузырек весь в потеках стеарина. Из горлышка торчал крошечный огарок. Рядом лежала почти пустая коробка серных спичек.

— Откройте дверь в кухню! — распорядился следователь. — Будет виднее.

В комнату проник тусклый утренний свет, осветив жалкую мебель. И тут тоже всюду лежала пыль, пахло лежалой бумагой и отсыревшим деревом. Печки не было. Старые календари-рекламы были единственным украшением стен.

Кухня выглядела так же неказисто. Пол был выложен потрескавшимися неровными плитками. В раковине лежало несколько грязных тарелок. Над камином висели плохо вымытые кастрюли. Старик готовил прямо на очаге. Топил дровами — один из углов кухни был завален хворостом. В очаге — огромная куча пепла. Ничем не покрытый маленький деревянный столик весь в старых винных пятнах. Два стула. Больше ничего. Все это производило мрачное впечатление холода, нищеты и запущенности.

— Где нашли золотую монету? — спросил Жозэ.

— В коридоре, у входной двери, — ответил полицейский. — Монета Латинского союза *.

— Эге! По теперешнему курсу это 38 франков 50 сантимов, — заметил один из местных журналистов, с которым следователь познакомил Робена.

— Если бы их было много! — промолвил Робен.

— Вот это-то и надо выяснить, — словно про себя

* Латинский монетный союз был заключен в 1865 году между несколькими европейскими странами с целью унификации чеканки золотых монет. В 1927 году союз распался. — *Прим. перев.*

пробормотал следователь. — Говорят, старик был скрягой. Все возможно.

— Мы обыскали все закоулки, — сказал комиссар. — Осмотрели плитки, потолок, пол... Ничего. В шкафах только старое тряпье.

— Ему, видно, было безразлично, что есть и где спать...

— Это правильно, — согласился комиссар, кивая головой. — По словам соседей, он вечно торчал в лавке. Даже ночью, закрыв ставни, подолгу сидел там.

— А что он делал?

— Читал. Говорят, только и делал, что читал. И несмотря на это, у него было великолепное зрение. В семьдесят три года он не носил очков!

— Любопытный старик, ничего не скажешь, — задумчиво заметил Жозэ.

Следователь Рамонду, заложив руки за спину, в раздражении расхаживал мелкими шажками между окном и камином.

— Все это прекрасно, господа, но ровно ничего нам не дает. Этот заядлый книжник был убит тремя выстрелами из револьвера. Вот из чего мы должны исходить. А я не вижу ни одной наводящей подробности. Беспорядка нет. Нищенское жилье, потерянная золотая монета и в глубине коридора — труп.

«В самом деле, ни одной наводящей детали! — подумал Жозэ. — Но разве так может быть? Наверняка улики здесь, они где-то разбросаны по этим холодным и пыльным помещениям. Они должны быть здесь. Мало смотреть во все глаза. Увы, бывает так, что смотришь, смотришь, а ничего путного не видишь. Голые стены, пыль...»

— А какого калибра револьвер? — спросил Жозэ.

— Семь шестьдесят пять, — ответил комиссар. — Обычный браунинг с восемью патронами. У настоящих гангстеров — 9- или 11-миллиметровые...

Следователь продолжал семенить по кухне.

Вдруг он остановился у камина и подозрительно уставился на кучу пепла.

— Что это такое? — спросил он, показывая своим худым пальцем на очаг.

Комиссар присел на корточки, разгреб пепел, из которого выступило что-то белое.

— Вы забыли осмотреть пепел! — укоризненно воскликнул следователь. — Надо думать обо всем.

Находка оказалась клочком бумаги. Вернее — скомканной бумажкой. Полицейский старательно расправил ее. Это была страничка обычного формата, небрежно выдранная из тетради или альбома.

На листке было что-то написано от руки.

Комиссар взглянул на него, пожал плечами и передал его следователю.

— Не думаю, что это может пригодиться. — И он снова принялся разгребать кочергой пепел.

Следователь взял листок и стал подозрительно рассматривать его. Он осторожно зажал его между указательным пальцем и ногтем большого, боясь стереть отпечатки пальцев, которые могли оказаться на нем.

— Да это же стихотворение! — воскликнул он.

Комиссар обернулся к нему и снова пожал плечами. Следователь совершенно неожиданно вскипел:

— Да, это стихотворение, и нужно обратить на него внимание. Не забывайте, что здесь замешана литература!

И он добавил как бы про себя:

— И с чем нам только не приходится сталкиваться!

Жозэ подошел к следователю.

Он еле удержался, чтобы не выдать своего удивления.

Листок, который держал следователь, напомнил Жозэ о черновике, подобранном им в коридоре редакции, черновике стихотворения, который выпал из кармана главного редактора. Жозэ узнал почерк Бари. Он был твердо уверен, что не ошибается.

Что же все это значит? Каким образом стихотво-

рение главного редактора «Пари-Нувель» попало сюда, в запущенную кухню убитого букиниста?

Да, вероятно, следователь прав. Здесь орудовали не обычные грабители, не стандартные гангстеры. «Здесь замешана литература».

Как поступить? Поделиться своим открытием с Рамонду? Сообщить полиции? Нет, надо повременить. Кто знает, Рамонду может проявить слишком много горячности, втянет в это дело одну следственную комиссию, за ней другую и наломает дров, как слон в посудной лавке. От этого маленького бородача можно всего ожидать.

— Что вы об этом думаете, мосье парижанин? — спросил Рамонду.

— Разрешите, — и Жозэ наклонился, чтобы прочитать написанное на листке. Стихотворение называлось «Волшебство молчания».

Начиналось оно так:

Тишина окутала мой дом,
Словно снежный покров,
Словно чудесное одеяние,
Королевская немая мантия...

— Неплохо, — заметил репортер. — Кто автор?

— Вы что, смеетесь надо мной, а?

— «Королевская немая мантия», — вполголоса продекламировал Жозэ.

— Немая? — буркнул следователь. — Вы думаете, что здесь есть какая-то связь с именем старика? Нет, я решительно ничего не понимаю в этом деле. Я считал, что это обыкновенный ночной грабеж. Вы мне говорили, что тот странный роман называется «Молчание...»

— Гарпократа. Это греческий бог, бог молчания.

В полдень Жозэ поднялся к себе в номер.

Дождь продолжался.

Сквозь штору журналист видел густую сетку, повисшую над городом. Судебное следствие не продвинулось ни на шаг. На место преступления прибыл

прокурор при суде первой инстанции. Он досконально обследовал лачугу Гюстава Мюэ.

Никто ничего не знал. Никто не слышал выстрелов. Врач утверждал, что убийство было произведено ночью, часа в три-четыре.

Когда было обнаружено преступление, в доме все выглядело, как обычно. Ставни в лавке и на кухне были открыты.

Место, конечно, очень благоприятное для преступников — в тупике никто не жил. Самые близкие соседи букиниста — рабочие и старики — жили на улице Кабретт.

Жозэ передал по телефону свой первый репортаж, заодно поболтал с Бари и Рози Соваж.

«Пари-Нувель» «вставила фитиль» другим газетам, связав убийство в Муассаке с романом, получившим Гонкуровскую премию. Только две газеты напечатали сообщение об убийстве, да и то одна на третьей полосе, а другая на четвертой. Провинциальный корреспондент передал эту информацию, не придавая ей значения.

Правда, сейчас уже все редакции сбились с ног в поисках материала. Скоро городок наводнят корреспонденты, и Рамонду потеряет голову. Впрочем, за это дело берется парижский уголовный розыск.

Жозэ был в смятении.

В сотый раз он восстанавливал в памяти все, что произошло с начала расследования. Никаких выводов он не мог сделать. Все оставалось совершенно загадочным.

Он хотел было вызвать Бари и рассказать о стихотворении, найденном в пепле, но передумал. Лучше подождать. В своем репортаже он, конечно, обошел молчанием обнаруженный в камине листок.

Жозэ глядел на дождь.

Его мучил один вопрос.

Какую роль во всей этой истории играл главный редактор? Он родился в Муассаке, здесь у него была старая тетка. Может, повидаться с нею? Она жила на бульваре Сансер, между Уавриумом и мостом Наполеона. У Жозэ в книжечке был записан ее адрес.

Жозэ уже побывал в морге и осмотрел труп.

Гюстав Мюэ оказался очень дряхлым стариком. И мертвым он сохранил на лице выражение иронического спокойствия. Длинные морщины избороздили его худое белое лицо с бородкой под Кальвина...

Но ведь по трупу нельзя ни о чем судить. Наружность обманчива.

Жозэ взглянул на часы. Пора обедать.

Гостиница оказалась неплохая. Внешне «Розовая гроздь» выглядела непривлекательно, но номер был чистый, большой и довольно удобный. Интересно, как здесь готовят? Сейчас он это узнает. Впрочем, он ведь приехал в Муассак не ради южной кухни.

В ту минуту, когда Жозэ выходил из своего номера, рядом резко распахнулась дверь и высокий человек в черном костюме, с седыми длинными волосами, которые завивались на затылке, направился к лестнице. Он шел крупным шагом и стучал каблуками по паркету. Он походил на деревянную марионетку с грубо сработанными суставами.

Верно, это тот учитель, о котором говорила хозяйка, решил Жозэ. Мосье... как же его зовут? Ах да, мосье Рессек, учитель истории.

Спускаясь по лестнице, Жозэ продолжал размышлять.

Что и говорить, это дело превосходит все, что можно вообразить. Выдвигались разные версии относительно найденных улик, побудительных причин, личности преступника. И все же самым загадочным было то, что уже известно.

Спустившись с лестницы, Жозэ оказался в коридоре, который вел с одной стороны на улицу, с другой — во двор, загроможденный старыми бочками, ящиками и штабелями дров. Какой-то старик в лохмотьях пилил во дворе дрова. Дверь в зал была слева, Жозэ открыл ее и вошел в ресторан.

За дверной портьерой сидел Жино и, глядя в окно на дождь, курил сигарету.

Из задней комнаты доносился звон посуды.

Преподаватель сидел около стойки и читал га-

зету. Перед ним стояла миска с дымящимся супом. Он еще не начал есть.

Хозяин, услышав шаги репортера, обернулся.

— Я накрыл для вас около двери. Здесь светлее. Сейчас я подам вам суп.

Жино подошел к преподавателю.

— Мосье Рессек, пожалуйста, налейте себе...

Не говоря ни слова, учитель отложил газету и взял разливательную ложку. Жино с подчеркнутым почтением поклонился и отнес супницу репортеру.

Бульон был чуть теплым и совершенно не наваристым. Он и отдаленно не напоминал жирные супы, которыми иногда удается полакомиться в Гаскони или Лангедоке.

Трапеза проходила в полном молчании. Хозяин исчез. Хозяйка с увядшим лицом время от времени появлялась и сновала между столиками.

Дождь тихо стучал по стеклам, и казалось, что уже наступил вечер. После десерта учитель закурил сигарету и направился к двери.

— Ну и погода, — сказал Жозэ, чтобы завязать разговор.

— Да, отвратительная, — не оборачиваясь, обронил Рессек. У него был красивый бас очень низких тонов.

— Такая погода здесь, наверное, редкость?

— Обычная для этого времени года... — Учитель не был расположен поддерживать разговор.

— Сколько жителей в Муассаке? — продолжал тем не менее Жозэ.

— По последней переписи семь тысяч восемьсот четырнадцать. — Учитель стоял как вкопанный. Не поворачивая головы, с сигаретой в углу рта, он глядел на дождь.

Но Жозэ не отчаивался.

— У вас великолепный монастырь! — восторженно сказал он. — А какой портал!

Учитель повернулся на каблуках и, заложив руки за спину, зашагал между столиками, рывками переставляя ноги.

— Уникальный монастырь. Самый прекрасный ро-

манский монастырь, ничуть не уступающий церквам в Эльне и святого Трофима в Арле. Он был воздвигнут в тысяча сотом году аббатом Анскитилем. В нем семьдесят шесть арок, которые опираются на мраморные колонны... Когда-то в центре находился бассейн с чудотворной водой...

Жозэ сдержал улыбку. Но учитель на него не смотрел. Казалось, он говорил, обращаясь к стенам.

— Портал роскошный. Да, да, это жемчужина. Нечто невообразимое. Настоящее чудо. Он сооружен в тысяча сто тридцатом году. Вначале он находился с западной стороны. К концу двенадцатого века его разобрали и перенесли к южной стороне монастыря, чтобы оградить его от снарядов, которые могли быть в него пущены с соседних холмов... да, с холмов. Это именно чудо, другого слова нет. На фронтоне — апокалиптическая сцена: Христос, окруженный символами евангелистов и двадцатью четырьмя старцами. Перемычка из белого пиренейского мрамора. Я не знаю более прекрасного мрамора. Трюмо — поразительно. На нем изображены переплетенные львы — их три пары, с двух сторон портала — святые в замечательных одеяниях. У правого святого очень приятное лицо.

Учитель остановился у стойки. Казалось, он прислушивался к тому, что происходило в задней комнате, где обедали хозяева. Затем он снова принялся шагать.

— Боковые стены украшены скульптурами. К великому сожалению, они сохранились плохо. Слева — демоны пытают Скупость и Прелюбодеяние. Наверху — пиршество богача, смерть Лазаря и рай, в котором Авраам держит на коленях душу бедняка. Справа — Благовещение, Явление волхвов, Сретение... Да, мосье, это чудо, настоящее чудо... Вы видели его раньше?

Учитель так внезапно повернулся к Жозэ, что тот растерялся.

— Увы, нет.

Только тут он разглядел лицо Рессека. Черты его были неправильны, у рта горькие морщины. Гла-

за глубоко запали, лоб был высокий и широкий, кожа бледная, землистая, как у всех, кто много читает и поздно ложится. В бездонных черных глазах таилось что-то безумное.

— Очень немногие понимают истинную ценность этого сокровища, — добавил учитель своим низким голосом.

Что-то подсказывало Жозэ: «Вот тебе прекрасная возможность расспросить о твоем букинисте. Ведь ты приехал сюда за этим, а вовсе не за тем, чтобы слушать рассуждения о старине».

— Вы думаете, немногие? Но ведь в провинции немало образованных людей. Я считаю, что, например, несчастный старик, которого вчера убили, был в некотором роде ученым...

— Истинно образованные люди — редкость, — отрезал учитель и зашагал к двери.

«Нет, я должен во что бы то ни стало его расспросить», — решил Жозэ.

— Вы знали этого букиниста?

Преподаватель повернулся и подошел к столику журналиста.

— Я его знал, как и все в городе. По правде говоря, он не был образованным человеком, как это думаете вы. Он просто был отравлен чтением, читал все, что попадало под руку. Плохой самоучка.

— Почему же?

Учитель сделал паузу и поднес руку к своему галстуку — нервный жест, который он то и дело повторял.

— Да взять хотя бы наш монастырь. Старик Гюстав, букинист, утверждал, будто капители относятся всего к тысяча двухсотому году, однако легче легкого доказать, что творение Анскитиля дошло до нас совершенно неповрежденным. Я никак не мог ему это втолковать... Да уж что там...

Учитель развел руками и с глухим вздохом тут же опустил их.

— Вы часто с ним разговаривали?

— Нет, редко. В лавчонке стоял такой запах! И вообще он жил в грязи. За последние полгода я не

виделся с ним ни разу, а теперь вот узнал... Но это вам не интересно... До свидания, мосье. Если у вас будет время, не забудьте осмотреть монастырь. Это уникальный памятник, настоящее сокровище, повторяю вам.

Преподаватель отошел от столика. Он шел, подпрыгивая, как-то рывками, и в такт шагам у него дергались руки, а длинные седые кудри рассыпались по воротнику.

Он ушел. Немного погодя Жино привел в зал старика, который пилил во дворе дрова.

— Несчастный человек, — объяснил итальянец. — Он живет в халупе по ту сторону железной дороги, на холме, он немой. Кажется, от рождения.

Жозэ нахмурил брови.

— Немой?

— Да. От рождения. Он немой от рождения.

7. призрак держит язык за зубами

КОГДА НА НАШЕЙ ПЛАНЕТЕ ЧЕЛОВЕКУ ЕСТЬ ЧТО СКАЗАТЬ, ТРУДНОСТЬ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ НЕ В ТОМ, ЧТОБЫ ЗАСТАВИТЬ ЕГО СКАЗАТЬ, А В ТОМ, ЧТОБЫ ПОМЕШАТЬ ЕМУ ВЫСКАЗЫВАТЬ СВОИ МЫСЛИ СЛИШКОМ ЧАСТО.

Бернард Шоу

Дождь прекратился. Над Тарном поднялся туман. Он налетел на городок, окутал все улицы, все дома.

Жозэ снова позвонил в Париж, поговорил с д'Аржаном. Ничего нового. Много шуток, много гипотез, ничего точного. В парижских литературных кругах все ошеломлены. Даже самые серьезные литературные журналы собираются послать в Муассак своих корреспондентов. С тревогой говорят, что затронут престиж всей французской литературы. Д'Аржан на-

помнил Жозэ слова Гастона Симони: «Мы присудили премию преступнику! Это символично».

За ужином учитель не появился. Жино сказал репортеру, что Рессек иногда ест только один раз в день. И не из соображений экономии, а чтобы не терять времени. Часов в пять он съедал бутерброд и, запершись в комнате, углублялся в огромные книги по археологии. Он готовил монографию о монастыре. Жино видел в комнате преподавателя толстые тетради, исписанные мелким почерком. «Такого еще никто не написал», — утверждал Рессек.

Жозэ поднялся к себе в номер.

С нижнего этажа, из зала до него доносился гул голосов.

Игроки в карты, в домино — обычные вечерние посетители. Жозэ довольно долго проторчал с ними в надежде что-нибудь узнать. Но все без толку. Люди лишь повторяли написанное в газетах. По правде говоря, они букиниста не знали и не слышали о нем до самой его трагической гибели. Кто бывал в захламленной лавке на улице Кабретт? Очень немногие. Безденежные школьники, мечтавшие раздобыть у букиниста по дешевке недостающий том «Трех мушкетеров» или откопать какой-нибудь приключенческий роман. Редкие туристы, привлеченные в Муассак меланхоличным очарованием старинного монастыря да соседними с ним древними домишками. И еще учитель Рессек... Да, он время от времени навещал старика Мюэ. Наверное, рылся среди потрепанных книг в надежде обнаружить среди всякой макулатуры какую-нибудь редкость.

Рессек много беседовал со старым букинистом. Они спорили о капителях монастыря — к какому веку они относятся: к одиннадцатому или двенадцатому? По мнению Гюстава Мюэ, они были воздвигнуты в двенадцатом веке, никак не раньше. Рессек был убежден, что капители старше и творение аббата Анскитиля хорошо сохранилось до наших дней.

Очень серьезный, важный вопрос.

О чем сейчас думал учитель, склонившись над своей рукописью и над археологическими трудами?

Одним клеветником стало меньше. Отныне букинист лишен возможности отстаивать свою версию о двенадцатом веке.

Жозэ пожал плечами. Преступление из-за какой-то капители!

Конечно, бывает всякое, не исключено и это. Человек, одержимый страстью к науке, может убить. Случались и более поразительные вещи.

«Ну, а как же все остальное? Роман? Гонкуровская премия? Злосчастное «Молчание Гарпократа»?»

Жозэ прислушался.

Гул голосов внизу постепенно стихал.

Из-за стены доносились едва слышные звуки: поскрипывание стула, глухие шорохи. Вот, кажется, взяли книгу и положили ее на стопку других.

Жозэ достал авторучку, записную книжку и, следуя своему излюбленному методу, записал:

«Бари родился в Муассаке. (Совпадение?)

Убийца интересуется мной.

Убийца интересуется «Пари-Нувель».

Убийца интересуется поэзией.

Интересуется ли он архитектурой?

Богат ли был старик Мюэ?»

Жозэ, отложив ручку, перечитывал написанное, когда на лестнице раздались торопливые шаги. В номер постучали, и Жозэ открыл дверь. Перед ним стоял Жино.

— Там пришел жандарм. Он просит извинить его за беспокойство, но говорит, что ему необходимо срочно повидаться с вами, так как у него к вам серьезное поручение.

— Ладно, сейчас спущусь, — ответил Жозэ, возвращаясь в комнату за плащом, — кстати, я все равно собирался выйти.

Жандарм пришел по поручению следователя, который дожидается Жозэ в полицейском участке. Он должен сообщить Жозэ что-то очень важное.

«Черт побери, неужели есть какие-то новости», — подумал Жозэ и ускорил шаг вслед за жандармом.

Следователь Рамонду, нахмурившись и скрестив руки на груди, стоял у железной печки. Взглянув на

его мрачное лицо, репортер сразу же догадался, что новости, может, и есть, но вряд ли они прояснят дело.

— Добрый вечер, Робен. Садитесь. Ну и погодка!

— Добрый вечер, мосье Рамонду. Как дела?

Следователь пожал плечами и ничего не ответил.

— Вы напали на след? — продолжал расспрашивать репортер.

— Не-ет, — проговорил следователь. — Никакого следа, есть одна бумажка, еще одна бумажка, которая вас очень заинтересует...

— Какая?

Следователь помахал перед глазами репортера довольно плотным желтоватым листком.

— Нате-ка почитайте!

Репортер осторожно взял листок.

И вздрогнул.

На бумажке было неумело выведено печатными буквами: «Тому, кто сунет свой нос». А ниже несколькими штрихами были нарисованы череп и кости.

— Это шутка, — сказал Жозэ. — Где вы это нашли?

Следователь ухмыльнулся и погладил свою бородку. Ошеломленный вид журналиста доставлял ему, казалось, горькое удовольствие.

— Если бы я подобрал этот листок на улице, я мог бы, как и вы, сказать, что это шутка. Но я, вернее не я, а судебно-медицинский эксперт обнаружил его в кармане убитого!

Жозэ опустил голову.

— Каково? Ну, что вы теперь скажете, сыщик-любитель? Это похоже на угрозу. Сформулировано грубо, но четко. Прекратите, мол, ваше расследование, иначе...

— Ну, хорошо, мосье Рамонду, а в котором часу была найдена эта... любовная записка?

— Только что. Эксперт хотел внести в свой акт некоторые уточнения. Я просил его подробно описать, как были произведены выстрелы. У него возникли

сомнения, и он пошел снова осмотреть труп. Тут-то, совершенно случайно, он заметил, что из жилетного кармана мертвеца высовывается край белой бумажки. Это и была любовная записка, как вы ее назвали.

— Но ведь все карманы были осмотрены раньше?

— Конечно, это первое, что делают жандармы.

Следователь опять ухмыльнулся.

— Значит, вы хотите сказать, — медленно проговорил Жозэ, — что эта бумажка была всунута в карман мертвецу совсем недавно?

— По-видимому, так. Хотя жандармы, стоящие на карауле, уверяют меня, что в морг никто не заходил, не считая, конечно, тех, кто должен там бывать по долгу службы.

— Он приехал сюда, — стиснув зубы, сказал Жозэ.

— Что вы сказали? — оживился следователь.

— Ничего, просто сказал, что это меня очень заинтриговало.

— И меня тоже!

Толстячок принялся расхаживать по кабинету. Он то скрещивал руки на груди, то разнимал их, вздыхал, сжимал кулаки.

— Я дал указание просмотреть регистрационные карточки в гостиницах, расспросил соседей — ничего. Никаких улик. Скажу вам откровенно, все покрыто мраком. Я, понятно, не прошу вас так же откровенно высказываться в ваших репортажах, но это факт. Вы-то хоть напали на какой-нибудь след?

— Нет, мне кажется, что я продвинулся не больше вашего.

— Вообще я ничего не понимаю в этом деле. В нем замешаны парижане, пусть они и распутывают.

Следователь остановился и положил руку на плечо Жозэ.

— Знаете, будьте поосторожнее. Всем известно, что вы большой дока в подобных делах. Ваша газета вас очень расхвалила... Я того же мнения... Толь-

ко теперь вам надо остерегаться. Никогда не знаешь, что тебя ждет. Я был бы крайне огорчен...

Жозэ улыбнулся.

— Вы думаете, этот господин хочет у меня отбить охоту заниматься этим делом?

— Я вам повторяю, никогда не знаешь...

— Нет, — Жозэ тряхнул головой, — мне кажется, все как раз наоборот: этот господин нуждается во мне.

...Жозэ пересек площадь Реколле. Домов не было видно, они растворились в тумане. Улицы были пустынны. Свет фонарей лишь слегка пробивался сквозь плотную завесу, покрывшую спящий город.

Проходя мимо гостиницы «Розовая гроздь», Жозэ остановился и взглянул на это старое здание. В окнах было темно.

Хозяева наверняка уже легли.

Учитель, видимо, отложил свои археологические исследования: не пробивался свет и сквозь щели его ставен.

Жозэ медленным шагом направился к монастырю Сен-Пьер. До чего же это тихий уголок! Вдали темнел портал с его каменными скульптурами. Журналист вспомнил низкий голос учителя истории: «Портал — это жемчужина, да, да. Нечто невообразимое. Настоящее чудо. На фронтоне — апокалипсическая сцена. Боковые стены украшены скульптурами. К великому сожалению, они сохранились плохо». Жозэ уже любовался этими скульптурами. В самом деле, прекрасная работа. Жалко, что они пострадали от времени, а может быть, в этом повинна и человеческая небрежность.

Он чиркнул спичкой и подошел вплотную к скульптурам, так искусно высеченным из камня.

Ветер пригнул пламя и загасил спичку. Здесь он дул со всех сторон.

Жозэ чиркнул второй спичкой, но на этот раз сам задул ее и, резко отпрянув, спрятался в тени портала. Кто-то бродил поблизости. Жозэ подождал.

Нет, пожалуй, он ошибся.

«Ну, ну, укроти свое воображение, — говорил он

себе,—не сочиняй романов... Сегодня вечером у меня не назначено свидание с мосье Дубуа. Да и вообще еще не известно, в Маussаке ли этот мосье».

И тут он услышал чьи-то шаги.

Кто-то шел — теперь уже в этом не было никакого сомнения, — и шел к перекрестку.

Ночной прохожий приближался со стороны железной дороги.

Может быть, он заметил пламя спички, это насторожило его и поэтому он остановился?

А потом снова пошел. Улица Кабретт останется у него справа, а сейчас он пройдет мимо портала.

Жозэ, притаившись в темноте, не шевелился. Он не спускал глаз с небольшого освещенного пространства — там горел фонарь, — которое загадочный прохожий не мог миновать.

Шаги стали торопливее.

Прохожий побежал.

Видимо, он стремился как можно скорее пересечь освещенный участок.

И в самом деле, ему удалось сделать это очень быстро.

Но в тот момент, когда на него упал свет фонаря, Жозэ охватило невероятное волнение.

Человек был в зеленой накидке.

При беге накидка взлетала, и Жозэ невольно вспомнил поэта Гастона Симони, старого поэта, чья зеленая накидка была столь известна в парижском литературном мире.

Неужели он приехал сюда, к древнему памятнику, помечтать в эту туманную ночь среди теней, покоящихся вокруг монастыря Сен-Пьер?

Еще до того, как прохожий попал в полосу света, Жозэ услышал какой-то металлический звук.

Человек в зеленой накидке прошел совсем близко от репортера и углубился в улицу, которая вела к площади Реколле.

Жозэ колебался: идти за ним? Нет?

Но его заинтриговал металлический звук. Он ринулся к освещенному участку. Похоже было... похоже было, что упала монета...

Репортер шарил глазами по мостовой. Что-то блеснуло между двумя булыжниками. Он нагнулся и протянул руку.

Это оказалась в самом деле монета — золотая, тяжелая, блестящая.

Но куда же скрылся этот сеятель золотых монет?

И вот тут события начали развертываться с невероятной быстротой.

Со стороны площади донесся топот бегущих людей. Чей-то голос крикнул:

— Стой!

Жюзэ быстро побежал вдоль тротуара к гостинице. Там, около входа, он чуть не столкнулся с возникшей из темноты массивной фигурой.

И тут же его ослепил луч карманного фонарика.

— Ах, это вы! — воскликнул знакомый голос.

Обладатель фонарика заглянул в коридор гостиницы и кого-то позвал, но кого именно, Жозэ не разобрал.

— Все в порядке, — ответили из коридора. — Я его держу. Он был во дворе.

На втором этаже с шумом раскрылись ставни, и в окно высунулось бледное лицо учителя Рессека. Наконец в коридоре зажгли свет.

На первой ступеньке лестницы стоял Жино, он еще не снял пальца с кнопки выключателя. В глубине Жозэ увидел человека в зеленой накидке, его держал за руку инспектор полиции.

— Интересно, стоящая ли это добыча, — тихо заметил комиссар, стоявший рядом с Жозэ.

Жозэ разглядывал человека в зеленой накидке. Это был тот самый старик, которого он мельком видел до обеда во дворе гостиницы, он тогда пилил дрова. «Несчастный человек, — сказал о нем Жино, — он немой. Кажется, от рождения».

У старика было странное, похожее иа маску лицо, неподвижный взгляд. Губы у него слегка дрожали. Из-под берета торчал клок седых волос. Несмотря на свои шестьдесят — шестьдесят пять лет, он был еще крепок и ловок.

Накидка, в которую он завернулся, была совсем

новой и никак не подходила к его обтрепанным, забрызганным грязью брюкам и дырявым башмакам.

— Ну, иди же! — сказал инспектор, тряся его за руку.

Старик все с тем же тупым выражением лица повернулся к полицейскому.

— Он вас не слышит, — сказал Жино и, огорченно вздохнув, спросил: — Что он еще натворил?

Жозэ подошел к глухонемому и поднял полу накидки так, что стала видна его левая рука.

Старик отступил и что-то промычал. Под накидкой у него были черная от грязи рубашка и совершенно дырявый джемпер.

— Что он держит? — спросил комиссар, подойдя к старику.

— Ну-ка отдай! — грубо потребовал инспектор, пытаясь разжать старику кулак.

Но тот сопротивлялся.

— Отдай! — повторил инспектор.

И он вырвал из руки оборванца что-то вроде трубочки, обернутой в грязную тряпку.

Комиссар тихонько свистнул. Жино широко раскрыл глаза.

Инспектор развертывал тряпку. На пол упала золотая монета. Жино бросился к ней. Жозэ сунул руку в свой жилетный карман.

— А вот эту старик обронил на улице, — сказал он.

— Вечер не пропал даром, — удовлетворенно заметил комиссар.

Он взял одну из монет и стал внимательно ее разглядывать.

— Латинский союз! Хм!.. Ему не отвертеться, он скажет, где он их нашел.

Жино беспомощно развел руками и покачал головой.

— Нет, господин комиссар, он вам этого не скажет, никогда, никогда. Он глухонемой и дурачок.

Комиссар нахмурил брови.

— Все равно мы отведем его в участок.

— Скажите, комиссар, вы уже давно выслеживаете этого субъекта? — вполголоса спросил Жозэ.

— Нет, — виновато улыбаясь, ответил комиссар, — следователь просто поручил мне проследить, благополучно ли вы добрались до дома. Как видите, мы не зря потрудились. Нам удалось застукать Фризу... Да, его здесь так называют, я даже забыл его настоящую фамилию. А я-то считал, что он такой безобидный, но...

— Трудно будет вытянуть из него что-либо, — заметил репортер.

— Надо все же попробовать.

Жино, слушавший разговор, с улыбкой подошел к ним.

— Господин комиссар, я могу попытаться узнать то, что вам нужно. Я его хорошо знаю, и со мной он не дичится... Он приходит ко мне пилить дрова. Иногда я ему даю тарелку супа. Он меня в общем понимает... Правда, не всегда.

— Давайте, — проговорил Жозэ, — спросите его, где он нашел золотые монеты.

«Не такой уж этот Фризу дурачок, — подумал репортер, — раз он пытался спрятать от нас свое богатство!»

Жино повернулся к старику и, показывая пальцем на золотые монеты, с расстановкой произнес:

— Скажи, Фризу, где ты их взял?

Глухонемой замычал, неуклюже пританцовывая в своих грязных башмаках.

Жино взял из рук инспектора одну монету и подбросил ее, пристально глядя на глухонемого:

— Красиво, правда, красиво, тебе нравится? Скажи мне, Фризу, будь хорошим, я тебе дам большую тарелку супа.

Старик взволновался, у него еще сильнее задрожали губы. Он сделал попытку вырваться.

— Отпустите его! — приказал комиссар инспектору.

Старик, почувствовав себя свободным, снял с себя

накидку и вытянул вперед руку. Никто не понимал, чего он хочет.

Итальянец объяснил:

— Он просит, чтобы вы отошли назад.

Все отодвинулись.

Фризу расстелил накидку на полу, выпрямился, с большим трудом — это было видно — напряг свои мысли, опять замычал и протянул руки к золотым монетам.

— Не мешайте ему, — сказал комиссар.

Глухонемой взял монеты, сел на корточки и разложил монеты на зеленой материи. После этого он поднялся и отступил, как художник, который удовлетворен своей работой и хочет полюбоваться ею издали. Странная это была картина: в глубине коридора стояли Жино и инспектор, у выхода — Жозэ и комиссар, а между ними на полу лежала зеленая — при электрическом свете она казалась особенно яркой — накидка, на которой сверкали монеты. Старик в лохмотьях стоял, слегка склонив туловище вперед, и глаза его бегали от одной монеты к другой. Казалось, он впитывал в себя теплый блеск драгоценного металла.

— Что это означает? — негромко спросил комиссар. — Я ничего не понимаю. Попросите его объяснить.

Жино принялся жестикулировать.

— Фризу, что ты хочешь сказать? Что ты хочешь сказать?

Старик опять замычал и вытянул раскрытые ладони к этой необычной выставке.

Потом он неожиданно шагнул к выходу, намереваясь уйти. Комиссар задержал его.

— Бесполезно настаивать, — сказал инспектор. — Мы ничего из него не вытянем. Что нам с ним делать, господин комиссар?

— Отведем его все-таки в участок.

Комиссар вышел на улицу, Жозэ вслед за ним. Жино стоял у лестницы. Он был поражен, что не смог

добиться от глухонемого никакого объяснения. С верхней ступеньки лестницы женщина с увядшим лицом меланхолично смотрела на происходящее. Она появилась бесшумно и за все это время не раскрыла рта.

Комиссар и Жозэ подождали, пока выйдут инспектор с Фризу. В коридоре погас свет. Комиссар направился было к центру города, но Жозэ остановил его:

— Погодите, давайте поведем Фризу на улицу Кабретт. Может быть, он что-нибудь вспомнит.

— Правильно.

Они миновали монастырь и дошли до перекрестка. Тут старик замычал. Он хотел идти в сторону железной дороги, проходившей за церковью.

— Он хочет домой, — объяснил инспектор. — Он живет вон там, на холме, в деревянном сарае.

Комиссар взял Фризу под руку и потащил его налево, но старик сопротивлялся. Было свежо, и ему набросили на плечи накидку.

На углу улицы Кабретт глухонемой опять замычал и остановился. Сколько его ни тянули вперед, он не двигался с места. Он явно боялся идти в темную улочку, словно мог там кого-нибудь встретить...

— Не надо настаивать, — сказал Жозэ, глядя, как старик мечется в темноте. Полы его накидки взлетали, и это делало его похожим на привидение, на какое-то таинственное, непонятное существо, которое возникло в ночи и стремилось вновь в ней раствориться, существо, у которого никогда ничего нельзя будет узнать.

Точно так же как у покалеченных, неподвижных статуй, которые украшали вход в монастырь в пятидесяти метрах отсюда.

Да и в самом деле, разве статуи могут что-нибудь сказать?

8. мадам лорис боится воров

У ЧЕРЕПАХИ ТВЕРДАЯ ПОХОДКА, НО СТОИТ ЛИ ИЗ-ЗА ЭТОГО ПОДРЕЗАТЬ КРЫЛЬЯ ОРЛУ.

Эдгар По

Старая тетка Бари, несмотря на свои семьдесят лет, была еще очень проворна. Она приняла Жозэ в гостиной, расположенной рядом с прихожей. Комната заставлена мебелью — глубокие кресла, пуфы, мягкие стулья, столики с выгнутыми ножками, и на них разнообразные безделушки. На стенах висело множество картин в позолоченных рамах. Жозэ с первого взгляда понял, что все это мазня, собранная каким-нибудь родственником, увлекавшимся живописью.

От гостиной веяло уютом прошлого столетия. Здесь было очень чисто. Нигде ни пылинки, и все же казалось, что гостиная покрыта пылью, которая легла еще в 1895 году.

Взгляд репортера шарил по комнате — пожелтевшие от времени фотографии в рамках, коробки из ракушек, гипсовые и глиняные статуэтки, ларчики с разной мелочью, старинные коробки из-под конфет, на некоторых из них еще сохранились выгоревшие от времени ленточки.

Мадам Лорис была полной, розовощекой дамой небольшого роста. Ее поразительно молодые для ее возраста руки при каждом слове взлетали в воздух. На ней был черный жакет с фиолетовой отделкой. Тяжелое агатовое ожерелье глухо постукивало на ее груди.

— Да, бедный мальчик не часто навещает меня, — говорила она, — я знаю, в Париже у него очень много работы. Париж, Париж... Да и вообще это такая профессия! Он подписал меня на свою газету, и я, знаете ли, читаю ее с интересом. Вас я тоже знаю по вашим репортажам. Ведь в провинции так

скучно... Ах, как, должно быть, интересно жить в Париже! Вам повезло, мосье Робен, я вам завидую...

Мадам Лорис говорила очень быстро, с южным акцентом, как все местные жители. Она даже не пыталась связно излагать свои мысли и лишь вздыхала да улыбалась между фразами.

— Этот дом, естественно, достанется ему. Ведь у меня, кроме него, никого нет. Кстати, его комната вон там, по ту сторону прихожей. Она всегда готова его принять... А я сплю на втором этаже. Дом-то не очень большой... Шесть комнат и фруктовый сад... Здесь очень мило. Макс обожает сад. Ему следовало бы приезжать сюда почаще, чтобы отдохнуть от суматошной парижской жизни. Не правда ли, мосье? Выпейте еще немного малаги. В самом деле не хотите? Выпейте... Это очень старая бутылка. Когда-то у нас был прекрасный винный погреб. Мой муж очень дорожил им. Да, все это так печально. Вся страна взбудоражена... Да и я сама, как я вам уже говорила, очень неспокойна...

— Мне думается, что нет причины волноваться.

— Вам легко так говорить, вы ведь молоды и такие вещи на вас не производят впечатления.

— А вы уверены, что прежде, чем лечь спать, вы задвинули засов?

— Ох, теперь я уже ничего не знаю...

Старушка тяжело вздохнула.

— Я ведь так рассеянна. Подумать только, воры проникли ко мне в ту самую ночь, когда был убит этот несчастный старик.

Какая доля правды была в том, что поведала эта розовощекая дама? В самом ли деле в ее дом забрались воры?

В ее рассказе была одна тайна. В тот день она, как обычно, часов в пять вышла за покупками. Вернулась уже в темноте, съела свой легкий ужин и пошла спать. До этого она заперла входную дверь и задвинула засов. Ночью дул сильный ветер.

— Да, я отлично помню. Мне казалось, что дом вот-вот обрушится. Я вообще-то не трусиха, но в тот вечер, признаюсь, меня то и дело охватывала мелкая

дрожь. Я не люблю, когда бушует ветер. И вот представьте себе, как я удивилась, когда утром увидела, что входная дверь открыта, то есть не настежь, вы меня понимаете, но засов не был задвинут и замок оказался не заперт. Вот как. Неужели я забыла повернуть ключ и задвинуть засов? Никак не могу вспомнить.

— Но у вас ничего не похитили?

— Нет, у меня ничего не пропало. Деньги я дома не храню. Да и вообще я небогата. Все осталось на месте. Поначалу эта история с засовом немножко растревожила меня, не сказать, чтобы я очень перепугалась... Просто я упрекнула себя: ты стала рассеянна, впредь постарайся быть повнимательнее. Но когда утром я раскрыла газету и узнала об убийстве букиниста, да еще в его собственной лавке, тут, признаться, меня охватил страх...

Понизив голос, старушка добавила:

— И до сих пор я боюсь...

— Для этого нет никаких оснований, — успокоил ее Жозэ. — Дверь у вас крепкая. Только не забывайте запирать ее на ключ. А сейчас тем более можете быть спокойны, город наводнен жандармами, полицейскими инспекторами...

— Ну и времена, — вздохнула старушка.

Репортер поднял стоявшую перед ним на столике рюмку с малагой и, вертя ее, любовался игрой вина.

— Я думаю, это все ваша рассеянность. Трудно поверить, чтобы к вам мог проникнуть грабитель, если дверь была наглухо заперта. Ведь снаружи засов нельзя отодвинуть?

— Конечно, нет!

— Значит, одно из двух: или вы забыли запереть дверь, и тогда вряд ли можно предположить, что об этом немедленно узнал грабитель, или же вы задвинули засов и повернули ключ в замке, и тогда никто не смог бы к вам проникнуть, не взломав дверь...

И Жозэ добавил с улыбкой:

— Никто не мог бы проникнуть, а... тем более выйти!

— Но мне все-таки кажется, что я заперла дверь, — насупив брови, проговорила мадам Лорис.

Жозэ встал, чтобы попрощаться. Пожилая дама предложила ему еще рюмку малаги. Он отказался. Он больше не может задерживаться, у него нет времени, и он просит его извинить. Максу Бари он сообщит, что его тетя чувствует себя великолепно.

— Скажите ему, что я перепугалась грабителей и ему следовало бы почаще меня навещать.

Жозэ и мадам Лорис стояли в прихожей. Здесь тоже все было заставлено самой разнообразной мебелью и стены были увешаны бездарными картинами — большими и маленькими. Жозэ нравился стоявший здесь легкий запах жареного лука и воска. Мадам Лорис тихонько пританцовывала, ее руки то и дело взлетали в воздух, а с лица ее не сходила улыбка. У нее были голубые, очень светлые и очень молодые глаза.

— Мосье, я не осмеливаюсь вас задерживать, — говорила она. — Вас ждет работа, и вы приехали в Муассак не для того, чтобы расследовать легкомысленное поведение пожилой женщины...

— Простите, могу я попросить вас об одном одолжении, — сказал Жозэ неуверенным тоном.

— Пожалуйста, я к вашим услугам, — любезно ответила мадам Лорис.

— Мне бы хотелось пройтись по дому. Познакомиться с расположением комнат...

Добродушная дама была явно обеспокоена.

— Неужели вас так заинтересовала история с дверью? Вы меня пугаете.

— Да нет, — успокоил ее Жозэ. — Клянусь вам, что ничего не знаю и ничего не предполагаю. Я убежден, что вы забыли задвинуть засов. Но у меня есть свой метод, я его строго придерживаюсь: никогда ничем не пренебрегать. Нет ничего маловажного, нет незначительных подробностей. Мною руководит, так сказать, профессиональный долг. Только и всего.

Мадам Лорис погладила свое ожерелье и, казалось, задумалась над словами Жозэ.

— Ну что ж, — вздохнула она, — следуйте за

мной, прошу вас. Направо маленькая гостиная, здесь вы уже были. За ней столовая. Красивая комната, правда?

Столовая — большая и светлая — была обставлена старинной мебелью красного дерева. Правда, здесь тоже было много лишнего, но в такой огромной комнате это не ощущалось так, как в гостиной.

— А библиотека у вас есть? — тихо спросил Жозэ.

— Есть, но не в столовой. Она в комнате Макса. Я вам ее покажу. Ее начали собирать еще во времена Людовика XIII или примерно в ту эпоху. Муж очень ею гордился. Вот кухня.

Кухня была длинной и узкой, пол в ней был выложен красной плиткой. Над раковиной сверкало внушительное количество кастрюль и медных котлов.

— Если угодно, вернемся в прихожую. У выхода — комната для прислуги. Но с тех пор, как я живу одна, я не держу прислуги. Ко мне приходит поденщица для уборки. И я сделала в этой комнате кладовую...

Мадам Лорис рассмеялась:

— Да, я храню там фрукты и картошку. Там же у меня сохнут пучки лечебной травы. Максу это очень нравится. Когда он приезжает, он обязательно открывает туда дверь и долго вдыхает запахи... Он говорит, что я консервирую лето. Вот, взгляните, но здесь, конечно, беспорядок.

Жозэ увидел гору картофеля, аккуратно сложенные в решета груши, свисающие с потолка пучки листьев.

— И правда, очень приятная смесь ароматов, — заметил репортер.

— А теперь пройдем в комнату Макса. Она выходит в сад. Входите, мосье. Вот библиотека, о которой я вам говорила. Письменный стол тоже принадлежал моему мужу.

Жозэ внимательно огляделся.

В углу стояла широкая удобная низкая кровать, в противоположном углу — кожаное кресло. Темные стеллажи тянулись вдоль одной из стен. На полках

стояли книги в строгих коричневых переплетах из кожи.

— Наверху книги моего покойного мужа, — сказала мадам Лорис. — Книги по праву. Он был адвокатом. Я никогда к ним не притрагиваюсь. Я пользуюсь только нижними полками, там стоят книги Макса. Все романы да стихи. Я очень люблю поэзию. В этом Макс пошел в меня... Но ему некогда...

Жозэ подошел к письменному столу, где царил полный порядок. Посредине стояла настольная лампа с зеленым абажуром. На подставке лампы была кнопка-выключатель. Справа стопкой лежали бумаги и папки. Слева — авторучка, книга, оловянная пепельница, нож для разрезания книг и разные другие мелочи.

— Я прихожу сюда писать письма, — объяснила старушка. — А когда приезжает Макс, он складывает свои рукописи в ящик. Но я их не трогаю, он этого не любит.

Пепельница была забавной — маленький пароходик.

— А теперь пройдем на второй этаж.

— С удовольствием, — ответил Жозэ.

Он еще раз окинул взглядом кабинет, присел на корточки и заглянул под стол. Потом собирался последовать за мадам Лорис, но передумал и склонился над пепельницей.

— Любопытная вещичка, мадам Лорис, — сказал он.

— Нельзя сказать, что она красивая, но Макс уверяет, что она очень удобная. Вы же знаете, он много курит. Ох, когда он здесь, в кабинете всегда страшно накурено.

Жозэ осторожно засунул в пепельницу два пальца и извлек из нее несколько клочков бумаги.

— Простите меня, мадам, за мое любопытство.

— Прошу вас. Я просто забыла выбросить пепел.

Жозэ обернулся к окну, которое выходило в сад.

— Летом, наверное, в этой комнате особенно приятно.

— Вы правы, — подтвердила старушка. — Но сейчас газон пожелтел, да и на деревьях осталось мало листьев.

— Такой кабинет — мечта для поэта, — продолжал Жозэ.

— Да, да, мой племянник говорит то же самое... «Когда я вхожу сюда, я забываю о Париже» — вот его слова. Кстати, все его рукописи хранятся здесь.

— Вы их читаете?

— Иногда.

Она подошла к столу и выдвинула один из ящиков.

— Смотрите, вот все его стихи. Да он, наверное, говорил вам о них.

Старая дама достала тетрадь в твердом переплете, на которой тушью было выведено: «СТИХИ».

— Кажется, этот сборник он составил два года назад, когда приезжал сюда отдыхать на месяц.

Она принялась листать тетрадь.

Жозэ склонился за ее плечом.

Мадам Лорис задержалась на оглавлении. Названия стихотворений были переписаны и пронумерованы мелким и твердым почерком, хорошо знакомым Жозэ.

— Названия выбраны с большим вкусом, — заметил Жозэ.

— Вы правы, — с гордостью проговорила мадам Лорис.

Но репортер уже не слушал ее, он читал и перечитывал последнюю в оглавлении строку: «Стр. 87. «Волшебство молчания».

— Мне бы хотелось прочесть последнее стихотворение, — сказал он.

— Пожалуйста. Посмотрим, вот восемьдесят третья страница, восемьдесят пятая... Видимо, он ошибся, когда нумеровал... Хотя нет... Как странно. Последнего стихотворения нет. Наверное, оно ему не понравилось и он вырвал страницу. Но остальные стихи прекрасны...

Вот что набросал Жозэ в своей записной книжке:

«1. О Фризу:

У Фризу было обнаружено четырнадцать золотых монет Латинского союза.

Такая же монета была найдена рядом с трупом.

На Фризу была зеленая накидка, похожая на накидку Гастона Симони, члена Гонкуровской академии.

Фризу притащили на место преступления. Жаль, что он не может говорить. Глухонемого Фризу привели в дом, где был убит Гюстав Мюэ?!?!

Фризу, совершенно очевидно, не способен ничего объяснить. Он даже не может ответить «да» или «нет», то есть кивнуть или покачать головой.

В доме убитого Фризу повторил то, что сделал в первый вечер. Он расстелил накидку на полу и разложил на ней золотые монеты. На его взгляд, получается очень красиво.

Где он расстелил накидку? На том месте, где был труп?

2. О Бари.

Бари главный редактор «П.-Н».

Бари поэт.

Бари любит природу и покой.

Б. родился в Муассаке.

Он хранит свои стихи в Муассаке.

Одно стихотворение Б. было найдено на кухне убитого.

Это страница 87. «Волшебство молчания».

Страница была вырвана (недавно?) из сборника «Стихи».

3. О Дубуа.

Является ли Дубуа убийцей?

Каковы побудительные причины?

Смелое предположение: преступник умышленно навлекает на себя подозрения, оставляет улики именно для того, чтобы не заподозрили его, чтобы сказали: «Нет это исключено». (Небывалое в уголовной практике!)

4. Не стоит огорчаться. Обратить внимание на самые обычные вещи. Из-за деревьев леса не видно. Не торопиться. Все проверить и только тогда идти дальше».

9. учитель бродит среди ночи

ДА ОТСТУПИТ ОРУЖИЕ ПЕРЕД ТОГОЙ.

Цицерон

Дождь внезапно прекратился. Налетевший с севера ветер высушивал грязные мостовые, лужи, крыши.

На чистом, удивительно бледном небе замигали звездочки. Приближалось время заморозков. Скоро с виноградных кустов упадут последние красные листья. Съежившиеся и потрескавшиеся от ночных заморозков, они наполнят канавы в виноградниках, а голые поля наденут свой серо-бурый зимний наряд.

В тот вечер Жозэ сидел у себя в номере. Только что кончился ужин, прошедший, как всегда, почти в полном молчании. Учитель ел, уткнувшись в свою тарелку, и не проронил ни слова. Хозяйка бесшумно сновала из кухни в столовую и обратно.

Посетителей было мало. Холод разогнал людей по домам. Жозэ был рад, что выбрал эту второразрядную гостиницу, хотя здешняя кухня, как он теперь узнал, пользовалась весьма неважной репутацией. Собратья по перу остановились в более привлекательных отелях, расположенных поблизости от почты и полиции.

В гостинице «Розовая гроздь» для Жозэ было два преимущества: он был огражден от докучливых коллег, и, кроме того, улица Кабретт находилась рядом, а Жозэ любил «вжиться» в обстановку; он старался не упустить ни одной мелочи, связанной с делом, которым он занимался. Здесь он имел возможность в любой час дня и ночи пойти на место преступления.

Репортер сидел на кровати, накинув на плечи плащ: гостиница не отапливалась — хозяин просил его извинить, завтра он привезет дрова и в камине будет пылать яркое пламя, но сейчас у него дров мало, совсем мало, и они нужны для кухни...

Завтра...

«Завтра, — размышлял Жозэ, — меня наверняка здесь не будет». Ему не терпелось вернуться в Париж и посмотреть, как развертываются события там.

Пока что было исписано много бумаги — репортеры и хроникеры упивались этим делом. Говорили, что министр юстиции выразил желание познакомиться с произведением Дубуа. Какая-то вечерняя газета даже объявила, что будет печатать роман «Молчание Гарпократа». Но жюри Гонкуровской премии после нескольких заседаний вынесло решение передать все экземпляры рукописи нотариусу. Официальное сообщение гласило: «Во избежание возможных злоупотреблений с корыстными целями — наживы и рекламы, а также ввиду того, что здесь задеты честь и достоинство французской литературы...»

Что же касается следствия, то оно не продвинулось ни на шаг. Газеты, конечно, поспешили раструбить об аресте Фризу, о том, что у него обнаружили четырнадцать золотых монет. Сумма невелика — всего около шестидесяти тысяч франков. Но убийца ли Фризу? Способен ли он пользоваться револьвером? Все терялись в догадках, так как глухонемой старик ничего не мог сказать. Журналисты злорадно подчеркивали, что, «как это ни странно, но даже их коллега, всецело занявшийся этой драмой, не в состоянии ее разгадать».

Некоторые парижские газеты не преминули сопоставить тот факт, что и у Фризу и у поэта, члена жюри Гастона Симони, одинаковые зеленые накидки. Симони осаждали репортеры, засыпая его нескромными вопросами, касающимися его гардероба. Симони сперва злился, но потом все же ответил, что у него всего две накидки из зеленого сукна и накидка, обнаруженная в Муассаке, ему не принадлежит.

Одна загадка особенно мучила Жозэ: как попали в печку букиниста стихи, вырванные из тетради Бари? Репортеру удалось убедить следователя Рамонду, что этот факт не имеет большого значения и, во всяком случае, пока лучше его не предавать широкой огласке. Трудно было сказать, умышленно ли сунули лис-

ток в золу и потом забыли его вынуть или же он туда попал случайно.

На покрытой пылью мебели в квартирке букиниста были обнаружены и сфотографированы отпечатки пальцев. Но их оставил человек в перчатках. Да, убийца принял все меры предосторожности. Нашли также следы ног. На грязном потрепанном коврике перед кроватью был примят ворс, и следы там выделялись особенно четко. Но они были оставлены женскими туфлями тридцать седьмого размера. Такой же след оказался на одном из комодов. Там же, на комоде, и в лавчонке за прилавком были обнаружены следы мужской обуви сорок второго размера. По мнению комиссара — он первый и увидел эти следы, — убийца или убийцы взобрались на комод, чтобы осмотреть висевшие на стене полки, на которых стояли поломанные безделушки и валялась пыльная макулатура.

Вот эти следы, да еще золотые монеты и сам Фризу были единственным достижением следствия.

«Может быть, в это дело замешана женщина? А почему бы и нет?» — размышлял Жозэ.

Этот запутанный клубок разных обстоятельств носит чисто женский характер. Жозэ вспомнил хохот в телефонную трубку. Это мог быть и женский голос. Да и вообще все вместе — желание поиздеваться, бросить вызов, все усложнить, запутать...

Жозэ покачал головой. Одни лишь предположения, туманные догадки, не обоснованные никакими вескими доводами. Надо отсеять все, что сбивает с правильного пути, и заняться только самыми простыми и бесспорными уликами.

Размышления Жозэ были прерваны звуком тихих шагов в соседней комнате, в номере Рессека. Кто-то, скорее всего сам учитель, осторожно пробирался по комнате, но его выдавал скрип половиц. Все знают, как скрипит пол в гостиничных номерах. Идешь чуть ли не по воздуху, и кажется, что никто тебя не услышит, как вдруг на другом конце комнаты раздается страшный треск, такой, будто сейчас все рухнет.

Жозэ прислушался.

Скрип продолжался. Потом осторожно открыли дверь. Шаги удалились в сторону лестницы. Жозэ немедленно потушил свет, ринулся к окну и приоткрыл его.

Из гостиницы вышел Рессек. Жозэ узнал его долговязую фигуру. Своей подпрыгивающей походкой он шел в сторону монастыря. Видимо, ботинки у него были на каучуке или на резине, потому что шагов не было слышно. Он шел, прижимаясь к темным стенам домов, и почти сливался с ними.

Жозэ застегнул плащ и спустился.

Интересно, куда пошел учитель истории?

Это необходимо выяснить. Может быть, ему вздумалось навестить кого-нибудь — коллегу или друга?

Жозэ перешел на противоположную сторону улицы и крупным шагом бесшумно бросился вслед за Рессеком. Он выйдет справа от знаменитого портала с барельефами, а учитель — слева.

Вскоре Жозэ остановился.

Он потерял Рессека из виду, не слышал его шагов. Куда же тот девался? У Жозэ было великолепное зрение, но он тщетно пытался что-нибудь разглядеть в ночной мгле. И вдруг он понял. Рессек зашел в портал. Он, конечно, знает каждую деталь портала, но, видно, не смог отказать себе в удовольствии еще раз им полюбоваться.

«Хоть бы зажигалкой чиркнул, — подумал репортер. — Ведь он же ничего не видит».

Но вот из темного портала донесся легкий шорох, и репортер догадался — учителю не нужен был свет, он трогал руками высеченные из камня скульптуры, гладил их — словом, любовался ими на ощупь, как слепой.

В ушах Жозэ звучал низкий голос Рессека: «Боковые стены украшены скульптурами. К великому сожалению, они сохранились плохо. Слева — демоны пытают Скупость и Прелюбодеяние. Наверху — пиршество богача и смерть Лазаря...»

Жозэ не двигался, он следил за учителем. А тот все гладил и гладил священные камни, влюбленно

водил пальцами по несколько потерявшим от времени свою четкость фигурам, высеченным из камня более семисот лет назад.

Что такое? Что все это значит? Неужели следует приобщить к делу и этот монастырь с его порталом? Конечно, убийца не мог не знать этого памятника старины с его скульптурами.

Ну и что из этого?

Скупость и Прелюбодеяние? Пиршество богача? Ну, а почему бы и нет?

Скупость. Говорят же, что букинист был скрягой, что он копил свою жалкую ренту.

Прелюбодеяние? Нашли же в его доме следы женских туфель. Не замешана ли в это дело женщина? Недаром говорится — во всем виновата женщина. Может быть, старинная поговорка и права.

А при чем тут пиршество богача?

Из мглы портала возникла длинная и нелепая тень учителя и устремилась влево, в сторону улицы Кабретт.

Жозэ, крадучись, пошел за учителем.

Здесь все было объято сном.

Впереди горел фонарь, при его свете вчера репортер увидел человека в зеленой накидке. Но Рессек старательно обошел освещенный участок и свернул налево. Значит, сейчас он уже на улице Кабретт.

До чего же здесь было темно! Никаких признаков жизни. Дома чернели сплошной стеной, и лишь наверху, между домами, тянулась узкая полоска светлого неба, усеянного изящными звездочками.

«Типичное разбойничье логово», — подумал Жозэ и удивился тому, как эта мысль пришла ему в голову только сейчас. До сих пор он замечал здесь лишь навеянную веками тишину, живописную нищету этого трухлявого квартала. Он как-то не задумывался над тем, что здесь несколько дней назад был убит человек и что выбранное преступниками место как нельзя лучше подходило для сведения счетов в полной тайне.

Жозэ обернулся, долго вглядывался в темноту, посмотрел по сторонам, прислушался. Из темной

улички доносились осторожные шаги учителя. Вскоре их не стало слышно.

Рессек углубился в тупик. Теперь уже не было никакнх сомнений — он шел к дому букиниста, туда, где было совершено преступление.

Дойдя до тупика, репортер притаился за углом.

Вообще-то учитель должен был быть далеко. А вдруг он придержал шаг, проверяя, нет ли кого поблизости?

Жозэ знал, что сейчас у дома букиниста охраны нет. Видимо, и Рессеку это было известно. Следователь Рамонду принял такое решение, чтобы освободить своих подчиненных от ночного дежурства. К тому же дом был тщательно обыскан и в нем не осталось ничего ценного. Так, во всяком случае, считал уголовный розыск. «Ну, а учитель, — подумал Жозэ, — возможно, придерживается иного мнения».

Наконец репортер осмелился высунуть из-за угла голову и заглянуть в тупик.

Никого!

Учитель исчез.

В глубине тупика, зажатый двумя глухими стенами, стоял серый домишко с ветхой, покосившейся крышей, маленьким кухонным окном и двумя дверями — в лавку и в коридор.

Жозэ задумался.

Учитель направлялся к этому дому. Он не мог перелезть через стены, не мог их обойти. Раз его нет на улице, значит, он вошел в дом. Значит, он открыл дверь дома, где был убит букинист!

Он ее отпер и закрыл за собой, чтобы его случайно не обнаружил патруль. Оставалось одно — с крайней осмотрительностью подойти к дому и выяснить, что учителю там нужно.

Осторожно ступая по мелкому щебню улички, Жозэ крался вдоль домов.

Прыжок — и Жозэ очутился у самого входа. Затаив дыхание он прильнул ухом к рассохшейся двери.

Да, учитель был в доме. Жозэ слышал тихие шорохи, легкие шаги.

Рессек двигался медленно, стараясь ничего не задеть.

Сперва он зашел в кухню, потом шаги стали еще тише. Учитель прошел в комнату. Что он искал? А вдруг из комнаты он сразу же выйдет на улицу? Жозэ на всякий случай отошел от двери и притаился у кухонного окна.

До его слуха снова донесся шорох. По-видимому, учитель начал вести себя более уверенно. Ему казалось, что он тут один, без каких-либо свидетелей. Скрипнул стул. Наверное, Рессек нечаянно задел его.

Учитель вышел из комнаты и остановился в коридоре. Вдруг под дверью появилась полоска света. Жозэ догадался, что учитель обшаривает дом с помощью карманного фонарика.

«Что-то спрятанное букинистом? Или же что-то оставленное либо потерянное убийцей?»

Но как учитель проник в дом? Естественно, пользуясь, ключом. Другими словами, у него есть ключ от дома. Правда, замок на двери самый обычный, но все же надо было подобрать ключ и вообще подготовить свой приход так, чтобы никто не знал.

Шаги стали глуше. Теперь учитель осматривал лавку.

Что делать? Войти в дом? Это не так-то просто... Или же оставаться здесь и ждать? Но тогда может случиться, что он так и не узнает, зачем Рессек пришел сюда.

Жозэ заставил себя сосредоточенно все взвесить. На несколько минут он забыл, где находится, забыл о холодной ночи, об этом зловещем и загадочном квартале, о странных подробностях своей молчаливой погони от самой гостиницы до дома, где было совершено убийство.

Поразмыслив, Жозэ принял решение. Он вернулся к двери и снова прильнул к ней.

Учитель все еще оставался в лавке. Судя по всему, поиски затягивались. Впрочем, в лавке столько книг, тысяча закоулков и, вероятно, множество тай-

ников. А если перелистать каждую книгу или хотя бы тщательно осмотреть полки, на это уйдет очень много времени — несколько часов, наверное. Учитель, кажется, этим и занят.

Жозэ медленно протянул руку к дверной ручке. Дверь может заскрипеть. Ее надо толкать очень осторожно и открыть совсем небольшую щель, чтобы только протиснуться. Секунды шли за секундами.

Дверь скрипнула.

А ведь Жозэ был очень осторожен. Но старые петли давным-давно не смазывались.

В приоткрытую дверь репортер увидел слабый свет, струившийся из лавки. Вдруг раздался какой-то шум, вслед за этим с глухим стуком рухнули книги. Свет погас.

Шли секунды, они казались вечностью. В доме царила мертвая тишина.

Журналист застыл на пороге. Он не сделал ни малейшего движения.

Выключатель находился поблизости от двери. Справа или слева? Жозэ забыл. Этим выключателем зажигалась лампочка в коридоре, единственная в доме неперегоревшая лампочка.

Жозэ вытянул руку и ощупал сырую штукатурку стены.

Но тут в темноте послышался какой-то шорох и луч света ослепил репортера. Жозэ продолжал шарить по стене, пока, наконец, не нашел выключатель.

В глубине коридора вспыхнула тусклая лампочка.

Прямо перед Жозэ стоял учитель с опущенными руками. В одной из них он держал фонарик. Лицо у Рессека было растерянное.

— Что вы здесь делаете, мосье? — медленно выговорил он.

Он задал этот вопрос, чтобы начать разговор и хоть что-то сказать.

— Знаете, — ответил репортер, — в общем-то я имею право о том же спросить вас.

— Ах да, понятно... — прошептал Рессек. Он горько усмехнулся и нахмурился. — Значит, вы считаете, что я причастен к этому преступлению?

Он развел руками и тут же с беспомощным видом опустил их.

— Даю вам честное слово, что я пришел сюда по делу, не имеющему никакого отношения к вашему следствию и следствию полиции.

— Охотно верю, — улыбнулся Жозэ, — но должен вас предупредить, что если мы будем продолжать наш разговор здесь, мы рискуем привлечь внимание... И тогда я не ручаюсь...

— Мосье, вы правы, выйдем отсюда, — проговорил Рессек таким замогильным голосом, что, несмотря на всю необычность обстановки, Жозэ стало смешно.

Учитель выключил фонарик, вынул из кармана большой ключ и шагнул к двери. Жозэ погасил свет. Они вышли на улицу.

Северный ветер дул с еще большей яростью, чем раньше. Он несся по уличке и разбивался о домик букиниста.

— Этот ключ принадлежал Гюставу Мюэ. Да, да, мосье. Я его украл. Украл очень давно. Мюэ ничего не заметил. Он был доверчивым человеком. Я его в самом деле украл. С точки зрения общепринятой морали, моя вина в этом. С вашей точки зрения, моя вина в том, что я забрался в ночное время в дом, который не принадлежит мне. Я сознаю, что факты против меня. Я каюсь.

Учитель остановился посреди улички.

— Но Наука, мосье, — сказал он, вытянув перед собой руки, — но Искусство, разве они не выше каких-то обстоятельств, каких-то условностей?

Репортер с любопытством взирал на своего собеседника. Они пошли дальше.

— Я вам скажу всю правду, мосье, — продолжал Рессек — Она крайне проста. Человек, живший в этой халупе, был необыкновенный человек. Он получил хорошее образование. Но с его семьей произошло несчастье. Он завершил свой жизненный путь в этой лавчонке среди книг и разного хлама. Но все это его не интересовало. У него была одна страсть: памятни-

ки старины, древняя скульптура. Он досконально изучил наш монастырь с его великолепным порталом, который находится всего в нескольких шагах от его дома. Он даже собирался выпустить об этом шедевре большую монографию.

Учитель перевел дыхание и продолжал:

— У меня, мосье, та же страсть, и я тоже пишу монографию о монастыре Сен-Пьер. Мое исследование будет вполне законченным, и каждый специалист по этим вопросам будет нуждаться в нем. Только вот...

Рессек вздохнул.

— Только вот... У нас было одно расхождение. Да, именно расхождение. Гюстав Мюэ утверждал, будто капители монастыря созданы не раньше тысяча двухсотого года. Я же убежден в другом. Не думайте, что я хочу вам прочитать лекцию по истории архитектуры. У меня есть много разных доказательств, я ссылаюсь на проверенные источники. И все же я не сумел переубедить Гюстава Мюэ. Старик был упрям. Он подтрунивал надо мной, он даже утверждал, что имеет неопровержимый документ. Вот теперь вы меня поймете, мосье...

Они дошли до портала монастыря. В темноте туманно вырисовывались контуры каменных барельефов.

Учитель несколько минут смотрел в темную пасть портала, потом, вытянув вперед руку, восторженно сказал:

— До чего же это прекрасно! Ах да, на чем же я остановился? Так вот, да будет вам известно, что аббатство было воздвигнуто Дагобером. Луи ле Дебоннер щедро одарил аббатство, и в тысяча сорок седьмом году оно было причислено к ордену Клюни. Так вот, я дошел до темы нашего разговора. В древних архивах города упоминается о мемуарах Жана де Монтека. В этих мемуарах он описывает красоты монастырской церкви... Жан де Монтек жил между тысяча сто восемнадцатым и тысяча двести шестидесятым годом. Это установлено и, кстати, легко про-

верить. Его рукопись, которая называется «Скульптурный убор Сен-Пьера», должна дать возможность окончательно определить возраст монастырских капнтелей. Так вот, мосье, букннист утверждал, что у него есть эта рукопнсь. Да, мосье, он мне это повторял раз сто, но ни разу не согласился ознакомить меня с нею. Он хотел ее опублнковать, собнраясь такнм образом опровергнуть мон выводы. Вам может показаться, что все это пустяки, но это очень важный вопрос. Годы упорной работы, годы кропотлнвого исследовання могут в несколько мннут пойтн насмарку. Почему он не захотел поделиться со мной своей находкой? Им руководила ревность, теперь уже утратившая смысл.

— Значит, вы разыскиваете эту рукопнсь? — медленно проговорнл репортер.

— Да, мосье. И я ее не нашел. Что он с нею сделал? Существовала лн она вообще? А может быть, ее похитил вор? Вот о чем я думаю со страхом. Речь идет о Науке н Искусстве. Вы поннмаете, что ради Наукн и Искусства можно подделать ключ...

— Понимаю, — ответнл Жозэ. — Подделка ключа еще куда нн шло...

Рессек стоял рядом с ннм. Его мертвенно-бледное лицо приблизилось к лнцу репортера, длинная нелепая фигура, напомннавшая цаплю, наклоннлась вперед. Он то поднимал рукн, то опускал нх. Онн дрожали. Учнтель действнтельно был очень взволнован.

— Поступайте так, как вам подскажет ваша совесть. Вы можете написать в газете, можете сообщнть полнцин. Я повторю то, что сказал вам. Я, мосье, честный человек, я ученый. И я забочусь о Науке... Да, да, о Науке. Ничего нет важнее Наукн! Я должен все знать, я должен разыскать эту рукопнсь, если она существует...

С этнми словами, пронзнесенными выспренн390 тоном, учитель поклоннлся репортеру и вошел в корндор гостнницы «Розовая гроздь».

Жозэ остался в темноте. Он стоял, опустив голову

и засунув руки в карманы своего плаща. Он глубоко задумался над необычайной исповедью, которую только что услышал.

Искренен ли был Рессек? Судя по всему, да.

Он просто-напросто историк, с головой ушедший в старые книги, обуреваемый страстью маньяк. С его точки зрения, нет ничего ценнее вот этого древнего монастыря, этих высеченных из гранита и мрамора святых, с улыбками, застывшими на их лицах семьсот или восемьсот лет назад. Да, для него главное — найти рукопись Жана де Монтека. Ради этого он готов пожертвовать своим спокойствием, своим благосостоянием и даже жизнью. Для того чтобы обыскать запыленные полки букиниста, почтенный преподаватель коллежа превратился во взломщика.

Вдруг Жозэ осенила мысль. Он схватился за голову.

А почему бы не провести параллель... Можно подумать о...

Ну конечно!

Это и есть та направляющая линия, которая приведет к объяснению кровавой драмы.

В напряженном уме репортера одна за другой пронеслись картины, и среди них вот эта: глухонемой Фризу расстелил в коридоре на полу зеленую накидку и разложил на ней золотые монеты. Почему монеты были разложены на накидке? Именно в доказательство...

Жозэ подумал о своем утреннем разговоре с д'Аржаном. Он просил д'Аржана сообщить ему некоторые подробности о романе «Молчание Гарпократа». В этой книге, уверял д'Аржан — и он привел ему даже несколько цитат, — образ букиниста дан несколько поверхностно. Он описан как безмятежный философ, которого не смущает его нищета, и он спокойно живет себе в тиши своей уединенной лавки. И это вроде бы соответствовало действительности.

Нет, пожалуй, не совсем... Какие-то детали автор мог упустить... А всегда надо опасаться деталей.

10. история заканчивается свадьбой

МИЛЫЙ ДРУГ, ДО ОБРУЧЕНЬЯ
ДВЕРЬ НЕ ОТВОРЯЙ.

«Фауст»

Д'Аржан поднял голову и улыбнулся:

— Ах, это вы, Робен. Я вас не ждал так скоро. Хорошо съездили?

— Да, да, конечно... Здравствуйте, — ответил Жозэ, садясь в кресло. — Я рад, что вернулся.

— Что-нибудь удалось узнать?

— Ничего интересного. Но такие маленькие городки обманчивы. Думаешь, что они погружены в сон, а они полны странных историй. Мне кажется, если бы я задержался в Муассаке, я бы откопал десять или пятнадцать новых нитей, и притом одинаково заслуживающих внимания.

Жозэ бросил на д'Аржана дружески-иронический взгляд и спросил:

— А вы, д'Аржан, напали на какой-нибудь след? Вам помогли господа писатели, поэты и литературные критики?

Д'Аржан пригладил свои скромные усики, украшавшие его худощавое лицо.

— Да нет, мне нечего вам сообщить... Все теряются в догадках — так, кажется, говорят в подобных случаях? Ропщут на журналистов, что они подняли шум вокруг этого дела, и хотят только одного — чтобы эта таинственная история или, наконец, раскрылась, или же заглохла.

— Да, пересуды по этому поводу не устраивают жюри, я понимаю... — задумчиво произнес Жозэ.

Сделав паузу, он добавил деловым тоном:

— Кстати, д'Аржан, мне прислали рукопись. Я вам ее возвращаю. Можете ее передать Морелли с нашей благодарностью.

— Любопытно, какое у вас создалось мнение?

Жозэ покачал головой.

— Вы скажете, что я нахал, но, по-моему, роман перехвалили. Я, правда, не особенно в него вчитывался, у меня не было времени, но мне кажется, он не заслуживает такого шума. Меня просто поражает, как ему могли дать Гонкуровскую премию! Вы согласны со мной?

— Но все же там есть несколько превосходных мест.

— Правильно. Глава, где убийца рассказывает, как он решился пойти на преступление... Хорошее психологическое описание...

— Такое проникновенное!.. А как дана сложная психология героя!..

Жозэ пренебрежительно махнул рукой.

— Да, да, я помню вашу статью. И все же я не знаю, можно ли назвать это произведение шедевром. Вы возразите, что я просто привык к подобным вещам. Я, как говорится, варюсь в этом котле, и удивить меня трудно. Но такими словами, как шедевр, бросаться нельзя.

— Возможно. А вот Бари с вами не согласен.

— Я могу ошибаться. Бари всегда высказывает очень здравые суждения. Да и вы сами более компетентный судья, чем я.

— Он сожалеет, что этому господину угрожает или может угрожать смертный приговор.

Жозэ встал.

— Кажется, скоро полдень. Давайте, старина, пообедаем вместе, если вы не возражаете. Я забегу поздороваюсь с нашим главным. Можем захватить с собой и Рози.

Д'Аржан с таинственным видом поднял палец.

— Вы ничего не знаете?

— А что именно?

— Так Рози же...

— Ничего не понимаю.

— Наш главный редактор и наш начальник отдела информации Рози Соваж решили пожениться.

Жозэ помотал головой и удивленно сказал:

— Вот это новость! Никогда бы не подумал. Я знал, что Бари время от времени завозит Рози до-

мой, но мне казалось, что этим все и ограничивается. Ну что ж, желаю им много счастья. Рози чудесная девушка, обожает свою работу. Она красивая...

— Обручение уже назначено, а свадьба будет весной, — добавил д'Аржан.

Литературный обозреватель встал и подошел к окну. Погода улучшилась. Крыши блестели под бледными лучами солнца. Вдали виднелся окутанный золотой дымкой лес печных труб.

Высокая фигура д'Аржана, одетого по последней моде, красиво вырисовывалась на фоне светлого окна. Жозэ обеспокоенно провел рукой по своим небритым щекам.

— Кажется, я здорово оброс. Я проболтался все утро да еще потерял два часа на эту проклятую рукопись. А теперь уже поздно, мы едва успеем поесть.

— Почему? — с любопытством спросил д'Аржан. — Вы думаете, у нас будет сегодня работа?

— Очень возможно.

— Какая?

Бари погладил головку своей трубки, любовно посмотрел на нее и, открыв кисет, принялся перебирать табак. Это уже вошло у него в привычку, и часто можно было видеть, как он, прежде чем набить трубку, тщательно отделял одну ниточку табака от другой. Это занятие позволяло ему делать вид, что он погружен в разрешение какого-то важного вопроса.

Они устроились в глубине маленького зала ресторана, который находился по соседству с газетой. Они изредка здесь собирались. Рози Соваж, сидя рядом с главным редактором, точнее со своим женихом, аккуратно чистила яблоко. Д'Аржан, откинувшись на спинку стула, небрежно листал какой-то журнал. Робен курил сигарету и следил за колечками дыма, которые таяли под самым потолком.

— В общем, — сказал Бари, набив трубку, — вы утверждаете, что «Молчание Гарпократа» — любительская стряпня господина, не обладающего истинным талантом...

— Но ведь и любитель может быть очень талант-

лив, — заметил д'Аржан. — На свете существуют наверняка десятки непризнанных писателей.

— Вы верите в неизвестные шедевры? — незаметно пожав плечами, спросил Жозэ.

— Ладно, — сказал Барн. — Не будем отвлекаться. Достойно ли произведение, о котором идет речь, присужденного ему лаврового венка или нет? Робен считает, что нет.

— Это его право, — мягко заметила Рози.

— Дело не в этом, — возразил д'Аржан.

— Конечно, — проговорил Жозэ. — Да и вообще мое мнение — мнение профана. Я всего-навсего репортер, специалист по уголовным делам, а не по литературе. Кстати, вы знаете, что действие романа происходит в Муассаке? Так вот, мне кажется, что описание городка сделано довольно поверхностно. О Муассаке можно рассказать гораздо больше. Можно было бы попытаться показать истинную, скрытую жизнь этого сонного на первый взгляд провинциального городка... Я нахожу, что все это отображено неглубоко...

— В замысел этого самого Поля Дубуа, — сказал Барн, — входило не описать маленький городок, а передать состояние духа своего героя. Это история преступника и преступления. И вот с этой точки зрения нельзя отрицать, что произведение удалось...

— Остается все тот же неразрешимый вопрос, — вставила Рози. — Роман написан той же рукой, что убила человека, да или нет? Как по-вашему, Робен?

Жозэ почесал себе затылок.

— Мне кажется, что здесь не может быть сомнения. Убийца очень осторожный и осмотрительный человек. Он сделал все, чтобы не оставить улик. Его никто не видел, он остановился не в гостинице...

— Ну, а следы?

— Возможно, они и пригодятся нам, но они не стоят хороших отпечатков пальцев. Кроме всего прочего, — добавил Жозэ, — автор романа так и не объявился. Будь у него чистая совесть, он сделал бы это без колебаний.

— А что означает история с золотыми монета-

ми? — спросил Бари. — Мы считаем, что убийца — литератор. А вдруг он самый заурядный грабитель? Ведь у этого юродивого, которого зовут Фризу, отобрали пятнадцать монет, не так ли? Может быть, состояние старика было и крупнее?

— Я уже об этом думал, — медленно проговорил Жозэ.

— К каким же выводам вы пришли, Робен? — спросила Рози Соваж, устремив свои красивые темные глаза на трубку Бари, которую тот нежно поглаживал.

— Пока ничего не могу сказать. У меня есть несколько предположений, но они очень туманны. Правда, солнце еще не встало, — рассмеялся репортер, — но и ночь на исходе... — И, обернувшись к Бари, Жозэ спросил: — Кстати, каков наш тираж?

— Неплохой. Вначале этой истории мы здорово вырвались, и первые номера с вашими репортажами были нарасхват. Сейчас все слишком затянулось, да и просвета никакого не видно, поэтому читателю поднадоело. Нам бы стоило дать либо заключение, либо какой-то неожиданный поворот... Все зависит от вашей проницательности, дорогой мой.

Жозэ выпустил изо рта дым, небрежно сдул с рукава крошки табака.

— Я сегодня разговаривал с коллегой из «Глобуса». Этот парень очень хорошо ко мне относится, и он рассказал, что «Глобус» готовит на завтра небольшую бомбочку — статью Воллара, которая будет называться что-то вроде «Поль Дубуа не заслуживает Гонкуровской премии». Как видите, он придерживается моего мнения.

— Воллар? — переспросила Рози. — Вы говорите о Жюле Волларе, о том писателе, который сам рассчитывал на премию и в последнюю минуту был отвергнут?

— Совершенно верно. Говорят, он довольно тщеславный молодой человек.

— У него есть бесспорные качества, — заметил д'Аржан. — Он пишет остро, очень своеобразным стилем. Его статья, несомненно, вызовет большой инте-

рес. Ведь до сих пор ннкто не останавливался иа недостатках «Молчаиня Гарпократа». Но, на мой взгляд, это какой-то маиевр. Воллару не следовало бы вмешиваться.

— Почему же? О каком маневре вы говорите?

— А вот о каком. Жюри высказалось за Дубуа, ио большииство членов жюри, голосовавших за скандальный роман, ие прочь теперь перенграть и свалить внну на Симонн, который заварил всю эту кашу н с первого же момента объявил себя рьяным сторонннком иеизвестного писателя.

— В дальнейшем Симоии очень сожалел об этом, — вставил Робен.

— Правильно, — согласился д'Аржан. — Я могу вам сообщить еще один секрет. Сегодня вечером все члены жюри собираются у Морелли, возможно, там будет и Воллар.

— Они иайдут способ аинулировать первое голосованне, — заметила Рози. — И тогда жюрн сннмет с себя ответствениость, и вся эта история потеряет свою притягательиую силу, раз убийца не получит, вериее, раз его лишат Гоикуровской премни. И погорнт ваш броский заголовок, — улыбаясь Бари, добавила девушка.

— Я как раз подумал об этой концовке, — сказал Жозэ. — Обидно за убийцу. Значит, убийца будет лишен Гонкуровской премии...

В тот же деиь, около трех часов после полудия, Робен сидел у себя в отделе. Зазвонил телефон.

— Мосье Робен, вы у себя? — спросила девушка с коммутатора. — Вас вызывает Муассак.

— Алло! — сказал Жозэ.

Он услышал далекий сухой голос:

— Алло, это вы, Робен? Алло... Я бы хотел поговорить с мосье Жозэ Робеиом, репортером «Пари-Нувель»... Алло...

— Я у телефоиа, мосье Рамонду, — ответил Жозэ.

— Ах, это вы, Робен! Говорит следователь Рамонду. Вы меия узнали? У вас все в порядке? Прекрасно.

— Что случилось?

— Еще одна странная история... Сейчас все объясню... Я только что получил анонимное письмо. Алло!

— Анонимное письмо, я понял. А откуда оно прислано?

— Из Муассака. Оно было опущено в Муассаке. Я очень обеспокоен за вас.

— Почему же за меня?

— Алло, вы меня слышите? Я читаю... Оно составлено из букв, вырезанных из газеты. Прием обычный. Слушайте? Так вот: «Стихи, найденные в золе, написаны Максом Бари, главным редактором «Пари-Нувель». Они взяты из его последнего сборника». Вот и все. Что вы об этом думаете?

— Ничего.

— Ну, а все-таки? Ваш главный редактор пишет стихи?

— Кажется, иногда пописывает.

— Ах так? А я, признаться, подумал, что это вранье...

— Возможно, и вранье...

— Я решил, прежде чем передать все это газетчикам, поделиться с вами. Знаете, к нам понаехало столько парижан!

— Вы им уже сообщили об этом письме?

— Нет еще.

— Мне кажется, что благоразумнее повременить. Обещаю навести справки. Я сегодня же позвоню вам в полицию.

— Рассчитываю на вас. Но это наверняка вранье. Письмо было опущено вчера вечером. Подождите, я вам расскажу некоторые подробности, которых, я уверен, вы не знаете.

— Вы очень любезны, мосье Рамонду.

— Это по поводу золота.

— Какого золота?

— Ну, пятнадцати монет Латинского союза, которые были отобраны у Фризу.

— Простите, мосье, у Фризу было изъято четырнадцать монет, а пятнадцатую нашли у порога дома.

— Ваш хозяин пришел ко мне и признался, что он продал эти монеты букинисту.

— Какой хозяин? Итальянец, хозяин гостиницы, где я останавливался?

— Да, некий Жино Роберти, женатый на Франсуазе Лескар. Он весь дрожал, перепугался, что его втянут в это дело. Он клянется, что ни в чем не замешан... Он продал эти монеты старому букинисту с полгода тому назад. Букинисту потребовалось золото, а Роберти нужны были деньги, чтобы отремонтировать гостиницу. Он мне божился, что продал их по нормальному курсу и не имеет никакого отношения к тому, что произошло потом.

— Вот как! — воскликнул Жозэ. — Это может пригодиться. Но зачем же он признался? Сидел бы себе да помалкивал.

— Насколько я понял, он побоялся, что это как-нибудь всплывет. Тогда ему пришлось бы отвечать. Я выясню, что за этим кроется...

— Возможно, ничего.

— Посмотрим. Не забудьте об анонимном письме. Странно, в этом деле все время фигурирует «Пари-Нувель».

— Я все сделаю. Еще один вопрос. Когда я был в Муассаке, никто не смог объяснить мне, почему так назвали гостиницу.

— «Розовая гроздь»?

— Да.

— Не знаю. Это очень старинная харчевня. И никто не помнит, почему ее решили назвать именно так. Но ведь мы край винограда. О муассакской шашле вы слышали?

— Да.

— Кстати, название красивое — «Розовая гроздь». Ну, я с вами прощаюсь. У меня дела.

— Еще есть новости?

— Нет, восьмую бригаду тоже кинули сюда, но они не обнаружили ничего, что бы уже не было известно нам, то есть ничего существенного. А в Париже?

— Много болтают, вот и все.
— Ах, как бы мне хотелось знать, кто убийца! — воскликнул в заключение следователь.

В кабинет Робена вошел д'Аржан.
— Что нового? — спросил литературный обозреватель. — К вечеру мы, наконец, арестуем этого парня? Признаться, мне все это порядком осточертело.
— Никогда не надо терять терпения, — тихо проговорил Жозэ.
— Вы что-то нащупали?
— Совершенно верно, — подтвердил репортер, закуривая сигарету. — Я только что говорил с Муассаком, — он задул спичку, — точнее, со следователем Рамонду, с которым я немного знаком. Он кое-что сообщил мне. Я уверен в одном: преступление совершено не в целях грабежа. Вы сами сейчас в том убедитесь. Мне не давали покоя золотые монеты, они даже как бы ослепляли меня. Кстати, убийца именно этого и добивался. Но мне кажется, что убийца не все предусмотрел.
— Вы говорите каким-то эзоповским языком.
— Сейчас все объясню. У Фризу было четырнадцать монет. Как они к нему попали?
— Вы забыли о накидке, о зеленой накидке Симони.
— Правильно. У него были золотые монеты и накидка, похожая на накидки Симони, хотя и не такая потертая. Ведь накидки Симони не новые. Так. Фризу получил накидку и монеты не от убийцы. Во-первых, потому, что убийца очень осторожный господин. Он действовал в одиночку и сделал все, чтобы не навлечь на себя подозрения.
— Одним словом, идеально продуманное преступление!
— Вот именно. В сообщники лучше никого не брать, даже глухонемого. Просто и золотые монеты и накидку Фризу нашел. А накидка и монеты во всей этой истории играют первостепенную роль. Они входили в атрибуты инсценировки. Вот как я все себе

представляю: убийца разработал план и точио ему следовал. Для того чтобы наглядно показать прямую связь между ромаиом, получившим Гонкуровскую премию, и убийством в Муассаке, убийца «одевает» свое преступлеиие. Я говорю имеиио «одевает». Даю голову иа отсечеиие, что преступник сперва иакрыл труп накидкой образца Симоии, а потом скрылся. Поиятио?

— Понятно. Это озиачало: вот труп, получивший Гоикуровскую премию, и пусть все это зиают.

— Ну да, ведь зелеиая накидка Симони известиа во всех литературиых кругах Парижа, да и не только Парижа. Ее обыгрывают хроникеры и журиалисты. Зиачит, прикрывая труп зеленой накидкой, убийца как бы оставил свою подпись, вериее, подчеркнул тот факт, что преступлеиие в Муассаке имеет иепосредствеииое отиошеиие к ромаиу «Молчаиие Гарпократа».

— Ну, а Фризу?

— Фризу забрался в дом букииista после ухода убийцы и увидел зеленую накидку и деньги. Фризу живет иедалеко от улицы Кабретт, ютится в какой-то халупе на холме, ходит в соседиие дома пилить дрова и бродит всюду, где ему вздумается. Не забудьте, что преступлеиие было обиаружеио довольио поздно днем. Думаю, что Фризу успел побывать в доме покойиика и украл накидку и деньги.

— Но откуда взялись эти моиеты?

— Не торопитесь. Моиеты принадлежали букиисту. Это бесспорно. Даже известно, кто их продал ему. У старика Мюэ была жалкая реита, торговля прииосила ему гроши, ио ои отказывал себе во всем, чтобы иакопить деиег. Ои топил хворостом, который сам собирал. У него перегорели почти все лампочки, но ои их ие замеиял и освещался огарками. Я все это понял, когда осматривал его дом.

— Зиачит, люди правы. Ои был скрягой и копил деньги.

— Не совсем так. Букиисту иужиы были деньги. Он хотел издать киигу, книгу об истории монастыря Сен-Пьер. Ведь это, как вы зиаете, гордость Муассака. Старик ие доверял ыиешним дёньгам. Ему

нужно было золото. Он считал, что, имея золото, он сможет продолжить свои исследования и в дальнейшем издать свой труд.

— И Фризу нашел эти деньги?

Жозэ затянулся сигаретой и улыбнулся.

— Убийца их обнаружил до него. Вот, представьте себе все, что произошло: раздались три револьверных выстрела. Букинист рухнул на пол. Убийца совершил то, ради чего он пришел. Он один на один с трупом. В уединенной хибарке больше никого нет. Что он делает? Он поворачивается спиной к трупу и уходит? Нет. Потому что этот убийца, насколько я понял, весьма любознателен. Он ходит по квартире, осматривает шкафы, кровать. Короче говоря, он находит припрятанные пятнадцать монет. Это, конечно, не состояние. Убийца задумывается. Он пришел сюда не с намерением грабить. Он пришел, чтобы убить старика Мюэ, так как в романе написано, что он его убивает. И вот этот честный убийца оказывается в шкуре грабителя. Труп и исчезновение пятнадцати золотых монет. Самое, что ни на есть банальное дело. Убийца это понимает. Как же ему поступить? Забрать деньги? Конечно, добыча упала с неба. Но нет, он пришел не с целью грабежа, он пришел, чтобы оставить свою подпись, чтобы прикрыть труп накидкой Симони, вернее похожей на нее накидкой. Он хочет, чтобы об этом узнали, хочет, чтобы никто не заблуждался на его счет. Он не вор и не простой убийца. Что же делать? Унести монеты? Никто не узнает, что исчезли деньги. Но, поразмыслив, убийца рассудил, что вдруг кто-нибудь знает о существовании монет и тогда об этом заговорят, скажут, что преступник — грабитель. А убийца не хотел этого. И он высыпает монеты на зеленую накидку, разбрасывает их по сукну, точно звезды в небе, пусть, мол, их все сразу увидят и убедятся, что это необычное преступление. Вы меня поняли?

— Конечно! Все это очень хитроумно. Но недостает одного.

— Чего же?

— Имени убийцы.

Жозэ скорчил смешную гримасу.

— Да, у меня еще нет полной уверенности в моей догадке, и я пока ничего не скажу. У меня есть принцип, которого, как вам известно, я всегда придерживаюсь: прежде нужно твердо убедиться самому.

II. ОН ВЫШЕЛ ИЗ ТУМАНА

НАКОНЕЦ-ТО РАСКРЫЛАСЬ ЭТА УЖАСАЮЩАЯ ТАЙНА.

Вольтер, Заира

Под вечер Жозэ Робен позвонил в несколько мест по телефону и заявил, что он измучен жизнью, которую ведет последние дни, что все эти неразрешимые загадки довели его до мигрени и ему необходимо рассеяться.

В «Рексе» как раз показывают замечательный детективчик. Вот на него он и пойдет. Там по крайней мере не надо будет ни о чем думать. Он усядется в кресло и будет ждать слова «конец», а в это время кто-то другой пусть занимается расследованиями.

Робен говорил с большой искренностью. Часов в семь вечера его видели в баре «Пари-Нувель» в обществе нескольких сотрудников из других отделов; он пил аперитив. Казалось, он был очень далек и от таинственного убийства в Муассаке и от «Молчания Гарпократа». Он дал в завтрашний утренний номер небольшой материал на две колонки на вторую полосу.

— Большего это дело не заслуживает, — заявил он Рози Соваж. — Я думал, что вот-вот нападу на след, но все стоит на одном месте. Посмотрим, что нам принесет завтрашний день.

— Жаль, — проговорила Рози Соваж, устремив на репортера дружески-насмешливый взгляд своих

красивых карих глаз. — Завтра «Глобус» обгонит нас на несколько очков. Они дают статью Воллара «Убийца не достоин Гонкуровской премии».

— Знаю, — ответил Жозэ. — Воллар рассердился, что премия досталась другому. Он просто мстит.

— Надо было нам опередить их.

— Где уж там, — ответил репортер. — Вы ведь сами великолепно знаете, дорогая моя, Бари и д'Аржан убеждены, что это шедевр.

Прежде чем уйти из редакции, Жозэ положил в ящик своего стола несколько листков, исписанных мелким почерком. Когда он отправился ужинать, в зубах у него была зажата сигарета, руки засунуты в карманы, и всем своим видом он как бы говорил: я закончил работу и собираюсь спокойно провести вечер.

К концу дня Бари, главный редактор «Пари-Нувель», позвонил члену Гонкуровской академии Морелли, специалисту по исторической литературе. Отец Бари дружил с родителями Морелли. Хорошие отношения между обеими семьями сохранились и поныне. Нельзя сказать, чтобы они были особенно близкие, но время от времени Бари навещал Морелли или передавал ему приветы через общих знакомых.

— Ах, это вы, Бари! — воскликнул Морелли. — Добрый вечер. Как я поживаю? Спасибо, все хорошо.

— Я уже звонил вам сегодня, но не застал...

— Правильно, меня не было дома.

— Я хотел узнать ваше мнение по поводу некоторых слухов. Простите меня за профессиональную нескромность, но говорят, что жюри собирается объявить недействительным первое голосование и одним росчерком пера лишить этого таинственного Дубуа лавров, которыми его увенчали. Как следует расценивать эти слухи?

На другом конце провода Морелли, наверное, улыбнулся, возможно даже с досадой.

— Не буду от вас скрывать, действительно речь шла о чем-то в этом роде. Главное — придумать, как это сделать и искусно обойти положение о Гонкуровских премиях... Понимаете?

— Прекрасно понимаю и, кстати, полностью вас поддерживаю, — ответил Бари.

— Совершенно ясно, что мы не можем дольше находиться в этом нелепом положении. Первый веский аргумент нам подсказал Симони: ведь лауреат не соизволил явиться, и теперь понятно почему! Мы имеем право считать, что жюри нанесено оскорбление как самим романом, который оказался прелюдией к преступлению, так и тем, что автор не пожелал прийти. Вы поняли, что я хочу сказать: мы имеем дело и с обманом и с преступлением.

— Бесспорно, — согласился Бари. — Простите меня за параллель, но вы можете действовать по правилам лотереи: невостребованные выигрыши через определенный срок разыгрываются снова.

— Правильно, так мы и сделаем.

— А теперь, если вы не сочтете меня слишком нескромным, скажите: Жюль Воллар имеет шансы?

— Ш-шш-ш. Терпение. Пока этот вопрос преждевременный. Нам еще надо подумать. Я даже прошу вас не слишком фиксировать внимание ваших читателей на этой щекотливой теме, разве что в присущем вам осторожном тоне...

— Поговаривают, что Воллар усиленно обхаживает некоторых членов жюри...

— Ну, ну, ну... Болтают всякое. Хотя любопытная деталь: кажется, Воллар и Симони помирились. Как вы знаете, наш поэт не терпел Воллара, но Воллар хитер, как обезьяна. Он напечатал необычайно хвалебную статью о последнем сборнике Симони, и тот заявил, что очень польщен. Насколько мне известно, он пригласил его сегодня на ужин.

У небольшого кафе на набережной Селестен с велосипеда спрыгнул рабочий — судя по всему, он ехал на ночную смену.

С Сены поднимался ледяной пар. Париж был погружен в туман, густой туман, хоть ножом режь.

— Ну и погодка! — сказал велосипедист, открывая дверь в кафе.

Хозяин дремал за стойкой.

— Налейте рюмочку рома, — попросил рабочий.

В это время из телефонной будки вышел молодой человек в широком сером плаще.

Он заплатил за разговор, допил кофе, который ждал его на стойке, и вышел на улицу.

Было одиннадцать часов вечера.

В трех метрах уже ничего не было видно. Иногда сквозь толщу туманной стены медленно ползла машина. Свет желтых фар с трудом пробивался сквозь мглу. Машина тонула во тьме. Казалось, что давящая атмосфера приглушала шум мотора. У самой Сены можно было услышать легкий плеск воды и, если пристально вглядеться, различить смутные очертания тополей на острове Сен-Луи, да и то лишь потому, что знаешь об их существовании.

Постепенно все вокруг затихало. Далекий городской гул окаймлял этот район Парижа; здесь все дома погрузились в сон, жители словно вымерли. Все меньше проезжало машин, редкий прохожий спешил в какое-нибудь пристанище — теплое и гостеприимное, как оно рисовалось ему.

До чего же неуютна и неприветлива была эта туманная ночь! Стены зданий как будто колыхались в промозглой мгле, напоминая шаткие театральные декорации какой-нибудь трагедии.

Внизу текла река, но нельзя было понять, где вода и где туман, откуда доносятся этот плеск, эти хлюпающие звуки. Даже не обладая воображением, можно было увидеть за каждым черным стволом тополя притаившихся людей, которые прикрывались грязными клочьями тумана.

Жозэ шел не спеша, бесшумно шагая по мокрому тротуару в своих башмаках на резиновой подошве. За его спиной среди ночи слабо мерцала освещенная витрина кабачка, потом и она утонула в тумане.

Репортер повернул с набережной Селестен на мост Мари и пошел по нему таким же спокойным и размашистым шагом.

У него еще было время.

Он спустился на набережную Анжу. Справа возвышались большие дома. Кое-где еще светились окна — расплывчатые, мигающие точки на фоне сплошной угрюмой стены.

Жозэ взглянул на свои часы и задумался. Получится ли все так, как он хотел. Он тщательно разработал свой план, но, кто знает, среагирует ли этот мосье Дюбуа достаточно живо.

В общем-то Жозэ ничем не рисковал. Ну, потеряет вечер, прогуляется по туманному Парижу. А сколько он их уже потерял!

До дома Симони оставалось метров пять.

В этом шестиэтажном доме — Жозэ все обследовал еще днем — есть тяжелые деревянные ворота с двумя большими створами, усеянные массивными шляпками гвоздей. Створы раскрывались редко. Жители пользовались калиткой в правом створе.

Пройдя через калитку, вы попадали сперва в широкий проход, выстланный красным кирпичом, который вел к старинной лестнице с деревянными перилами, очень древними, времен Людовика XIII, замечательными перилами.

Жозэ притаился в дверном проеме соседнего дома, отогнул лацканы своего плаща, прикрыв грудь, и приготовился ждать.

Какая тишина!

Жозэ подумал: трудно представить себе, что я в центре Парижа. Какой-то мрачный, молчаливый, необитаемый, отрезанный от мира островок.

А вдруг ОН уже здесь? Вдруг ОН тоже караулит?

У Жозэ по телу пробежали мурашки.

Он огляделся по сторонам. Ничего не видно. Он воображал себя охотником. А что, если роли переменились и он стал дичью? Эта мысль не покидала его. А что, если тот, кого он выслеживает, пользуясь темнотой и туманом, спрятался где-то тут и сейчас следит за каждым его движением, чтобы в удобный момент дать о себе знать... выпустив по нему очередь...

Меткий ли он стрелок?

Ну, теперь уже недолго ждать. Жозэ снова

взглянул на часы, они тикали, казалось, невероятно громко.

Издалека донесся какой-то гул, потом постепенно затих. Нет, это еще не то. Опять шум мотора, он то тише, то снова громче. Из-за тумана, да еще на таком далеком расстоянии трудно понять, куда идет машина. Вот гул стал отчетливей. По набережной Селестен идет машина. Вот она на мосту Мари, а теперь направляется сюда.

Это такси, да, такси. Такси, которого Жозэ и ждет.

Свет фар пробивался сквозь туман. Два глаза грязно-шафранового цвета. Такси остановилось у дома Симони.

«Внимание, — сказал себе Жозэ, — берегись номеров сверх программы».

Из машины вышли двое мужчин: один коренастый, небольшого роста, второй — высокий, плотный, напоминающий пирамиду. Среди тумана, в своей широкой, разлетающейся накидке, он был похож именно на пирамиду!

Мужчины о чем-то разговаривали, но гул мотора заглушал их голоса. О чем они беседовали? Скорее всего сетовали на сырую погоду. Шофер дал сдачу и тоже что-то сказал. Вот он сел за руль. Нажал на акселератор. Мотор взял более высокую ноту. Машина развернулась. Фары бросили свои грязно-шафрановые лучи на старые стены домов. Жозэ снова спрятался в дверном проеме. Свет на него не попал.

Слава богу, ведь его мог обнаружить ожидаемый им гость, если он уже где-то поблизости.

У ворот мужчины обменялись несколькими словами, которые Жозэ не разобрал из-за шума мотора.

Скрипнула калитка.

Мужчины вошли в дом.

Где же гость?

Ждать, снова ждать.

Ничего не видно. Высокие черные стволы древних тополей острова Сен-Луи уходят в слепое небо. На острове все объято сном, и Сена плещется, как она плескалась в незапамятные времена, когда Париж был деревушкой на берегу реки.

Если Дубуа поступил так, как ожидал от него Жозэ, он должен быть на пути сюда.

Но пока ничего не видно. Туман не рассеивается.

Ждать очень томительно. Нужно стоять неподвижно, хотя так хочется потоптаться, чтобы согреть ноги, окоченевшие от стояния на мокром тротуаре. Кроме того, нужно все время глядеть направо, налево, вперед... Всматриваться в даль, пытаясь что-то увидеть сквозь туман. Не поддаваться обманчивым впечатлениям. Вот раздались шаги, нет, это шелест Сены. Появился чей-то силуэт. Ничего подобного. Просто ветер оторвал лоскут тумана и треплет его. Мерцает далекий огонек фонарика, как недосягаемая звездочка, и немедленно растворяется.

Ночь, туман, тишина.

Но, наконец, показался Убийца.

У Жозэ заколотилось сердце. Не от страха и не от опасения неудачи. Жозэ был уверен в удаче. Но он знал, что борьба будет жестокой. В таких случаях разве можно все предусмотреть?

Жозэ волновался, но это было скорее приятное волнение. Он испытывал удовлетворение, как человек, который подвесил на ниточку тяжелый груз — нитка не оборвалась, пока что она выдержала. Выдержит ли она до конца? Посмотрим.

Вот и Убийца.

Жозэ узнал его фигуру, его походку.

Он шел вдоль Сены. Шел с опаской. Только внимательно вглядываясь, можно было его заметить. Он был очень насторожен.

Жозэ напряг все свое внимание.

Развязка приближалась. Волк, почуяв козу, покинул свое логово. Надо схватить волка, но так, чтобы он при этом не сожрал козу.

Жозэ медленным движением поднял руку и сунул ее себе за пазуху. Но куда же делся Убийца? Боже, ну и туман!

Нет, все в порядке, Убийца продолжает свой путь.

На четвертом этаже дома Симони хлопнуло окно.

Несколько минут стояла полная тишина. Потом раздались шаги — кто-то шел вниз по лестнице, — довольно тяжелые шаги человека, которому незачем таиться. Вот он спустился по лестнице, прошел по плитам.

Теперь уже скоро.

Калитка в воротах дома Симони еще не открылась.

«Сейчас взгляд Убийцы прикован к калитке, ему не до меня», — подумал Жозэ.

Он решил воспользоваться этим моментом — надо украдкой пробраться вдоль стены и уйти с поля зрения Убийцы. Сделать это нетрудно, но действовать надо быстро.

Жозэ пересек мостовую. Теперь он на берегу Сены, там же Убийца, конечно, если он не перебрался на другое место.

Нет, он там же.

Шаг за шагом Жозэ продвигался вперед. Еще шаг, еще один.

Открылась калитка.

Калитка в воротах дома Симони.

Убийца сделал движение — вытянул вперед руку.

Он целился. Целился в козу. Во что бы то ни стало надо спасти козу, а волка взять живьем.

Жозэ присел на корточки и, словно рысь, бросился на Убийцу. Левый кулак его с силой обрушился на вытянутую руку с револьвером.

Убийца невольно вскрикнул от боли.

Жозэ рассчитал правильно — револьвер Убийцы упал на асфальт.

Репортер навел свой пистолет прямо в лицо Убийцы.

Тот выругался, но не сдался и попытался поднять с земли свое оружие. Завязалась борьба.

В этот момент кто-то ринулся к ним через мостовую. Теперь уже с Убийцей сражались двое.

Несколько секунд длилась молчаливая схватка, слышно было только тяжелое дыхание Убийцы да спокойный голос Жозэ:

— Хватит, хватит, бессмысленно сопротивляться...

Наконец борьба окончилась.

Жозэ достал карманный фонарик и осветил лицо Убийцы.

— Так я и думал, — удовлетворенно проговорил он.

12. пиршество богача

…И ШЕХЕРЕЗАДУ ЗАСТАЛО УТРО, И ОНА ПРЕКРАТИЛА ДОЗВОЛЕННЫЕ РЕЧИ…

«Тысяча и одна ночь»

Стены узкого кабинета Гастона Симони были сплошь заставлены книгами. Как и Монтень, Гастон Симони называл свой кабинет книжным магазином. В книгах царил полный беспорядок. Как говорил сам хозяин, он один мог в них разобраться. Роскошные издания стояли вперемежку с брошюрами, дорогие переплеты красовались рядом с ободранными корешками, на которых бумага завернулась грязными трубочками.

На камине тоже лежали стопки книг. Рабочий стол был загроможден журналами, кипами исписанных листов бумаги, пирамидами книг. И всюду множество безделушек: крошечные зверюшки из дутого стекла, из фаянса, глины, олова. Это была мания Гастона Симони. Раз в неделю, а иногда и чаще — и все это знали — он бегал по антикварным лавкам в поисках новой безделушки: обезьяны из слоновой кости, будды, миниатюрной курильницы или очередного пресс-папье.

В тот вечер в кабинете Симони собралось много народу. Явление совершенно исключительное. Обычно Симони не позволял входить в кабинет даже уборщице и никогда никого здесь не принимал.

Сейчас в кабинете были Жозэ Робен, разумеется, Макс Бари — главный редактор «Пари-Нувель», Рози Соваж, д'Аржан, Симони, писатель Воллар — коренастый, низкорослый молодой человек с кислым выражением лица — и специально прибывшие сюда два инспектора полиции.

Жозэ повернулся к Убийце. Тот сидел на стуле с поникшей головой.

— Думаю, что все это не требует подробных объяснений. Большинство присутствующих в общем-то в курсе дела, но вы должны нам помочь...

Он едва заметно улыбнулся и провел ладонью по лбу. Теперь, когда наступила развязка, он почувствовал, что им овладевает усталость, приятная усталость, которая требовательно смыкает ему глаза. Как странно устроен человек!

В этой спокойной комнате, где обстановка вдохновляла на труд, на размышления, на научную работу, сидело восемь человек, включая двух полицейских и Убийцу. Жозэ смотрел на преступника. Да, все так, ошибки не может быть. Туман рассеян. Оставалось лишь уточнить некоторые подробности.

— Видите ли, — продолжал Жозэ, доставая сигарету из портсигара, — я многое понял благодаря учителю истории, с которым я познакомился в Муассаке. Он человек знающий, человек, одержимый страстью. И вот его страсть, настоящая мания, я бы сказал, и дала мне ключ к волнующей нас истории. Этот мосье Рессек помешан на старине и исступленно занимается историей монастыря в Муассаке. Это объединяло его с покойным букинистом. И я сказал себе — вот тут и кроется объяснение. Если человек настолько поддается своей страсти, что теряет всякий разум и чувство самосохранения, он может пойти на преступление. Так и случилось с Убийцей. Он хотел добиться литературной славы, хотел, чтобы его имя появилось во всех газетах, чтобы люди при встрече с ним с завистью говорили: вот идет лауреат Гонкуровской премии... До сих пор ему не везло. Каждый год объявляли нового лауреата, а его обходили. В конце концов он впал в бешенство и тщательно разработал план завоевания премии...

— И этот план предусматривал убийство без улик, — заметил кто-то.

— Да, — согласился репортер, закуривая сигарету. — Первые догадки оказались правильными: мы подозревали литературное преступление, это подтвер-

дилось. Побудительная причина: добиться Гонкуровской премии в обстановке необычайной... газетной шумихи... Кроме того, бесспорное желание бросить вызов жюри и общественному мнению. Ах, так, вы, мол, не хотели наградить меня лаврами, которые я уже неоднократно заслужил, вы мне отвели место посредственного, никому не известного писателя... ну, так я вам покажу, на что я способен, я с вами сыграю такую шутку... Вот что, наверное, думал мосье Дубуа.

Жозэ пристально посмотрел на сидящего с поникшей головой Убийцу.

— Не так ли, мосье Дубуа? Ведь я прав?

— Да, — хрипло бросил тот.

— Бесспорно, — с удовлетворением сказал Жозэ. И он продолжал: — А теперь перейдем к обстоятельствам, при которых было совершено преступление. Убийца неглупый малый. Он все продумал. Вероятно, он потратил на подготовку несколько месяцев. Сперва он набросал общий план действия: описать убийство, приукрасив это описание литературными, психологическими и псевдофилософскими, отступлениями, а затем совершить его. То самое убийство, которое было предначертано в буквальном смысле этого слова. Первая часть программы была выполнена тщательно и талантливо. Да, наш герой талантлив. Он к тому же знал о разногласиях между членами жюри, и это давало ему надежду на успех: ведь он представил необычное и, надо признать, любопытное, зловещее и тем самым притягательное произведение.

Репортер улыбнулся.

— В общем-то все несложно, и не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, кто преступник... Но он предусмотрел массу деталей... и они были придуманы искусно, для того чтобы отвлечь от себя подозрение. Во-первых, зеленая накидка мосье Симони. При чем тут она? И почему мосье Симони пришел ко мне с просьбой не так шумно освещать события? Признаюсь, я долго не мог понять беспокойства нашего дорогого поэта. Оказывается, все объяснялось весьма просто. Зеленая накидка члена Гонкуровской академии играла в этом деле символическую роль. Ее зна-

ют в литературной среде Парижа, и убийца использовал ее, чтобы запутать следы, а заодно и бросить вызов обществу. Он тем самым как бы говорил: да, к убийству причастна литература, да, к убийству причастна Гонкуровская премия. Остальное все известно. Убийца застрелил букиниста и прикрыл труп накидкой. Потом он нашел золотые монеты и, желая подчеркнуть, что убийство совершено не с целью грабежа, бросил их на накидку. Но преступление раскрыли с опозданием: Убийца перед уходом распахнул ставни — и в дом забрел юродивый Фризу. Он взял и накидку и золотые монеты. Так что на этот раз инсценировка не удалась, мосье Дубуа.

Гастон Симони встал, шагнул к столику, взял стеклянную обезьянку и принялся машинально ее гладить.

— Все это очень интересно, — сказал поэт, — но расскажите о самом убийстве.

— Ну так вот, — продолжал Жозэ. — Тяга к театрализации не покидала Убийцу ни на минуту. Загадочные звонки по телефону, до того искаженный голос, что нельзя было понять, кто говорит — женщина или мужчина... О следах я не буду долго распространяться. Здесь была одна непоследовательность: ни одного отпечатка пальцев — Убийца был в перчатках — и в то же время четкие следы обуви. Очередная инсценировка. Следы мужские — сорок второго размера и женские — тридцать седьмого. Я сразу подумал, что это подлог. Ведь что стоит человеку, носящему сорок первый размер обуви, надеть туфли на номер больше? Просто надо натянуть вторую пару носков. И женщина, как вы понимаете, может поступить точно так же. Впрочем, хотя я был убежден, что все это липа, я вначале все же пытался понять, какие следы принадлежат преступнику. Мужские или женские. Или и те и другие. Но постепенно я пришел к выводу, что Убийца мог действовать только в одиночку. Было бы неосмотрительно посвящать в тайну второе лицо. Убийца принес с собой в кармане пару женской обуви и, чтобы спутать карты, оставил и свои следы и женские... Но это не главное, хотя именно это наве-

ло меня на мысль, что в данную историю замешана женщина.

Едва Жозэ произнес это, как Убийца вскочил с места. Остальное произошло так молниеносно, что все опешили.

На письменном столе лежал длинный голубоватый стальной нож, подобие испанского кинжала, который служил Гастону Симони для абсолютно мирных целей, а именно для разрезания книг. Но это было настоящее оружие, и Убийца, хотя он и выглядел подавленным, видимо, высмотрел этот кинжал и кинулся за ним.

Схватив кинжал, Убийца направил его себе в грудь, но тщетно: Жозэ рванулся и сжал ему руку.

— Я знаком с некоторыми приемами дзюдо, — улыбнулся репортер.

Теперь Убийцу держали крепко.

Один из полицейских достал наручники. Раздался щелчок. Преступник может неистовствовать сколько угодно, он обезврежен.

— Следовало это сделать раньше, мосье, — заметил репортер. — Излишняя предусмотрительность никогда не помешает.

И он продолжал свой рассказ:

— Перейду к другим обстоятельствам преступления. Первое мое подозрение: я узнал, что главный редактор крупной ежедневной газеты «Пари-Нувель» Макс Бари, опытный журналист, который ценит точную информацию и любит сенсационные заголовки, ко всему еще и поэт: мне случайно попал в руки черновик его стихотворения. Позже в камине убитого букиниста в золе было обнаружено другое стихотворение Макса Бари, вырванное из рукописного сборника. Странное стечение обстоятельств: Бари родился в Муассаке, там у него старая тетя и домик, оставшийся от родителей, куда он любит приезжать время от времени, чтобы собраться с мыслями и позабавиться с музой. Все это прекрасно, поэтично и умилительно. Бари довольно хорошо знал привычки старого букиниста. Да и кому в Муассаке они не были известны? Этот старик давал пищу кумушкам,

когда у них иссякали другие темы. Вот вам первое звено, связывающее преступление с «Пари-Нувель». И тут я вспомнил об одном методе, который хоть и не нов, однако заслуживает внимания. Обычно как действуют полицейские и все, кто занимается расследованием преступлений? Они выискивают как можно больше подробностей и улик. Потом выбирают из накопленного материала те сведения, которые ведут к одной точке, к одному человеку, и когда против него собирается достаточно улик и доказательств виновности, полиция его арестовывает. Но представьте себе такого преступника, который решил сыграть именно на этом. Он оставит столько улик, что невольно должна будет возникнуть мысль: это слишком красиво, слишком легко, слишком ясно, здесь что-то не так. И преступник окажется вне подозрений именно потому, что против него слишком много улик... Извините, что я так долго задерживаю ваше внимание, но, признаться, эта гипотеза долго не давала мне покоя. Пожалуй, из-за этого мое расследование так и затянулось.

— Ну, это было бы слишком изобретательно,— вставил Симони.

— О, убийцы иногда бывают очень изобретательны! — улыбнулся Жозэ.

— Меня в вашем рассказе, — продолжал Симони, — больше всего заинтересовала история с анонимными письмами в Муассаке.

— Ах, это вы о записке, где был нарисован череп? Проще простого. Убийца сунул ее в жилетный карман покойника, но ее заметили не сразу. Поэтому и сложилось впечатление, будто преступник положил ее в карман убитого некоторое время спустя...

— Нет, я говорю об анонимном письме следователю, — сказал Симони. — О письме, в котором сообщалось, что найденные в куче пепла стихи написаны Бари.

— Тоже очень просто, — ответил Жозэ. — Это письмо опустила в ящик тетя Бари. Она одна во всем Муассаке могла это сделать. В противном слу-

чае следовало бы признать, что Убийца, которого я выслеживал в Париже, одновременно находился и в Муассаке. Тетя, по всей видимости, получила письмо, написанное на машинке, на редакционном бланке. В нем племянник просил ее бросить в ящик вот это самое письмо, о котором идет речь, а оно, естественно, прилагалось в заклеенном конверте.

Репортер закурил новую сигарету.

— Вот как было совершено преступление. Убийца тщательно распределил свое время. Он прибыл в Муассак вечерним поездом и отбыл утренним. У него, скорее всего, был взят билет туда и обратно. Он не зашел ни в гостиницу, ни в кафе. Его никто не видел. О нем могли бы сказать так: кто-то торопливо протянул свой билет контролеру, выскользнул на улицу и смешался с толпой. Убийца приехал вечером. Сейчас темнеет рано. Он направился к дому тети Бари. Там очень тихий район. Думаю, что сперва Убийца намеревался проникнуть в дом, как вор, хотя бы через окно, которое выходит в сад. Но ему повезло. Это оказалось ненужным. Мне удалось восстановить все детали. Я был в гостях у этой дамы. Она мне призналась, что в ночь убийства она забыла запереть дверь. На самом же деле все было не так. Тетя Бари заперла дверь, но кто-то после этого вышел из дому, кто-то, кто не мог снова запереть замок. Этот «кто-то» и был Убийца, которого мы именуем мосье Дюбуа. Что же произошло? Мосье Дюбуа решил выкрасть рукопись Бари, но в тот момент, когда он подходил к дому, он увидел, что старушка вышла в бакалейную лавку, которая находится по соседству, метрах в пятидесяти. Это совсем близко, и тетя Бари не заперла дверь. Убийца зашел в дом и довольно уверенным шагом — он заранее узнал план квартиры — направился в кабинет Бари. Порывшись в столе, он нашел рукопись. Вернулась хозяйка и заперла дверь... Убийца остался в доме. Где он мог найти лучшее убежище? На улице было очень ветрено. Старушка не подозревала, что кто-то забрался к ней. Она хлопотала по хозяйству, потом

поужинала и ушла спать. Убийца выжидал. Но вот наступило время действовать. Он выскользнул в переднюю, отпер замок, отодвинул засов и пошел к дому букиниста. Ночь была очень темная, улицы — пустынны. Такие маленькие городки вечером бывают безлюдны. Мосье Дубуа совершил задуманное преступление, расставил декорации и исчез, соблюдая все меры предосторожности.

— А на следующее утро он уже был в Париже и присутствовал при объявлении Гонкуровской премии этого года, — вставил Бари.

— Конечно!

— Да, — задумчиво протянул Бари, — вы хорошо поработали, дорогой Жозэ, но ваш коронный номер — это то, что вы сумели вывести Убийцу из себя, спровоцировали его.

— Видите ли, — вернулся к своему рассказу репортер, — мне нужно было получить подтверждение своим догадкам. У меня было несколько веских доказательств и почти твердая уверенность, что преступление совершено человеком, помешанным на литературной славе. Мосье Дубуа хотел любой ценой добиться лаврового венка Гонкуровской премии. Сказать ему, что он недостоин этого, означало чудовищно оскорбить его, нанести ему удар в самое больное место. Тут-то мне и пришло в голову распространить слух, что роман «Молчание Гарпократа» ничего не стоит, и я прибегнул к помощи Воллара, предложив ему написать разносную статью.

Репортер улыбнулся.

— Литературная критика призывалась, так сказать, на помощь правосудию. Благородная миссия! И, конечно, Убийца, вернее — одержимый литератор, среагировал соответственно своей своеобразной психике: он решил убрать Воллара. Одно преступление влекло за собой второе. Вот почему мы и устроили сегодня небольшой спектакль. Гастон Симони с Волларом собирались поужинать в ресторане. Я постарался, чтобы Убийца узнал об этом. После ужина мосье Воллар поехал провожать мосье Симони на на-

бережную Анжу. Это очень тихий квартал, он вполне подходил для осуществления замысла мосье Дубуа. К счастью, мы приняли меры предосторожности и мосье Дубуа не смог отомстить своему критику. Признаюсь, что мы играли с огнем, и приношу извинения мосье Воллару, который подвергался риску получить пулю в лоб.

Воллар скорчил шутливую гримасу: чепуха!

Симони, вздохнув, сказал:

— Ловко задумано. Другими словами, вы просто сыграли на тщеславии Убийцы.

— Совершенно верно. Когда я раскритиковал его произведение и сказал, что с литературной точки зрения оно не представляет большой ценности, он помимо своей воли переменился в лице. И я это заметил.

— Ну и дела! — проговорил поэт.

— Но мы не в убытке, — заметил Воллар. — У нас есть и лауреат и Убийца. А знаете, здраво поразмыслив, я все-таки пришел к выводу, что роман нельзя назвать гениальным. Возможно, он и гениален с точки зрения уголовной и полицейской, но не литературной. Словом, моя критическая статья остается в силе, и она поможет нам покончить с этим делом.

— Но вы говорили мне, — обратился Бари к Жозэ, — что до последней минуты у вас все-таки были сомнения.

— Да, — подтвердил Жозэ.—Убийца обеспечил себя довольно вескими алиби. Сейчас я вам все расскажу.

Жозэ помолчал, пристально глядя на Убийцу, сидевшего на стуле с поникшей головой.

— Я не думал, мосье д'Аржан, что вы способны на такое, — медленно сказал репортер.

Раздался звон наручников. Д'Аржан поднял голову и злобно улыбнулся.

— А я не думал, мосье Робен, что вы так хитры,— проговорил он хриплым голосом.

Жозэ пожал плечами. В общем-то Убийца скорее всего маньяк, человек немного тронутый, несмотря на все его ухищрения.

— Да, — начал Жозэ, — одна вещь оставалась для

меня загадочной до самого конца. Д'Аржан был ранен Убийцей. Так, во всяком случае, я считал. Я сам видел царапину на плече д'Аржана. И видел пробитые стекла в лифте. Версия д'Аржана была вполне приемлема. Первая пуля пролетела, не задев его, после чего, как он утверждал, он потерял голову, кинулся в лифт, забыв, что в кабине автоматически включается свет, как только в нее заходят. И, как он сказал, в этот момент Убийца выстрелил в него второй раз. Все это выглядело вполне правдоподобно. Но если д'Аржан — Убийца — а это все больше и больше подтверждалось, — значит, это ложь.

— Ну, так как же все произошло на самом деле? — спросил Воллар. — Кто стрелял в д'Аржана?

— Есть ответ и на эту загадку, — улыбнулся Жозэ. — В д'Аржана стрелял д'Аржан. Первый выстрел, который, как он мне сказал, был сделан с улицы, он сделал сам, целясь себе в плечо. Спросите у специалиста, он вам подтвердит, что это возможно. Д'Аржан, конечно, шел на риск. Пуля могла пройти глубже. Но ему повезло, он даже не очень сильно прожег свой пиджак. А когда стреляют в упор — это трудно, для этого нужно быть виртуозом. Должно быть, он до предела вытянул руку вперед и изогнул кисть руки. Но я, повторяю, разговаривал со специалистом, и он подтвердил, что это возможно.

— А второй выстрел? — спросил Симони.

— Второй раз д'Аржан выстрелил в пустую кабину. Я был не прав, считая, что один человек находился в кабине, а другой — снаружи.

— Да и зачем Убийце было стрелять в д'Аржана, — добавила Рози Соваж.

— Нет, простите, — перебил ее Жозэ. — Я имел право предположить, что д'Аржан ему попался на пути и Убийца хотел убрать случайного свидетеля. Кстати, д'Аржан именно на это и намекал мне.

— Ну и история, — покачал головой Симони. — Признаться, мне до сих пор все это кажется дурным сном. Преступление ради литературной славы! Я впервые сталкиваюсь с таким явлением. В сущности, это довольно характерно для нашей эпохи. Нам следовало

более продуманно подойти к присуждению премии. Мы увенчали лавровым венком преступника.

— Да, — сказал Бари. — А пресса, в свою очередь, напрасно с такой поспешностью раздула все это дело. Она действовала на руку Убийце. Кровь на первой полосе! Нездоровое, извращенное тщеславие!

— Конечно, — согласился Жозэ. — Но вы сами знаете, да и врачи это утверждают, что все преступники неполноценные люди. Мне кажется, что и у этого, несмотря на изощренность его ума, не все дома. Он не нашел своей дороги в жизни. Когда я был в Муассаке, я любовался великолепными барельефами и скульптурами монастыря Сен-Пьер. Там есть одна сцена, которая изображает старую притчу о Пиршестве богача. Так вот, д'Аржан — не подумайте, что я хочу в какой-то степени снять с него вину, — оказался в положении бедняка за столом богача. Кем он был? Знающим, ловким литературным обозревателем. Он хорошо вел литературную хронику, давал живые, интересные статьи, много лет присутствовал при объявлении литературных премий. И каждый раз премия доставалась не ему, а кому-то другому. Он оставался ломовой лошадью, чернорабочим, выполняющим невидимую работу. Он написал роман, который приняли кисло. В газетах появилось несколько вежливых, сухих критических статеек — и все. Вот тогда-то его душу и начали разъедать злоба и зависть. Он жаждал признания. Постепенно он отказался от надежды завоевать славу обычным путем и разработал свой чудовищный план. Он знал, что Бари на досуге пописывает стихи...

Жозэ сделал паузу.

— Мне кажется, что преступника особенно приводило в ярость то, что вот, например, Бари сочиняет стихи и не придает этому особого значения, не гонится за литературной славой и не собирается издавать их, а пишет для себя, для своих друзей. Да, поведение Бари ожесточило д'Аржана. Он навел справки о своем редакторе, расспросил его самого, узнал о существовании тети и старого дома в Муассаке... И начал готовить свое преступление. Он наверняка заранее побывал в Муассаке, побывал, как и все, в старом

монастыре и набрел на эту странную букинистическую лавку, владельцем которой был Гюстав Мюэ. Фамилия букиниста поразила его. Он поразмыслил, расспросил соседей, порылся в книгах, начал плести канву, отталкиваясь от этой фамилии: Мюэ — немой.

— Вот тогда-то и родилось «Молчание Гарпократа», — тихо вставила Рози.

— Да, — сказал Жозэ. — Даже в выборе псевдонима Поля Дубуа я вижу все то же стремление бросить вызов обществу. Д'Аржан взял очень распространенную фамилию «Дюбуа», но превратил ее в необычную, заменив «ю» на «у».

Обернувшись к Убийце, репортер спросил:

— Ну как, дорогой друг, разве я не прав?

Убийца передернул плечами и раздраженно сказал:

— О, вы очень проницательны, вы многое узнали, но не все. Всего вы никогда не узнаете.

И он уронил голову на грудь. Его худое лицо исказила чудовищная ненависть. Д'Аржан всегда слыл элегантным молодым человеком с довольно аристократическими манерами, но сейчас это было жалкое, опустившееся существо.

— Что же нам остается узнать? — мягко спросил Жозэ. — Разве мы не все выяснили? Вы попытались бросить тень на Бари, написали в Муассак его тете на бланке главного редактора. Письмо было отпечатано на машинке. У старушки, обожающей своего племянника, оно не вызвало никаких подозрений. В общем вы предусмотрели все, но об одном не подумали: вы сделали его слишком незаурядным преступлением. Вот это и помогло мне распутать весь клубок. Все ваше поведение говорило об озлобленности, страшной озлобленности.

Д'Аржан не шелохнулся.

Он так и сидел, понурив голову, опустив плечи, с закрытыми глазами. Из него уже ничего нельзя было вытянуть.

Несколько дней спустя писатель Жюль Воллар встретился с репортером Жозэ Робеном. Обменявшись

приветствиями, они заговорили о событиях, которыми были заполнены все газеты.

— Скажите, дорогой мой, что же подразумевал д'Аржан, говоря, что мы чего-то никогда не узнаем?

Жозэ развел руками.

— Мы не надеялись понять все его поступки и узнать, чем они были вызваны. Чтобы полностью восстановить всю картину, нужно проделать очень кропотливую работу, а на это требуется время и терпение. Но у меня вызывают сомнение его слова. Хотя, пожалуй, он прав. Все узнать очень трудно. Кто такой д'Аржан? Молодой человек из приличной семьи. Их род, кажется, довольно старинный. Но герб д'Аржанов давно уже потускнел. Сам д'Аржан, хоть и не бедствовал, всегда был стеснен в средствах. Он вынужден был писать статейки, корпеть над хроникой. А он считал, что рожден для совсем иной судьбы... Но это лишь домыслы... Интересно, конечно, было бы узнать истину...

— Да, правильно, — проговорил Воллар. — И потом, он жил один. У него не было ни друзей, ни любовницы... Одиночество, полное одиночество.

— Опасное одиночество. Есть еще одна причина — только пусть это останется между нами, — но мне кажется, что д'Аржан был влюблен в Рози Соваж. И он заметил, что между нею и нашим шефом Максом Бари устанавливаются все более нежные отношения. Но я не стал говорить об этом. У правосудия и без того достаточно материала.

— Конечно. Тем более что основную побудительную причину вы определили правильно. Ему вскружили голову лавры Гонкуровской премии.

Так беседовали Робен и Воллар, пробираясь сквозь парижскую толпу.

Париж был подернут сумеречной дымкой. Прохожие спешили по своим делам. За пеленой тумана чернели массивы домов. Тысячи людей сновали по тротуарам, бесконечные вереницы машин тянулись по мостовой... Зимний Париж: блестящий асфальт, темные, почти черные стены; неоновые вывески — единственное, что вносило яркие краски в серый пейзаж. Не-

смолкаемый городской гул окружал Робена и Воллара.

— Толпа... — задумчиво произнес Воллар.

— Что вы хотите сказать? — спросил Жозэ.

— У нас неправильное отношение к толпе. Толпа не безликая масса. Нужно научиться видеть лица.

— Вы правы, — согласился журналист. — Нельзя судить о человеке по его внешности. В каждом человеке кроется что-нибудь свое, но что именно?..

— Вот это мы и должны раскрыть.

— Да, таково уж наше ремесло, — улыбнулся Жозэ. И, вытянув вперед руку, он сказал:

— Дорогой Воллар, видите вон там на углу кабачок?

— С виду он неприглядный... Вы меня пугаете. Хозяин убил кого-нибудь?

— Нет, нет. Кабатчик честный малый. Он родом с берегов Гаронны и подаст нам такое белое вино, что пальчики оближете. А что вы скажете о хорошем куске ветчины, привезенной с Гаронны? Такая пища обогащает литературу. А после вы мне расскажете о романе, над которым сейчас работаете. Надеюсь, он веселый. Я обожаю веселые истории.

Перевела с английского И. Эрбург

коротко об авторах

ЗБИГНЕВ НЕНАЦКИЙ — представитель послевоенной молодой польской литературы. Первую свою книгу — приключенческую повесть об археологической экспедиции в Поморье — «Урочище» писатель опубликовал в 1957 году. Затем выходят повести «Сокровища Атанарика» и «Разрешение на провоз льва». Последняя — о русских землепроходцах в Сибири. Творческий диапазон молодого писателя очень широк: от приключенческой остросюжетной повести и детектива до глубоко психологических многоплановых произведений (роман «Совесть»).

Напряженный динамический сюжет — характерная черта всего творчества писателя.

На русский язык переведены «Пробуждение» — повесть о становлении новых отношений в сегодняшней деревне, о новых людях и их борьбе за преобразование послевоенной Польши; «Трость с секретом» — остросюжетная повесть о работниках милиции и «Операция «Хрустальное зеркало» — польское название «Иудин мешок».

ФРИДРИХ ДЮРРЕНМАТТ — известный современный швейцарский писатель и драматург, родился в 1921 году в городишке Конольфинген под Берном. Окончил Цюрихский и Бернский университеты, где изучал философию, филологию, естественные науки, историю искусства и живопись. Активно сотрудничает в сатирической печати Швейцарии и ФРГ. Ф. Дюрренматт — автор широко популярных радио- и телекомпозиций. Первое драматургическое произведение опубликовал в 1947 году («В писании сказано...»). Затем появляются его пьесы «Брак господина Миссисипи» (1952 г.), «Ангел спускается в Вавилон» (1954 г.), в которых писатель мастерски изображает буржуазные нравы современных толстосумов, в удачной гротескной форме показывает их антигуманистическую сущность.

Всемирную известность принесли писателю пьесы «Визит пожилой дамы» (1956 г.) и «Физики» (1961 г.), с успехом прошедшие и на сценах советских театров.

В 1952 году выходит сборинк рассказов «Город».

На русский язык переведены, кроме названных пьес, «криминалистические» романы «Судья и палач», «Обещание» и «Аварня».

Фридрнху Дюрренматту неоднократно прнсуждалнсь различные международные лнтературные премни.

АГАТА КРИСТИ — известная английская писательница, автор многочисленных романов и пьес детективного жанра. Родилась в 1891 году в городишке Торки Средней Англии. В годы первой мировой войны работала сестрой милосердия. Первый свой роман, сразу же принесший ей писательский успех, опубликовала в 1920 году («Таинственная история»). С тех пор писательницей издано около 60 романов, 20 пьес и большое количество рассказов. Продолжая традиции Конан-Дойла, Агата Кристи делает главным действующим лицом большинства своих произведений одного героя — сыщика-бельгийца Эркюля Пуаро, обладающего удивительной способностью расследовать самые запутанные ситуации, находить следы самых невероятных преступлений. Сообразительность, энергия, доброта и доверчивое отношение к людям сделали Эркюля Пуаро популярным среди читателей. Романы Агаты Кристи относятся к жанру так называемого «интуитивного детектива», в котором преступление раскрывается не при помощи исследования фактов и следов конкретных улик, оставленных преступником, или других доказательств, а с помощью психологической проницательности, которой обладают ее герои, расследующие преступления.

ПЬЕР ГАМАРРА — известный французский писатель-коммунист. Родился в 1918 году на юге Франции, в городе Тулузе. Много лет преподавал в школе, потом работал в газете, был специальным корреспондентом прогрессивных газет. Сейчас возглавляет работу одного из крупнейших журналов Франции — «Эроп», основанного в 1923 году Роменом Ролланом.

Пьер Гамарра известен советскому читателю романами «Дети нищеты» (1950 г.), «Пиренейская рапсодия» (1963 г.) и «Убийце — Гонкуровская премия» (1963 г.), сборником новелл

«Руки людей» и приключеической повестью «Тайна Пернатого Змея», отмеченного специальиой премией за кннги для юношества.

Во время второй мировой войны Гамарра актнвио участвует в движении Сопротивлеиия, пишет стихи и листовки. Его жизнь и творчество нераздельио связаиы с самыми передовыми идеалами века, с борьбой за мнр.

В его романах, рассказах и повестях рассказывается о простых людях Франции, о людях труда и борьбы. Кроме уже известных советскому чнтателю кинг, им иаписаны романы «Огиенный дом», «Полночные петухи», «Снреиь Сен-Лазара», «Школьиый учитель», «Жена Снмона» и повесть «Сады аллаха».

Пьер Гамарра — вериый друг Советского Союза. Его корреспондеицни и статьи нередко появляются на страиицах иаших крупиейших газет.

СОДЕРЖАНИЕ

Приложение к журналу «Сельская молодежь», том 3. М., «Молодая гвардия», 1966. 480 стр.

Ответственный за издание *О. Попцов*

Составитель *И. Филенков*
Оформление *А. Шипова*
Художественный редактор *Н. Михайлов*
Технический редактор *Л. Курлыкова*

Подписано к печати 1/XI 1966 г. Бум. 84×108¹/₃₂.
Печ. л 15(25,2). Уч.-изд. л. 23,3.
Тираж 165 000 экз. Заказ 1723. Цена 88 коп.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, А-30, Сущевская, 21.

3